

Валерий Горелов

НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Горелов

Недостающее звено

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67800326

SelfPub; 2022

Аннотация

Талантливый юный боксер из крошечного городка на севере Сахалина хочет другой жизни. Нефтяной промысел, грязная речка, общая баня с паром из трубы, пивнушка, болезни и голод – вот, что окружает его. Он находит поддержку в людях вокруг: добрых библиотекарях, любимом тренере, соратниках по боксерскому ремеслу. Однако не все хотят, чтобы он смог исполнить свою мечту. Козни, интриги и даже нападения – сможет ли герой все преодолеть?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть I. Ужимки справедливости	4
Часть II. В последний бой	395
Часть III. Военная тайна	455
Часть IV. Родник	556

Валерий Горелов

Недостающее звено

Часть I. Ужимки справедливости

Сэн Катаяма (26.12.1859–5.11.1933) родился в деревне Хадеги, провинция Мимасака. Умер в городе Москве. Марксистский политический активист, один из первых членов американской коммунистической партии, а в 1922-м году – соучредитель коммунистической партии Японии. Окончил коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина, учебное заведение Коминтерна, а также Йельскую богословскую школу. Активист мирового социалистического, а потом и коммунистического сообщества. В период японской нефтяной концессии северного Сахалина (1925–1944), похоже в угоду коммунистическим управителям в Москве, главный культурный центр, построенный японцами на северном Сахалине, был наречен в его честь. Это было в год смерти С. Катаямы. Тело его кремировали, а пепел захоронили в Кремлевской стене на Красной площади. Этот клуб Сэна Катаямы вместе с построенным японским консульством, увенчанным башенкой, были самыми значительными архитектурными постройками, как и выстроенные тут же бараки.

Баракы были с наружной стороны из профильного металлического листа, а внутри покрыты штукатуркой по металлической сетке. Отапливались печами на мазуте. В каждой комнате проживало по четыре-пять человек. Таким образцово-показательным участком был 24-й. И хотя там, как и везде, сортиры были на улице, а отходы выплескивались из ведер прямо с крыльца, баракы концессионных рабочих были на порядок комфортнее и чище, чем те баракы, обитые толью, которые с 17-го участка начал строить трест «Сахалиннефть».

Как служил, образовывал и просвещал в эти былинные годы клуб имени выпускника сталинского университета и богословской школы, можно только предполагать, но его архитектуру, канделябры, вентиляцию и бронзовые светильники и я уже узрел. В 1944-м году концессия была свернута в 24 часа. Японцы должны были быть выселены со всей территории их экономического присутствия. Они за эти сутки успели сбросить в залив огромное количество нефти, заготовленной для вывозки, и кое-что успели испортить и сломать. Но не очень многое из того, чего бы хотелось. Клуб остался целехонький, но как бы уже не мог оставаться под японским, хоть и коммунистическим, именем. Нашли имя, которое соответствовало и местной обстановке, и генеральной линии. И даже вроде с этой инициативой выступили местные партийные органы. Клуб был переименован в «Имени Щербакова Александра Сергеевича» (1901–10.09.1945), Первого

секретаря Московского обкома и маршала информационно-идеологического фронта. Тело его было также кремировано, а пепел сохранен в пантеоне Кремлевской стены на Красной площади. С 1945-го года клуб стал зваться «Имени А. С. Щербакова», а с моих детских лет – просто «Клуб Щербакова».

К середине 60-х я там, на удобных концессионных стульях, за десять копеек много чего пересмотрел. Как мне сейчас кажется, и совсем даже не очень идеологически безвредных фильмов, таких как «Сказка о потерянном времени», «Три толстяка», «Королевство кривых зеркал» и даже «Седьмое путешествие Синдбада». Но для меня, пацана, жившего рядом с клубом на том самом, 17-ом участке, клуб был не только местом зрелищ. Самым важным в нем была библиотека на втором этаже. Она была маленькая и скученная, но главной ее ценностью была библиотекарша – добрая женщина, понимающая свою профессию и явно любящая людей. Я до сих пор ясно помню ее образ, но, к сожалению, боюсь ошибиться в имени. Когда я прочитал все, что там хоть как-то соответствовало возрасту, принялся с ее молчаливого согласия за то, что не соответствовало ему, а это, наверное, начиналось с Т. Драйзера и Флобера, Достоевского и Хемингуэя. Где понимал – радовался, а где блудил – настырно вчитывался. Где-то уже к этому времени Гарсия Маркес написал свои «100 лет одиночества», но, к сожалению, это произведение я прочитал, будучи уже совсем взрос-

лым. И когда читал, вдруг понял для себя, что какой бы ни была идеологическая вывеска, главным в созревании мозга все равно будет библиотекарь, даже если одиночество длится век.

Я сейчас несколько повторяюсь, и я раньше вспоминал эти мотивы, но, чтобы ясно объясниться, нужно начать с начала. А то начало начинается ниоткуда, то есть продолжение всего началось в тех же 60-х, и торжественно построилось к 7 ноября 1967-го года, ко дню победы на поле брани за всеобщее человеческое счастье и равенство. К 50-летию Октябрьской революции перестроили местную архитектуру, дабы приурочить к дате, ввели в строй Дворец культуры, теперь главный очаг служения свету, и еще соответствующий тому времени модный кинотеатр. Это послужило причиной того, что клуб имени Щербакова стал просто не нужен, и его ликвидировали вместе с моей библиотекой. Теперь он тоже будет называться Дворцом, но спорта, да еще на соседнем со мной бугре откроется точка общепита под названием «пивбар «Минутка». На смену толстой книге придет большая и пузатая пивная кружка. А спорт как-то не очень спешил стать неотъемлемой частью жизни застроенных бараками и частными хижинами бугров. Зимой эти бугры наглухо запечатывало снегом, а с весны они заплывали непроходимой грязью, и те дорожки, что вели к спорту, были трудно проходимы.

В этом дворце первоочередным спортом стал бокс, он был с большим местным колоритом, и, по сравнению с масшта-

бами населения этой суровой земли, его было много. Только он был совсем не такой, каким его в 668-м году до нашей эры включили в программу античных Олимпийских игр. И уж точно не такой, каким его придумали как контактный спорт в XVII веке в Англии, и в 1904-м году сделали олимпийской дисциплиной. Как-то так случилось, что в моей земле обетованной бокс стал не спортом и не физкультурой, которая каким-то тайным образом должна оздоравливать. Он стал частью скелета того уродливого социально-бытового тела, частью крепежной арматуры, наравне с пышными лозунгами, горячими призывами, жандармерией, спиртом и пивбарами. Это произошло задолго до меня, вероятно с первыми переселенцами, где кулаки были веским и, порой, единственным законом и аргументом. Здесь бокс не стремился к победам и званиям, он просто был, как пример заботы о здоровье тела и мозга. Бокс был не английский, но и не советский, он был социализированный. Больше никакой заметной физкультуры не было: кто-то пытался во что-то играть, по-любительски и в полной беспомощности в смысле содержания. А на бокс давали деньги, какой-то отдельной и тайной строкой в бюджете города. Но он как-то развивался в себе самом. Любые соревнования в результате становились вторичными – главное, чтобы были боксеры с крепкими кулаками и бронированными лбами. И такие были.

По прошествии времени я пытался найти логичное объяснение такой заботе о здоровье населения. На ум приходит

только одно – в отдаленных каторжных областях после амнистии и так называемой «хрущевской оттепели» скопилось большое количество гулаговских сидельцев разных мастей и окрасов. Они настойчиво стали объединяться по своим правилам и законам лагерного общежития, и активно пошли в наступление не только на улицы. Либерализация уголовного законодательства ставила под угрозу авторитет комсомола, вожди которого к этому времени стали аппаратчиками, но никак не лидерами. В школах и ремеслухах пугающими темпами расцветало большое уличное право. ГТО и БГТО до такой степени накрыли идеологически, что остался только костер патриотического пыла, а сила и ловкость как-то ушли на далекий рубеж. В боксе власти увидели то, что сможет противостоять туберкулезному уголовному братству – улицы должны были чистить для митингов и демонстраций. У города была своя боксерская история, без побед в турнирах и больших званий, но была. Скуластые и лобастые боксеры, если сами и плохо работали на производстве, то активно, параллельно с общественными порицателями, помогали воспитывать тех, кто был на блатной ноге. Они не были штрейкбрехерами, они были воспитателями, и их с удовольствием ставили бригадирами на тяжелых физических работах, а таких в то время хватало. У них, как правило, не было мозгов, а были кулаки, и крови они совсем не боялись. Зато их боялись и жены, и соседи, и родственники, а они, в свою очередь, боялись и уважали власть, чего не скажешь об уголов-

никах. Нужна была управляемая физическая сила, это была трактовка древнейшей доктрины – разделяй и властвуй.

После непродолжительной либерализации пришло время дегуманизации; уголовников надо было возвращать в лагеря. Любой заточенный гвоздь, отвертка или розочка от бутылки становились причиной реальных посадок. За складной нож в кармане могли запросто насчитать, как, впрочем, и за кухонный, если он был не на кухне. Здесь чугунные кулаки и бычьи шеи были верными попутчиками социалистического строительства. Где-то был бокс высоких достижений, золотые пьедесталы и почетные звания, но все это было в других частях страны, а тут, в колониально-сырьевых землях, у этого спорта был другой ранжир. В 1967-м году, с открытием Дворца спорта бокс, ожидаемо, превратился в местную академию.

Я приду туда в 13 лет, пытаюсь как-то возместить библиотечный досуг. Кто-то уже начинал пробовать себя в пивбаре, а я пошел в спортзал. Правда, способностей к этому делу у меня, по правде, совсем не было. Хотя рахитичные от рождения ноги вроде как чуть выровнялись, но атлетической силы в них не было, как и в руках. Но весовые категории были разные, и меня взяли, наверно, с расчетом, что долго не прохожу. Рядом бегали и прыгали сверстники, но было чувство, что многие из них уже и родились боксерами. Они были кряжистыми, хмурыми и сильно сопели в бою с тенью. Я тоже бегал, скакал, отжимался и, на удивление, стал чув-

ствовать, что крепчаю. Но эти ощущения появились только через год, в течение которого перчатки мне не выдавали, хотя мне очень того хотелось. Не выдавали, похоже, лишь по той причине, что на всех их не хватало, и получали их особо кряжистые и хмурые – те, кто казались перспективными. Тренеры были примерно такого же обличия: они ходили в синих трико и боксерках, были очень кряжистые, по-боксерски дерганые и предельно хмурые. Когда они были не с нами в зале, то топтались у стойки буфета, где переговаривались какими-то особыми боксерскими выражениями. Но однажды в среду в двери зала затащили огромный мешок. В нем были вожделенные перчатки, их было много, притом разномастных, сильно вонючих и рваных. Сбитые в камни конские волосы вроде как были отдельно, а порепанная, рваная кожа – отдельно. Те, кто желал, мог взять их домой для починки, а потом тренироваться. Я, конечно же, взял и по пояс в снегу гордо понес их домой.

Бабушка опечаленно вздыхала и совсем не верила, что такими бьют друг друга по лицу. Она долго искала какой-то годный материал для латок. Поутру я понял, что она, бедолажка, не спала всю ночь, чтобы этому разбитому и провонявшемуся хламу придать нужную форму. Но у нее получилось, и она даже шнуровку скрутила из брезента старого плаща. Перчатки были громоздкими, тяжелыми, в них детский кулак никак не фиксировался, но это были настоящие перчатки! И в пятницу я стоял напротив своего спарринг-парт-

нера, такого же, как я, но кряжистого и хмурого, а значит перспективного. Да помимо того, он был в хороших блестящих черных перчатках, и мы начали состязаться. Пока я пытался как-то унять перчатки на своих кулаках, получил в нос, и тоненькая струйка потекла на губы. Но по истечении пяти секунд я ему тоже разбил нос, он оторопел, опустил руки, и глаза у него намокли. Тогда тренер снял с него перчатки и отдал мне, а тот мальчик больше не ходил в зал. Это была хоть и необъявленная, но победа, над самим собой наверное.

Нас, как несовершеннолетних, никуда не привлекали, а старших я видел дежурящими на автобусной остановке. Но там я их наблюдал всего пять минут, и по их истечении они, уже без повязок дружинников, протискивались в узкие двери пивбара. А в зале с взрослыми мы почти не встречались, только в раздевалках. Их забинтованные руки, покатые мускулистые плечи и настоящие боксерки на ногах приводили нас, детей, в сильное волнение. Они тренировались в другом зале, при закрытой двери. Оттуда мы слышали оглушительные хлопки по лапам, удары по мешкам и грушам и шумные спарринги на настоящем ринге. А я тянул свою детскую лямку, старательно трудился и не заглядывал подобострастно в глаза тренерам, тем более, что взгляд у них не всегда был свеж и понятен.

Но однажды я все же попал на настоящий ринг. Прошли как бы соревнования, между своими, со взвешиванием, гонгом, судейством и даже горсточкой зрителей. Я победил в

своей весовой категории своей возрастной группы, и мою руку поднял рефери. И с этого дня я почувствовал ко всему этому интерес, может быть не такой, как к библиотеке, которая к этому времени была перенесена или совсем упразднена, но интерес был зовущий и настойчивый. Я стал готовиться к юношескому первенству города; тренеров было много, если были какие-то площадки, там всегда возникали секции. Город если не воспитывал мастеров, то бить крепко и уворачиваться ловко учил. Было два основных места обитания боксеров: наш Дворец спорта и Дом пионеров, название которого в произношении наших взрослых боксеров звучало почему-то как «пионэров». Вроде как это был символ какого-то особого их отношения, причем явно не восторженного.

Но выступать на юношеском первенстве города мне не случилось. «Командировка» в Хакасию, а потом болезнь больше чем на год убрали меня из этого физкультурного движения. Но когда это все закончилось, и меня все же взяли в восьмой класс школы, а в секцию не приняли, потому что у меня была уже сомнительная репутация, я почувствовал себя каким-то изгоем, обремененным чем-то нехорошим, и что дружить со мной греховно и опасно. Конечно, можно было бросить этот бокс, но я, со своим упрямым характером, ушел заниматься в Дом «пионэров». Ходить стало далеко, через марь, особенно это расстояние отбирало много сил зимой, когда многоснежные бураны оккупировали весь видимый мир. Но я без пропуска, по ветру и морозу ползал со сво-

ей дерматиновой сумкой, которая на холоде смерзлась колом, в то деревянное здание, на коньке которого был огромный «пентограф» в круге, непонятно кем туда возведенный. Тренер был маленький, легкий и подвижный, с тонкой шей и совсем не кряжистый. Он был хорошим тренером, да и буфетной стойки с бутылочным пивом не было в Доме «пионэров», зато в конце длинного коридора стоял ринг, на который пускали всех. Здесь были только юноши и совсем дети. Взрослые тренировались только в одном месте – Дворце спорта. Туда сгоняли всех городских дяденек – кого спарринговать, кого по лапам постучать. А я, вроде так и не став уголовником, хотя и был уже туда причислен, остался как бы спортсменом.

А с моей одноклассницей и первой любовью, с учетом моей сомнительной репутации, даже танго станцевать не дали на школьном новогоднем вечере. А я-то пришел туда начищенный и наглаженный, а от нее пахло духами «Весенний ландыш», как будто и не было зимы на дворе. Мне очень хотелось с ней потанцевать под сводившую всех моих сверстников с ума песню про Ладу, которой не надо хмуриться. Пройдет год, и на новогодней вечеринке, но уже во Дворце культуры, со мной пойдет танцевать медленный танец другая девушка, и под другую песню, которая называлась «Неотправленное письмо». Так вот, мы с ней во восторгах новогодней елки и в лентах серпантина вроде как поцеловались. Наверное, так и случается: после первой любви приходит

вторая. Потом я ее проводил, она жила совсем недалеко, как раз между Дворцом культуры и Домом пионеров, в престижном тогда трехэтажном доме, с мамой, в маленькой квартирке на втором этаже, и еще раз поцеловались в подъезде. А когда я через день после тренировки кинул ей в оконную раму снежок, она мне приветливо помахала. И я вдруг понял, что желанный, а девушка была старше меня на год и, наверное, поумнее. Ну, точно, она была активная участница местных городских мероприятий. Как мне рассказали, она под патронажем своей мамы, торгово-складского специалиста, участвовала, хоть и не на больших ролях, и в выборах, и в разных общественных подписях и учетах. А кроме того, была секретарем по учету призывников в военкомате. Мама ее инструктировала всем нравиться и не быть душой в жизни. А я еще два раза ходил под эти окна, там на меня больше никак не реагировали, но все равно, вроде по пути после тренировки я выбирал эту дорожку. И вот, я пришел в третий раз, он был последний. Тогда мне хорошо досталось по носу, он у меня всегда был слабый, и хоть и не ломался, но прилично кровил. И вот я поперся, герой-любовник, с кляпом в каждой ноздре. В этот зимний вечер ее окно очень ярко светилось, да еще оттуда подмигивала пара фонариков, пока не умерщвленных с нового года. Сугроб намело почти вровень с окном, и я туда забрался, прямо с желанием для нее стих на снегу написать, но – увы. Она появилась на фоне тонкого тюля рядом с большим, совсем уже взрослым мужчиной.

Они целовались, и совсем не так, как это было со мной. Там были другие поцелуи, совсем не как у Пьеро и Мальвины, скорее, как у Э. Золя в «Жерминаль», или как в кино 16+. Помню, что тогда я сильно замерз и зашел в подъезд, вроде как погреться. Там, на беленой стене, возле двери ее квартиры я тогда написал одним тампоном две буквы БЫ, а другим тампоном – две буквы ЛА, под песню, которая слышалась из-за двери и называлась «Неотправленное письмо». Так прошла моя вторая первая любовь, но, по правде, мне с ней еще придется два раза в жизни столкнуться.

Первый раз – этой же зимой и при очень странных обстоятельствах, в последние календарные дни зимы, когда валят самые сильные снегопады, но уже не так холодно. Я из окна нашего убогого, вросшего и прибитого в землю домишки в ранних сумерках увидел фигуру, которая от нашей калитки по плохо очищенной тропинке спускалась к двери. Конечно же, дверь моя открывалась внутрь, и фигура ввалилась в темный тамбур. Когда я ее уже впустил в дом, и был откинут капюшон, то увидел ее; было непонятно, то ли она ожидала меня увидеть, то ли это было для нее сюрпризом, только она резко повернулась и кинулась обратно на улицу. Я замешкался, пока что-то обул на ноги и накинул на полураздетое тело; я рванулся вслед, но она, как видение, растворилась в снежных буграх проулка. Мне потом долго хотелось думать, что она, где-то узнав адрес, приходила ко мне, а убежала, видимо, испугавшись увиденной картины бедности прожи-

вания и того самого абажура под потолком, покрытого уже желтой газетой «Правда». Но реалистичнее всего была другая версия: так как у нее в руках я заметил портфель и знал, что она – активная комсомолка и общественница, то вполне вероятно она просто совершала обход по страховке имущества, а может была агитатором по приближающимся выборам в местные Советы. А может, она хотела узнать у моей мамы, не желает ли та подписаться на новый, выигрышный, государственный займ? Вариантов было много, но почему-то после той внезапной встречи у меня огонь любви внутри поостыл. Еще раз я с ней встретился уже через годы, когда спустя два года стройбата приехал увидеть свою родину, в землю которой была закопана моя пуповина.

А в настоящем я готовился к первенству города по старшим юношам, таких было много, и они, конечно, будут драться зло и конкурентно за грамоты от профсоюза и аплодисменты зрителей. Эта возрастная категория была многочисленна и азартна и, на самом деле, спортивная – на фоне того, что взрослого бокса спортивного не было совсем. Кому-то повезло уехать учиться, а кому не повезло – уходили в армию. А те, кто сюда возвращались из Советской армии, шли на тяжелую работу – замещать своих отцов. Потом заводили семьи, и было уже не до спортивных достижений, но кое-кто находил время прийти постучать по мешкам, что становилось у них своеобразным досугом и дополнялось баней по пятницам, тоже не без соответствующих событию

напитков. А молодежи хотелось результатов, и юноши пытались их добиться на таких вот соревнованиях.

Первенство города приурочили к майским праздникам, проходило оно три дня во Дворце культуры, два дня как бы отборочные в ринге, что установили в спортивном зале Дворца. Зал был высокий, но холодный, и с зашарканным, в занозах, полом. Тут по пятницам и субботам проходили танцевальные вечера для молодежи под собственный вокально-инструментальный коллектив с названием «Космос». А финал – самый пик майских праздников, ринг планировали перетащить на сцену, и показать бои нескольких пар широкому зрителю. Там ожидалось присутствие всего местного руководства: членов партийных, комсомольских, профсоюзных и других важных организаций и их семей.

Я готовился с полной самоотдачей, которая, наверное, бывает лишь в таком нежном возрасте. Пришел тот день; я стоял в строю в составе команды Дома «пионэров» и осматривал своих будущих противников. Почти всех их я знал, и никакого страха и трепета не испытывал. Все были приодеты в новые красные майки и черные сатиновые трусы, у некоторых даже были новые китайские кеды «Два мяча», а у меня были наши, с красными загнутыми зубатыми резиновыми носами. Какой-то профсоюзный активист нас недолго, но горячо приветствовал общими фразами о значимости спорта в жизни человека и о политической важности предстоящих праздников. В первый день зрителей было немного, они рас-

селись по скамейкам вдоль стен. Много было «нашенских» боксеров, которые все время будут орать примерно одну и ту же фразу:

– По печени, а потом в голову!

Да еще галдели вообще мальчишки из начинающих. Судьи построились в ринге, они все вообще были из тех, кто по мешкам ходит стучать, но сегодня – в белых рубашках, подтянутые и серьезные. Они приветственно помахали, и главный из них стукнул молотком по тарелке гонга, что было сигналом открытия Первенства города среди молодежи.

Моя весовая категория была, похоже, самая многочисленная и, судя по количеству кряжистых и насупленных, самая целеустремленная. Вдоль ринга стоял длинный стол, по-райкомовски укрытый красной плюшевой скатертью, местами потертой, видимо, локтями заседавших, но еще по внешнему виду довольно рабочей. За этим столом на стульях с высоченными спинками, верно, сохранившимися еще со времен концессии, расположились на сегодня вершители наших судеб. В самом центре – главный судья, грузный возрастной мужчина, явно из «нашенских» – это было видно по форме его носа, явно нуждавшегося в объемной реставрации. По левую руку от него стоял секундометрист с гонгом и еще какой-то «нашенский» народ, вполне трезвый и наверняка пахнувший очень популярной маркой мужского одеколona «Шипр». У самого края стола сидела девушка и явно на добровольных началах заполняла тушью зачетные ква-

лификационные книжки спортсменов. Пачку этих книжек я ей и принес, когда внизу, у гардероба, мне их сунули с поручением донести до судейского стола. Эти зачетные книжки для второго-третьего разрядов, взрослых и юношеских, с верхней строчкой «Союз спортивных обществ и организаций СССР» цвета были то ли голубого, то ли коричневого и, судя по ржавым скрепкам на тонких корешках, очень похожи на те, что заполняют в поликлиниках историями болезней. И в этих еще будет история болезни, только другая: «спорт – залог здоровья». Девушка, согласно утвержденному списку, вносила в них наши фамилии и данные – того требовала спортивная бюрократия – и ставила синюю печать ДСО – добровольное спортивное общество «Трудовик». Главное и единственное спортивное общество на наших территориях, других не было.

Ну, вроде можно было и начинать. Последним на судейский стол принесли графин с водой и стакан. Но мне еще раз пришлось подойти к судебному столу, девочка-секретарь засомневалась, что правильно записывает мою фамилию. В этот раз мне и удалось разглядеть значок на лацкане пиджака главного судьи соревнований. Это был значок перворазрядника, но по форме совершенно необычный: похоже, это был пришелец из послевоенного, а может и довоенного спортивного прошлого. Все, кто легче меня весом, быстро проскочили. Маленькие люди в больших перчатках отстрелялись махом, Дом пионеров был не из последних в списке.

Мне в первом бою достался соперник, хорошо знакомый по Дворцу спорта, он был в таких же красных брезентовых кедах, как и я, и комично хмурился, сдвигая брови, но он был совершенно не страшен. Так и получилось: во второй двухминутке, после двух легких нокдаунов мне отдали победу за явным преимуществом.

Рефери на ринге в этом первом бою был Леня Шестак, который слыл очень активным ударником по мешкам и лапам, и в то же время часто лишка принимал на грудь. Работал он сменным мастером на промысле и мне запомнился после одной с ним встречи на улице. Это было в яркий августовский полдень, тот день был неприлично жарким по нашему климату. Меня тогда пристроили в помощь к одному из ветеранов, притащить заштопанный мешок в зал. Вот тут нам по пути и встретился Шестак. Вид у него был не то чтобы комичный, но уж точно необычный: он шел нам навстречу в черном пиджаке и штанах, рукава и штанины которых были основательно короткими. Верхние пуговицы рубахи были расстегнуты, а на шее на резинках болтался тонкий галстук, фасона тогда знаменитого. Он выглядел как тонкая селедка, с блестящей пальмой и какой-то грудастой средиземноморской красоткой в блестящих же трусах. Всю эту картинку венчал букетик в его вытянутом здоровом кулаке. Цветков было два, и они обреченно свесили головы. Шестак был «под мухой». Ветераны жарко поприветствовались, упокоив мешок полежать на земле. Шестак начал свой рассказ, ему явно

хотелось выговориться. И он поведал, как вчера, после тренировки и буфета, пришел домой в очень игривом настроении. Жена его, Тамара, в это время мыла посуду, и он с ней пустился поиграться. Сам он так рассказал:

– Зашел я на кухню, а она тарелки вытирает. Я ей, раз, слева в животик показал, – и тут же продемонстрировал на улице весь процесс заигрывания с женой. – Раз-раз показал, а потом правой накинул через руку в голову.

Только потом стало понятно, что он ей, шутя, сломал челюсть. Сейчас он идет к ней в больницу, в надежде, что она его не выгонит из дома. По выражению его лица было понятно, что он не в первый раз покушался на ее челюсть. Его пьяные глаза прямо увлажнились от жалости к Тамаре.

Похоже, не выгнала, хоть он сегодня на ринге двигался тяжело, но был чисто выбрит и отглажен. Если совсем честно, то я знал его совсем с детства, конечно, с учетом нашей разницы в возрасте где-то в 20 лет. Когда-то мы жили в соседних бараках. Они стояли в строгую строчку, и их было три, плюс еще один, который стоял торцом. Я жил в среднем бараке, а Шестаки – в первом. Но адресный счет почему-то шел справа налево, как-то не по-нашему: 17,16,15,14. Не то чтобы я там, на участке, виделся с ним, но в одном случае он мне очень даже красочно запомнился. Мне тогда было около 13, и примерно такого возраста нас было приличное количество. И, конечно же, у нас были свои, отличные от других регионов большой страны, развлечения. Шестаков в барач-

ной комнате было много, но он, в возрасте за 30, был там самым старшим. Он, наверное, где-то и работал, но боксом занимался точно. Один раз я четко видел эту картинку. Был у него брат, Коля, неизвестно, насколько младше старшего, но мы его все время дразнили и третировали. Он был на участке за дурачка, болевшего недугом с малопонятным нам тогда названием «менингит». Болтали, что вроде его лечили тем, что долбили зубилом голову. Так вот, их окно в бараке, которое зимой наполовину заметалось снегом, в тот поздний вечер было нашим местом развлечения, впрочем, и не оно одно. А игра была такая: в зоне видимости этих блестящих в сумерках окон мы, как солдаты, устраивались в холодных сугробах и по результатам считалки выбирали одного, который по-пластунски, загребая голенищами валенок снег, полз к той цели. Он, изловчившись, втыкал в деревянную раму окна иголку, в ушко которой была продета нитка. А примерно в 10 сантиметрах от нее привязывал средней величины гвоздь. Потом катушку с ниткой разматывали по ходу отступления, и когда она добиралась до главного нашего редута, все и начиналось. Кто-то дергал за нитку, и гвоздь стучал в стекло, это получалось довольно звонко. К Шестакам мы с такой игрой заходили дважды, и оба раза кино было одно и то же. Первым на крыльцо, над которым горела лампочка, выбегал тот самый, что с не совсем здоровой головой. Оба раза вид у него был одинаков: в темных трусах до колен, босиком и с топором. Он, пару раз подпрыгнув на крыльце, бросал-

ся в сугробы и, дико завывая, размахивал оружием древних людей. Секундами позже на крыльцо выбегал старший, помимо трусов на нем еще была майка. Подпрыгнув пару раз с места в высоту, он самозабвенно исполнял минутный раунд боя с тенью, наверное, с целью нас запугать, но в снежных окопах не было страшно, мы знакомились с техникой бокса. Вот таким игруном был Шестак, но спешу вас заверить, что среди «нашенских» он не один такой. А сегодня – смотри, какой наглаженный и крайне официальный.

К вечеру у меня был еще один бой, в нем я тоже большого сопротивления не встретил. Парень был хоть и крепкий с виду, но еще не очень искушенный в том, чем явно недавно стал заниматься. По жеребьевке на завтра нас осталось четверо. По фамилиям я их не знал, а бои, что у них сегодня были, видел как-то вскользь, стараясь себя не напрягать. В завершение сегодняшнего дня соревнований вся команда судей и тренеров двинулась в буфет, посидеть за алюминиевыми столиками и бурно отпраздновать вместе с ужином.

У меня в этот день все получилось не очень сложно, но я, порядком измотанный, вернулся домой уже сумрачным вечером. В дорогу тренер мне выделил две банки сгущенки с конкретными инструкциями. Утром на взвешивании он меня еле протащил: вес настолько плотно приблизился к критической отметке, что завтра могла случиться злая шутка. Так вот, я на ночь должен был высосать из банок все их содержимое и без грамма воды лечь спать до утра. Вроде как

сахар сжигал воду, и вес падал. Какой-то дикий метод, но он применялся, и вроде даже работал. Меняхватило только на одну банку, да и то, после 12-ти я встал и прямо из-под крана налакался воды. Ну, конечно, у каждого где-то глубоко сохранилось представление о том, что существуют еще традиционные способы борьбы с лишним весом у спортсменов, и один из них – это баня. Но с этим рудиментом человеческой жизни здесь дела обстояли очень сложно и самобытно.

Конечно, всему ветеранскому, то есть «нашенскому», движению ДСО «Трудовик» не раз приходило в голову заиметь собственную баню, и даже кто-то когда-то пытался ее соорудить. Но все эти попытки были мертворожденными, и на это были причины. Помещению самой бани полагалось быть из деревянного бруса или бревен, но ни того, ни другого здесь не было и в природе, так как вокруг было болото и бугры, поросшие стлаником и кривой мелкой лиственницей, с которой, как известно, не построишься. А те деревья, что перестояли в болотах, серые и кривые, набирали такую крепость, что в них гвоздь вбить невозможно. Оно, по большому счету, и в огне не горело. Была еще елка, но, учитывая ее запредельную смолистость, в бане при повышении температуры воздуха смола бы стекала ручьями. В теплую погоду она обильно выделялась даже с тех досок, которые по 40 лет уже простояли на завалинках барачков. Это-то я знал хорошо, совсем с раннего детства. Мы все теплые дни сидели на этих завалинках, подоткнув под себя руки, и грелись на

солнышке. Не лучше было и с серыми столбами с длинными продольными трещинами, из которых мы выковыривали летом здоровенных жуков-усачей. Со столбов смола, видимо, ловчей выветривалась и высыхала. Столбы были по большей части покосившиеся, наверху с белыми фарфоровыми роликами, через которые шли провода. Их на баню по известной причине завалить было нельзя. А дальше – больше: баня – это же, конечно, каменка, а с этим было еще хуже, камней вообще не было. Было болото, песок и, конечно же, торф и жижа, им производимая. Но зато на веники можно было нащипать с чахлой мелкой березы или с кустов ольховника, да только какой толк от веников без бани?

В городе баня все же была, и на моей памяти даже две. Одна – это совсем наша, такой же полубарак среди наших барачков, но оштукатуренная и побеленная. И потому выглядывшая всегда нарядно, а значит и празднично. А вторая – это та самая, общегородская, двухэтажная и тоже побеленная. Но функционировали они обе одинаково специфически. Неделя была поделена на дни мужские и женские. Понедельник – он, вторник – он, среда – она, четверг – он, пятница – она, суббота – она, а воскресенье как-то не очень было по родам, и из него сделали санитарный день. Конечно, в этом делении была доля позорного сексизма, но тогда такими проблемами не грузились. И, конечно, баня, как и театр, начиналась с гардероба и кассы, которая билечивала талонами, похожими на автобусные. Роль театрального швейцара выпол-

нял банщик, но обязанности у него были во много раз ответственнее. Он выдавал простыни и белые полотенца, короткие и со странным названием «вафельные». На них обязательно очень четко были проставлены фиолетовые штампики, которые узаконивали их принадлежность именно этому учреждению. Банщик был всегда одет в белый халат с черными пуговицами, и он всегда был ему не по размеру коротким. Колени мужчины торчали, как верблюжьи горбы. Из рук он не вынимал свой главный профессиональный инструмент, который не имел определенного названия, но выглядел достаточно угрожающим. Это был крюк из толстой стальной проволоки, согнутой под прямым углом, и с ручкой, обмотанной видимо уже списанным вафельным полотенцем. Этот крюк он засовывал в дырки, что были в дверцах кабинок, и, по ситуации, или закрывал, или отодвигал внутреннюю задвижку дверцы. Банное воровство было у нас уже, похоже, отдельной специализацией. Особо красть было нечего: крали часы, тогда они имели какую-то ценность, да и, наверное, в карманах что-то попадалось. Моечный зал был с большими окнами, бетонными столами и с шайками из серой листовой оцинковки. Вдоль стены шли две трубы: с горячей и холодной водой, каждый ее по своему вкусу разводил и пользовался. Все было в мыле и опасно скользило. Наша барачная баня, будучи сооружением в один этаж и зимой до половины окон заматавшаяся снегом, была театральной сценой, с партером в этих сугробах. Занавес не давали, и окна в темноте

парили и светились, маня обделенных женским присутствием. В женские дни кого-нибудь обязательно гоняли, но ловили всегда одного. Звали его Юра, лет ему было вроде как за 50, и был он по электрической части, так как целыми днями ходил по участку и подолгу простаивал, задрав голову на те самые фарфоровые ролики. Но он, наверное, сам думал, что по электрической части, а все были уверены, что он ворон считает. Юра, наверное, замерз, потому что хоронили его в пургу, хотя уже и близко к весне. Может он тоже был «подснежник»? Это те, кто не дошел до укрытия в хороший буран, а весной вытаял. Мне, наверное, еще тогда и 10 не было, но я отчетливо помню, как мужики, еще его не похоронив, уже поминали, и как-то зло спорили, класть в обитый красной тряпкой гроб или нет две фронтовые медали, одна из которых была «За отвагу» без тряпки на колодке, а вторая – «За взятие Будапешта». Две их было, или только эти нашли в его полухибаре-полуземлянке, навсегда останется тайной. И тайна эта останется на огромной и неуязвимой государственной совести.

А в бане все таинства совершались в парилке. Это было очень особое в техническом оснащении сооружение, вряд ли такое могло еще где-то в географическом смысле существовать, хотя таких, особых режимных зон (ЗП), на наших необъятных просторах хватало. В общепринятом представлении для того, чтобы париться, парилка должна быть горячей и, вроде бы, чем горячее – тем лучше. Но наша па-

рилка была совершенно холодная, а в морозные зимние дни – прямо очень холодная. Работало все так: очередная партия жаждущих жары располагалась на холодных досках четырехъярусных полок. Туда заходил банщик в мини-халатике, на одной руке у него была огромная брезентовая рукавица, которая являлась привычным спутником и атрибутом во всех трудовых буднях. Он засовывал руку с рукавицей куда-то глубоко под полки, и оттуда раздавался протяжный свист, по тону очень похожий на тревожный гудок паровоза. Воздух, смешанный с перегретой до 400 градусов водой, врвался в помещение, моментально превращая его в жаровню. В этом и парились, а через 10 минут от этого пара не оставалось и следа, все снова становилось холодным, да еще и мокрым. На каждый заход приходил банщик и всех угощал тропической жарой. Те, кто вышли, поливались из тазиков и терли друг другу спины, намазывая жесткие волосяные мочалки большими кусками черного мыла, которое звалось хозяйственным. Потом, у кого-то в процессе мытья, а у кого-то в финальном аккорде, наступала минута наслаждения, которая восходила к кружке пива. Оно здесь было одной марки – «Жигулевское». Употребляли его прямо в предбаннике, и часто – прямо из трехлитровой банки, пуская ее по кругу. Банку приносили в плетеной авоське, она была всегда полная и закрыта недавно поступившими в обиход крышками под названием «Полиэтиленовые», они же, наверное, и капроновые. И эта крышка частенько так плотно присасывалась к

банке, что содрать ее было очень даже проблематично, даже здоровенными пальцами работяг. Под пиво курили, тогда курили везде и много, самой ходовой маркой были папиросы «Беломорканал», которые стоили как пирожное, 22 копейки, или «Север», которые были дешевле. В нашей участковой бане всегда медленно, в углу, крутилось здоровое вытяжное колесо, от того и дышать было полегче.

Многие шалили, требуя продолжения праздника, и даже в холодные дни, что-то накинув на себя из одежды, бежали в пивбар, который был совсем рядом. Это заведение жило под названием «Минутка», но заходили в него на минуту, а оставались, бывало, на всю жизнь. Там, за стойкой, стояла Машка-буфетчица, она была большого роста и широкая в объеме, а обзывали ее аферисткой, вполне возможно, что не без оснований. Машка не только по здоровенным кружкам разливала пиво, здесь же была и «Московская» и «Агдам». Главной, конечно, была водочка, ей, после того как прямо на пол с пива сдували пену, подмолаживали «Жигулевское». Машка-аферистка отродясь не говорила, когда привезут свежее, из страха, что старое не продаст. А когда спрашивали, она голосом фельдфебеля Первой мировой войны отвечала:

– Вам, алкашам, какая разница?

Но когда на стареньком бортовом «газике» привозили новую здоровенную бочку, она тем же голосом одинаково орала:

– Мужики, подсобите!

И мужики дружно сгружали и закатывали эту здоровенную бочку в стальных обручах ей за стойку. В «Минутке» вытяжного колеса не было, но курили все без пауз, а ссать ходили прямо у порога. Зимой все ближайшие сугробы зияли глубокими желтыми тоннелями. «Минутка» была популярным и обожаемым пристанищем.

В центральной бане, то бишь городской, мытье повторялось по той же схеме, но не во всем. В окна там не подглядывали по причине того, что помывочные были на втором этаже, а водку с пивом продавали здесь же. Но вся техническая часть повторялась, как и вафельное полотенце, и банщик в белом мини-халатике, с крюком. Именно в эту баню и ходили наши городские боксеры, «нашенская» братва парилась по четвергам, и ходили группами не менее чем по 10–15 человек. И тогда для всех помывка приобретала боксерский колорит: они делали уклончики, нырки, при этом громко хохотали, шевеля хмурыми бровями и покатыми плечами. Показывали «в животик» то банщику, то простым труженикам, а то и кассиру в амбразуру. Все это были такие шуточные приветствия в духе Шестака. Воспринимали это по-разному, кто-то их считал за придурков, а кто-то страшился. Явно их ненавидели только те, кто был много и сочно исколот, а таких было, надо сказать, немало. Но если такие ходили в баню поодиночке, то «нашенских» всегда была толпа, да плюс здоровье. Но если в бане и случались конфликты, то участковый был всегда на стороне «нашенских». Исколотые тоже,

потеряв свои страхи в лагерях, отвечали зло и мстительно, а «нашенские», плохо понимая смысл многих слов, которыми их обзывали уголовники, пытались этот смысл заместить тем, что приглашали на улицу «один на один», заранее предвкушая триумф. Но жизнь позже неоднократно докажет, что все может развернуться и по другому сценарию. После бани «нашенские», не все, но в большинстве, продолжали банкет в заведении, которое было известно под названием ЦПХ – центральное пи*дохранилище, то бишь женское общежитие, где у них тоже все было хорошо с администрацией и участковым. Они были спортяги, а значит классово близкими. Вот такой был наш ДСО «Трудовик»; многие там нашли пристанище, в инструкторах и тренерах, дабы избежать преследования за тунеядство. Их там кормили и одевали, а они молодежь воспитывали в нужных моральных пределах.

Будильник зазвенел согласно полученному заданию. Он был настоящим, железным, с погнутыми стрелками и заремонтированный до такой степени, что звенел ненамного громче, чем стучал стрелками. Всю ночь снился один и тот же неубедительный сон, про автомат с холодной газированной водой без сиропа за одну копейку и воробьев на заборе, которые к утру пытались мне угрожать. За окном серо, но провода не раскачиваются, это значит, что большого ветра нет, а значит и не очень холодно. В пристроенном позади дома сортире, как обычно, поутру бегали крысы. При моем появлении они кинулись по щелям: похоже, воровали что-

то у курей, а может перья у них, полусонных, выдерживали. Крысы были, как крысам и положено, серые и наглые. Точно учуяв свою недосыгаемость, они стали из щелей высовывать свои усатые рыла. Но стоило только стукнуть по доске ногой, мигом исчезали. Утром я столь желанную воду пить не стал, хотя желание было огромным. У меня в столь раннее время всегда пробежка в 5 километров. Это расстояние никак не вымерено, и масштаб принят условно. Когда открывал калитку, весь наш убогий забор ходил ходуном. За зиму его расшатали высокие сугробы, а потом его геометрию размывали потоки грязи по проулку.

Ночью был минус, и грязь вперемежку с остатками закаменевшего снега смерзлась в единую массу. Мои старые ботинки с тонкой подошвой хорошо ощущали эту горбатую корку земли, на которой мне однажды довелось родиться. Через первые 100 метров наверх я уже у 17-го барака, крыльца у него не было, и казалось, что входные двери растут прямо из земли. Около них сидели две вислоухие собаки, похоже, никому не нужные, и смиренно ждали. Но если доброй руки не дождутся, то опять пойдут на помойку, которая была в двух шагах от крыльца. Она располагалась как раз между 17-м и 15-м баракком, в который меня принесли из роддома, и где прошло мое раннее детство. Участковый начищал сапоги, даже на приличном расстоянии мне вдруг померещился запах ваксы. Наверное, по правилам службы он обязан был обратить внимание на пробегающего, но не среагировал.

Я давно помнил участкового, еще когда у него форма была темно-синего цвета, с серебряными, красивыми офицерскими погонями. Она была похожа на парадную форму, в которой вышли солдаты-победители. И он в этой форме своим видом пробуждал ярую неприязнь у тех, кто был на фронтах войны. Сейчас на его голое тело был накинут китель такого же цвета, как те зверушки, которые по утрам встречают меня у толчка. А если он раньше был приходящим в этот барак, то теперь, видимо, окончательно прижился у толстой и губастой буфетчицы.

Под ногами хрустел грязный лед, а рот выдыхал пар. В легком тумане светились окна бараков, за обязательными тюлями всегда были видны фикусы и неясные силуэты людей, собирающихся отдать свой труд на благо страны. Сзади меня громко затарахтел мотоцикл. Это был житель соседнего со мной проулка, уже довольно возрастной, всегда бледный и хмурый. Мотоцикл, казалось, был у него всегда: с коляской, покрытый грязно-коричневой краской, очень вонючий и гремучий. Кое-кто даже говорил, что он немецкий, но, наверное, ввали для колорита, а может и нет. Через много лет, уже в другом тысячелетии, из ностальгических причин кто-то придумает, что раньше все жили дружно и были добры и приветливы. Это придумки поколения, которое выживет и будет идеализировать свое детство. Тогда им казалось, что все люди одинаковы, понятны и добры. Но точно тогда не были все за одного, были как всегда – каждый за себя. Мо-

тоцикл теперь тархтел и вонял впереди, а сзади меня догоняли те две собаки, которые смиренно сидели у входной двери. Они продуманно и явно не с добрыми намерениями гнали облезлого кота. Тот, изловчившись, запрыгнул на ближайший забор и начал на них щериться, вроде как издевался. Может быть, собаки и не ждали там народной руки с тарелкой вчерашнего супа, может, они кота и дожидались? Похоже, собак гнали не холод и голод, а ненависть, которую ничто не могло унять: ни предпраздничные радости, ни анонс политического курса. И я был уверен, что у них всегда так будет, при любых режимах и формах демократии.

Строчка одноэтажных зданий заканчивалась 17-м баракком, это была улица Вокзальная. Через несколько частных домиков по обе стороны, в которых всегда жили татары, стоял длинный, с горбатой крышей барак, у него были большие окна и двор, огороженный штакетником. Это была моя первая школа, которую взрослые почему-то звали корейской. Мне в ней все было родным и знакомым, даже прилегающая здоровенная лужа, которая никогда не кончалась, и в которой мы, будучи первоклассниками, ловили черных вертлявых головастика. В школьном дворике малорослый дворник в сапогах с подвернутыми голенищами, в черной телогрейке и расшитой тюбетейке гремел огромной совковой лопатой, пытаясь все неровности соскрести в одну кучу. Это была моя первая в жизни школа, возможно, и самая главная – начальная. А справа – обрыв, в нем – прилепившиеся к

своим маленьким участкам домишки с черной крышей из толя, залитого извилистыми змейками давным-давно пересохшего гудрона.

Через десяток метров на взгорке громоздилось огромное по местным масштабам приземистое одноэтажное здание, собранное из металлических листов. На моей памяти это здание было в двух цветах, зеленом и синем. Его сваяли задолго до моего рождения, но всем было известно, что когда-то это было Управлением концессии, которая долгие годы вывозила огромные объемы нефти. По рассказам, ее по узкоколейке до берега моря возили в корытах, заполняли огромные резервуары и ждали танкера. Учениками начальной школы мы иногда лазили между фундаментами этого хмурого железного здания. Там были горы пробитых перфокарт и всякая дребедень, но однажды нам попался загадочный и хорошо запечатанный ящик. Мы, разгоряченные, долго ковыряли его и, отогнув одну из досок крышки, вдруг обнаружили там что-то совсем непонятное и не гармонирующее с окружающей реальностью. Это сокровище Али-Бабы сразило нас своим цветом: все, что там находилось, было красным, да не просто красным, а совершенно красным! Через много лет в одной из тропических стран на местном рынке я вспомнил этот цвет, когда увидел чудо природы, рожденное на дне теплых морей и океанов – красный коралл. Ящик был полон женских украшений именно этого цвета: это были сотни клипс, которые на ушах носят женщины. И

они были все одинаковые. Не помню, как мы этим богатством распорядись, но примерно неделю все девочки в нашем классе были в красном.

Воздух был холодным, но не обжигал. Бежалось легко. Я знал цену дышалки на ринге, и потому такими пробежками не пренебрегал. Вокзальная улица заканчивалась, переходя в Промысловую, но я свернул раньше в параллельный ей переулок, который по неизвестным мотивам был назван Физкультурным и являлся частью моего утреннего променада. Начинался он с самого высокого в округе строения, не столько высокого, сколько построенного в самой высокой точке. Это строение по своей архитектуре было откровенно безобразным, со сколоченным из бруса квадратным сараем на крыше, который был в виде ромба, и каждый угол его располагался по частям света. Также он был украшен слуховыми окнами, тоже ромбической формы, а сверху на нем возвышался шпиль, похожий на антенну. Когда-то это было японское консульство, а с сарая на крыше они явно наблюдали за своими танкерами, что стояли на погрузке нефти. Мне это здание уже было известно как детский садик, куда меня и водили непродолжительное время. Рядом, справа, – двухэтажный большой жилой дом, когда-то служивший жильем для консула и всех остальных оккупантов. А чуть дальше, слева, прямо за очередным проулком, который опять же обрывался оврагом, стоял белый особняк с частично облупившейся штукатуркой, и видно было, что это чудо-строение – из кирпича.

Это уже точно никогда не было творением концессии. Это был дом начальника управления лагерей, который когда-то здесь располагался, имея огромные полномочия по управлению этими территориями. Теперь тут аптечный пункт, да еще и зубы сверлят. Вот этот-то проулок Физкультурный шел по хребту бугра и был ровным и чистым. По обе его стороны тоже находились бараки, но совсем другого содержания: они были где-то на две, а где-то на три семьи и стояли за общей линией ровного штакетника, и даже с посаженными на территории рябинами и березками. Пробежка по этому Физкультурному переулку была самой комфортной частью моего пути. Дальше – небольшой спуск и выход на улицу Щербакова, который упирается в 10-ю школу-восемилетку – большой двухэтажный металлический барак с широкими окнами. Здесь мне довелось проучиться два класса. Это учебное заведение было издавна печально знаменито своими малолетними выпускниками, которые оканчивали свое восьмилетнее образование в сибирских колониях для малолеток. Вся шпана с трех барачных участков – 23-го, 24-го и 17-го – собралась здесь, чтобы осваивать учебную программу 5–8-х классов, чтобы потом всех разогнали по ремеслухам. Они не желали знаний, им хотелось воли. Хотя школа была постоянно в состоянии режимного объекта, а у директора была почетная кличка «Крокодил», в плане успеваемости, а еще хуже – дисциплины, школа висела тяжелым грузом на городском образовательном учете.

Дальше вниз, по ту же сторону, справа, открывалась панорама целого городка, той самой знаменитой ремеслухи. Это были те же самые двухэтажные железные бараки, которые спускались прямо до мари. Их было не менее 10-ти. Когда-то это было место, где обучался и оформлялся тот самый пролетариат-гегемон, основная прогрессивная сила развития страны, то есть строители коммунизма. Сейчас это было зрелище апокалиптическое, и оно было таким порядка 10-ти лет. Вся эта воспитательно-образовательная структура была ликвидирована во всесоюзном масштабе, а у нас все эти годы все просто растаскивалось. Металлические скелеты еще частично держали на своих крепких костях металлические же обшивки, которые в ветреную погоду истошно и похоронно гремели. Часть бараков была сожрана пожарами, которые все выжгли изнутри, поплавили и закоптили. Но зато сохранилась металлическая дуга над входными воротами. Она, похоже, была исполнена молодыми сварщиками в виде начальных букв этого заведения, но, впрочем, даже сейчас вся территория виделась как хорошо когда-то спланированная, вплоть до спортивной площадки. Она должна была надежно служить делу строительства коммунизма.

Дальше справа – два деревянных двухэтажных барака, до сих пор обитаемых, вероятно, построенных когда-то для учителей и мастеров ремесленного училища. Спуск по улице Щербакова заканчивался, упершись в десятиметровый мостик через Малую Нефтянку, которая дальше втекала в нашу

марь. После 20-ти метров подъема – большая площадка, на которой и стоит Дворец спорта, тоже железный, синего цвета, а по фасаду раскрашенный картинами в стиле советского реализма: спортивными фигурами, устремленными в светлое коммунистическое будущее. Спортсмены на этом большом агитационном плакате традиционно были одинаковы – что женщины, что мужчины. Мужчины от женщин отличались тем, что у них были более квадратные челюсти, но и у тех, и у других на груди были вездесущие серп и молот. Бегу левее в горку и забегаю в свой проулок. Финальный спурт, и я вновь у своей шаткой калитки, что прилепилась к полузавалившемуся после натиска сугробов забору.

Над моей узенькой кроватью висела страница из журнала «Советский спорт», на которой был цветной портрет Бориса Лагутина после Токийской Олимпиады 1964-го года. Посмотрев на него, я окончательно понял, что ни пить, ни есть мне точно нельзя. Умывшись над железным рукомойником, я прихватил с собой сумку, вроде как спортивную, и двинулся в сторону своего ристалища. Хотелось быстрее пройти взвешивание, а потом в буфете съесть черствое пирожное с названием «Кольцо», да выпить стакан киселя с холодными и скользкими кусками крахмала. И вот я опять за калиткой, конечно же, без шапки, в сером советском болоньевом плаще. Но даже такой плащ, по своему фасону вообще лишенный очарования, был попрестижнее тех брезентовых дождевиков, в которых, с ружьем на плече, сторожа карау-

лили склады с социалистической собственностью. Я всегда старался торчком поставить воротник, мне казалось, что так я выгляжу значительно более стильным.

По пригорку вниз опять до Дворца спорта, потом резко налево и к мари. Это сложное природное образование было точно не лесом, но и не болотом. Там проходила наша детская жизнь, туда мы ходили охотиться с рогатками на куликов, там же собирали прошлогоднюю клюкву и выедали еще зеленую морошку и голубику. Там у нас были даже свои купальни. Это такие глубокие ямы, отороченные ровно по окружности деревянными столбиками, и по теплой погоде заполненные черной торфяной водой, с жуками и лягушками. В них мы и полоскались в редкие жаркие дни. По преданию, в этих местах когда-то стояли железные баки, наполненные, конечно, нефтью. Но главным украшением мари была «Нефтянка». Когда-то, при рождении, это была хорошая нерестовая река, человеком превращенная в мертвую воду. Особо она была нарядна в зимние снежные месяцы. «Нефтянка» никогда не замерзала, а сугробы, которые на нее наметал ветер, в своих берегах становились черными и переливались всеми оттенками этого цвета. Через марь шел тротуар, он, видимо, прогревался днем, и под ним быстрее вытаивало. Я даже заметил мелкие зеленые щеточки. Жизнь возвращалась с приходящим сюда теплом. В этом месте марь тянулась, наверное, с полкилометра, и тротуаром упиралась в новый бугор, по краю которого шла та самая узкоколейка

со зданием, вроде как, вокзальным. Здесь было много тупиков и крановых устройств разного калибра. Это хозяйство во время кратковременной навигации работало круглосуточно. И ночами в окно у моей кровати залетали световые зайчики, сопровождаемые грохотом перегружаемых труб, металла, цемента – всего того, что везли сюда с материка на громадных плоскодонных баржах, чтобы промыслы работали без простоев.

Опять крутой подъем, обрывистый, ничем не примечательный, если не считать слева здоровенного ангара с трубами и громадными воротами. Здесь когда-то было энергетическое сердце всей территории, пока не пустили ТЭЦ на газе. Раньше тут стояли несколько огромных дизелей, которые работали на мазуте и через генераторы давали ток на промыслы. По легенде, они были демонтированы с японских военных кораблей, а может и с немецких. А дальше улица в шесть двухэтажных бараков, названная именем великого писателя, который об этой самой земле так написал: «Верхняя треть острова по своим климатическим и почвенным условиям совершенно непригодна для поселения». Эти бараки были из деревянного бруса и даже с плотницкими изысками в виде округлых наличников, но их барачное нутро было видно, и даже не в них самих. Уличные сортиры рядом с громадными, уже вытаявшими помойками, выдавали весь комфорт местного проживания. Эта литературная улица выходила прямо на сезонный городок – такое, как бы вообще

отдельное, место проживания. Оно образовалось во вторую волну заселения этой территории. Для тех поселенцев и был построен этот чудо-городок. С десятков рядов бараков спускались прямо к мари. Построенные на один сезон с понятным запасом прочности, они стояли уже три десятка лет и были обитаемы. Там не имелось ни названия улиц, ни нумерации домов, даже посчитать их было невозможно, ибо они где-то соединились между собой, а где-то, наоборот, разъехались. Кто как мог привязал себе метры, которые часто даже были без пола и крыши. Сам себе пригородился – считается. Там обитал сразу после войны и в последующие годы основной контингент уголовного мира со своими правилами общежития. Там был даже свой стиль в одежде: подвернутые сверху сапоги и телогрейка, а на голове восьмиклинка. А участковые в те джунгли старались вообще не соваться, и мне туда не надо было.

Я спустился между бараками Чеховки, слева еще один двухэтажный барак, и опять же с большими окнами. Это вечерняя школа рабочей молодежи. Я часто по темноте, уже возвращаясь с тренировок, наблюдал, как в ней светятся окна. Она жила своей жизнью, и я к той жизни имел отношение. Еще два десятка метров, и очень значимое для всего населения место – базар. Это была территория влияния Сезонки, а потому «нашенские» не очень любили здесь появляться. Это было самое тусовочное место: если местный теневой оборот существовал, то он был здесь. Географически

это была как бы срединная территория, между тем, что называлось городом, и заброшенными резервациями. По существу, это большая территория, слегка покатаая с юга, подпертая Чеховкой, а с севера она упиралась в ту самую Февралитку, которая обоснованно себя причисляла к Сезонке. На этой территории под крышей были два длинных прилавка, то есть торговые ряды. Также был продовольственный магазин со «штучным» отделом, где бойко торговали спиртным. Тут же расположился магазин со сказочным названием «Коробейник», где торговали кастрюлями и тазиками. Рядом с ним – барак, разделенный пополам: с одного торца хлебный магазин, с другого – уцененка. Ближе к Февралитке – пивбар, просто пивбар, без собственного имени. Он когда-то был главным разбойничьим штабом. На этом базаре всегда кто-либо толкался, но преобладали, конечно, те, кто искал выпивки, а таких было много. Вида они все были потрепанного и неопрятного. Кто-то из них уже отсидел свой срок за тунеядство, а кто-то только собирался. У громкой трудовой славы они были побочным выхлопом, который наградили холодом, голодом и безнадеей. От этого базара до улицы Ленина оставалось 100 метров по тротуару, и мостик через еще одну Маленькую Нефтянку. А там уже совсем недалеко до сквера с елками и березками, среди которых, на высоком постаменте, – памятник вождю мирового пролетариата. Он две руки держит в карманах, а взгляд его устремлен на юг, в нашу сторону барачных резерваций. Он тут стоит дав-

но. Сначала его поставили, а потом стали остальное пристраивать. Хотя у нашего народа всегда сначала строили Храм своей веры, а потом вокруг него расселялись. А за спиной вождя блестел колоннами Дворец культуры.

В большом холодном фойе уже было прилично народу. Сегодня у всех на сцене было расписано время под генеральную репетицию. По фойе, греясь, бегали дети, кто с деревянными винтовками, кто с сумками санитарок, таскали барабаны, а по лестницам перли какие-то декорации. Завтра праздничный концерт и показательные выступления талантов, завтра 9 мая. Пионеры маршируют по-пионерски, а комсомолцы учат речевки.

В зале – пустой ринг, вокруг него кто сидит на скамейках, кто бродит, из тех, кто уже взвешивался. У медицинских весов с большой гирей и уже проржавевшей шкалой с рубчиками килограммов и граммов – медицинский столик, укрытый белой скатеркой, там сидит медработник – молодая девушка в халатике и симпатичной шапочке с красным крестом. Наверное, такой образ в будущем будет участвовать в ролевых играх. Человек пять «нашенских» стояли возле нее и балагурили, громко смеясь, но девушка от их присутствия явно не была весела. Она увидела меня и нашла повод вывернуться из круга джентльменского внимания – назвала меня юношей и попросила немедленно пройти медицинский осмотр с взвешиванием. Тут в дверях появился мой тренер, Николай Максимович, когда-то он боксировал в самом легком ве-

се, а сейчас был легким, лысым, кривоногим и усушенным. Как всегда в своем синем шерстяном костюме с вытянутыми коленями и беленькой полосочкой на вороте с коротенькой молнией. С «нашенскими» он не держался по-братски, а по мне так вообще их ненавидел, и был хорошим тренером и добрым человеком. Подойдя ко мне, взял меня за уши и стал до боли натирать, он считал, что это перед боем приводит в нужное настроение. Но в это время меня пригласили к медицинскому столику, и мы пошли вместе. Девушка с красным крестиком на шапочке зачем-то заглянула мне в ноздри, затем в уши и пригласила на весы. Главный судья лично записывал вес участников и сейчас с ручкой в руке над протоколом ждал для меня приговора. Николай Максимович явно волновался так, что готов был себе уши покрутить. Но все опасения оказались напрасными, я даже недобрал 75 грамм.

После взвешивания – сразу мысли о пирожном «Кольцо» и киселе с крахмалом. Но Николай Максимович настаивал на разговоре. Когда уселись с ним на скамейку, он показал листик, который трубочкой держал в кулаке. Это были результаты жеребьевки. Они были правленые, так как отличались от тех, что вчера официально представили. Это было непонятно, хотя мне, по большому счету, было все равно. Двух соперников я никак не знал, что по вчерашнему списку, что по сегодняшнему. Но эти поправки имели определенный смысл, организаторы общегородского праздника поменяли регламент на завтра. Митинг, как и планировалось,

начнется в 10 утра на площади, потом возложение венков к вечному огню, а затем все пойдут в зрительный зал Дворца культуры. Тут и начались корректировки. Когда организаторы посчитали сумму времени на заявленные выступления всех участников, плюс установку ринга и наши финалы в нем, все уже могло закончиться по темноте. Посчитали, что людям будет это долго, а в праздник все намеревались быстрее сесть за стол, и программу стали сокращать. Хотели вообще бокс убрать из программы, но председатель ДСО «Трудовик», имея авторитет среди местных элит, развел такую дискуссию, что было решено бокс оставить, но сократить до одного финального боя на усмотрение спортивного руководства. Меня это не особо взволновало, и я не мог понять связи с подтирками в жеребьевке. Но дальше все стало проясняться. Вчера в моем весе отработал два боя никому не известный паренек, он был приезжий, и заявили его от техникума. Он оба закончил досрочно и всех восхитил своими способностями. Так вот, по вчерашней жеребьевке у меня с ним сегодня должен был быть первый бой. С учетом изменений в общем сценарии, вчера, уже поздно вечером, в присутствии председателя ДСО, главного судьи и тренерского состава, было принято решение нас развести, и именно нам дать в финале показать красивый бой общественности. Николай Максимович ждал моей реакции, было видно, что этот разговор ему не очень давался. Но я сказал, что буду делать, как он скажет. На том и порешили.

В буфете «Кольца» закончились, как и кисель. Было слоеное пирожное «Язык», которое в руках рассыпалось, и компот, совсем не сладкий. Этим я и удовлетворился. Больше было нельзя, через полчаса выходить на ринг. Вовремя я успел переодеться и чуть-чуть на скакалке попрыгать. На ринг вызвали раньше, ибо в другой весовой категории спортсмен не явился, и победителя объявили сразу.

В противоположном от меня углу приплясывал насупленный и явно заряженный на одну плюху парень. Заряжали «нашенские», что не надо боксировать, просто выдай плюху. Он притом еще был чей-то родственник. Так его накачали, а он и повелся. Николай Максимович от меня не отходил, все уши тер. И вот я пошел в бой за Дом пионеров. Парень готовил плюху, из-за ринга ему орали «нашенские»:

– Двоечку! Двоечку! Лево́й-право́й! Лево́й-право́й!

К концу раунда соперник начал буквально исполнять по подсказке. И когда он должен был ударить правой в голову, я его встретил левой в печень. А тут гонг, он все же дошел до угла и тяжело опустился на стул. Николай Максимович в моем углу уверял меня, что тот уже не выйдет на второй раунд, но он вышел, сгорбившись и пошатываясь. Однако из его угла выбросили полотенце. «Нашенские» молча сопели. Я пошел в раздевалку. Целясь в печень, я попал большим пальцем в сустав локтя. Снял бинт и сунул руку под холодную воду из-под крана. Минут через пять пришел Николай Максимович с новостью, что мой следующий противник снялся,

сославшись на травму, и что я уже финалист. На его полувопрос, хочу ли я посмотреть на своего возможного противника в финале, я отказался. Сказал, что поеду домой. Он вроде хотел опять помять мне уши, но не стал. Попросил, чтобы я завтра пришел пораньше, постоять на лапах. И еще, как бы смущаясь, сообщил, что тот паренек тихо сидел в сторонке и отслеживал весь мой бой, но меня это не впечатлило.

Хорошо помывшись под горячим душем, я направился повторно в буфет. Надо было как-то реализовать талоны от ДСО «Трудовик» на питание. В буфете уже был хороший ассортимент: и винегрет, и холодец, и даже мое любимое заварное пирожное, и крем-сода в бутылке. Завтра взвешивания не будет, и мне ничего не грозило. Хорошо поев, я передумал идти домой. У меня возник другой план: мне захотелось в кино. Тихо и незаметно пройдя за спиной вождя мирового пролетариата, я уперся взглядом в фасад первого магазина. Еще недавно на его коньке красовались лицо рабочего с челюстью как у канадского хоккеиста, большая цифра 1, слово «Май» и красные гвоздики. Весь ансамбль был раскрашен по фасаду. Сегодня же рабочему приделали каску из фанеры, а на грудь пририсовали Орден Солдатской Славы. Цифру 1 переделали на 9, но цветы оставили. А саму суть с надписью «День Победы» просто прислонили к общей композиции. Было неплохо и, как всегда, по-советски пресно и не празднично. Ну, конечно же, все было утверждено на художественном совете горкома партии, как и красные флаж-

ки на каждом столбе по всей улице Ленина, которые еще были достаточно свежими с Первомай. Похоже, школьники или техникумовские лопатами скребли улицу. Все готовились к таинству – помянуть принявших на себя смерть ради живых. Конечно, этот праздник люди любили сильнее и отчетливее, чем недавний Первомай. План праздничных мероприятий был такой же пресный и предсказуемый, как и композиция на фасаде первого магазина. У этой власти не было таланта устраивать праздники, был талант не пускать и запрещать. Мне вообще был интересен последний перед вечерним салютом акт выступления народных коллективов по причине того, что я тоже стал участником этого действия. Но предпраздничное настроение ощущалось не только по красному свету улицы: из какого-то окна играла гармошка – «Бьется в тесной печурке огонь». Эта простенькая музыка брала прямо за душу, от чего праздник и сейчас отмечают со слезами на глазах. У меня вдруг появилось желание победить завтра, конечно, это не врага победить, и не немца, а своего же сверстника с русской фамилией Борисов.

Красивый кинотеатр, построенный к пятидесятилетию революции и этой дате посвященный, встретил меня двумя афишами. Одна из них была «А зори здесь тихие», а вторая – «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо». Книгу, написанную Даниэлем Дефо в XVIII веке, я перечитывал несколько раз, наверное, с тех пор как вообще научился читать. Тогда я, конечно, не понимал, что она не об оди-

ночестве, а о нравственном перерождении человека, но мне и без этого понимания все было остро и интересно. Я выбрал этот фильм – хотелось увидеть, как это все воплотил режиссер, снявший когда-то «Вертикаль». Фильм понравился, от английского автора там осталось немного, но воплощено было поучительно. Ну и конечно, это была не главная роль Куралева, в главных своих ролях этот прекрасный актер снимется позже у Данелии и Гайдая. После сеанса я не прошел мимо Дворца культуры. Борисов, ожидаемо, без проблем выиграл оба боя. А в фойе, на большой программе праздничного концерта, ровно, но как-то безграмотно подписали наши фамилии, с пометкой, что лучшие боксеры будут драться за победу. Хотелось им, чтобы созвучна с праздником была фраза. А после нас – уже застолье, а потом салют из всех доступных орудий. Николая Максимовича не было, мальчишки демонтировали ринг и, гремя цепями, тащили его в сторону зрительного зала. Там в конце вечера, при закрытом занавесе, пока будут публику развлекать юмором, соберут ринг, который уже будет готов к приему бойцов. «Рислинг» и «Ркацителы» в буфет завезли, видимо, еще в обед. «Нашенские», похоже, ими и отоваривали свои талоны на питание и активно разминались, готовясь к завтрашнему заключительному мероприятию. Увидев меня, они начали выкрикивать советы, ибо им пришлось увидеть, как работает мой завтрашний соперник, но ничего, кроме привычного «покажи в животик» и «накинь в голову», я не услышал. Покивал

и ушел, им приходилось кивать, было понятно: если отличусь на поприще бокса, то они от меня не отстанут, пока я не стану им подобен. Но меня от них отталкивали прочитанные книги и хоть небольшой, но опыт пребывания в зарешеченном пространстве.

На входе в здание мне свезло: в «ПАЗик» грузили какие-то лишние транспаранты и собирались их везти во Дворец спорта, а это прямо у моего дома. Транспаранты были красные, но не в сегодняшнюю тему: там было что-то про ум, честь, совесть и тому подобное. В автобусе со мной ехали еще четыре человека, и они разболтали, что завтра назад повезут еще что-то другое, только по времени было неудобно, а у меня прямо план родился – на автобусе приехать на свой финал. Ехали бойко, шофер тоже спешил на подготовку к празднику, проехали Сезонку и сейчас движемся в сторону анклава под названием Дамир – даешь мировую революцию. Так зовут еще один наш барачный район. У дороги школа, в которой я с превеликими трудностями все же закончил восьмилетнее обучение, был исключен из дальнейшей школьной программы и изгнан без комсомольского билета как социально-несостоявшийся. Но вот и поворот на улицу Щербакова, мостик через Малую Нефтянку, и я у расписанного в стиле соцреализма Дворца спорта, а тут три минуты ходьбы до моей калитки.

Мамы не было, она ушла на сутки в кочегарку, но я, похоже, все же волновался за результаты завтрашнего дня, коли

сел перечитывать «Мексиканца» Джека Лондона. Не помню, кто подарил мне эту книгу, еще когда мне было 13; верно, после ее прочтения я и пошел искать свои приключения на ринге. Она, хоть и была в мягком дешевом переплете, но выглядела свежей, то есть не затертой. Вообще удивительно, что издательство «УЧПЕДГИЗ» выпустило эту книгу, будто там не знали, что Джек Лондон – алкоголик, а какой это пример для молодежи? Но это ладно, но и «Робинзона Крузо» сработали в этом же издательстве. А Даниэль Дефо был точно социально несформированным, ибо, будучи пропагандистом буржуазного здравомыслия, провозгласил, что человеку не хватает мудрости успокоиться на достигнутом. Это уже совсем не «по-нашенски» и очень вредно. Ибо наш лозунг – «Вперед, к победе коммунизма в 1980-м году!». До этой даты оставалось уже не очень много времени, и все ждали, когда наступит этот день, чтобы каждому по потребности отломили от общего огромного пирога изобилия. В рассказе «Мексиканец» Фелипе Ривера выходил драться за деньги, которые потом отдавал революционерам, твердо считая, что где революция, там справедливость; и в том, главном, бою он победил именитого боксера во имя справедливости, которая взойдет над его родиной с победой революции. Мне тоже завтра сражаться во имя какой-то справедливости, но в чем она, я не мог углядеть, поэтому буду просто драться за Дом пионеров и своего тренера Николая Максимовича. За тот Дом пионеров, под сводом крыши которого приби-

та здоровенная пентаграмма в круге. Так вот, посмотрим, за кем завтра будет эта самая справедливость. Мне хватило часа, чтобы подновить в памяти сюжет рассказа, и притом еще испить чаю с черничным вареньем. Я сегодня, когда возвращался, из почтового ящика забрал местную газету малого формата в четыре страницы, и принялся за нее. Конечно, была передовица союзного значения – Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении профессиональных союзов СССР Орденом Ленина, а также Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении газеты «Правда» Орденом Октябрьской Революции. А в свете постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о введении нового всесоюзного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) в СССР, местная печать пыталась комментировать предстоящий завтра праздник и все возрастающее внимание города к развитию и укреплению спорта. В статье, конечно, вспомнили и о ДСО «Трудовик», как о местном профсоюзном флагмане в развитии будущих достижений нового спортивно-патриотического движения ГТО. Значит, появятся новые ставки и полставки в «нашенском» устройстве, и они-то, конечно, будут в русле нового патриотического начинания. Из всего было понятно, что «нашенский» геморрой никто никогда лечить не будет. На развороте крупным шрифтом все жители города приглашались в 10 часов на площадь, принять участие в праздничном возложении венков к Вечному огню, а также отведать горячей солдатской каши. После того –

праздничный концерт во Дворце культуры и салют. Тут же было сказано, что ожидается делегация руководства из области, что придаст празднику особый колорит. На первой полосе газеты, которая начала свою историю еще в 1929 году, были пропечатаны новые обязательства главных, как сказано в скобках, градообразующих предприятий и отдельных передовиков. Передовиков было много, как и новых повышенных обязательств. На фото передовики выглядели обыкновенными людьми, в телогрейках и спецовках, без громадных челюстей и устремленных в будущее жестов. А на втором развороте – полный текст стихотворения К. Симонова «Я вернусь» и столбцы стихов местной поэтессы, боевые и убедительные, звучавшие примерно так:

«Пусть меня милый возьмет на войну,
Я буду за ним катить пулемет,
Но если надо будет зашить дыру и постирать,
Мне это тоже подойдет».

Последняя страница была самая информативная: объявления о приеме на работу, сразу с режимом работы, окладом и разными надбавками, а также возможными льготами. Для нового рывка в светлое будущее и результатов, о которых придется рапортовать предстоящему XXV съезду КПСС, трудовое мозолистое тело желало свежей крови вместо той, которая уже свернулась. Еще были объявления о продаже и обмене, небольшая справка по денежно-вещевой лотерее и прогноз погоды на завтра, благоприятный. Потом

еще был прошлогодний журнал «Вокруг света», на нем сон меня и сморил. Проснулся, когда было уже совсем темно, окошко было разрисовано мелкими потеками воды, на улице метелило при плюсовой температуре. Похоже, газета обманула с прогнозом, но как будет утром, угадать было нельзя. Я сходил, попугал крыс, разделся и лег уже основательно. Долго возился, прислушиваясь к порывам ветра, но все же уснул, теперь уже до утра.

Проснулся от крика на улице; на улице было уже серо и так же, как ночью, буранило. У калитки под снежными зарядами стоял полураздетый сосед и блажил в мою сторону. Он явно намерился начать праздновать, но у него не было тары сходить за пивом. Я ему вынес пустую трехлитровку, и он, обещая зайти с пивом, тихо исчез. Снег валил крупный и сырой и прилипал на любые поверхности, как горизонтальные, так и вертикальные. Когда сосед пришел из армии, я учился в первом классе, это был уже поздний май; помню хорошо его фуражку со звездой и черные погоны с танками. До этого, в зиму, умерла его мама, хорошая наша соседка, мы ее и хоронили, да вроде еще и кто-то из месткома пришел, больше и некому было. Так что солдат вернулся в пустой дом. Его крыша имела покат на южную сторону, и он, затащив туда матрас с подушкой, постоянно валялся там, спускаясь только в дождливую погоду. Потом, с ним там же стала валяться женщина такого основательного вида и хроменькая на одну ногу. Они на этой крыше спали, читали и ели. Живут они

до сих пор, он работает грузчиком на трубовозе, а она где-то инструментальщицей. Иногда он напивается и истошно орет, но более никаких гадостей не производит. Деньги он никогда не клянчил, а если и заходил за чем-нибудь, то примерно так, как сегодня.

Снег валил крупный и ложился плотной коркой на дорогу и заборы. Сосед, который пошел до «Минутки», теперь будет похож на снежного человека. Мне было еще рано собираться, я надеялся, что темп бурана снизится; у нас часто так бывало, что раскручивалось по темноте, а к утру стихало. Я разогрел макароны на сковородке и разбил туда два яйца, съел все под дробные победные марши по местному радио. Шла прямая трансляция с митинга, посвященного Дню Победы. Как возложат венки, буду собираться. По погоде народу не очень комфортно на улице, и, думаю, Дворец культуры заполнится раньше намеченного времени. А главным заполненным местом будет буфет. Автобус сегодня явно не придет, поэтому свой болоньевый престижный плащ придется оставить, перелатавшись в брезентовую куртку на цигейке, да и шапку, которая мне очень не нравилась, придется надеть. Но, как говорят русские, «По Сеньке шапка», а мексиканцы – «По Хуану сомбреро».

Стараюсь не придавать значения дергающей боли в суставе большого пальца левой руки, все-таки я локоть хорошо зацепил. Перед тем как бинтовать руки, придется хлорэтилом заливать, но его можно взять только у врача, я сам ви-

дел серую коробку на столе. Однако палец показывать нельзя: в юношеских соревнованиях это реальный повод снять меня с боя. Поэтому вся надежда на то, что Николай Максимович украдет со стола ампулу и зальет раздутый сустав. Это место у меня уже неоднократно травмировалось и всегда болезненно мешало, а вчера на старые дрожжи нарвался. Портрет Б. Лагутина, прилепленный пластилином на неровную беленую стену, казалось, подмигнул мне, но как-то невесело. Чувствую, что начинаю нервничать. Надо ехать, чтобы уши мне натерли. По радио сказали, что все двинулись к месту возложения венков, и я засобирался.

Видимость дороги была не дальше 10 метров, но холодно не было, и шаг бодрил. «Нефтянка» исходила паром, в ее русле стоял плотный вонючий туман, встречного народа были единицы, все они спали в выходной или же были на торжествах, а может, как сосед, уже загружались. Народ толкался у «штучного», скидывался, покупал, потом считал сдачу. Видимый на базаре люд был активный и возбужденный, наверное, кто-то тосты говорил, а кто-то, верно, по традиции пил молча.

Фойе Дворца культуры уже было похоже на большую лужу. Снег до конца на крыльце не сбивался и таял уже в помещении. Все стены были завешаны рисунками на тему праздника, они были нежными и честными. Я поднялся на второй этаж в раздевалку, но там творился полный бедлам, не было даже квадратного сантиметра свободной территории. Де-

ти раздевались, одевались, при этом кричали и делали все назло своим, здесь же толкающимся, родителям. Вход в зал был закрыт, на двери висела бумажка «Уборка». Я примостился на подоконнике в коридоре, очень скоро появился Николай Максимович, кто-то сказал ему, что я пришел. Тут я и показал ему руку, говорить ничего не пришлось. Он повел меня куда-то в комнату за сценой, комната была проходной, и по лапам там точно не постучишь, можно было только переодеться. Он меня оставил и исчез. За кулисами шла неугомонная беготня, все готовились показать себя, в комнату кто-то беспрерывно заглядывал, и я уже перестал реагировать на противный скрип двери, потому тренер появился как-то неожиданно. В руке он держал свернутую в трубку газету, развернул ее, и я увидел колбу хлорэтила, но он, как факир, сразу закатал ее назад и потянул меня за собой. Следующее наше пристанище было уже ниже сцены, и там было поспокойней, как сказал Николай Максимович:

– Если только жонглеры заглянут.

Он не сообщил, где так ловко разжился ампулой, затянул мне простым бинтом опухший сустав, сказал, что переодеться надо будет не раньше, чем через час, и ушел. Я тоже решил не сидеть и не гонять гаммы в голове, а пошел осмотреться. За стеной валялся наш ринг, разложенный в тревожном порядке, а около него толкались несколько «нашенских» и молодежь, готовая на оперативную установку ринга на сцене. Между штор было видно зал, уже на две трети заполнен-

ный, он ровно гудел. Вокруг меня сновали танцоры, акробаты, чтецы и всякие разные люди. Самая большая толчея была на втором этаже, где находился буфет. Очередь за пирожными и «Буратино» торчала аж в коридор. Люди с улицы были голодны и ели все, что съедалось. А я тут вдруг узнал, где мой тренер так быстро выхватил дефицитный препарат. Он от меня, конечно же, побежал искать врача, чтобы ей что-то наврать и получить искомое. Врачом была все та же красивая, смущающаяся барышня, и ее в это время охмуряли «нашенские» у гардероба. И один из охмуряющих держал ее чемодан с красным крестом и нес его до места назначения. Тут его Николай Максимович и встретил. Тот в двух словах все понял и, не нуждаясь в подробностях, тут же распотрошил ящик, благо, коробка с препаратом была вскрыта, видимо она уже кого-то потчевала этой заморозкой. По всем закоулкам здания звучала песня «День Победы». Я вышел на улицу, метель издыхала в свете фонарей. Ветер стихал, и оставшийся снег уже ровно падал на землю. Народ спешил к началу праздничного концерта. Чувствовалось, что, несмотря на погоду, у людей приподнятое настроение. Я поскользнулся пару раз на широком крыльце и вернулся внутрь. Все равно было весьма прохладно. Мне мой оппонент нигде не встретился, да и как я мог его узнать, если не видел никогда? Музыку чуть приглушили, и зазвонил звонок, приглашая на концерт, посвященный Дню Победы. Фойе и лестницы опустели, и я двинулся вниз, за сцену. Там народ сейчас притих,

ожидаючи.

В отведенном мне углу сидели двое, в блестящих, как у русалок, костюмах, с зелеными пышными воротниками и накрашенными серебряным глазами. Это и были жонглеры. Они приветливо поздоровались и пожелали мне победы. Им, наверное, тоже надо было разминаться, и они, собрав в охапку булавы, кольца и мячики, вежливо откланялись. Оставшись в одиночестве, я принялся переодеваться. Потом вернулись жонглеры со своими принадлежностями, все свалили в угол и стали тоже переодеваться. Все это у них произошло по-быстрому, и из сказочных созданий в блестящей коже они превратились в обычных ребят. Им только осталось помыть лица, что они, наверное, и побежали делать. Их выступление закончилось, и они упорхнули отмечать праздник, по традиции, за столом.

В дверь протиснулся, толкая впереди себя черный платяной мешок, Николай Максимович. Он стал сразу его выгружать, пытаясь быть запоздалым добрым Дедушкой Морозом. Вытащил оттуда пару первоклассных кожаных лап и совершенно новую пару черных-пречерных перчаток с очень белыми широкими шнурками. Еще была новенькая белая майка. Она плохо подходила к красным трусам, но на груди красовалась эмблема ДСО «Трудовик». Кто-то, видимо, настоял, так как Николай Максимович без особого азарта предложил ее примерить. На столик он выложил ту самую стеклянную ампулу и еще не распакованный моток эластично-

го бинта, бывшего тоже в приличном дефиците. Я был одет, но бинтоваться было еще рано. Тренер предложил мне самому подвигаться и убежал отслеживать, когда закроют занавес для установки ринга. Если кто-то думает, что бой с тенью – это имитация боя с воображаемым противником, то мне всегда казалось, что это бой с воображаемым самим собой. Ты представляешь, что вот это и это у тебя получается, и стараешься убедительно для себя же это исполнить. Это упражнение хорошо греет и координирует. Я уже прилично пропотел, когда вновь заскочил тренер и сообщил, что шторы уже закрывают, и пока всех смешит юморист, будут ставить ринг. А областное начальство здесь, несмотря на нелетную погоду. Видимо, заранее приехали. Сейчас поступит команда, и люди начнут монтировать ринг, притом без грохота и матов.

Я сел на стул, Николай Максимович сломал ампулу с заморозкой и начал мне пенить шишку на левой руке. Она приобрела уже хороший размер и синюшно-красный оттенок. Содержимое ампулы пенилось на моей руке и не то чтобы принесло облегчение, но пришло реальное чувство онемения. Сейчас было важно правильно перебинтовать эту руку, чтобы она достаточно плотно легла в перчатку. Но мой тренер все это умел и проделал быстро и качественно. Перчатки надеты. Тренер надел лапы и поиграл со мной. Несмотря на свой малый рост, он на всех уровнях делал это отлично, и я никак не мог поймать его глаз. Ситуация складывалась следующим образом: согласно полуофициальной статистике, к

финалу больше 70% боксеров приходят с травмами, и если у взрослых существовали всякие допущения, то у юношей снятие за невозможностью продолжения боя было обыденным событием. Если врач увидит во время боя какие-то болезненные проявления, то бой остановят, руку размотают, и тогда точно снимут, и не только из-за травмы, там мог быть и не ушиб, а трещина, или вообще перелом. Она снимет, и это будет справедливо. Я ведь не знал тогда, что Николай Максимович подослал «нашенского» к доктору. Того самого, что нес ящик. Он все равно был в курсе, и вроде бы из «нашенских» притерся к ней ближе всех. Нужно было ее мнение по поводу травмы и снятия с соревнований, потому что иногда это выглядело очень субъективно. Она ему ответила, что для нее важнее всего здоровье этих юношей, и это тоже было справедливо. И когда нас уже вызвали на ринг, он меня подтолкнул к двери, я пошел. Видимо, он действительно был сильно взволнован, так как совершал серьезный проступок. В его обязанности входило сообщить о травме, а не маскировать ее. Но он выбрал то, чего хотел я, и, забыв меня потерять, ушел, а это было совсем на него не похоже.

Сцена была залита ярким светом, ринг стоял в своей обычной геометрии, мой угол был красным, ближе к залу, который из темноты смотрел сотнями глаз в ожидании чего-то интересного. За судейским столом все были в сборе, врач сидела за отдельным столиком, на котором стоял тот самый железный ящик с красным крестом посередине. Тренер

был со мной в углу, он же сегодня и секундант. И наконец-то начал мне тереть и комкать уши. Меня публика встретила жидкими аплодисментами, и моего оппонента точно так же. Наконец я увидел его, он легко проник на ринг, встал лицом в угол и взявшись за канаты, два раза присел и повернулся в зал, но во время представления не вскидывал приветственную руки, а лишь чуть наклонил голову. Кроме русской фамилии, у него была и соответствующая внешность. Он был подстрижен совсем не по-боксерски, у него были длинные русые волосы и, похоже, голубые глаза. Фигурой он был сухой, с длинными руками. Николай Максимович почему-то только сейчас, видимо из каких-то своих тренерских соображений, сообщил, что он еще и леворукий. Ко всему, он был в хорошей боксерской амуниции: голубая шелковая майка, такие же трусы с белыми полосами на бедрах, и полубоксерки с высоко торчащими из них белыми шерстяными носками. А я же – опять в своих брезентовых кедах с красными носами и черными шнурками, с утра выданными на время из ботинок. Секундант у оппонента был тоже незнакомый, явно не из «нашенских»: уж слишком выглядел он интеллигентно. Пока председатель ДСО «Трудовик» говорил приветственную речь, мы как бы без интереса друг к другу присматривались. Если по-честному, ни чувств особых, ни волнения у меня не было. Все появилось, когда нас на центр пригласил рефери, он же главный судья соревнований. Мы коснулись друг друга перчатками, и я заперезживал. И лишь по той

причине, что лицо моего соперника было открытым и доброжелательным, а взгляд был совсем не хмурым и не угрожающим расправой. А когда он по гонгу вышел из своего угла и встал в стойку, высоко подняв обе руки, то стало совершенно ясно, что это боксер, и совершенно не наших краев школы. Формула боя была молодежная, финальная: три раунда по две минуты. Первый раунд прошел по обычной схеме: ты-меня, я-тебя, левой рукой я старался даже не показывать удар. Это разведка. В перерыве Николай Максимович, обмахивая меня полотенцем и одновременно натирая уши, ни на чем не настаивал, только приговаривал:

– Все как надо, все как надо.

Во втором туре парень показал, что он леворукий: два раза мне попал через правую. Он не выцеливал, чтобы сильно ударить, а боксировал, но уже к концу раунда я увидел, что он все-таки готовит свою ударную руку. Перед атакой ее отводил назад, и тогда я ударил в разрез, и угадал. Ударил не сильно, но точно. Левая – ударная у него была очень скоростная, и нырнуть под нее или уклониться для удара я не успевал, поэтому оставалось только бить в разрез. Под самый гонг я на автомате нырнул под его заднюю руку, ударил в печень и попал. Попал хорошо, прямо болячкой в локоть.

Сидя в перерыве в своем углу, я смотрел на столик врача, пытаюсь угадать, видела ли она мою реакцию после захода в печень. Но «нашенский» был в игре и как мог ее отвлекал. Похоже, публике в зале и всем собравшимся вокруг ринга

происходящее нравилось. Тренер, поливая меня водой, как-то, видимо незаметно для себя, назвал меня сынком. В третьем раунде Борисов намерился драться, на что имел основания, а главное, способности. Я опять попал в разрез, но уже сильнее. Его потрянуло, но рукой поля он не коснулся. Если бы это было так, бой бы остановили. Его и остановили, но только для осмотра врача. Я и сам-то не знал, куда попал, хотя целился в челюсть. Но, стоя в нейтральном углу, видел, как красивая врач тампоном протирала ему кровь. Видимо, бровь получила рассечение. Но все обошлось, и судья продолжил бой. Все же Борисов был потрясен, если не понял причину, почему пропустил один и тот же удар. И я еще раз ударил, и опять попал. Уже точно в челюсть. Но за секунду до этого сам пропустил удар в нос. И меня опять поставили в нейтральный угол, но уже с окровавленным носом. И пока моего противника осматривал врач, рефери меня вытирал мокрым полотенцем. Парень был мало того, что мастеровитый, но еще и мужественный. Он как-то себя так показал, что ему вновь разрешили продолжить бой. А потом прозвучал финальный гонг, до которого больше ничего не случилось, Николай Максимович был доволен и опять зачем-то пытался мне тереть уши. Когда нас вывели на центр ринга объявлять победителя, я не увидел в его глазах ни злости, ни разочарования. Наверное, таких противников и уважают. В этот раз он проиграл, но не сломался, да и крови с меня пустил достаточно. А если бы я не поменял красную майку

на белую, то и крови не было бы видно. В центре, в ярком свете, я стоял справа от рефери, и он мне поднял левую руку, как в песне «Мне поднял руку рефери, которой я не бил». И, наверное, это справедливо. Публика хорошо похлопала, а тренер все оглядывался, чтобы врач не ушла. Он успел меня к ней подвести, и когда сняли перчатку и размотали бинт, она задала лишь один вопрос:

– Это что, вы меня хотите убедить, что травма сегодняшняя?

Но тренер не хотел ее убеждать, он хотел прямо сейчас направление на рентген, и она его написала, правда, с угрозой, что и на Николая Максимовича напишет куда следует, но ему уже было все равно. Он был счастлив сегодняшним исходом. Потом было награждение грамотами с красными знаменами на головках, а для меня – какой-то особый подарок от председателя ДСО, завернутый в серую оберточную бумагу и перевязанный бечевкой. Николай Максимович, похоже, чего-то знал, потому что как только пошли переодеваться в комнате жонглеров, он дал побольше света и стал распаковывать сверток. Там было что-то не ожидаемое и ценное – настоящие импортные боксерки из чистой кожи красного цвета с длиннющими белыми шнурками. Какими путями из дружественной Венгрии они сюда попали, можно было только догадываться, а что они мне достались, пацану, была вообще сказочная реальность. По глазам Николая Максимовича можно было догадаться, что когда-то он сам мечтал о та-

ких. Они были на вырост, но и сейчас, с шерстяными носками, будут работать. Тренер сказал что-то вроде того, что меня ждет большое будущее, но если он имел в виду бокс, мне было жаль, но он ошибался.

Николай Максимович не дал мне даже пойти в душ. В фойе у гардероба было оживление, туда-сюда бегали официантки в кокошниках, видимо где-то тайно накрывали руководству, а буфетную площадку, конечно, заняли «нашенские». Тот, кто носил чемодан с красным крестом, нежно, по-джентельменски подпихивал красивую врачиху к буфетным дверям, да она, похоже, и не сильно противилась.

На улице уже смеркалось и дуло. Николай Максимович усадил меня в свой желтый «Москвич», завел его и долго прогрел мотор. Двери в старенькой машине подходили неплотно, и в щели задувало. Он повез меня в травмпункт, который, по распоряжению властей, в период скользкий и опасный работал до поздней ночи. Ехать было недалеко. Рентген определил какой-то, по словам врача, нехороший перелом. Врач хмыкал и ругался, что бродим по улице с такими болючими травмами, сделал обезболивающий укол и долго возился с гипсом, который был почему-то горячий. Когда вышли на улицу, уже совсем стемнело. Николай Максимович меня не отпустил и настоял, что повезет домой, что, мне казалось, было невозможным по таким заносам. Но он оказался рискованым, но хорошим водителем, и мы доехали до Дворца спорта. Мы почти не разговаривали, а он по

ходу движения довольно искусно матерился. Когда я выходил, раздались первые залпы праздничного салюта. Николай Максимович еще раз назвал меня сынком и что-то сунул в карман брезентовой куртки. Только дома я увидел, что это была пачка рублевых денег, прямо в банковской упаковке. Всего их было 100. Видимо, тренер отдал мне всю премию от ДСО «Трудовик». А было ли это справедливо? Но я знал, как этому обрадуется мама, а потому не стал глубже рассуждать. Вот такой у меня получился День Победы в 17 лет.

А с рукой вышло совсем непросто: гипс запретили снимать строжайшим образом. Ослушание грозило деформацией костей кисти и инвалидностью. Вот так, одной рукой, я помогал маме монтировать подпорки под совсем упавший забор и, как мог, хозяйствовал в огороде, но понятно, что с такой травмой пользы от меня было немного. В середине лета мне гипс заменили лангетом, вроде как все срасталось в правильных плоскостях. За это время произошли разные события, и главным из них было происшествие, случившееся уже во второй половине июля на том самом рынке, который был межой между новым и старым.

Тогда было обеденное время теплого летнего дня. «Нашенские», толпой отстучав по лапам и мешкам во Дворце спорта, двигались в новый город. Дойдя до базара, завалились в «штучный» отдел взять горячительного, а потом навестить своих знакомых и незнакомых в ЦПХ, сиречь женском общежитии. И пока они толпились возле «штучного»,

определяя свои финансовые возможности для покупки водки, один из них, по весу тяжеловес, а по манере поведения «дайте мне за уважение», решил, видно, пойти в место сладострастного отдыха с букетом цветов. С цветами стояли несколько бабушек в торговом ряду. Исходя из своего бычьего отношения ко всем и ко всему и луженой глотки, покупать цветы он явно не собирался. А бабушки, по своему воспитанию и наивности, его воспринимали покупателем и потряхивали букетики. И тут ему на глаза попался маленький кучерявенький мужичок с ведром свежих белых и бордовых георгинов, которые он только что принес и поставил на прилавок, чтобы бабушка торговала. «Нашенский» вцепился в ведро со словами:

– Ну-ка, мамаша, выдай букетик за уважение.

Женщина ответила, что букет денег стоит, и потянула ведро на себя, но здоровый дяденька отпихнул ее со словами:

– Сейчас все заберу, спекулянтка вонючая!

После этого события стали развиваться стремительно. Оказалось, что тот кучерявый мужичонка, что принес цветы на продажу, был авторитетом из Сезонки, а женщина, на которую напал «нашенский» – его матерью. Авторитета звали Валера, а дразнили Лешим. На прилавке торгового ряда лежал большой кухонный нож для подрезки цветов в собранных букетах, так вот этот нож в мгновение ока оказался внутри «нашенского» товарища, и был туда загнан с такой яростью, что вошел с ручкой и достал до самых жизненных

органов. Так вот, тот, кто привык, что ему давали за уважение, вероятно, где-то в женском общежитии, или водки наливали в пивбаре, упал замертво к ногам оторопевшей женщины. Ведро с цветами опрокинулось, и они художественно улеглись на его груди. Леший сразу исчез, а «нашенского» через некоторое время увезли на труповозке. Разговоров было много, и они все были в разных цветах и оттенках. В свой первый визит, еще в лангете, во Дворец спорта, я увидел его портрет с черной полосой, который стоял на тумбочке у буфетной стойки. На фото тот был, как и в жизни, — нахмуренный и с раздутыми ноздрями. Поминали его долго. В местной газете вышла заметка, по мне, так похожая на фельетон. Называлась она «Смерть на фоне правопорядка», и смысл ее состоял в том, что спортивный инструктор ДСО «Трудовик», дружинник, активист пытался препятствовать незаконной торговле и был зверски убит уголовниками. Хоронили его в красном гробу и под завывания духового оркестра. А Лешего так и не нашли в трущобах Сезонки.

Мне исполнилось 18 лет. В армию нас забирали поздней осенью, ближе к ноябрьским праздникам. Еще было время, его надо было как-то заполнить. Я пошел в Дом пионеров к Николаю Максимовичу с целью начать потихоньку тренироваться и был встречен необъяснимо прохладно. Тренер, вроде и был доброжелательным, но пытался как-то отстраняться, под предлогом, что он меня уже ничему научить не может, что было совершенной неправдой. А еще, что мне уже

18 лет, и меня затребовали обратно во Дворец спорта. Он меня отправлял к «нашенским», но вид у него был такой, что вроде как он меня хоронит. Это было не лукавство тренера, это была политика тех, кто платит и содержит. Они за эти деньги и музыку заказывали, иногда и похоронную.

У меня была возможность просто никуда не пойти, сославшись на травму, но я пошел, вроде как руководствуясь мыслью отработать те талоны на питание от ДСО «Трудовик» и не дать засохнуть замечательным красным боксеркам. И картинка в фильмоскопе провернулась. Я потихоньку стал принимать предложенные правила и погружаться в ту, кривую, реальность. Первое – я перестал бегать по утрам. Чтобы стоять в коротеньких спаррингах с дяденьками, у которых лишний вес, не надо было иметь хорошей дыхалки. А их огромное самомнение диктовало, что у них плюха – самая сильная, и они ее всегда стремились реализовать, что, как правило, плохо получалось. Но если они пропускали сами, то злоба была нескрываемая. Их самым любимым занятием было бить мешок в одно и то же место, пока кирза не лопалась. Им это казалось свидетельством совершенства. А «нашенскими» они называли друг друга сами. По количеству их было человек 25, из них 15 были действительными членами, а остальные – приходящие кандидаты без права голоса. Но я и без кандидатского стажа сразу попал в основной состав и был принят в ДСО «Трудовик» в качестве основного инструктора. Они все были членами ДНД – добровольной на-

родной дружины при ДСО «Трудовик», но в практическом смысле это было нечто другое.

В уже далекие времена, 2-го марта 1959-го года, в СССР были созданы добровольные народные дружины – ДНД, которые должны были оказывать помощь государственным и правоохранительным органам в охране общественного порядка в городах, коллективных хозяйствах и домоуправлениях. А также проводить воспитательную работу среди населения. В своей деятельности дружины получали помощь со стороны государства, комсомольских, партийных и профсоюзных организаций. На нашей территории, после того как на ней была ликвидирована сначала концессия, а потом и лагерная система управления нефтедобычей, правопорядок остро нуждался в свежих силах по удержанию населения в узде лозунга «Работай и не ропщи, твои дети будут жить при коммунизме». В 60-х годах на местном уровне решили, что лучше всего с такой задачей справятся профсоюзы, и поручено было вести эту работу добровольному спортивному обществу «Трудовик», собрав «нашенских» в боксерских кружках в рамках профсоюзного общества. Но со временем эта дружина стала сама определять для себя круг обязанностей. Они были похожи на утвержденные еще в 1927-м году НКВД СССР инструкции для общественных исполнителей:

- оказание помощи органам поддержания общественного порядка в борьбе с уголовной преступностью;
- содействие должностным лицам при исполнении ими

своих обязанностей;

– наблюдение за порядком на ярмарках и базарах.

Весь этот БРИГАДМИЛ просуществовал до 1958-го года, но «нашенские» позаимствовали правила своего поведения из еще более ранней практики, которая применялась в ходе восстания в Москве в 1905-м году, когда добровольные дружины участвовали в наведении порядка. «Нашенские», конечно, были не крайне правыми черносотенцами, а, скорее, крайне левыми. Начальникам во всех инстанциях нравилось такое положение. Крепкий кулак всегда был рядом, и начальство старалось хорошо финансировать и всячески помогать этому милицейско-спортивно-патриотическому объединению. Те, кто не был инструкторами в ДСО «Трудовик», на работе находились в постоянных отгулах, но во всех премиальных отчислениях активно участвовали и, соответственно, регулярно поощрялись по профсоюзной линии.

Как-то быстро, но не очень заметно для себя, я из спортсмена начал превращаться в молодого «нашенского». Максим Николаевич теперь при встречах старался отделаться общими приветствиями и пожеланиями беречь больную руку. А рука, кстати, быстро восстанавливалась и стала полноценной участницей сегодняшнего образа жизни. Фотографию зверски убитого дружинника по прозвищу «Дай за уважение» убрали с буфетной стойки куда-то в ящик. Подобных дружинников было много, и никто уже по убиенному не страдал. Такая она, наверное, справедливость. Меня сразу же офор-

мили инструктором в ДСО, благо ставка освободилась, и поставили в очередь на улучшение жилищных условий. Ставка, за исключением надбавки за выслугу лет, была такая же, как у мамы, она хоть и не понимала смысла моей работы, но была рада, что ее сын сам уже зарабатывает. Я, честно, не понимал, что собираюсь делать и чем жить. Время было летнее, и сейчас общественно-массовых мероприятий в городе было мало, поэтому «нашенских» задействовали не очень много, а большая их часть разъехалась по профсоюзным здравницам. Те, кто остался, выполняли мелкие поручения начальства, вроде как поговорить, а если плохо слышит, то по рылу. Вот в один такой рейд дружинников был задействован и я, благо, пока на вторых ролях, стажерских.

В то воскресенье прямо к крыльцу Дворца спорта подкаатила «Волга» с водителем, вертлявым и лохматым. Я смутно понимал, в чем проблема, но вроде как надо было кого-то вразумить за оскорбление женщины. С тем и подъехали к пятиэтажке, позвонили в дверь микродвушки хрущевского разлива, завалились все вчетвером в прихожую, в том числе и вертлявый шофер. Первый из нас был с красной книжкой члена ДНД. Открывший мужчина был subtilной наружности, которую подчеркивала изрядно застиранная и помятая майка, бывшая некогда голубой. Пока несколько секунд первый из «нашенских» объяснялся с мужчиной, мне стало понятно, в чем суть. Этот, в майке, был водителем трубовоза. Это когда ЗИЛ-131 тащил на полуприцепе несколько связок

шестиметровых толстостенных труб. Все это длилось сутками, по болотам, и после разгрузки он возвращался назад, в город, опять под загрузку. И в городе на какой-то яме прицеп подпрыгнул и обрызгал проходящую мимо гражданку, а они с грузчиком уже были безвылазно в кабине неделю и даже этого не заметили, и через три минуты остановились у магазина, чтобы купить «сугрев». Вроде как к ним подошла эта гражданка и сделала им замечание, а он на нее вроде как замахнулся и что-то обидное сказал. «Нашенские» поняли, что это тот самый, и его последними словами было, что она сама, первая, начала их материть. На слове «материть» «нашенский» левым хуком залепил ему в челюсть, тот рухнул на пол, рот его был окровавлен. Протиснулся вертлявый шофер и злобно пнул лежащего. И тут случилось продолжение. Из комнаты, с детским стульчиком ножками вперед, выскочил мужик, тоже в майке и не очень мускулистый, с красным обветренным лицом. Это был тот самый грузчик с трубоваза, который утром, в метель, приходил ко мне за пустой банкой. Он кричал, что был рядом и все слышал и видел, но второй из «нашенских» правой «боковухой», как по кирзовому мешку, вlepил ему в левое ухо прямо через стул. Тот рухнул на колени с открытыми бездумными глазами. Убедившись, что все получили, мы стали уходить, но вдруг в глубине комнаты раздался детский плач. Когда ехали назад, «нашенские» молчали, а вертлявый шофер болтал без конца. Из этой болтовни я, наконец, понял, за кого мы ездили спраши-

вать, и чей зад возит эта служебная «Волга». Я был наслышан об этих персонах, где папа – ответственный работник исполкома, а мама – зам. начальника Горторга, а их дочка, которая и попала под брызги из-под колеса – наглая и беспробудная дура. Однажды мне случилось с ней пообщаться, и не дай Бог еще раз. Пройдет, наверное, неделя, когда я лицом к лицу в проулке столкнусь со своим соседом. Он как-то незрячими глазами посмотрел на меня и совсем безучастно спросил:

– Что, сосед, ты теперь с блядьми? Хорошо, что отец твой не дожил.

И он пошел в свой дом, туда, где его ждала хромоножка. И я пошел домой, отдыхать после трудового дня. Тренируй «плюху», и она пригодится – вот такая справедливость. Я помаленьку привыкал к своему новому статусу, правда, во вкус еще не вошел. Но меня уже активно учили жить «правильно».

Прошел месяц, и уже макушка лета. Осенью для меня неизбежно придет армия, но возвращаться мне теперь будет куда. Я уже буду возрастным и натасканным. За этот месяц было одно массовое мероприятие, наподобие русского кулачного боя стенка на стенку.

Восемнадцатилетний мальчик Коля, для которого папа уже заготовил белый билет по причине плоскостопия, в субботу за завтраком был очень грустным. Он всегда ходил в городской парк на танцы, а вчера вернулся расстроенный, от-

того плохо спал, был без аппетита и жаловался на мигрень. Мама его уже и так, и эдак, и компресс, и таблетки, и даже растерла ему виски дефицитной «Золотой звездой» корейского производства, которая нещадно воняла. Улучшение не наступало, хотя «Золотой звезды» извели полбанки, и она даже своим запахом наследила на горячих блинчиках с первой горбушовой икрой. Их мальчик был рослым, крепким, скорым на язык, но сейчас чем-то сильно встревожен, и своим видом это показывал. Он один раз только откусил от блина, икра посыпалась на тарелку, Коленька раздраженно бросил блин и ушел в свою комнату. Папа с мамой остались встревоженными, у мамы были уже красные глаза, и она начала чуть похлюпывать носом. Папа знал, что в таком состоянии она обязательно сейчас что-нибудь выдаст, так и получилось. Мама поднесла к глазам краешек расписанного пестухами полотенца и сказала:

– Ты никогда не мог до него достучаться!

Для нее, когда-то выпускницы музыкального училища и дочки партийного работника, эта фраза была очень длинной и энергоемкой. Она никогда не противилась мужу, да и как можно было возражать человеку, который состоит на должности охранителя социалистической законности? А когда она утром, у окна, видела, как ее муж, в наглаженном мундире, из подъезда выходит к своей персональной черной «Волге», она всегда была прямо в волнениях. А вот сейчас она предчувствовала какую-то неожиданную беду. Но муж, по

своей специальности, умел располагать к себе и допрашивать, и он, запахнув халат, пошел в комнату своего наследника и, конечно же, воспреемника. А мама нервно убирала то, что было завтраком, то и дело скользя по мягкому ковру к двери, стараясь прислушиваться, но там что-то непонятно бурчали. Потом Коленька что-то нервно выкрикивал, а потом опять бурчали. Мама дважды кипятила самовар в ожидании мужа, а он вышел из комнаты, воткнул вилку в розетку и сел смотреть телевизор. С экрана голосом Кобзона завершилась какая-то серия утреннего показа сериала «17 мгновений весны». Кобзон пел о верности, чести и достоинстве. Муж молча пересел за обеденный стол и попросил коньяка. Все было сразу исполнено, да еще и блюдечко с подслащенным лимоном. Он выпил и начал делиться тем, что понял из слов Коленьки. И первое, что он поведал, – что у Коли появилась девочка. Где он с ней познакомился, и из какой она семьи, не рассказал, но было понятно, что она ему очень нравится. Вчера они с ней днем сходили в кино, а вечером договорились встретиться на танцах в городском парке, и встретились. Мама от таких вестей совсем разволновалась, а папа проглотил еще одну рюмку коньяка. Тот был что надо, французским, но тоже, казалось, отдавал «Золотой звездой». Наверное, это было от рук жены, которая поддерживала рюмку и наливала, так как эта вонь плохо смывалась с рук.

Папа продолжил свой тревожный рассказ. Они встретились на танцах, но после первого же медленного танца к

нему подошли двое, возможно, выпивших, и в грубой форме предъявили ультиматум, что, если он еще раз подойдет к этой девушке, то рыло (так и сказали!) будет разбито. Дальше мама уже не могла слушать, она вбежала в комнату сына и стала плакать, глядя его по головке и говоря всякие утешительные слова, что они будут бороться за его девушку, если она, конечно, того стоит. На эти слова Колечка отреагировал бурно и отшвырнул ее утешающую руку. Она вернулась назад за стол, муж еще выпил, и сейчас его скривило от, видимо, недостаточно подслащенного лимона. Муж рассказал, что было дальше. Сын, с его слов, стал огрызаться, и пообещал привести своих друзей, которые разберутся с нападающими. Так вот, эти разборки назначили на сегодня, на 21 час, у танцплощадки, под щитом «Берегите лес от пожаров». А папа с мамой точно знали, что у Коленьки никогда не было никаких друзей, и они всегда сами за это боролись, убеждали его, что дружить можно только с равными себе. А где их, равных, наберешь? Мама начала настаивать на звонке начальнику городской милиции, надо было восстановить справедливость! Но папа еще не закончил рассказ, который поведал ему сын. Так вот, оказывается, Коленька до конца танцев прятался в кустах стланика и наблюдал, как к концу вечера его избранница, смеясь, ушла в компании этих наглецов. Это его добило окончательно, и он пошел домой, бесславный и отвергнутый. Звонить начальнику милиции он, конечно, не станет. В происходящем не было никакого юри-

дического смысла, и поэтому решение этой проблемы лежало где-то не в правовой плоскости. Но он позвонил домой Председателю местного Совета депутатов, и тот без всяких демагогических рассуждений сказал, что сегодня в 21 час под щитом «Берегите лес от пожаров» вопрос будет решен по самой надежной схеме. Тот, хоть и был болтун и враль, но для прокурора города он не мог пообещать и не сделать. Папа чуть успокоился и стал маму успокаивать, а Коленька все страдал в своей комнате при закрытой двери.

В 20:30 пятеро «нашенских», и я – шестой, были уже в зоне видимости щита «Берегите лес от пожаров». Мы сегодня в роли вновь обретенных Колиных друзей, то есть друзья прокурора. Один из «нашенских» подошел к дежурившим тут двум милиционерам. После короткого разговора он им показал далеко в сторону, и те услужливо туда зашагали, стуча подковами на сапогах. Мы же, для большей конспирации, сидели на корточках, на манер уголовников. «Нашенские» были настроены и размяты. Где-то в десятке метров от щита, прямо у штaketника танцплощадки, толкалась небольшая группа лохматой молодежи в цветастых рубашках с воротниками-ушами и в клешах. Мне очень не хотелось думать, что это наши злодеи, те пацаны, похоже, были еще старшеклассниками. Но механизм уже запущен, и акция должна быть исполнена. В 21 час, минута в минуту, под щитом появился, похоже, наш оппонент, такой же лохматый, в яркой оранжевой рубашке, в клешах. Те, что стояли у забо-

ра, двинулись тоже под щит. Их оказалось как нас – 6 человек, но этот паритет был явно не в их пользу. Они все быстро попадали, их били так, что, верно, без последствий это не осталось. Один мальчишка пытался встать с земли, он был в полуобморочном состоянии. Так вот, Николаша со всей дури зарядил ему ногой в лицо и ударил бы второй раз, если бы я его не оттолкнул. А в ближайших кустах был виден блеск кокард на милицейских фуражках. Сейчас мы уйдем, а они потащат этих детей в пункт правопорядка, спрашивать с них за правонарушение. После «избиения младенцев» «нашенские» куда-то двинулись, а мне очень хотелось узнать, как там у Штирлица с Мюллером закончилось.

В доме у нас стоял черно-белый «Горизонт». Мы его не смотрели по причине сломанной антенны, а вот вчера я сделал антенну из сломанной раскладушки, установил на крышу. Она упала, но все же показывала, благо, что дом стоял на бугре. Я кое-где подмотал провод синей изоляцией, и стало показывать, не очень, конечно, но понятно. На Штирлица я опоздал, но успел на субботнюю передачу «А ну-ка, девушки!».

Но история с Николашей для меня еще не кончилась, папаша евонный поручил еще пару танцев за ним присмотреть. Выбор, конечно, пал на меня. В следующую субботу и воскресенье я дежурил на танцплощадке, пока мальчик тряс гривой и кривлялся. Чувствуя за собой такого друга, как я, он вел себя совсем отвязно. Но ни побитые больше не по-

являлись, ни та девочка, которую возжелал сынок большого начальника.

У «нашенских» не всегда все гладко проходило. Притча про Леву с уст не сходила с прошлого лета. Ее вспоминали и под пиво, и под водку, в разных интерпретациях. Лева – здоровый парень, когда-то где-то на материке в тяжелом весе вроде пару раз выходил на ринг. Пришел сюда он по неизвестным причинам. Он где-то работал на узкоколейке и был из первых, кто рвал мешки, то есть у него была та самая «плюха». Дразнили его Лева Пробитый, он нечетко изъяснялся и, бывало, головой потряхивал. Но не злился, и под пиво свою историю сам охотно и рассказывал.

Ну, а дело было так: в Сезонке, как видно из названия, построенной на один сезон, в первом ряду сверху, во втором бараке проживал один тип, который беспокоил общественность, и усмирить его поручили Лева Пробитому, он в то время где-то пути рядом ремонтировал. Задание было самое простое – вызвать на улицу, ничего не объяснять и вдарить с шажком вперед с правой. Чтобы только не перепутал! Фамилия и имя типа были неизвестны, только кличка – Батюшка, да что у него на двери прибит деревянный крест, и вроде как он и не блатной, но собрал какую-то общину. Участкового туда отправляли, но Батюшка пригрозил ему проклятием, и он боится туда снова идти. Но, конечно, таким проклятьем Леву Пробитого было не запугать, и он пошел туда в обеденный перерыв, даже не сняв грязной спецовки. У входа в обо-

значенный барак, в малюсеньком палисаднике, стоял здоровый мужик с бородой, в каком-то черном платье, а на груди у него был крест на веревке. Лева Пробитый сразу и промыслил, что это и есть искомый Батюшка. Повезло, подумалось ему, даже на улицу не придется вытаскивать. Он прямо и спросил:

– Это ты будешь Батюшка?

Тот отставил лопату и ответил так:

– Да, сынок, Божьей милостью стараюсь слово Господне донести.

И Лева Пробитый поплыл. Нет, чтобы сделать шагок вперед и зарядить с правой, он начал разговаривать. Так как сам говорил очень плохо и совсем без мата не мог, то уже через минуту Батюшка закричал:

– Изыди, Сатана! – и схватился за лопату.

В эту самую минуту к ним со всех сторон побежали старушки, видимо активные участницы группировки «Община». Лева Пробитый все-таки пытался ударить через торчащую в его сторону лопату, но промахнулся, и в одночасье вынужден был отступить. Примечательно в этой истории то, что Леву Пробитого расписали в местной газете как передовика производства, подвергшегося нападкам религиозных экстремистов. Эта заметка заканчивалась восклицанием «Когда, наконец, закончится это религиозное мракобесие, и мы будем дышать свободно»? Получалось, что свободы кругом было – завались, только мракобесы не давали ее вдыхать.

Детей в соседнем, маленьком, зале «нашенские» тренировали по очереди. Ребята с замиранием сердца прислушивались, как за стенкой взрослые мастера лупят снаряды. Когда я смотрел на этих пацанов с барачных участков и видел, как они рвутся получить перчатки, хоть рваные, хоть грязные, я желал им никогда их не получить.

Сегодня воскресенье, мама подкопала на огороде молодой картошки, мелкой и красной, сварила ее прямо в кожуре, которая на картошке вся растопырилась. Все это было под постным маслом, да еще со своим укропчиком и, поверьте, очень вкусно. А между тем, приближался день полочки, и мне чуть ли не каждый напоминал, что придется с этой полочки проставиться, и не просто так, в буфете Дворца спорта, а по-настоящему. Как это, я не знал, но коли сказали, в следующий четверг, значит, в бане. Как всегда, послали двух на полчаса раньше, запугать банщика тем, что предложат ему подвигаться по очкам и расчистить для остальных поляну под свежую бочку пива.

В среду, после обеда, я пришел в контору ДСО «Трудовик» за вожденной зарплатой. В конторе была одна секретарша по имени Лола Евгеньевна. Ей было глубоко за 30, она была роста среднего, не худая и не толстая. Я уже много чего про нее наслушался от «нашенских», которые ее при каждом удобном случае обмусоливали в своих скабрёзных разговорах. Она, конечно же, была в очень близких отношениях с шефом, который выделил ей небольшую служебную кварти-

ру, и сейчас трудилась не покладая рук, чтобы эту квартиру на себя оформить, и притом улучшить жилищные условия. Но те, кто отвечал за улучшение жилплощади, были, как правило, дряхлыми и давно женатыми, поэтому она между делом привечала и молодых. Боюсь, что я тоже был замечен.

Она усадила меня за приставной столик, а сама уселась боком на маленький диванчик, что стоял напротив, и так закинула ногу на ногу, что стала похожа на актрису из зарубежного фильма 16+. Я хотел сказать, зачем пришел, но она перебила, поведав, что, хотя нет бухгалтерии, для меня все приготовлено. Потом, потряхивая грудями, стала рассказывать, как ей понравился мой поединок на сцене Дворца культуры, при этом еще и кинулась ощупывать мою руку с переломом. К моему неудовольствию, вся эта история с переломом в подробностях обсуждалась. Лола Евгеньевна открыла ящик стола и достала оттуда коробку, после чего настойчиво потребовала, чтобы я закрыл глаза. Я не закрывал, она кокетливо обозвала меня злючкой и достала оттуда значок перворазрядника по боксу. Это был максимум, который мне мог дать ДСО «Трудовик». Женщина начала пытаться пристегнуть на меня этот значок, при этом пританцовывая бедрами и тряся грудью. В таких приемах я вообще был не искушен, и потому на меня это действовало затравочно. Я забрал значок и спрятал его в карман. Во втором акте она достала из стола бумажный сверток, в котором была моя зарплата. Это был рыжий брусок рублей в банковской упаковке, как

тот, что мне весной подарил Николай Максимович. До меня уже доходили слухи, что он сильно болел. Я вроде и хотел навестить его, но то ли не знал куда идти, то ли не сильно рвался, то ли стыдился, что быстро оставил его, да помимо того, еще и вес набрал, а он бы это сразу заметил. К 100 рублям еще были 4 синие пятерки и 68 копеек. В довесок Лола Евгеньевна дала мне целый лист талонов, на которые можно было отовариваться в любой местной столовой. Напоследок она предложила чаю с конфетами. Я отказался. После этого она стала совсем откровенной, и наша встреча закончилась фразой, что если я позвоню ей на рабочий телефон и предупрежу, то она обязательно пригласит меня к себе на настоящий индийский чай в гости.

Маленький брусочек в 100 рублей я отдал маме, она меня обняла и опять же где-то про себя поплакала, а я надеялся, что 20 рублей и 68 копеек мне хватит проставиться. Только 68 копеек – это целые три кружки пива. В этот же день я у барачников купил две свежекопченые горбуши за два рубля. Водку же задумал приобрести в том самом «штучном» на базаре, который был мне по дороге. Вчера мне сказали «нашенские», что помимо того, что проставляюсь, я еще и прописываюсь. Все становилось еще более запутанным. А еще больше запуталось все именно в среду, на вечерней тренировке, перед баннным четвергом. Тогда я вышел на ринг с одной из «нашенских» дурмашин, разница в весе у нас была не менее 40 килограмм. Тот вышел, как обычно, подвигаться.

И, как принято, он все время порывался ударить посильнее, но я изловчился и попал ему в бороду. Он опустил руки, потряс бычьей головой и сказал:

– Все, финиш.

Мы стукнулись перчатками. Этот жест всегда означал окончание поединка. Как только я полуотвернулся, он меня ударил в голову, явно хотел очень сильно вложиться, но его удар пришелся вскользь. Видимо, я неплохо попал минутой назад. Я не упал, но на несколько секунд потерялся. А эта дурмашина начала развязывать зубами узлы на перчатках и приговаривать:

– Никогда не расслабляйся, молодой, а то схавают.

Я смотрел, что всем окружающим было наплевать на происходящее, да и я не искал сторонников и сочувствующих, и это тоже справедливо, наверное.

Простава была назначена на 17 часов. Если кто-то из «нашенских» где-то и работал, то имел в четверг право на укороченный день по причине того, что у него обязательная баня. И руководство предприятий шло на поводу и отпускало их. Около 17 часов в четверг я замотал обе рыбы в газеты, положил этот сверток в авоську и пошел через марь по скрипучему тротуару. Там за мной увязались две совсем безродные собаки, но, наверное, они привязались не ко мне, а к духу свежего копчения. Настроение у меня было так себе, но и особого беспокойства я не испытывал. На базаре у «штучного» толкался все тот же бездомный люд, вонючий и зассанный.

Из самого магазина их гнали, поэтому они стояли, подпирая стену. Если честно, водку я уже дважды пробовал, но сам покупал, да еще в таком количестве, первый раз. Загрузил в сетчатую авоську пять бутылок «Московской», что с белыми бескозырками, и ушел под грустные взгляды людей, по разным обстоятельствам выброшенных из так называемой нормальной жизни.

Собаки отстали, бутылки позванивали под мой ровный, уверенный шаг. «Нашенские» уже прибывали, банщик с потными щеками готовил кабинки, раскладывал простыни. Тут я узнал, что мы в баню могли ходить по талонам в силу каких-то профсоюзных договоренностей. В примыкающей к раздевалке комнате, вроде для отдыха, был буфет. «Нашенские» сдвинули три стола, на которые я выставил водку и положил рыбу. «Нашенские» принялись мять ее руками и нюхать, одобрительно бухтя.

За стойкой стоял большой самовар, судя по всему, он никогда не работал. Под стойкой буфета стояла бочка, из бочки через стойку выходила никелированная трубка, которая венчалась большим краном со здоровой ручкой. Это был источник пива под названием «Жигули». В витрину на продажу были выставлены бутерброды с плавленым сыром «Дружба», вареные яйца и консервы из частичковой рыбы, и те самые пирожные «Кольцо». Но, в общем, был ассортимент для распития горячительных напитков. Буфетчицы почему-то все похожи друг на друга, маленькие, толстые, в мелких куче-

ряшках и с красной помадой. Эта взялась рыбу резать, а мы пошли в моечную, погреть тазиками.

У дверей в парилку собиралась партия клиентов под свежий пар. Было заметно, что простой люд нас сторонится, старается даже свои тазики рядом с нашими не ставить. После трех минут в парилке, где температура в момент становилась как на поверхности Венеры, все прошлепали в буфет. Кое-кто уже разминался пивом, и одну бутылку кто-то уже открыл. Для водки не было отдельной посуды, допивали пиво и наливали водку, а кто-то прям в пиво наливал водку, в эти здоровенные тяжелые кружки. Мне налили точно по такой же схеме и ревностно смотрели, чтобы я не филонил, – учили молодого. Наконец-то на какой-то клеенке притащили резаную рыбу. Темп распития ускорился, потом я еще раз вроде как заходил в парилку и старался облиться побольше холодной водой, такими водными процедурами баловались все «нашенские», только они еще успевали задеть окружающих и показать им свои зубы. Пить заставили и банщика, только буфетчица в равную с ними огрызалась и водку употреблять не стала. Я сидел в мокрой простыне с пустой головой, в которую приходили совершенно непримиримые мысли, что было бы хорошо пойти сейчас на чашечку индийского чая из банки к Лоле Евгеньевне, но до попытки реализовать этот план не дошло. После двухчасовой интенсивной пьянки все стали разбредаться. Банщику, видимо авансом, все же дали оплеуху, и еще одному врезали, который трижды выдвигал

требование сильно не орать. Думаю, все двинулись в ЦПХ, а меня не взяли, но я, похоже, и не просился.

Оказавшись на своем привычном маршруте, в сторону дома я двигался на автомате и где-то уже на тротуаре через марь увидел тех двух беспородных собак, которые трусили сзади. Мне главное было попадать в площадь тротуара и не идти по раскисшим торфяным кочкам. На мосту через «Нефтянку» я немного постоял, любуясь рельефами, и пошел в гору к своей калитке. Кто-то мне на этом пути встретился, и вроде это был опять тот самый сосед – грузчик с трубовоза. Собаки довели меня прямо до калитки. На счастье, мама была на дежурстве. Увидев, что собаки устроились у калитки, я вывалил макароны со сковородки и отнес им. Потом стал раздеваться. В кармане брюк, к удивлению, остались два рубля и мелочь. Так состоялась моя прописка и проставка. А руки у меня воняли, как будто копченые. Под этот запах я и вырубился. Последнее, что я помнил, – что вместе со всеми курил «Беломор», от рук воняло еще и этими впечатлениями.

Но эта банная вечеря, как оказалось, совсем еще не закончилась, и продолжение ее началось сразу на следующий день, как только большинство собралось в зале Дворца спорта. Я теперь стал отчетливо понимать, почему многие с утра бывают хмурыми, ибо был тоже не очень весел. Но тогда существовало мнение, что все это надо выгонять потом, поэтому я тоже начал подпрыгивать, стучать во что попало и даже

повоевал с тенью врага.

Среди «нашенских» был нерусский, которого звали Абас, но на деле его дразнили Абдуллой, что в переводе с персидского означает «раб божий». Мне кажется, это прозвище к нему приклеилось после 1970-го года, и оно было заимствовано из фильма «Белое солнце пустыни». На манер того, черного Абдуллы, он тоже отрастил себе бороду, но без усов, и сам себя называл Абдуллой, вот с таким прозвищем и остался. Так вот, Абдулла, видимо, тоже мечтал о гареме, а потому любая хорошенькая женщина рядом с другим виделась ему как личное оскорбление. Боксером он был никаким, хотя вроде когда-то в юношах и занимался, зато был большой мастер нагнуть жути. Зубы у него были редкие и заостренные, и улыбкой он мог нагнуть ужас на слабонервных. И болтать он был мастер, особенно, когда сам себя хвалил. Так вот, в продолжение нашей вчерашней гулянки по поводу проставы и прописки, к нам на синем «Москвиче» приехали два мента – лейтенант в форме мышинового цвета и человек в штатском с папочкой, и приехали они как раз по душу Абдуллы.

Дознаватель рассказал, что на Абдуллу (предположительно) утром в городской отдел милиции принесли заявление, и, к несчастью, молодой дежурный по непониманию оперативной обстановки в городе не разобрался и зарегистрировал его. Дознаватель ничего не записывал, он даже не допрашивал, просто рассказывал. Заявление написала гражданка по имени Фая, фамилию заявительницы он не стал говорить

из каких-то своих соображений. Эта Фая вчера пришла в гости к своей коллеге по работе, которая проживала в общежитии по известному адресу.

– Они сидели в комнате, когда туда вломился пьяный мужчина жуткой наружности, вроде похожий на вас, – милиционер показал пальцем на Абдуллу. – Так вот, он выгнал ее подругу, закрыл дверь на ключ и начал домогаться с целью изнасилования, дважды ее сильно ударил в живот кулаком, но она вырвалась и выпрыгнула в окно. Хоть этаж был второй, девушка сломала ногу. Об этой травме и об ударах в живот есть медицинская справка. У заявителя есть большое желание дать делу ход.

Такими словами закончил дознаватель свой рассказ. Но заявление с регистрационным номером не показал, хотя оно наверняка лежало у него в папке. Он, вероятно, боялся, что там, куда он пришел, это заявление могут просто отобрать и уничтожить. Цель его визита была, видимо, в том, что ни фамилии, ни имени его она не знала, и он собирался отписаться, что лицо не установлено, и дело не возбудят. И еще он очень просил Абдуллу не появляться в общежитии какое-то время. Неприятный, конечно, визитер, дознаватель, но не опасный. Хотя Абдулла, похоже, испугался, глаза у него бегали, а слюна выделялась изобильно. Он что-то бормотал не очень понятно. Но все это еще только начиналось, и завтра в это же время сюда заявится уже другой, опасный, визитер, и с другими намерениями. Придет человек, которому каза-

лось, что он восстановит эту самую, ускользающую, справедливость.

Утром я уже как бы и забыл и про пиво, и про водку, выпитые накануне, но меня эта ситуация что-то забеспокоила. Именно то, что пришла милиция, а не то, что сотворил Абдулла. Ужасно то, что я себя поймал на мысли, что плохо не то, что сделал Абдулла, а то, что милиция приходила.

У моей калитки орали, из бараков пришли двое с мешком вяленой горбуши. Приметили их менты, и они за копейки избавлялись от своего продукта. Если я в прошлый раз за два рубля купил две штуки, то сегодня они за два рубля предлагали пять штук. И я за свои два рубля, оставшиеся от пьянки, взял рыбу. У нас в доме стоял холодильник «Бирюса», он был маленький, но очень шумный. На зиму мы его отключали, да и летом он работал не всегда. Во-первых, будил ночами своими прыжками при срабатывании реле включения, что уже в голове начало ассоциироваться со случавшимися здесь подземными толчками. Во-вторых, у него была болячка еще с рождения – теплоизоляционный слой в нем был исполнен из стекловаты, и она каким-то образом оттуда просачивалась и попадала в рот. Ощущения были не очень. Вообще, он у нас был не из магазина, мама приобрела его у кого-то из выезжающих с этой земли. В чрево холодильника я и затолкал эту рыбу. «Бирюса» понимающе включилась, при этом громко заурчала, пританцовывая по полу.

Конец августа. Утро было удивительно теплым, я прямо

в трусах вышел в огород. Прямо по краям грядок со всякой огородной мелочью были рассыпаны ярко-голубые мелкие незабудки. Это просто было Царствие небесное. А крупные цветы – георгины и гладиолусы – уже набрали свою силу перед первым сентября. Туда-сюда пролетали то стрекозы, то бабочки разных расцветок. Вот оно – тепло, которое приносит свет и жизнь. Конечно, это не то тепло от перегретого пара недавней парной. Я вырвал два куста картошки, собрал их в когда-то эмалированное ведро без ручки. Это были красные ровные клубни, я хотел сварить их на обед. Дома я заметил на столе мамину записку и рубль. Она просила сходить за хлебом. Лагутин на стене больше никак на меня не реагировал. Я оделся и отправился в магазин. У бараков встретил телегу, в которую была впряжена старая лошадка, а ездок – дедушка. Я его с малых лет помнил только так, с лошадкой. Это был очень добрый дед, каждый год под зиму он на этой лошадке выезжал в лес и в мешки собирал со стланика шишки, затаскивал все это на чердак своей лачуги и рассыпал там. В суровые снежные зимние дни он пускал нас, сопляков, по кривой лестнице туда, и мы отогревались и грызли эти шишки. Он, как и многие, завербовался сюда, убегая от страшного голода в Поволжье в 1946–1947-х годах, и знал цену любому зернышку. Я с ним поздоровался, но дедушка, видимо, уже совсем плохо видел, а дорогу до дома находила сама лошадка.

У подъезда барака, где жили те самые рыболовы, что сво-

им трудом пытались накормить соседей, никого видно не было, но стоял подозрительный «газик» с брезентовым верхом. Вдоль дороги было полно подорожника, покрытого толстым слоем пыли. Одуванчики давно отцвели и сейчас разлетались мелкими парашютиками. Черный ворон, отливая синевой, сидел на макушке электрического столба. Огромный клюв у него был как руль, и он был направлен в сторону давно не убираемой и завонявшейся помойки. Я поднял палку и стукнул по деревянному столбу. К моему удивлению, эта умная и осторожная птица даже не среагировала. Ворон, наверное, знал, что сейчас эту копченую рыбу заставят закапывать в помойку, чтобы людям не досталась. Тогда-то и наступит время стервятников. Это и была высшая справедливость закона.

Двухэтажный магазин из железных листов, покрашенный броской синей краской, был типичным памятником японского концессионного режима, но вентиляционные будки в виде фигур рыцарей все так же бодро сторожили крышу. Внизу был просторный зал с несколькими железными колоннами, выкрашенный коричневой половой краской, народу было немного, в гастрономическом отделе на стенах стояли пирамиды консервов: рыбных, из частиковой рыбы, лосось, крабы и бело-синие банки сгущенки. А за стеклом витрины – здоровая емкость с кусками маргарина и ржавой селедкой по 66 копеек, постное масло на разлив в банки и бутылки. Бакалейный отдел всегда выглядел празднично, за стеклян-

ными витринами блестяли серебром пирамиды и даже сказочные башни из шоколадных плиток, пачки фруктового киселя и ячменный напиток в сине-зеленых упаковках. Были еще вазы с шоколадками «Сказки Пушкина» и «Басни Крылова», конфеты «Ромашка» по 4 руб.20 коп. и ириски «Золотой ключик» и «Тузик». А в хлебном – большие лотки с черным по 16 копеек и белым по 22 копейки. Я набрал хлеба под имеющийся у меня рубль – четыре булки по 16 и одну по 22. Итого на сдачу пришлось 14 копеек. Хлебом мы подкармливали курочек, летом мелко рубили траву, смешивали с хлебом и угощали свое хозяйство, и все это было, конечно, в нарушение закона, который запрещал кормить домашнюю скотину хлебом. Только куры не знали этого закона и просили еды. Вы видели хоть раз, как плачут от голода куры?

Я в этот магазин ходил с раннего детства. Тогда прямо напротив выхода стоял маленький домик, похожий на сарай, сколоченный из фанеры и с гордым названием «Скобяной». В нем торговали кастрюлями, розетками и всяким бытовым скарбом. Но в том сарае был маленький стеклянный прилавок, и там среди всяких штучек я увидел тогда, что рядом с алюминиевыми ложками и стальным подстаканником лежала совершенно притягательная для меня вещь – фонарик-жучок. Он был квадратный и с блестящим отражателем внутри, из которого торчала круглая лампочка, а еще там был складной ножик с шилом и штопором. Так вот, это не главное, а среди отверток и бруска для заточки ножей я

разглядел главный для меня экспонат. Он мне показался каким-то предметом из сказки. Я, когда приходил в магазин за хлебом, всегда заходил сюда и его рассматривал. И той зимой я так же стоял у витрины, шмыгая носом и отогревая ладони от холода. Никого не было больше в магазине, а за прилавком стояла женщина в какой-то лохматой телогрейке, похожая на нашу училку. Видно, вид у меня был юморной, она улыбнулась и спросила:

– Что ты там, малой, все время ходишь, рассматриваешь? Вижу тебя уже не в первый раз.

Я ткнул пальцем в стекло, она открыла крышку и поставила передо мной подставочку из картона, в тело которой была вделана эта вещь, что столь нестерпимо меня притягивала. Я посмотрел на добрую продавщицу, и она мне кивнула. Я взял этот предмет в застывшую руку, это было легкое, верно алюминиевое, колечко, украшенное прямоугольником, где на черном фоне на коне сидел рыцарь с направленным вниз копьем. Фигурка была желтенькая и хорошо очерченная на черном. Внизу колечко было разрезано, видимо его можно было надеть на любой палец. Я испытывал внутренне непонятный трепет от этого изображения, а стоило оно 4 рубля 70 копеек. Зашел какой-то заснеженный мужик, и у меня забрали колечко и сунули под витрину, только теперь уже между пачкой свечей и значком с улыбающимся Гагариным. Мужик приценивался к большому чайнику, а я вышел на ветер и побрел в гору до дома, держа на горбу пять

булок хлеба. Многим позже я прочту все доступные мне варианты жития этого рыцаря святости и мужества, который пострадал во время великого гонения при императоре Диоклетиане, когда его после восьмидневных мучений обезглавили. Это один из главных христианских святых мучеников всех церквей. Он убивал дракона. Наверное, какая-то тайна была от того, что на самом краю земли, в самом обезличенном месте, в фанерной будке к ребенку пришел этот образ. В месте, где дети даже в тетрадках крестики не рисовали, а только звездочки и галочки. Но теперь уже этой будки не было, и куда-то ушла острота тех самых чистых ощущений мира, его пространства и времени.

А сегодня, по дороге назад, я встретил тот самый ГАЗ-69 с брезентовым верхом, успел разглядеть только то, что рядом с водителем сидела женщина с номенклатурным лицом в капроновом шарфике. Улица была пуста, а ворон уже сидел на помойке и озирался по сторонам. Возле моей калитки стояла пустая трехлитровая банка. Долго же мне ее возвращали, с того самого метельного утра 9 мая. Но все по справедливости: долг платежом красен. К обеду вернулась с дежурства мама, от моего рассказа про рыбу и помойку она расплакалась:

– Вот бы нам эту рыбку с помойки, да курочкам дать.

Я тут же предложил одну из тех, что купил сегодня, отдать курочкам.

Она сказала:

– Давай, сынок, пусть птички тоже будут радостные.

А курочек-то всего, вместе с петухом, было 6 штук. Только я побоялся, что рыбка достанется не курочкам, а крысам, как та рыба – стервятникам.

На вечерней тренировке вся «голова» «нашенских» заседала в раздевалке. Были причины для разговора, а именно – продолжение вчерашних объяснений. Здесь же присутствовал Абдулла. Уголовное дело, как и ожидалось, возбуждено не было. Злоумышленника объявили в местный розыск, и вся тема готовилась умереть. Но так не случилось, эта девушка, Фая, оказалась студенткой нефтяного техникума где-то в Татарии и была прислана родителями пройти практику под присмотром своего родного дяди – брата ее матери. А этим дядей был Федя Загидул; ситуация стала приобретать зловещий окрас. Этот человек жил от всех отдельно, обладал высшей степенью дерзости и мстительности, а также был всегда последователен в своих поступках. Все, кто имел с ним какие-либо конфликты, даже самые малые, были биты самым жестоким образом. Проживая от всех отдельно, он был не одинок – за ним числилась группа людей примерно того же темперамента и характера. Чем они занимались, никто не знал, но местную милицейскую статистику не портили, где-то исполняли свою работу на выездах. Самое тревожное во всем этом было то, что Абдулла и Федя были друзьями детства до определенных событий. Оба они родились в Голодомор 1946–1947-х годов. В 1948-м году родители Феде

Загидула привезли его, годовалого, сюда. Убегая от голодной смерти в Поволжье, они завербовались на рабский труд за кусок хлеба. В тот же год приехали и родители Абдуллы, похоже, по такой же путевке. Они, вроде, где-то на Кавказе работали на нефтянке, но никаких профессий не имели. Их поселили в одном бараке. В 1964-м году Феде было 17, а Абдулле уже исполнилось 18. Они и еще трое товарищей попались на ограблении продовольственной базы. Все, кроме Абдуллы, сели. Он попросту всех сдал и остался на свободе. Федя тогда совершил побег из зоны и повесил Абдуллу, но в последний момент веревку обрезал. Так Абдулла и родился второй раз, может, потому и был такой болтливый и сладострастный.

Федя на «малолетке» пробыл всего месяц, его увезли на взрослый режим. За побег он получил еще 4 года, но на свободу вышел только через 8 лет. За это время он успел пройти все режимы: и воспитательный, и исправительный, и карательный. На свободу вышел с крытого режима поселка Омчак, что на Колыме. Повторюсь, за этот год он поставил в стойло всех недоброжелателей, сам с блатными не общался, в Сезонку не ходил ни пить водку, ни играть в карты, вроде как тянулся жить по Корану. Но сегодня менты, как бы по-ментовски, упредили, что Федя, возможно, имеет какое-то отношение к обороту огнестрельного оружия, но вроде как, опять по-ментовски, добавили, что это могут быть просто слухи. Но если под правильным углом посмотреть на

30 лет назад, то это вполне даже могло быть. С того времени сохранилась информация, что Федин отец был бригадиром команды по вывозу нечистот с сортиров и помоек. Каждые восемь из десяти вербованных в 1946–1948 гг. были фронтовиками. Взять им с собой было нечего, кроме гимнастерки с наградами и оружия, которое они тащили охапками, как свое, так и трофейное. Но после того как Сталин подписал указ об отмене всех льгот фронтовикам и выплат за награды, привезенные награды пошли в сортиры вместе с оружием после усиления меры ответственности за его хранение.

С боевыми орденами в сортирах оказались пистолеты, гранаты, автоматы с цинками патронов, а те, кто их добывал, умели хранить тайны. В те годы в наших краях было очень много оружия. Если бы японцы не стали сами съезжать по приказу за 24 часа оставить территорию и рискнули бы защищать свои активы, их предстояло всех перебить. Исходя из этих условий и очень короткой навигации, оружие готовили и складывали в схронах, которые потом вывезли только частично, а многие просто не нашли. Поле деятельности в такой специализации было обширным. Те годы голодомора, засухи, денежной реформы породили тысячи кривых дорог для народа. Наверное, тогда была такая справедливость.

Абдулла прибил к «нашенским», наверное, за полгода до освобождения Загидула. Было понятно, что здесь он увидел «крышу», зная, что Федя его не простит, а тут еще случилась эта бяка с Фаей. В дверь раздевалки заглянула вахтерша

и взволнованным голосом сообщила, что подъехал красный «пирожковый» автомобиль, и около него какие-то странные люди. На вопрос, почему странные, она ответила, что они одеты как-то не по-летнему. Все вышли из раздевалки и пошли в зал. Нас хоть и было много, но волновались мы как-то не по-боксерски, а как обычные люди, так же, как те в бане, которым подзатыльники раздавали. Когда те две высокие и широкие фигуры вошли в «нашенский» зал, сразу стало понятно, что это совсем не доброжелательные посетители, и видом они своим напоминали персонажей седьмого этапа, родившейся в 1865-м году в США ультраправой расистской организации, отстаивающей превосходство белых: ку-клукс-клан (ККК). Было ощущение, что вот сейчас, немедленно, произойдет суд Линча. Они мне показались образами безликими и бесформенными, такие фигуры рисовали в журнале «Крокодил». Это образы несунув-расхитителей социалистической собственности. Они оба были в плащ-накидках до самого пола, со здоровенными капюшонами, которые из-за жесткости брезента торчали колпаками на голове, а своими крыльями закрывали лицо. И цвет всего этого был близок к белому, как в ККК. Но я раньше видел эти наряды, в них грузчики на моем узкоколейном вокзале из вагонов машины грузили мешки с цементом, приплывшие с большой земли. Те мешки были бумажные и часто битые, и грузчики трудились в плотном тумане цементной взвеси. Было понятно, что под таким плащом можно было спрятать оружейный склад,

и, вероятно, он там был. Когда первый вошедший поднял руку, чтобы откинуть капюшон, раздался звук удара металла о металл. Первым вошедшим и был Федя Загидул. Его откровенно татарские черты лица уже в 25-летнем возрасте были в рубцах и шрамах, приобретенных явно не на дуэлях, а в годах, проведенных в изоляторах и спецпомещениях для нарушителей тюремного режима. Он начал понятно и просто, голосом грубым, но словами разборчивыми:

– Я не здороваюсь по причине того, что знаю, к кому пришел, и никому из присутствующих желать здоровья не хочу. И, судя по вашим гладиаторским позам, вы мне эту суку, уже не раз проявившую себя, не намерены отдать. Но я не хочу вашей крови. Может, здесь у кого-то из вас еще есть шанс очеловечиться. Я однажды уже совершил ошибку, и предатель не был казнен. Ваши грехи не явные, но его грех лжесвидетельства и распутства будет наказан именем пророка.

Чего в этом монологе было больше – уголовной страсти или рассуждений о праведности быть палачом, я не разобрал, потому что ислам для меня всегда заключался в одном лице, и это лицо имело имя и биографию, и звали его Омар Хайям, и у него звучало все по-иному. А Федя Загидул накинул капюшон и вышел за двери вместе со своим спутником, и еще раз железо скрипнуло по железу. Проводить их никто не пошел. Всем присутствующим стало понятно, что на любую силу, в частности их, найдется другая сила – сильнее. А за предательство и грехи воздастся. И, наверное, в этом тоже

справедливость. Абдуллу трясло, вероятно, не от осознания своей греховности, а оттого, что он висел сейчас на совсем тонкой ниточке, но точно не от раскаяния. Наверное, те, кто сами мастера нагнать жути, в отношении себя ее воспринимают в полном объеме. Красный «пирожковый» «Москвич» уехал, и вроде как тренировка продолжилась.

Домой я пришел еще засветло. Пока варилась картошка, поскоблил доски в загородке у курей, погремел в сортире, крыс было слышно, но не видно. Успел еще порубить собранной утром травы, которая уже потеряла свою летнюю мягкость и была готова умереть с холодами, которые всегда к нам приходили рано. Ужинал очень горячей рассыпчатой картошкой под постным маслом, с нежной, малосолевой горбушей, вприкуску с хлебом за 22 копейки. Потом замочил в тазике свою тренировочную форму. На завтра было назначено общее собрание, поэтому форма будет болтаться на веревке во дворе, пока не высохнет. Повестку собрания не объявляли, но я очень надеялся, что она не в продолжение сегодняшних событий. Мне, честно, было стыдно, от того, что после рыбки вдруг пива захотелось.

Не думал я, не гадал, что такими плохими новостями для меня лично обернется это неожиданное собрание. Все «нашенские» собрались в 17 часов и сидели на скамейке, даже не переодевшись. В раздевалке главный ударный взвод «нашенских» в узком кругу обсуждал дело Абдуллы. После этот круг еще сузится, и главное решение примут там. Шеф опоз-

дал на полчаса. Из окна было видно, как он выгружает свои тела из «Черной Волги», а вокруг него бегают бывшая партийная, а ныне профсоюзная чаровница Лола Евгеньевна. На каблуках она была на голову выше своего шефа, но зато он был везде: и в депутатстве, и в исполкоме, и народным заседателем в суде, наставником пионеров и, конечно же, в комитете по распределению жилья, да еще много где.

В зале к столу под красной потертой скатертью бегом притащили еще один столик, для чаровницы, и подставили сбоку. Конечно, был и графин с водой, правда, к нему всего один стакан, зато хорошо помытый. Двое, получилось, в президиуме, а мы на скамейках вдоль стены. Акустика была хорошая. Шеф начал, вроде, неплохо. Он рассказал о визите областного руководства на празднование 9 мая, и о том, что он отлично отчитался по работе ДСО «Трудовик», в частности по боксу. И даже вспомнил о показательном бое на сцене. Он два раза повторил «показательный», явно с ошибкой. Тот бой был не показательным, но финалом соревнований, а вовсе не демонстрацией успехов ДСО. Начальство любит слово «показательное», ибо оно одновременно и партийное, и профсоюзное, и комсомольское, и пионерско-октябрьское. Вот пусть и пользуются этим словом. Оказалось, что начальству из области все у нас понравилось, включая, наверное, и застолье с официантками в кокошниках. Так вот, руководители области добро помнят и приглашают нас с ответным визитом. Вот тут я и насторожился. Шеф продол-

жал, а Лола Евгеньевна светила ляжками, перекидывая одну ногу на другую с очень короткими паузами. Может, у нее что-то чесалось? А шеф рассказывал, что в рамках подготовки будущей Спартакиады народов СССР по всей стране будет идти предварительный отбор по юношам. Такой пройдет и в нашей области. Победители будут делегированы на ЦС ДСО «Трудовик». А чемпионы ЦС попадут на Спартакиаду народов СССР. Все это будет исполняться в несколько этапов. Коренным смыслом во всем этом было то, что возраст участников – 18–19 лет. На Спартакиаду попадут уже в полном мужском возрасте. Такая возрастная ротация среди «нашенских» и не существовала, а те, кто стучали по мешкам и лапам, никак туда не попадали. Шеф даже приподнялся на стуле и многозначительно изрек, что все турниры перед Спартакиадой будут мастерскими, и пора нам уже занять своего мастера спорта. Лола Евгеньевна с последними его словами заголила ляжки еще на треть, и тут я осознал, какая меня ждет незавидная участь. Областные соревнования, со слов шефа, начнутся уже через 2 недели. Он закончил тем, что завтра своим приказом утвердит список людей, которые поедут на областные соревнования, и согласует все финансирование. Кто-то, желая отвести от себя даже самую маленькую угрозу, выкрикнул про Дом «пионэров», но шеф ответил, что Николай Максимович болен, и летом там вообще все на лопате, поэтому команда будет оформлена на базе Дворца спорта, а Лола Евгеньевна закажет билеты. Та снова

поменяла ляжки местами и важно кивнула.

– И вперед, братцы, к новым победам! – закончил наш кормилец и благодетель.

Лола Евгеньевна закончила свой ляжечный гипноз, и они двинулись в чрево персональной «Волги». Барышня долго задирала ногу, чтобы уместить свой зад на переднем сиденье, и все-таки засветила свои красные трусы.

«Нашенские» кинулись обсуждать, кто поедет в командировку в виде тренеров и распорядителей кредитов. В мою сторону даже никто не смотрел и, наверное, это справедливо. Та весовая категория, которая у меня была весной, уже давно потерялась. А новая категория – это новые оппоненты, а их в масштабе области было предостаточно. Никаких сомнений, что я буду участвовать в этих событиях, у меня не было. И это справедливо.

Б. Лагутин на стене, похоже, с меня потешался. Он точно знал, что в таких ситуациях бывает. Своей усмешкой он меня совсем к земле прибил, а вечерняя программа новостей «Время» разгулялась музыкой Свиридова «Время, вперед!». После нее включили «Очевидное – невероятное», и это название в мою сторону звучало как сатира. И хотя я на ночь опять поел своей любимой картошки с рыбой, пива уже не хотелось. Поговорка «лиха беда начало» для меня всегда была просто набором слов, а сейчас я почему-то подумал, что это, верно, то же самое, что «есть дыра, будет и прореха». Вероятно, такими словами можно подбодрить человека, под-

толкнув его приступить к трудному делу. Страшно взяться, но стоит лишь начать, как беда уступает место надежде.

Вот и я начал с когда-то обязательной утренней пробежки, но добежать мне удалось только до своей бывшей начальной школы, которая мне сочувственно подмигнула уже намытыми к первому сентября окнами. Назад я тащился, вывалив язык и ничего вокруг не замечая. Выкуренные папиросы, водка и пиво делали свое дело. Бывший хороший спортсмен становился «нашенской» молодежью, а я ведь не сам начал этому сопротивляться, к этому подтолкнули обстоятельства. Похоже, кто-то давал мне не то, что я хотел, а то, что надо было в тот момент жизни. Может это оттуда, откуда тот рыцарь с копьем из детства? Может там и есть главная и единственная справедливость, и другой не существует?

Подойдя мелкими шажками к калитке, я увидел белый листок бумажки. Записку принесла дежурная из Дворца спорта – бабушка. Мне надлежало прямо с утра явиться в главную контору. Может, это пьеса, а может, водевиль, но что бы то ни было, оно начиналось, и я, как работник, должен был в этом участвовать.

Лолу Евгеньевну было слышно уже от дверей, она хохотала, выглядела на все сто и явно была на подъеме. Сегодня на ней короткая, конечно же, юбка-разлетайка в крупный красный горох, супер-босоножки на пробковой платформе и красная кричащая полумаечка, которую от юбки отделял широкий лакированный ремень. Подле нее призывно изги-

бался блондинистый юноша в военной рубашке без погон. Его лейтенантский китель с петлицами пожарника был накинута на спинку стула. Лола Евгеньевна официально поздоровалась и сразу перешла к делу. Меня ознакомили с приказом о командировке. Как я и ожидал, там было три фигуры – я и двое уполномоченных «нашенских». Лола Евгеньевна звонко, с лисьими ужимками, добавила:

– Хотели еще одного отправить, Борисова, но тот, дурак, отказался, чем вызвал у шефа большую злобу.

Еще мне надо было получить направление на мед. освидетельствование, а также сделать 4 фотографии, и тогда я свободен. Она опять начала похохатывать, моргая приклеенными ресницами в сторону молодого пожарника. Но у меня для нее был еще один вопрос, и я надеялся получить ответ. Я почему-то думал, что она знает, где найти Николая Максимовича. Она, пять раз моргнув непонимающе ресницами, спохватилась и полезла в какие-то пыльные папки на полке, комментируя мою просьбу следующим образом:

– Этот человек, конечно же, не наш, но без нас ведь никуда.

При этом она смотрела на пожарника. То, как она говорила и как моргала, прибавляло ей шансов. Но адрес я получил. И фотографии, подождав полчаса, тоже. В спортивном диспансере просто печать поставили на справку. Когда я устраивался инструктором ДСО, проходил медкомиссию, и срок годности ее еще не прошел. Вернулся назад, в конто-

ру, там за дверью было тихо. Нашел человека в бухгалтерии, а Лола Евгеньевна ушла, возможно, на обед, когда будет – неизвестно. Предположительно, она ушла к себе домой, пить индийский чай из железной банки.

Николай Максимович жил в районе, который звали просто Больничка. Вероятно, потому что рядом находилась та самая больница. Все это было недалеко, уверенности, что я застаю его дома, мне прибавил тот самый желтый «Москвич», что стоял в двух шагах от входа в двухэтажный барак. Я поднялся на второй этаж по лестнице со ступеньками, сильно уже искалеченными людскими ногами, придерживаясь за совершенно раскачанные перила. Я знал, за чем шел: за наставлениями и советами, в которых сейчас сильно нуждался. Его двери когда-то были обиты коричневым дерматином, огрызки которого сейчас торчали из-под реек. Мне кажется, что кто-то привел меня к этой двери, которая, как призывный набат, растревожит меня и проявится во всем, что будет в дальнейшей жизни. Я постучал – в ответ тишина, еще раз постучал – опять тихо. Я хотел дверь дернуть, но на ней не было ручки. И вдруг она отворилась, да как-то вроде как провалилась или растворилась передо мной.

Напротив меня стояла маленькая тоненькая женщина, может бабушка, а может и нет. Лицо у нее было светлое и блестящее. Она была в черном до пят одеянии, на хрупкой шее – какая-то тоненькая ниточка, а глаза голубые, пронзительные и полные жизни. А на мое «здравствуйте» трижды отве-

тила «и вам здоровья». Я назвался, и она тут же сказала, что знает меня «со слов Коленьки», а она сама вроде как сестра его покойной супруги, Полиночки, и сейчас присматривает за Коленькой. Только он в больнице, а она на хозяйстве. Потом я вспомнил, что она себя так и не назвала, а мне прямо шепотом сказала:

– Коленька говорил, что если бы у него был сын, то он бы хотел, чтобы был такой, как вы, и даже однажды назвал вас сыном. Любил, наверное.

Я, конечно, смутился и объявил, что хочу навестить его в больнице, на что она ответила, что обязательно должен навестить, только к нему пускают после 16 часов. А значит, есть еще много времени и можно поговорить. Вообще, она говорила очень как-то тихо, но слова тщательно проговаривала, и потому каждое ее слово доходило. Она усадила меня на табурет, сама села рядышком, на предложение чая с вареньем я с готовностью закивал. Она начала с вопроса, знаю ли я, в какой день пришел его навестить. Я пожал плечами: мол, вроде день как день. Но она сказала, что у него сегодня по небесному календарю день рождения. Мне казалось, что она понимает мои мысли и отвечает на них, а я в это время подумал про его слова, которые он любил говорить, что маленькая собачка – до старости щенок. И вот она начала свой рассказ издалека.

В 1918-м году, когда папа Коленьки – Максим – воевал в гражданскую войну, то близко сдружился с Эдуардом Пет-

ровичем Берзиным. Когда того назначили начальником батареи на деникинском фронте, хотел уехать с ним, но Берзин его не взял по той причине, что жена Максима, Верочка, была уже на сносях. Тогда Берзин, считая Максима начитанным и полезным для будущего страны, рекомендовал его на учебу, и Колин отец попал в число студентов только что реформированного Петроградского горного университета. Тут и родился Коленька, а Максим успешно окончил университет. Когда 4 февраля 1932-го года на пароходе «Сахалин» в порт Нагаево прибыл первый директор «Дальстроя» Эдуард Берзин, то по его распоряжению нашли Максима, и вся его семья отправилась на работу в далекие края. Берзин – выпускник Берлинского художественного училища – был натурой жесткой, но романтической и увлекающейся. Они были с Максимом одногодки, и Берзин увлек Максима, к тому времени уже ставшего горным инженером, романтикой освоения северных территорий и добычи золота для страны. И Коленьку, четырнадцатилетнего, привезли туда, а там он, именно с этого возраста, и увлекся боксом в каком-то кружке.

Когда она мне все это рассказывала, у меня возникло ощущение, что она была участницей этих событий, настолько убедительно все проговаривала. Мгновениями мне казалось, что ее нет рядом, и только голос звучит ровно, как метроном.

Но Берзин, при всей своей романтичности, был одним из руководителей и организаторов ГУЛАГа. И сам по доносу

был арестован в 1937 году, а в 1938-м году приговорен к расстрелу и казнен в этот же день. Максим и Верочка тоже были арестованы, их пытали с целью получить показания на Берзина и признание собственного участия в троцкистском заговоре. А Коленьку неделю продержали в тюрьме и били, заставляя отказаться от родителей и дать на них показания. Но, ничего не добившись, выпустили по причине того, что он не сегодня-завтра должен был сам загнуться, почки у него были убиты совсем. Но он выжил. Родителей осенью 1938-го года расстреляли, а он, нанявшись кочегаром на буксир, что таскал баржи обреченных из владивостокской бухты Золотой Рог в Нагаевскую бухту, поздней осенью ушел на этом буксире, таща баржу за новой партией осужденных на каторгу. Но случилась поломка, и они еле дотащились до мелкого порта на Северном Сахалине, а тут уже и вмерзли. Дальше пошли только в навигацию, но Колю не взяли на буксир, он в это время в очередной раз умирал в больнице. Так Коленька оказался здесь в 20-летнем возрасте: один, больной и на улице. А чуть встав на ноги, пошел работать учеником слесаря в механическую мастерскую на промысел. Трудился там 17 лет, а с мая 1955-го года перешел на механический завод по той же специальности.

В 1948-м году он познакомился с Поленькой, она была из семьи первой партии вербованных. Они поженились, но детей не нажили, а на фронт он не попал по причине огромного операционного шрама, с таким ни одну комиссию обма-

нуть ему не удалось. Но в 1942-м году его опять посадили, за самовольное оставление рабочего места. Тогда он придумал, что сможет добраться на фронт попутным транспортом с этого края земли. Поймали, но держать не стали и опять вернули на работу. Из своей неистребимой любви к детям он даже несколько лет работал в школе физруком, но при очередной школьной зачистке его уволили, вроде, как не имеющего профильного образования. Я понял: его выгнали из той же школы, что и меня, не дав учиться дальше 8 класса, но это было многим раньше. Пять лет назад похоронили Полиночку, она была замерщицей по скважинам на первом промысле, и как-то в ночную смену, в сильный буран, пропала. Коленька ее каждый день ходил искать до самой весны, пока она не вытаяла у одной из скважин с прижатой к груди мерной линейкой и баночкой. Коленька больше работать не мог. Он не мог ни спать, ни бодрствовать, но жизнь все равно побеждала, и он устроился на общественных началах в Дом пионеров тренером. Вот так и существовал на нищенскую пенсию. А два года назад где-то со свалки притащил эту желтую машину и, будучи хорошим слесарем, восстановил. Последние копейки в нее вложил. Машина редко ездила, но за рулем он оживал. Было две вещи, которые он не любил: читать официальные бумаги и милицию. Он ее не презирал, не ругал, а просто ненавидел. Мне вдруг вспомнилось, как я когда-то на тренировку принес журнал «Физкультура и спорт» со статьей Якова Анатольевича Высоцкого о развитии шко-

лы бокса на Колыме, все там начиналось в поселке Ягодном. Теперь мне было точно понятно его волнение, когда он взял этот журнал и убежал куда-то, а вернувшись, попросил его в подарок.

Время приблизилось к 16 часам; она мне сказала, куда идти, прямо чуть ли не пошагово, а уже у входной двери достала что-то из-за спины. Это был образок всего лишь с четвертинку тетрадного листа со словами на нем на непонятном, но читаемом языке – «Святой Николай Чудотворец». Она попросила поставить этот образ у кровати больного и закончила словами «Блаженны те, чьи сердца чисты, ибо увидят они Бога». Тогда я еще не знал, чьи это слова. Уже стоя к ней спиной, я каким-то образом видел, как она меня крестит, но что говорит, не слышал. Верно, молитву читала. Как по хлопку, я вновь оказался у двери с ключьями дерматина. Если бы не образок в руке, то могло показаться, что я внутри и не был. По лестнице, что жила какой-то отдельной своей жизнью, спустился на улицу. Кот, сидевший на желтой крыше «Москвича», услышав меня, напрягся в своей кошачьей стойке, видимо, опасаясь, что я в него кину чем-нибудь или просто замахнусь. Поняв, что я не опасен, снова прилег на теплую крышу приглядывать за воробьями на помойке, которая медузой расползлась рядом и озонировала знакомыми с детства запахами. Та бабушка или женщина, с которой я сегодня беседовал в комнате Николая Максимовича, видимо, очень часто ходила этой дорожкой до больницы, настолько

подробно она мне путь описала. И даже то, что за столиком дежурной будет сидеть медсестра, молодая и красивая, и что она и проводит меня к Николаю Максимовичу, так как его там трудно разыскать. Все так и было, и сестрица дежурная была точно такая, как описано. Она встретила меня приветливой улыбкой, совсем не такой, как у Лолы Евгеньевны.

Когда она узнала о цели моего визита, то как-то странно среагировала, и повела по длинному коридору вниз. Николай Максимович лежал не в палате, а в каком-то чулане, часть которого была заполнена швабрами и тряпками. Швабры были такой ширины, будто ими мыли палубы крейсеров. Он лежал на узкой кровати под синим солдатским одеялом, но на явно свежем белье. Сестрица рассказала, что коек в больнице пустых полно, но как-то так получилось, что здесь самое сухое и проветриваемое помещение, а ему, чтобы прожить еще хоть сколько-то, нужны именно такие условия. Это она сказала без всякого ударения на слово «прожить» и еще добавила, что Николая Максимовича любит весь персонал: он не стонет, не истерит, ничего себе не просит, но в последнее время ничего не ест и даже воду не пьет, хотя надо бы. Она также добавила, что по нему заметно, что он кого-то ждет, может быть вас?

Сестра ушла, мы остались один на один. Я поставил облобок, облокотив его на графин с желтой водой. Он, казалось, спал, ничем не выдавая в себе жизнь. Маленький совсем, лысый и серый. Я присел на кровать, и вдруг он по-

ложил свою руку на мою и открыл глаза. Взгляд был точно его, но говорить внятно он уже не мог. Я понял только одно слово «сынок», так он назвал меня в третий раз. Потом совсем слабыми руками взял за голову и вроде как пытался мне уши потереть. Через секунду руки упали, как плети, и глаза закрылись. Я вышел на деревянных ногах, рядом была еще какая-то кладовая. Я заскочил туда, и у меня началась истерика. Я никогда не испытывал ничего подобного, но мне казалось, что именно тогда, в подвале этой больницы, вместе со слезами и соплями из души вышло уже собирающееся во мне дерьмо. Я был настолько громкий, что меня услышали, дали выпить успокоительного, вроде даже чем-то укололи. Ушел на своих ногах, домой не пошел, пошел в кино.

Проходя мимо кинотеатра, увидел афишу фильма «Доживем до понедельника», для меня этот фильм навсегда останется лучшим. Его пустили, видимо, к началу учебного года, и это правильно. Ростоцкий, блестяще образованный режиссер, смог все, что есть лучшего в педагогической науке, воспроизвести в образе учителя истории Мельникова Ильи Семеновича, сыгранного блестящим Тихоновым.

Я сидел на скамеечке и пытался как-то отвлечься от переживаний этого непростого дня. На соседней скамейке шушукались молодые пацаны, наверное, 8–9-й класс, и я вдруг понял, что они говорят про меня. Оказалось, что мы знакомы, пацаны были с наших барачных участков и занимались боксом во Дворце спорта, и сегодня вот всей своей бригадой

выбрались в город в кино. А тут какое-то кино скучное про школу. Действительно, с афиши лицо Тихонова в очках выглядело не очень весело, хотя и поучительно. Тут я им и сказал, что это одна из лучших кинолент в мире. Они мне явно поверили и побежали в кассу. Пацаны, оказывается, все про меня знали, и даже то, что я готовлюсь на большие соревнования. Им, похоже, меня приводили в пример, а по привычке «нашенские», конечно, привирали. В кино мы пошли вместе и договорились потом толпой идти домой. Я был таким же, когда в щелку заглядывал во время тренировок взрослых. Я уже не знал, нужна ли была эта щель? Понимал лишь одно – каждый должен пройти свой путь сам, и это тоже справедливо.

В зале было полно пустых мест, а пацаны все расселись вокруг меня. Я все диалоги в фильме знал почти наизусть, а пацаны вокруг меня вертелись и шептались. Главный постулат Ростоцкого в этом фильме – это, конечно, оформленное счастье, когда тебя понимают. А мне всегда хотелось это чуть исправить и сказать, что счастье – это когда ты обрел тех, кто тебя понимает. Я смотрел на этих мальчишек и немного им сочувствовал, что там, куда они ходят в надежде стать мужчинами, больше нет библиотеки. А мужчиной без нее не станешь, без той доброй и тихонькой женщины-библиотекаря. Домой шли вместе, они проводили меня чуть ли не до калитки, все спрашивали, как правильно встречать, а как через руку? Я останавливался посреди дороги и пытался по-

казывать то, чему меня учил Николай Максимович. Судьба мне прислала этих мальчишек, они отвлекли меня от мыслей, что я где-то на перекрестке не туда повернул. По этим мыслям получалось, что сосед – грузчик с трубовоза, который никогда не читал умных книг и пил при любой возможности, яснее, чем я понимал реальный мир и был в нем честнее. Лагутин на стене вроде уже и не ухмылялся, и я лег спать с непонятно откуда пришедшим облегчением, наверное, потому что, наконец, понял, что надо делать.

Старый будильник зазвенел, как и был озадачен. Я опять побежал, но теперь старался правильно дышать и не отвлекаться, и пробежал. Правда, мокрый был, как лягушка, и сердце колотилось очень сильно, просясь на волю. Я умылся, собрал свою сумку с лапами, перчатками и долго размышлял, взять красные боксерки или старые кеды. Выбрал кеды и отправился мимо Дворца спорта и Дома пионеров. Я пошел туда, где меня никто не ждал – в техникум. Спортзал у этого учебного заведения был пристроен с торца. Дверь была открыта, парень с русской фамилией Борисов прыгал на скакалке. Я поставил на пол сумку и сел у входа на лавку. Спортзал был не большой, но и не маленький, а окна были широкие, но почему-то зарешеченные. Он подошел ко мне, присел рядом и протянул руку со словами:

– Ну, давай знакомиться.

Я представился, и он назвался Сергеем. Он был точно таким, каким я видел его на соревнованиях, с добрым и откры-

тым лицом. Сергей начал сам с вопроса:

– Неужто ты тоже пришел меня искушать талонами на питание?

Я понял, что надо начать объясняться, и сказал, что тренер мой в больнице, в тяжелом состоянии. А туда, куда его приглашали, я бы тоже не поехал, но вроде как обязан, коли получаю зарплату. Заговорили о тренерах, и он без всякого пафоса рассказал, что сам из Москвы и волею судеб с мамой оказался в нашем городе. Его сразу взяли на четвертый курс техникума, как бы переводом, сейчас готовится в армию после окончания. С самого первого дня его спортивной карьеры у него один тренер – армейский друг его отца. Папа у него военный, а тренер – из ЦСКА, притом их самый главный армейский тренер, заслуженный мастер спорта и серебряный призер Олимпийских игр в Риме в 1960-м году. Тренер с его отцом дружили с первого класса, оба – дети войны. Видно было, что он все это говорил не без гордости. И ко всему добавил, что служить надеется в ЦСКА. Я ответил, что у меня тоже хороший тренер. Он не возражал, сказав:

– Ты хороший боксер, а такой боксер может быть только у хорошего тренера.

Ко всему этому он умно заметил, что мне нужна была победа в родном городе, и я ее достойно одержал, а он просто хотел побоксировать с достойным противником и нашел его в моем лице. Потом так же откровенно сказал, что с первых секунд боя увидел, что у меня левая рука травмирована, по-

тому и локоть поставил. Его тренер всегда внушал, что надо такому учиться. Если сразу таких вещей не познать, то потом на международном уровне будешь обречен. А я в ответ сказал, что понял его, как он готовил удар рукой, и потому и бил в разрез. На это он, помолчав, ответил, что вообще обычный праворукий гражданин, а боксировал в праворукой стойке, дабы понять все премудрости. Получалось, что он мне давал фору, поэтому и руку, готовящую удар, было видно, потому что она была совсем не ударная. Мне была приятна взаимная откровенность. Потом была пауза, после которой он прямо спросил, чего я от него хочу. Я ответил, что хочу помощи. Он пожал плечами, сказав, что не тренер, да и за две оставшиеся недели чем он может помочь? На деле оставалось даже меньше времени – всего 10 дней. Он, чуть-чуть подумав, сказал, что может дать мне реальный совет: не ходить больше в свой вес, а искать себя в следующей весовой категории, в которой я сейчас находился.

– Может, ты и сгонишь вес, но этим сгоном себя загонишь. По тебе и так было видно, что ты «гонщик», а сейчас и без весов понятно, что ты другой.

Я, в общем-то, и сам об этом думал, но боялся себе признаться. Лишний вес будет в ущерб скорости, значит надо добавлять физической силы и плотности в бою. Да, я почувствовал, в каких хороших тренерских руках он был, да и сейчас, похоже, находился, несмотря на расстояние. Но главное – контакт состоялся. Доброжелательное лицо явно выража-

ло характер. Я со значением посмотрел на свою сумку, он кивнул, я переоделся, и мы вместе запрыгали на скакалках. Потом бой с тенью, потом пятнашки, немного лап и легкий спарринг. Позже выволокли из конторки физрука гири и покачали руки. Сергей помчался на зачет, а я домой. Договорились завтра все повторить.

По дороге я завернул в свою главную контору. Сияющая новыми коралловыми бусами Лола Евгеньевна показала на дверь кабинета шефа, но тот мне был совсем не нужен. Я попросил заявку, которую еще, к счастью не отправили, изменить весовую категорию. Лола Евгеньевна было возмутилась, что работу создаю и беспокойство, но потом сказала, что замажет. Я ушел, в спину опять прозвучало кокетливое «злюка». Все бумажные формальности были улажены. Мне осталось только явиться к вылету самолета. Я был благодарен Сергею за то, что тот не задал мне один вопрос, хотя явно хотел. Почему у нас столько самопровозглашенных боксеров-мастеров, а спарринг-партнеров нет? Но если он мне задаст подобный вопрос, я, наверное, и сам не смогу найти справедливый ответ. А хотелось бы.

Дома мама нажарила блинов. Больших, под стать оставшейся от бабушки сковородке. Мы наелись и вопреки логике пошли копать картошку. Я ее таскал ведрами и рассыпал на просушку, да развешивал старые мешки на заборе сушить. Поработав, пошли и доели оставшиеся блины со сливочным маслом. Лагутин, вроде как, смотрел на меня одобрительно.

А по программе «Время» опять были новости под музыку Свиридова. А потом старый фильм «На семи ветрах», опять же с Тихоновым. Под него я и уснул. А снился мне желтый «Москвич» Николая Максимовича, на крыше которого сидел черный ворон с огромным клювом, с тем самым котом в когтях.

Утром я всю дистанцию пробежал с ускорением, боялся опоздать. Вчера я попросил мальчишек утром прийти и помочь мне в одном деле. Мне хотелось скорей реализовать то, о чем говорил Сергей. Чтобы уметь не только мощно бить, а еще толкаться и хорошо давить соперника. Где-то метров за сто от Дворца спорта была свалка, и на ней валялся здоровенный автомобильный баллон, который там уже не один год ждал своей участи быть сожженным. Я хотел, чтобы пацаны помогли мне его докатить до нижней калитки моего огорода, через которую мы еще при жизни папы таскали навоз на огород. Но вода с больших снегов уносила из земли практически все полезные минералы, оставляя землю бесплодной. И мы растаскивали эту кучу, накладывая вилами навоз в цинковое корыто. Потом я надевал на себя веревочные лямки и тащил в гору, потом опять и опять. Первый раз я ощутил радости такого труда в 12 лет. Давно уже от навоза тут и следа не осталось, вот я на это место и хотел припарковать этот баллон, превратив его в работающий снаряд. А кувалда у меня в доме была, настоящая, с ручкой из трубы. Откуда она взялась, было и не вспомнить. Но ей мы последние годы прави-

ли с мамой окончательно завалившийся забор.

Ребята, все вшестером, пришли ровно в назначенное время и с завистью смотрели на мою совсем мокрую после пробежки майку. Я принес кувалду, и пока они не насмотрелись на мои замахи-удары, не уходили. А идти им надо было, сегодня был последний день августа, и дел у них, конечно, хватало. В техникуме тоже начиналась учеба, и спортзал будет занят согласно расписанию занятий студентов, но Сергей пообещал как-то договориться. Похоже, физрук там тоже был когда-то с «нашенскими», но по возрасту, вероятно, выбыл. Я думаю, что с его слов Сергей и говорил мне о большом количестве самопровозглашенных мастеров, которые были назначены ударниками и дружинниками одной из опор давным-давно сложившегося здесь особого образа проживания и взаимоотношений между людьми и улицей. Если перефразировать Ницше, то звучало бы, наверное, так: «Ты смотришь на улицу, а улица смотрит на тебя». Вот только ты ее боишься, а она тебя нет. А кто правит на улице, тот правит везде. Все бунты и три русские революции начинались на улице.

Ближе к 12 часам я, закинув сумку на плечо, собрался на тренировку, но перед этим хотел зайти во Дворец спорта забрать свой эспандер для закачки кисти руки. Она хоть и не беспокоила, но требовала к себе внимания. Уже когда подходил к крыльцу, меня догнала черная «Волга» с неизвестными номерами, и тот, кто сидел рядом с водителем, вый-

дя из машины, кинулся ко мне. Я его не сразу узнал, видимо, потому что лохмы его были укорочены, уложены и набриолинены, дополняя темный в тонкую полосочку костюмчик и галстук в белую искру. Это оказался тот самый фигурант, которого я два дня опекал на танцах, то бишь сын большого прокурора. Он страшно обрадовался нашей встрече и ловко, одной рукой, раскрыл красное удостоверение. Теперь этот паренек, не пошедший в армию по причине плоскостопия, в 19 лет стал инструктором Комитета городского народного контроля. И еще при нем было бумажное распоряжение. Под его руководством формировалась группа для проведения рейда по торговым организациям города. Группа из пяти человек должна быть набрана из числа передовой рабочей молодежи, комсомольского актива и народных дружинников. Вот он и приехал к «нашенским», а они толпились у барной стойки, буфетчица что-то медлила, открывая свою кормушку, но пиво бутылочное, похоже, было в наличии. Я забрал свой эспандер, объявив, что сам буду готовиться к соревнованиям. Инструктор народного контроля прямо за стойкой буфета сформировал группу для проведения городского рейда по торговым точкам. Первым записался Абдулла, инструктор увидел, что я ухожу и убедительно просил меня подождать. Обещал подвезти «как человека», но я пошел пешком, как ходят «человеки» на двух ногах. Похоже, «нашенские» уже знали, где я и с кем подружился, но ни интереса, ни беспокойства не проявляли. Они были озадаче-

ны предстоящим рейдом, надо было готовить непрозрачные рюкзаки и авоськи. У них уже накопилось много мест, где мимо них проносили дефицит или вообще отказали «дать за уважение». Так вот, наступал день расплаты за такое отношение. И, наверное, это справедливо.

В техникумовском зале натянули волейбольную сетку, видимо, завтра уже начнутся спортивные уроки. Но для нас двоих места было предостаточно. Физрук нам даже пожаловал две гири и маленькую штангу. Это была колесная пара от еще концессионной вагонетки, но она была удобная в обхвате. Похоже, физрук относился ко всему происходящему с полным пониманием. Ему было, вероятно, уже за 60, но вида он был молодцеватого, кругленький, седой, подвижный, в синем тренировочном костюме, на шее свисток, а на ногах полубоксерки. Такие я видел на соревнованиях у Сергея. Помимо этого, у него была, похоже, отличная память, умение говорить и анализировать, что после тренировки он и продемонстрировал в своей камерке за чаем с печеньем. Все же он был «нашенским», совсем из первых послевоенных. Ну а тренировка прошла в хорошем темпе, даже физрук меня подержал на лапах. Он их хорошо накидывал, но не совсем быстро выставлял фигуры. Вообще, было чуть похоже на то, что делал Николай Максимович. Собственно, после тренировки мы его и вспомнили. Я сказал, что тренер тяжело болеет и сейчас в больнице. Физрук, похоже, с искренним сожалением покачал своей седой головой и сказал:

– Работал бы он в школе, наверное, побольше бы сохранил здоровья.

На что я ответил, что его уволили из-за отсутствия профильного образования.

Физрук улыбнулся как-то особо, по-отечески, и сказал:

– Вы, юноша, видимо, совсем мало знаете о своем тренере. Если у вас есть желание, могу просветить.

Я, конечно, захотел. И вот, что он мне рассказал:

– У Николая Максимовича, сколько я его помню, всегда были натянутые отношения с властями и окружающей действительностью. И я, конечно, уверен, что основания для этого у него были. Но то, что произошло в 1967-м году, в период его работы в школе, многих тут взбудоражило. Я хорошо помню этот год. К этой дате в городе усиленно готовились, перевыполняли объемы добычи нефти, досрочно сдавали объекты строительства и так далее. Весь этот понт, как всегда, реализовался. Отрапортовали, получили награды и премии. Но в декабре того же года был еще один юбилей, не такой громкий, но тоже очень важный, это пятидесятилетие ВЧК – КГБ и всего того, что было между ними. По этому поводу было совещание в горкоме партии, и было вынесено решение: агитационно-пафосно информировать население о юбилее. Оставалось еще много призывов и лозунгов от предыдущей даты, но надо было что-то подготовить, согласно новой праздничной дате. Озадачили несколько городских руководителей, в том числе и председателя город-

ского Комитета по образованию. А тот, в свою очередь, – директора школы, где работал Николай Максимович. Там все и началось. Директор школы лично куда-то ездил, заказывал это приветствие в виде лозунга на кумаче, и его изготовили. Но если юбилей был 20-го декабря, то его привезли только с утра 19-го. До вечера все совершеннолетнее трудоспособное население школы ладило его на стене. Стена была торцовой и выходила прямо на проезжую часть. Это приветствие с благодарностью ко всем ветеранам и сегодняшним сотрудникам НКВД, ОГПУ, МГБ, КГБ хорошо читалось. Мимо не пройдешь. Директриса отрапортовала в горком партии, все разошлись. А наутро обнаружилось, что вся эта красота исчезла. Началась паника, и хотя участковый, прокуратура и оперативные службы все перерыли, не нашли злоумышленников. Директриса школы в этот же день оказалась с партийным выговором с занесением в учетную карточку. А весь комсомольский актив школы был обвинен в отсутствии комсомольской бдительности, что было тяжким проступком. А они рвались доказать свою преданность идеалам, и доказали под руководством школьного комсомольского секретаря, который сам в 16 лет, будучи учеником 10 класса, организовал группу активистов, ходивших по классам во время уроков и срывавших с детишек крестики, если такие находились. Это было в конце 1963-го – начале 1964-го года. Его, конечно же, заметили, и после школы службу в армии заменили трехгодичной учебой в школе комсомольского актива при Высшей

партийной школе (ВППШ).

Физрук, видя, что я жду в его рассказе поворота к Николаю Максимовичу, отломил кусочек печенья и сказал, что надо сделать еще одно отступление.

– Этот мальчик-активист вернулся в ту же школу после обучения. Теперь на должность освобожденного секретаря комитета комсомола. И надо обязательно рассказать, чей он был сынок. Так вот, папа его – подполковник – был начальником управления лагерей. И был переведен сюда с Колымы. Я подозреваю, что этот тип был участником допроса Колиных родителей и его самого. Сидел он в том самом кирпичном доме, который на ваших буграх, где ты живешь.

Я подтверждающее кивнул, что знаю это место.

– Так вот и сидел бы он там до самоликвидации управления лагерей, но в том году его вызвали в Москву, вроде как за повышением, и после этого подполковник пропал. Упорно ходили слухи, что он каким-то образом был причастен к делу Осипа Мандельштама, крупнейшего русского поэта XX века, которого реабилитировали под давлением мировой общественности в марте 1964-го года и назначили расследовать причины его смерти. Многие тогда, как отдельные представители мировой культуры, так и творческие союзы, настойчиво добивались расследования, не веря официальным заключениям, что он умер от тифа в пересыльном лагере во Владивостоке. Все считали, что он был умерщвлен под пытками. Какое к этому делу имел отношение подпол-

ковник НКВД, никто точно не знал, и куда он потом делся, тоже осталось тайной. Ну и сынок его тут всю резвился. Тогда, в 1963-м году, он мало того, что срывал крестики у детей, он потом построил всю школу и демонстративно выбросил их в сортир. Вроде, где-то прочитал, что Владимир Ленин именно так поступил со своим крестом. Тогда его и отправили на учебу, ибо родители многих детей смотрели в его сторону очень нервно. И опять он отличился под самый новый, 1968-й, год. Как известно, в школах на Новый год устраивали праздничные вечера в спортивном зале. Вечера были с танцами в полутьме, с мерцающей елкой, все их ждали и любили, особенно старшеклассники. Такие вечера с установкой елки, и, конечно же, с призывами встретить Новый год с успехами в учебе и труде устраивались и курировались комсомолом. Так вот, наш секретарь в процессе установки в спортзале елки, в каморке у Николая Максимовича нашел тот самый кумач с лозунгом, посвященным юбилею спецслужб СССР. И все закрутилось. В КГБ вспомнили постулат Сталина о том, что с развитием социализма классовая борьба усиливается. Они искали в этом антисоветском деянии продолжение троцкистских настроений, за которые были расстреляны родители Николая Максимовича, а его самого сделали инвалидом. Но громкого дела не получилось. Хотели лишить его той самой смешной пенсии, но это как-то очень хлопотно выходило. Но из школы выгнали с формулировкой «за отсутствие специального образования», а то-

го, опять отличившегося, секретаря перевели в горком комсомола, заведующим орготделом. С 1968-го года по нынешний, 1973-й, он стал первым секретарем горкома ВЛКСМ и членом горкома партии. И, по сути, вашим главным шефом являлся не председатель ДСО «Трудовик», а этот двадцатипятилетний секретарь, который к тому времени уже окончил Университет марксизма-ленинизма. Так вот, эта самая нечисть, видимо, что-то знала из истории Николая Максимовича, той, что была еще на Колыме. Ненавидел он его и, как мог, вредил, создавая вокруг него вакуум. Даже допотопный «Москвич», собранный на помойке, не дали узаконить и получить номера. Поэтому Николай Максимович ездил на нем очень редко и только ночью. А то, что разрешили тренировать на общественных началах, так только из расчета, чтобы был на виду. А потом что-нибудь можно было подвести, типа педофилии. Весной, когда вы с Сергеем выходили на ринг, этот секретарь запретил появляться кому-то из Дома «пионэров» на сцене Дворца культуры, потому на тебя и напялили майку ДСО «Трудовик» и эта буква «э» пришла именно от него.

Из того, как все рассказывал физрук, было понятно, что если он и был когда-то «нашенским», то не по-настоящему, и не только потому, что не ходит на собрания и в рейды в числе сознательных активистов-трудовиков, а просто он думает не «по-нашенски». И в его рассказе, вероятно, тоже была справедливость.

У моей калитки стояли три женщины, облокотившись на наш больной забор, своим напором они прогибали его еще больше. Мама ножницами срезала гладиолусы и георгины, она делала букеты, каждый из которых стоил рубль, точно так же, как та горбуша. Так вот, каждый год она рвала свой цветник к первому сентября. Мама очень любила цветы, но начало сентября было крайним сроком их срезать, ибо вот-вот могли прийти заморозки, а видеть, как они умирают на грядке от холода, было страшно. Но опять же, всегда был шанс, что приедет эта женщина с номенклатурным лицом и в капроновом шарфике на «газике» с брезентовым верхом в сопровождении милиционера. И они приедут, опять же, восстанавливать справедливость. Мои любимые голубые незабудки никто никогда не брал, они были мелкие и не монументальные. Я был рад этому, и когда на них падал первый снег, я его руками сгребал, и такой чистый цвет небес на белом покрывале можно было увидеть лишь раз в год. А иногда снег выпадал сразу сугробами, и до этого цвета добраться было невозможно, если еще и с метелью. А просто в холоде они могли стоять несколько часов, а потом чернели и покорно умирали, чтобы по весеннему теплу прорасти из семян и опять принести частицу небес к нашему домику. Сегодня мама заработала 20 рублей, ее грядки сильно поредели, уже по холоду она будет срезать последние растения и ставить дома в банку с водой, стремясь продлить их цветочную жизнь. Ей каким-то образом это всегда удавалось. Как всегда, у нас

с ней получалось сходить в лес, и оттуда принести пару ведер черники, рябины и брусники. В них был наш главный витаминный барьер от климата, даже ухитрялись насобирать дикой малины с ужасно колючих кустов, наварить варенья и при его помощи выгонять простуду.

А первое сентября приходилось в этом году на субботу. С 1967-го года суббота была объявлена нерабочим днем, но нарядные дети шли в школу на построение, сказать речевки учителям и Родине, преподнести цветы. А потом их отпускали до понедельника. В тот день моя утренняя пробежка и проходила в час исхода из барачков и частных домиков школьников. Старшеклассники просто шли начесанные и гордые своим статусом. Их сверстницы были в белых фартуках, бантах и кокетливых белых гольфиках до колен. И только младших мамы за собой тянули волоком, потому что те не успевали в шаг. Но почти все были с цветами и полны светлой радости. И эта радость была не только от красных галстуков и значков с великим Лениным, это была радость жизни, которая представлялась вечной и счастливой в огромной и справедливой стране. Но так случилось, что в этот самый день великая страна получила пинок под зад. И как-то по-другому объяснить это было просто невозможно.

1 сентября 1973-го года житель города Горловки Донецкой области Николай Саврасов совершил террористический акт, взорвав бомбу в Мавзолее Владимира Ленина. В результате взрыва погибло три человека, включая самого подрыв-

ника. Это было не первое покушение, только за шестидеся-
тые годы было не менее пяти попыток уничтожить мумию.
Следствию так и не удалось выяснить мотивы подрывника.
А первого сентября, в день начала учебного года, школьни-
ков обычно водили толпами поклониться Ильичу. Восполь-
зовавшись ситуацией, больной, видимо, под видом сопро-
вождавшего учителя, не вызывая подозрений, пронес взрыв-
ное устройство. Исходя из этого преступления, на все места
по стране были отправлены директивы завалить цветами по-
стаменты памятников Ленину и провести летучие митинги
с острой идеологической направленностью. И все бы ниче-
го, но были причины, мешающие выполнить в точности ре-
золюцию ЦК и Политбюро. То были два выходных дня, люди
были не на заводах и промыслах, и где их найти и как согнать
на это мероприятие – большой вопрос. Тут был один выход
– опереться на активную и сознательную общественность. И
второй вопрос – где найти столько цветов, чтобы фотографы
сделали правильные снимки и разместили в печати. Здесь
тоже можно было рассчитывать только на ту же самую пат-
риотичную и сознательную часть общественности города –
на энергичную работу активистов, дружинников, служащих
и милиции.

На очень позднем совещании в актовом зале исполкома
было распределение обязанностей по предстоящему меро-
приятию. Все это было похоже на экстренную эвакуацию.
Наглядную агитацию решили найти из старой. Пусть неболь-

шую, но трибуну будут колотить в ночь. А идеологическим вождям города, опять же в ночь, нужно было речи подготовить, что тоже было непросто. Речи должны быть обвинительными, острыми и выдержанными в моменте. Неисполнение этого всего грозило серьезными кадровыми решениями. Вот такая сложилась ситуация 1-го сентября, в День знаний. Понятно, что без «нашенских» тут вообще никак не обойтись. Несколько позже я все же узнал, в каком направлении, под руководством первого секретаря ГК ВЛКСМ, они приняли самое действенное участие. Они на грузовике объезжали все школы города и изымали «за уважение» принесенные школьниками цветы, а к тем учителям, кто их уже домой унес, и в потемках заявлялись. Абдулла с милой улыбкой просил их передать цветы для срочных нужд. Помимо того, в официальной и строгой форме он заявлял о необходимости завтра к 12 часам прийти в центр города на митинг, то бишь исполнить свой гражданский долг. Бывало, дверь ему открывали мужики и тогда, конечно, задавали вопрос:

– А будет пиво разливное?

Эта вакханалия продолжалась всю ночь. Похоже, много набрали цветов «нашенские», ибо они были тренированные и проворные, но, кажется, все же не хватило, и в воскресенье, 2-го числа, возвращаясь с утренней пробежки, я в прогулке у своей калитки увидел «буханку» цвета хаки. «Буханка» была версией «таблетки», так как у нее на двери была наклейка с красным крестом. Они, похоже, тоже были мо-

билизованы своими партийными организациями. Мама им рвала цветы и связывала веревками в букетики. Им было все равно, какие цветы, лишь бы побольше. Они не торговались и платили по таксе 1 рубль, даже не спрашивая ни фамилии, ни расписок. Так мы на городском митинге еще заработали в семейный бюджет 15 рублей. Проблема усугублялась тем, что наши территории были практически первыми по восходу солнца, и в Москву начнут первыми рапортовать и отчитываться по мероприятию. И должна быть отчетливо видна его идеологическая и нравственная направленность. От нашей искры должен вспыхнуть костер негодования и презрения загнивающему капитализму. И главное – лозунг: «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», а Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить, и, возможно, это справедливо.

Сегодня раннее утро, воскресенье, 2-го сентября. В следующую субботу я уже буду должен выходить на ринг. Зная, что в эти дни я буду заниматься с Сергеем, как-то подуспокоился. Он меня все время похваливал и подбадривал. Даже физрук пытался с нами отжиматься от пола, но ни разу количество подходов не одолел. Сегодня у меня пробежка была очень ранняя, договорились уже в 8 быть в зале. Где-то в половине восьмого я вышел из дома. В то же раннее время, как бывает в воскресенье, было совсем безлюдно. На мари встретил, похоже, тех же самых собак, которых пьяный кормил макаронами, но если в ту встречу от меня пахло копченой горбушей, то сейчас пахло лишь потом, и они быстро отста-

ли. На базаре было тихо, лишь два бродяги сидели на деревянных ящиках из-под пива и грязными ручищами чистили где-то раздобытые куриные яйца, видимо, готовились закусывать. В это утро под ногами чуть похрустывали тоненькие льдинки. В ночь уже подкрался небольшой минус, а сейчас лишь чуть бодрило. Солнце уже ярко блестело на востоке, готовясь не сильно, но подогреть второй осенний денечек.

Зато на площади суета, она явно с ночи не кончалась, а у пьедестала вождя лежало всего лишь две красных гвоздички, верно какой-то расторопный пионер принес. Тут уже к финалу шла работа по устройству трибуны. По стандарту под все партийное руководство трибуну собрать бы, конечно, не успели. Эта была компактной, а так как ее склотили из неструганых досок, то сейчас, как гроб, обтягивали красной материей. Своей функциональностью эта трибуна слегка напоминала броневик на Финляндском вокзале, но, возможно, так и было задумано. На земле стояло и лежало большое количество инструментов духового оркестра, того самого, который заслуженных людей провожал в последний путь. Я точно знал, что Владимир Ленин любил Шопена, но на этих инструментах его не исполнить. Наверное, опять будет Свиридов «Время, вперед!» или даже наша победная «Славянка». Возложение цветов состоится, видимо, позже, а к цветам надо еще хоть немного народа. В кустах, сбоку от Ильича, стояла желтая бочка с надписью « пиво ». Значит, организаторы митинга по городу все пивные точки закры-

ли. Это было единственное место, где могли утолить жажду страждущие после субботнего и первосентябрьского бала. Хороший маневр, наверняка, уже где-то опробованный.

Сергей стоял у спортзала и ковырялся в земле. Вахтерша никак не могла подобрать правильный ключ к дверям, а сам физрук, похоже, был задействован на мероприятии. Студентов техникума к началу учебного года уже расселили по общежитиям, и те, наверняка, отмечали свою встречу после каникул. Сергей сказал, что физруку поручили выгнать и мужское, и женское общежитие на митинг, что, думается, будет совсем не просто.

– Но, наверняка, ему в помощь пришлют кого-то из «вашенских», – и хотя он сказал это беззлобно, меня затронуло.

Тренировка прошла в хорошем темпе и с нагрузкой под макушку. Он опять меня хвалил, и, казалось, искренне. Было видно, что он хочет поселить во мне уверенность в себе. В самом конце тренировки пришел физрук, удивительно рано, еще и двенадцати не было, но он сказал, что свою часть работы выполнил, а там было, кому перепоручить. Я понял, что без «нашенских» в актах принуждения к политической активности обойтись не удалось. А физрук заехал за ведром, они с товарищем за поздними грибами собрались. У нас были такие. Мотоцикл с коляской стоял, подфыркивая, во дворе. Выезд по объездной дороге из нашего поселения проходил вдоль бугров, и физрук предложил меня довести, при условии, что, сидя в люльке, я буду держать ведра.

Я уселся, и мы двинулись. Сергей юморно махал нам вслед рукой. «Урал» урчал и пылил по грунтовке. Мы, минуя центральные улицы, в объезд выехали к моим буграм и выезду из города, а там оказался милицейский пост. Нас остановили. Физрук мне сказал:

– Гони домой, а то сейчас начнут допрашивать, почему не на митинге.

Я послушал его совет и двинулся по знакомой дороге к дому. У среднего барака на завалинке сидели три мужика и нещадно матерились. Один меня окликнул вопросом, не открыли ли уже двери в пивбар «Минутка»? Я ответил, что нет, так как все пиво сегодня на площади, и, наверняка, свежее. И вроде там вообще бесплатный банкет, это я, конечно, придумал, а мужики от этих слов затаились, видимо, пожалев, что не пошли туда. А я думаю, что «нашенские» до них не дошли, а то бы убедили пойти попить холодненького.

Дома я сразу пошел проведать курей и отобрал у них два теплых яйца. Крысы меня уже совсем не боялись, и при замахе в их сторону они только по-козлячьи поджимались. За лето они стали жирными и блестящими, и мне уже казалось, что я их отличаю по противным усатым рожам. Осталось только имена им дать. Воткнув вилку старенького радио в точку местного вещания, я услышал, что митинг был в своей высшей точке. Оркестр почему-то играл «Марсельезу», а что это гимн гнивающего капиталистического государства, исполнители вполне могли не знать. Музыку кто-то перекри-

кивал из ответственных секретарей. Слов было не разобрать, но смысл был более чем понятен. Наш бронепоезд стоит на запасном пути, но под эту музыку мне казалось, что кто-нибудь из выступающих закричит, что мы брали не только Берлин, но и Париж, а это, наверное, справедливо.

3 сентября. Дети в школу – кто в первый класс, а кто и в последний. В это утро, как и вчера, я отбегался рано, собираясь на тренировку. Лицо Лагутина с картинки смотрит на меня совсем нейтрально, но, может, оно так и лучше. В эту ночь уже серьезней подморозило, но незабудки держались молодцом. Они-то мне и подмигивали голубыми глазенками с совершенно опустошенных грядок. В это утро уже хорошо хрустело под ногами, и вроде как на марь легла холодная поволока. Солнышко проявилось, но было в дымке холодного тумана. На площади у памятника вождю мирового пролетариата кипела работа: кругом виднелись солдатские спины, армия утилизировала остатки вчерашнего политического протеста. Разбирали трибуну, похожую на броневик с Финляндского вокзала, с него уже был наполовину содран кумач. Здоровые куски красной материи стелили у постамента и руками туда наваливали мятые и за ночь окоченевшие цветы. Они липли к холодному камню, и их рвали силой. Тут же была рядом тетя с большой шваброй, тряпка на которой парила. Она следом замывала постамент и делала припарку на то, что прилипло, будучи когда-то цветком, а сейчас ставшее просто биомассой. Все это валили на красные под-

стилки, вязали в узлы и закидывали в кузов голубого самосвала. Получался какой-то помидорный загруз. А вы слышали когда-нибудь, как вытаскивают из толстой, мокрой доски здоровенные гвозди? Когда их тянут ломом-гвоздодером? Звук был похож не на визг, не на лязг и даже не на скрежет. Это был пердеж большой деревянной жопы. Это всегда так. Все, что выращено человеком, и все, что построено, завсегда можно сломать и сгноить. А из кабины самосвала на волне «Маяка» голос Кобзона учил не думать о секундах свысока, и это, наверное, справедливо.

Физрук стоял у дверей спортзала и погонял на выход студентов после их пары по физподготовке. Сергей тоже сейчас был на паре, но вот-вот должен был прийти. Сколько жизни и радости было в этих мальчишках и девчонках, а ведь они тоже были моими сверстниками, но все им виделось совсем на другом, не таком, как мне, фоне. Ищущие дороги к победам, которые ни для кого и никому не послужат. Так было у Чернышевского с главным героем главы «Третий сон Веры Павловны». Но, наверное, всегда так и будет, и «Что делать?» останется главным вопросом. Наверное, это справедливо. Пришел Сергей, как всегда открытый и доброжелательный. В течение тренировки он все сближался и сближался. Тот тренер из Москвы, оказывается, был не только его тренер, но еще и крестный отец, и отношения у них были соответствующие. Он рассказал ему по телефону про меня, и тот распорядился все поставить на физику, вот мы сегодня

и работали в постоянном клинче. Молодость, она умеет из себя выжимать.

Вчера я, вроде как, почувствовал в себе физику. Особенно когда картошку собирал в мешки, а потом высыпал в подвал. Так вот, мешок я рывком закидывал себе на спину, прибавляя в этой физике. А еще вчера я раскопал картошку на маленьком клинышке, на котором всегда было сыро, и мы там картошку выкапывали последней и, не просушивая ее, съедали первой. Так вот, на этом клинышке всегда было много земляных червей. Я их складывал в большую железную банку, засыпал землей и подвешивал к потолку, чтобы крысы не добрались. Там они и выживали до весны, если я не забывал пару раз за зиму плеснуть им полстакана воды. Я вообще мечтал вернуться с соревнований и уже по заледам добратся на речку и поудить ленка и мальму, уж очень я любил это дело, да и кушать их было немалое удовольствие. Опять же, с картошкой, намятой скалкой в кастрюле.

На обратном пути с тренировки, уже у самой мари, на узкоколейном вокзале у киоска сидели трое грустных «нашенских», это были фигуры не главные, но стремящиеся. Они ожидали киоскера и быстро поведали мне новости. Главная из них была такая, что в этом году, кроме двух бесплатных путевок от профсоюза, им за помощь в проведении митингов и мероприятий от партийных органов выделили еще две путевки из комсомольских фондов. Разворотливый комсомол быстро реагирует, странно, что народный контроль еще

не поощрил. Думается, что рейды по торговым точкам прошли в соответствии с регламентом. По узкоколейке ездили дрезины, на подножках у них висели рабочие в очень грязных спецовках и огромных брезентовых рукавицах. Похоже, они начинали подготовку к приему последней баржи в эту навигацию. Посреди мари на тротуаре стояли опять те же бездомные собаки. Похоже, они где-то здесь и коротали свои собачьи будни, но видимо крепко дружили, ибо всегда были вместе. В этот раз, услышав мои шаги по деревянному настилу, убежали в кочку, спугнув при этом пару полосатых, как бурундуки, вальдшнепов, которые вот-вот начнут улетать в теплые края.

Вторник, 4 сентября, начался согласно вновь утвержденному плану. Мама еще спала, когда я закрыл за собой нашу хлипкую калитку. Пробежка сегодня начиналась в потемках, но было безветренно и почти не холодно. У барака, в маленькой загородке, бегал поросенок. Наверное, его забыли закрыть на ночь, а возможно, дали порезвиться. Увидев меня, он просунул свой пятак в щель забора, наверное пытался поздороваться, поглядывая в ту же щель черным глазом с белыми пушистыми ресницами. В большинстве окон барака горел свет, и был он везде примерно одинаковых оттенков. В этом году поселенцам на продажу привезли абажуры, все одного янтарного цвета, из мягкой ткани с кистями бахромы. С весны они стояли целой пирамидой в углу нашего магазина и раскачивали бахромой в такт открывающимся входным

дверям. Недорогой, но стильный предмет.

Внизу, на узкоколейке, свистела дрезина, собирая на платформу рабочих-путейщиков. Близился конец навигации, когда дополнительно взятые на себя социалистические обязательства заставляли работать днем и ночью. Я бежал. Под ногами не хрустело, а ночью, похоже, был плюс, что могло предвещать снег, а может и холодный дождь. После хорошего спокойного сна и пробежка была не в тягость. Сегодня я взял с собой резиновую скакалку и, остановившись у дома бывшего управления лагерей, взялся поскакать. Теперь это была больница, у дверей которой на незатейливой, низенькой скамеечке сидела мама с мальчиком лет пяти на руках. Она его нянькала и что-то шептала, видимо, ребенок ночь промучился с зубной болью, и они рано-рано пришли сюда за избавлением. Благо, прошло время, когда эти двери круглосуточно были открыты, и учреждение работало на полную катушку.

Когда добрался до дома, мама уже встала и ухитрилась на увядших грядках нащипать зеленого лука. Куры сегодня снесли три яйца, и она готовилась испечь блинов и нафаршировать их. Я был за двумя руками и пошел поскоблить у курей полы. Мама уже начала наливать на сковородку, а я уселся почитать местную свежую прессу. А там ожидаемо был подробный отчет о том, как прошел митинг протеста. Хотя все заголовки в газете были черно-белые, но очень сочные, как и рассказ об огромной протестной активности всего

города. В газете был большой снимок монумента, и мы с мамой даже нашли там свои георгины. И, конечно, были горды причастностью маленьких людей к большому делу.

Тренировку мне сегодня назначили на 12 часов, в соответствии с графиком занятости зала. Я хорошо позавтракал и выдвинулся на час раньше. Все же до отъезда надо было зайти еще раз в контору, так как мне полагались командировочные, которые можно было забрать лично в руки, да и вроде как аванс уже положено было получить. На мари я опять увидел вальдшнепов. То, что они еще не улетели, по нашим собственным приметам обещало поздний снег, а может у них еще молодежь на крыло не встала для дальней дороги. На базаре куча мужиков томились в похмельной тоске. Это личности, которые вопреки морали и законам советского общества бродяжничали. Прямо над ними, на стене магазина висел, видно уже несвежего пошива, лозунг на красном поле «Поздравляем с днем нефтяника». Завтра пятое сентября, это день самого города, а бродягам этот день обещал самые что ни на есть нужные подношения. Ведь они тоже были в этих показателях, но, верно, в одной из последних строк социального благополучия. Дворники выметали площадь, работники коммунальных служб меняли лампы в фонарях и развешивали новые обещания к предстоящему XXV съезду КПСС. У крыльца исполкома уже наполовину была собрана дежурная трибуна, посреди площади стояла группа распорядителей и убедительно полемизировала.

Спортзал был свободен, физрук и Сергей были на месте. Они о чем-то переговаривались в каморке. А с тренировкой сегодня не получилось. Я был приглашен на генеральную репетицию самодеятельного театра. Сергей пояснил, что сам он не может не пойти, так как его мама – театральная режиссер, и она весь год ставила пьесу во Дворце культуры как раз к завтрашнему празднику. И вот сегодня генеральная репетиция, но не на сцене Дворца культуры, а в актовом зале техникума. Мама очень хотела, чтобы ее посмотрела молодежь, а не почетно приглашенные партийные и комсомольские аппаратчики с женами и тещами. Так вот, Сергей должен был обязательно быть на генеральной репетиции пьесы. Видя мои сомнения, он сказал убедительно и чуть с юмором:

– Поверь, она совсем не про комсомольцев. Это по Блоку – «Незнакомка», описанная автором еще в 1906-м году. А завтра все наместаем, ты же наспустишь? – спросил он у физрука. Тот ответил одним предложением:

– Завтра занятий не будет, так что жду вас в любое время, хоть на целый день.

На том и порешили. Народу в актовый зал набилось прилично. Мы чуть припоздали. На сцене в уличной качалке дискутировали поэт и звездочет. Я-то думал, что Дворец культуры – это всего лишь буфет и танцплощадка. Но оказалось не так, возможно, стало не так только год спустя, с приходом матери Сергея. Я ее все время искал глазами, но не находил. Оказалось, что причина простая – ее там не было.

У театральных режиссеров существовало правило – не приходить, дабы не давить на актеров на последнем генеральном прогоне. Это была ее режиссура, еще когда-то опробованная Всеволодом Мейерхольдом в его театре-студии. Все акты этой драмы – о неспособности людей пересоздать свою жизнь на новых, более высоконравственных началах.

«Весь мир – театр, в нем женщины и мужчины все – актеры. У них свои есть выходы, уходы, и каждый не одну играет роль». Уильям Шекспир. Сказано это было пять столетий назад, а, верно, справедливо и сегодня.

Я как прочувствовал сегодня: если бы в контору зашел сразу, то точно бы не успел на просмотр. Сейчас времени пообщаться с Лолой Евгеньевной было предостаточно, можно было и на завтра отложить, но завтра, в связи с массово-политическим мероприятием, никого было бы уже не найти. Главная звезда ДСО «Трудовик» была на рабочем месте, вся такая воздушная и зовущая. Она сидела в кресле и занималась ногтями. В воздухе стояла густая вонь ацетона. При этом она плечом держала трубку телефона у уха и что-то в него бубнила. Мне сразу показалось, что она и внимания на меня не обратила. Но через минуту она двумя пальчиками припарковала трубку на место и заблестела глазками непорочной девы. Этот блеск и непрерывные сальные шутки выдавали, что ей на праздник некуда было пристроить свои сливочно-сгущенные ляжки. А тут я еще приперся за своими 12-ю рублями 40-ка копейками командировочных, да плюс

40-ка рублями аванса. Когда она начала рассказывать, как народ обыкновенно расслабляется на таких общественных мероприятиях, я расшаркался и ушел. Я был уверен, что Лолла Евгеньевна уже сидит за телефоном и наверняка выудит себе желанный образ.

На площади опробовали микрофоны и поочередно гавкали в них. Завтра в 10 часов – митинг и праздничные мероприятия с бутербродами с рыбой, с сыром и пирожками с капустой. Я, конечно, был заведен сегодняшней пьесой и от того, наверное, горел желанием потренироваться. Завернул во Дворец спорта, народу в зале почти не было, на что я и рассчитывал. Весь актив был задействован в подготовке завтрашних мероприятий. Буфетчица скучала, что-то жуя, облокотилась на прилавок, вывалив при этом холмы своих сладостей. В углу зала двое мужиков пытались отжиматься на кулаках, и было слышно, как они друг друга жалели, ощупывая после подхода в пять отжиманий эти самые кулаки. Такие приходили сюда регулярно. Они, конечно, не были частью общей тусовки. Это были наивно стремящиеся поставить себе удар и постичь все приемы самообороны. Они думали, что здесь их этому научат, но, как ни странно, некоторые приживались. Зал гулко отзывался на мои удары по мешкам, я старался, согласно принятой стратегии, бить коротко и плотно, не тянуться за ударом. Бил короткими сериями, в общем, остался доволен. Потом залез на ринг, подвигался три полных раунда, согласовав это с минутной стрел-

кой на часах, попрыгал в углах, покачался на канатах, можно сказать – обжился. Те, что сидели в углу на полу, наблюдали за мной и шептались, а когда я начал отжиматься от пола на кулаках, на пальцах, еще и с прихлопыванием, их это явно заинтересовало. Они пытались повторять. Только тут я заметил, что им обоим уже хорошо за 40. Наверное, самое время начать изучать приемы самообороны.

В раздевалке я долго и с удовольствием стоял под горячим душем. Из головы не выходила сцена, на которой молодые люди пытались сыграть роковую неизбежность и вместе с тем – бесцельность и безнадежность поиска в жизни недостижимо-прекрасного, которое принимает облик неземной красавицы-незнакомки. И у этих молодых лицедеев получилось донести убогость и безнадежность реальности. Потом я с целью пообсохнуть перед улицей, где разыгрался холодный ветер, посидел с вахтером – полной доброй женщиной, которая поведала, сколько тут всех их, кроме «нашенских», с утра толкалось. Она все пыталась мне рассказать, какую здоровую пачку повязок с надписью «Дружинник» нагладила, а некоторые даже застирывать пришлось. Она не жаловалась, считая меня «нашенским». Ей просто хотелось видеть себя участницей какого-то большого дела. Суть этого дела была неважна, главное – причастность. Это наполняло ее жизнь смыслом и содержанием.

На улице мело мелким-мелким градом, на этой земле начинался самый главный ее сезон – сезон холодов. Мама была

на дежурстве, на конфорке газовой плитки стояла кастрюлька с супом с клецками. Мама его называла «пустым», а мне нравился. Я разогрел его до кипения, сегодня хотелось всего очень горячего, верно от той самой «Незнакомки». В телевизионном экране, искажающем изображение, видимо в такт ветру, который раскачивал антенну из раскладушки, шла телевизионная пьеса по сценарию М. Анчарова. Она называлась «День за днем», с замечательной песней о России в исполнении Валентина Никулина:

«Каждый год – словно Храм,

Уцелевший в огне.

Каждый год – как межа

Между новым и старым.

Каждый год – как ребенок,

Спешащий ко мне».

А спектакль вообще – о простых людях, живущих в московской коммунальной квартире. Так прошел мой день 4-го сентября, и скоро мне выходить на ринг, на который мне совсем не надо и не хочется. Не хочется ни участвовать, ни победить. Я себя не видел в профессии боксера, но она меня еще долго будет преследовать, и мало чего даст, больше отберет. Прочитанное с малых лет манило меня в более тонкий мир, к другим взаимоотношениям с людьми и окружающей меня действительностью. Я не хотел никого побеждать, кого-то делать жертвой, чтобы выжить самому. Ведь тогда можно было ждать другого, который придет и сделает меня

жертвой. Я не хотел завоевывать свое место в жизни борьбой. Я ждал, что мое место мне будет даровано, и мне казалось, это справедливо.

Утром тот самый крыс, которому я никак не мог придумать имя, первый высунул рыло. Он долго и осуждающе смотрел в мою сторону, видимо, огорченный, что я до сих пор курям не намял хлеба с перловкой и не налил свежей воды в корыто. Я быстро все исполнил, и у всех, живущих в сарае и под ним, случился завтрак. Куры яиц не принесли, они вообще с холодами неслись очень плохо, хотя в ящиках с сеном сидели и кудахтали. К утру ветер успокоился, и от мелкого града остались только небольшие блеклые пятна. По всему было похоже, что днем будет плюс в помощь городскому празднику. Я побежал обычным маршрутом, с бугра Физкультурного переулка было видно, как с грузовика около «Минутки» уже сгружают бочки с пивом: значит, сегодня народные гуляния начнутся рано. Догнал меня и пропыхтел мимо вонючий ЗИЛ с двумя красными флажками на бортах.

В городе праздничный выходной, а я дома доел вчерашний суп, подумав, достал из «Бирюсы» замороженное сало, настрогал его ножом и зажевал с черным куриным хлебом. Все запил большой кружкой очень сладкого чая и двинулся в город своим обычным маршрутом. От Дворца спорта отъехал грузовик с чем-то, опять же, красным в кузове, верно, развозили транспаранты, вчера стопой лежавшие у вахты. На стене Дома пионеров висел большой Ленин в кепке,

а под ним был лозунг «Верной дорогой идете, товарищи». А напротив, на маленькой побеленной музыкальной школе висел большой плакат с лирой в окружении красных гвоздичек и с написанным словом «Слава». Площадь еще была пуста, но из громкоговорителей, опять же, громыхал Свиридов – «Время, вперед!». Советский музыкальный классик не давал усомниться в том, что время назад двигаться не может. Еще эта музыка подтверждала, что сегодня ограничения в водке не будет, и забирать в вытрезвитель тоже не будут. Сегодня заплыв в сладкой патоке свободы.

В спортзале без верхнего света были еще потемки, кроме как в каморке физрука. Когда я зашел, он сидел, уставившись на кипящий чайник, из которого струился пар. Выглядел физрук с утра то ли расстроенным, то ли рассредоточенным. Я уселся напротив него. Физрук первый начал разговор. Получилось вот что: оказалось, что у Сергея вчера был день рождения, ему исполнилось 18 лет, он надеялся оставить это в секрете, но случайно проговорился. Это первое, а второе – тренировки сегодня не будет. Я спросил:

– Это от того, что вчера был День рождения?

На что физрук погладил сам себя по голове, седая стрижка его топорщилась, и сказал, что тренировок больше вообще не будет. Тогда я совсем не понял, и он начал все сначала. Оказывается, наш холодный и необустроенный Север был намного ближе к Москве, чем мне представлялось. О своем отце Сергей ничего не рассказывал, но физрук сказал,

что его отец – генерал Генерального штаба СССР. Больше о нем ничего рассказывать, наверное, было нельзя. Зато о матери Сергея он рассказал много и с удовольствием. Год назад в семье Борисовых, вероятно по каким-то серьезным причинам, произошел разлад, и мать с сыном уехали в наши края. Мать Сергея, Мария Александровна, которая только перешагнула сорокалетний рубеж, была профессором искусствоведения и режиссером одной из главных сцен страны. А сюда она поехала по той причине, что где-то, предположительно на третьем лагпункте, в 30-х годах были расстреляны и похоронены ее мама и папа – театральные мэтры, соратники Всеволода Мейерхольда и участники его театральной студии, где создавалась актерская система, получившая название «биомеханика».

В начале 30-х годов Мейерхольд на гастролях в Берлине встретился с великим актером Михаилом Чеховым (племянником великого русского писателя), жившим в эмиграции. Он посоветовал Мейерхольду не возвращаться в Москву, прямо сказав, что там всех погубят. Но режиссер считал свое возвращение делом чести, он не только был предан революции, но и не мог расстаться с обожаемой им Зиной Райх. Однако для лидера нового революционного искусства уже был написан сценарий. 7-го августа 1938-го года в Москве умер его великий учитель, покровитель и защитник Константин Сергеевич Станиславский. 6-го мая 1939-го года Мейерхольда арестовали, а через 10 дней арестовали

и родителей шестилетней Машеньки – бабушку и дедушку Сергея Борисова. Среди обвинений, предъявленных Мейерхольду, было то, что он шпионит в пользу Японии. А так как бабушка Сергея занималась японской танцевальной культурой, посчитали, что через нее и уходит информация восточному врагу. И бабушку с дедушкой повезли сюда, изобличать в связях с японскими спецслужбами, которые в рамках концессии чувствовали себя здесь великолепно. Мейерхольда в 1940-м году расстреляли в Бутырской тюрьме, и Борисовых, не добившись от них никаких показаний, в это же время. Театральная общественность Москвы спасла Машеньку от голодной смерти. Позже она с отличием окончила режиссерский факультет ГИТИСа и защитила диссертацию по искусствоведению, став, как и ее родители, замечательным режиссером. Приехав сюда, Мария Александровна хотела сделать то, что ей не давали в Москве. Она желала поставить «Незнакомку», пускай не в профессиональном формате и на маленькой сцене, зато так, как она это видела. Прошел год, следов ее родителей найти так и не удалось, «Незнакомка» была поставлена, Сереже исполнилось 18 лет, и надо было принимать какие-то решения. Они были приняты, и это было справедливо.

Физрук отхлебнул холодного чая и продолжил:

– Вчера, уже ближе к полуночи, ко мне заявился Сергей. Он был взволнован, и вот что мне рассказал. Два часа тому назад ему позвонил отец, поздравил с совершеннолети-

ем, вот оттуда я и узнал, что у Сергея был день рождения, – уточнил физрук.

Когда он звонил, рассказывал дальше Сергей, его разговоры всегда заканчивались одним и тем же, он просил их с мамой побыстрее вернуться. Но зная мамин характер и все проблемы с «Незнакомкой» в Москве, понимал, как трудно уговорить ее все бросить, в том числе и работу с пьесой. Но сегодня он очень настаивал, так как знал, что с «Незнакомкой» она закончила, а в театре ее ждали, там произошли изменения, ей самое время вернуться к сцене. И второе – мне уже исполнилось 18, и меня тоже с нетерпением ждут в армию, то есть в ЦСКА. Так вот, ко всему прочему, в нашем аэропорту ночью сядет на дозаправку борт, возвращающийся с дежурства, и он нас готов забрать. Папа еще сказал, что, с одной посадкой на Урале, он уже завтра будет ждать нас в Энгельсе. Мы с мамой приняли решение лететь.

Физрук еще раз глотнул из чашки и продолжил:

– Тогда же ночью я позвонил своему другу, ты его помнишь, он нас вез на мотоцикле. Он в техникуме работает шофером на «буханке», плюс инструктором по вождению. Я с ним договорился, что в 4 утра он заберет Борисовых из дома и доставит их в аэропорт. Мой друг сегодня задействован по полной программе в праздничных мероприятиях, но вот-вот освободится, приедет сюда и расскажет, как их проводил.

У меня вдруг появилось ощущение, что физрук чувствует себя передо мной виноватым, и вроде как его вина, что

сегодня не будет тренировки, и вроде как он разлучил нас сегодня в ночь. Мой собеседник встал, протиснулся боком к шкафчику, открыл его и достал оттуда пару настоящих белых носков, в которых настоящие мастера выходят на ринг.

– Это тебе подарок от него. В таких сборная СССР ездила на Олимпиаду в Мюнхен в прошлом году.

Из шкафчика физрук достал и книгу Евгения Огуренкова «Ближний бой в боксе» издательства «Москва» 1969-го года. Протянул ее вслед за носками, со словами:

– А это от меня. Еще он просил передать тебе одно – подходи плотнее.

У меня было ощущение, что передо мной приоткрыли какую-то дверь и плотно закрыли, дали занавес, и пьеса закончилась, а в зале зажгли свет, но кроме меня в нем никого не было, а я себя видел со стороны между большим числом пустых кресел. Вдруг хлопнула входная дверь, и кто-то вошел. Это был тот самый дяденька, который мастерски водил мотоцикл, и при этом мастерски и нещадно матерился. С физруком они дружили с незапамятных времен, когда-то вместе работали в Доме пионеров. Физрук занимался патриотическим воспитанием пионеров и игрой «Зарница», а он вел авиамодельный кружок, и эту привязанность к самолетам сохранил до сих пор. А то, что он сегодня рассказал, к моему удивлению, не обронив ни одного матерного слова, было похоже на сюжет фантаста Герберта Уэллса, наверное, утерянного в первом переводе на русский язык его книги «Россия

во мгле». И вот, что он поведал:

– Я забрал их в 4:30, как и обещал. Они быстро вышли. У Сергея был чемодан, а у Марии Александровны – небольшая, но вместительная сумка. Салон машины я подтопил, но где-то все же в «буханке» поддувало. Беседа как-то не ладилась. Меня постоянно искушал вопрос, зачем же им в аэропорт в такое время. Я примерно знал расписание наших рейсовых самолетов, но они совсем не вписывались в это расписание. На улице было темно, и в свете фар пролетали мелкие снежинки. Ехали с полчаса; когда поднялись на последний бугор в сторону долины, стало понятно, что снежный заряд прошел здесь полосой, так как земля в пространстве видимости была густо присыпана порошею. Аэропорт уже мелькал вдалеке мутными пятнами трех или четырех фонарей. Где-то за километр до поворота с трассы к аэропорту я, совершенно ошалевший, уткнулся светом в стену. Дорога была перекрыта двумя военными «Уралами», которые стояли, упершись мордами. Даже щели между ними не оставалось. Человек без погон и шеврон, но с автоматом и в каске военной полиции понятным жестом остановил нас и припарковал четвертыми к уже стоявшим на обочине автомобилям. Я встал на указанное место, но двигатель не выключил. Где-то минут через 10, которые мы провели в полной тишине, дверь в салон открыли и с помощью маленького фонарика рассмотрели присутствующих, собрали документы и снова растворились в темноте. Прошло еще полчаса, мама с сы-

ном о чем-то шепотом разговаривали, но я не разбирал. Я пытался включить радио, но ни одна волна на мои призывы не отвечала. Трое вернулись, только теперь старший был без автомата и не в накидке, а по форменной фуражке с голубым кантом было件нятно, что это летчик. Он приложил руку к козырьку, включив опять маленький фонарик, и обращаясь к Марии Александровне, по-военному доложил, что еще надо ждать. Документы отдали и, закрыв за собой дверь, ушли в темноту. Никаких огней кругом не было, ни автомобильных, ни сигаретных, ни света фонариков, только вдалеке бледной тенью светился аэропорт. Я понимал, что военные ждут борт, но когда вдруг появился легкий гул и мелкая вибрация, растерялся, не представляя, как это будет на самом деле. В полнейшей темноте вибрация не увеличивалась, а вот гул нарастал, переходя в дикий вой. На нас что-то надвигалось. И тому, что надвигалось, чтобы сесть на взлетную полосу нашего районного аэропорта, пришлось опускаться на такую высоту, что создавалось впечатление, что оно где-то над головой, и это что-то огромное и страшное. И вдруг все вспыхнуло таким ярким светом, что на мгновение стало видно все окрестности. Тонкие нити кристалликов снега отражали этот свет, и казалось, весь мир искрился. Самолет сам весь был разноцветный, и сверху, и снизу в искрящемся воздухе. Огромные соосные винты еле-еле вращались в разные стороны, разгребая искрящийся воздух. Сквозь гул прорвался хлопок, он начал выпускать свои ноги. Это бы-

ли именно ноги, потому что траектория выхода этих суставов из чрева была очень похожа на движение огромного живого существа. Я его сразу узнал, из своей практики общения с моделями, и просто интересуюсь летающей техникой. То был самолет с восемью винтами. Невозможно было ошибиться, это был самый быстрый в мире турбовинтовой самолет ТУ-95. Стратегический бомбардировщик, который в НАТО называют медведем, а где-то и железным слоном величают. Оставался один непонятный вопрос – как это чудовище могло сесть на полосу районного аэропорта? Но, вероятно, были секреты в жизни, в которые нас не посвящали. Если такой машине нужна была срочная дозаправка, он мог это сделать. Подобные самолеты несли непрерывное дежурство, летая по сфере земли над самыми северными окраинами страны. И, конечно, нутро их не бывало пустым. Внутри этого «слона» было самое страшное, что сотворил человеческий разум – бомба. Вдалеке было видно, что он, сам себе подсвечивая, опустился до уровня мелкого леса, который окружал аэропорт. Вой продлился еще несколько минут, и общая дрожь пропала. Опять наступила темная ночь и тишина.

Рассказчик, похоже, эмоционально выложил и попросил глоток чая. Из входных дверей его настырно зазывала какая-то молодая девица. Праздничные мероприятия требовали транспорта. Но он досказал, как через полчаса пришел тот же летчик-подполковник и забрал его пассажиров, завел

их за «Уралы», которые перегораживали дорогу, и как в сторону аэропорта засверкали красные габариты «Волги». И закончил он свой рассказ словами:

– Я развернулся и поехал назад, успеть еще чуть поспать.

После этих откровений, он резво помчался на голос зовущего, а мне, непонятно почему, пришла в голову мысль, что местная газета не напишет о таком визитере. Я глянул на физрука, он точно был не из «нашенских», в нем не было ни лоска, ни спеси. Он был добрый человек. Попрощались мы тепло, он пожал мне руку и завещал словами Сергея:

– Поплотнее, поплотнее.

И добавил, что всегда будет рад увидеть меня у себя в зале.

По пути домой я выбрал самую дальнюю от центральной площади дорогу. По ней было идти дольше, но здесь точно можно было обойтись без совсем ненужных встреч. Однако же, эта дорога проходила мимо ЦПХ, и у его входа я увидел «нашенских», спешащих туда за радостями и утешением. Я знал, что сегодня допоздна будет толкучка у буфета и не пошел во Дворец спорта, хотя желание потренироваться было. Не покидало ощущение, что я остался совсем один. На улице холодало, и я пошел к себе.

Мама сегодня дежурила, и у меня было время пообщаться откровенно со своим одиночеством. Дома я примерил подаренные носки с боксерками, получилось стильно и удобно. Потом полистал Огуренкова, при этом беспрестанно думал о «железном слоне» и бомбе, и еще непонятно о чем. В голове

было все что угодно, кроме того, что мне в субботу выходить в области на ринг, и там надо выигрывать. Ответа на вопрос, зачем мне все это надо, я не находил. Этот ответ был где-то рядом, но все время ускользал. Он настойчиво не давался, а я не любил все скользкое. Чтобы как-то отвлечься, я открыл наш подпол, опустил туда лампочку и стал перебирать картошку. Когда попадалась чуть влажная или скользкая, откладывал в ведро, варить курям. Таких картошек набралось 11 штук, как раз достаточно. Я ее отварил прямо в шкуре, порубил кубиками, покрошил туда булку хлеба, – вот и готов прикорм для своей живности. Но загруженность в голове не проходила; собрался и пошел уже по сумеркам погулять по холоду, по своему участку, где прошел весь мой возраст пребывания на поверхности земли.

Из роддома меня принесли в барак, где и прошло мое раннее детство, а потом семья переселилась в проулок, в нашу лачугу. Совсем немного мне оставалось до призыва в армию, а там начнется строгая мужская жизнь. При всех моих чувствах к родному участку и ко всему, что я впитал здесь с раннего детства, после армии жить здесь не собирался, хотел учиться в большом университете и найти ответы, которые здесь никто не знал. Потому что опыт, который здесь приобретался, не был опытом жизни, а являлся лишь предметом изматывающей эксплуатации под лозунгами советской исключительности и пролетарской гегемонии. Слишком много в окружающей меня реальности было от слободок, кото-

рые еще в начале века описал М. Горький. Мне хотелось понимать, как вчерашний «железный слон» сочетался с нищетою наших поселенцев. И казалось, что «нашенские» и есть те самые жандармы из рассказов Горького. Мне в 18 лет думалось, что где-то есть справедливость. Потом я долго не мог уснуть, что со мной случалось крайне редко. Видимо, в этот раз тело без тренировки пыталось бодрствовать, и перегруженной голове успокоиться не давало. Но я не знаю уже, во сколько по времени, под грохот сгружаемых с платформ труб, я забылся сном. И первыми неожиданно-негаданно мне приснились две безродные собаки, которые на хорошем русском языке рассказывали, что в эту-то зиму они обязательно содохнут от холода и голода. Потом еще был Борис Лагутин, он стоял рядом с Ильей Семеновичем Мельниковым, учителем истории, и оба были с повязками дружинников, а Мельников, еще и ко всему в боксерских перчатках, неустанно мне повторял голосом Сергея «Ты плотнее, плотнее». А Абдулла обнимался с Федей Загидулом, и все это происходило во чреве «железного слона», который проглотил огромную бомбу, и по этой бомбе под музыку «Время, вперед!» ползли омерзительные своей реальностью персонажи картины Иеронима Босха «Корабль дураков». Один из этих персонажей вдруг увеличился в размерах и оказался той самой крысой, для которой я никак не мог придумать имя. Так вот, эта крыса была в очках в золотой оправе. Потом зазвонил телефон, и я никак не брал трубку, хотя знал, что это зво-

нит моя первая любовь, чтобы сказать «Надо было подходить плотнее». Но к моему счастью звонила не любимая, это был будильник, как и положено ему, согласно выставленному времени.

Проснувшись, я помнил сон до мельчайших подробностей. Когда-то я читал у З. Фрейда, что сновидения – это посланники человеческого подсознания. Вчера днем мне пришлось столкнуться со слишком большим количеством информации, переварить которую полностью было не по силам. Вот сегодня ночью мне подсознание и подкинуло все образы, обрядив их в самые неестественные одежды. Но мой Лагутин был на своем месте и без повязки дружинника, а лицо его было безучастным. Я выбежал на улицу; сегодня подморозило, вчерашняя грязь превратилась в острые и очень крепкие комки. После праздника наступил рабочий день, в прогулке встретились двое незнакомцев. Они спускались от барака с серыми лицами, и походка у них была не очень уверенная с учетом острых камней на земле. Вероятно, это были чьи-то гости, несколько со вчерашнего дня задержавшиеся. У барачников стало понятно, что их участковый разгоняет, но только бессловесно, без толчков и пинков. Сам он был уже начищенным, но с красным, измученным лицом. Я старался сосредоточиться на дыхании, воздух был бодрящий, на нем быстро растворилась ночная головная усталость. У пивбара «Минутка», который, похоже, был еще закрыт, толкались четверо страждущих как-то похмелиться, приобрести

возможность двигаться и исполнять общественно-полезный труд.

По пути я забежал во Дворец спорта и уточнил у вахтера, когда сегодня будет детская группа. Женщина грустно ответила, что дети, наверное, опять будут мяч пинать. Они-то придут обязательно, но явится ли тренер после вчерашних мероприятий? Я ответил, что будет непременно. Мама уже была дома, я отдал ей 40 рублей аванса, и она заспешила в магазин, собирать меня в командировку. Она все это считала командировкой, но никак не соревнованиями, и ведь, по сути, была права. У пацанов, что учились во вторую смену, тренировка была в 10 часов, а у тех, кто учился в первую смену, – в 15 часов, и, помимо этого, я запланировал сегодня сходить в больницу к Николаю Максимовичу. Я боялся туда появиться из страха, что опять сдадут нервы, а они мне в ближайшее время ох как должны пригодиться.

К 10 часам я был в зале, мальчишки собрались, человек 20, но никого из «нашенских» не было. Вахтерша им мяч не давала, рассчитывая на мои слова, что тренер обязательно придет. Дети все делали послушно и старательно, наверное, у них над кроватями тоже были чьи-нибудь портреты. Примеров, благо, в нашей стране было предостаточно. После полуторачасовой тренировки еще полчаса поиграли в футбол с множеством голов. Я был за судью, и мои решения принимались безоговорочно. Пацаны, которые помогали мне с пустым баллоном, особо старались отличиться и дать понять,

что они готовы получить те самые перчатки. Я тоже был на подъеме. После тренировки с детьми совсем было наладился идти в больницу к Николаю Максимовичу, но опять по тем же причинам передумал. Решил, что уже прилечу с соревнований и в этот же день навещу. Замудрствовался я тогда лукаво, а всякое лукавство – это попытка скрыть свою немощность перед обстоятельствами. До следующей тренировки оставалось только 2 часа, из боязни идти таким потным по ветру домой решил переждать их здесь, в обществе той самой тетеньки-вахтера, которую принуждали гладить повязки дружинникам. После того, как я ее угостил стаканом теплой газировки, купленной у скучающей буфетчицы, она мне поведала, как праздник вчера заканчивался в стенах Дворца спорта. Когда она в 18 часов заступила на сутки, тут, за столиками буфета, толпился народ.

– Не на улице же им толкаться в холод, – прокомментировала она.

Тут и пили, и гуляли, и даже плясали. Расходились уже затемно, и при этом разбили рыло мужу буфетчицы. Вроде бы сцена ревности, но кровь была, потому что ей пришлось ее вытирать. Вообще, она грязи вытащила три урны на помойку, если хотите, можете пойти посмотреть. Но я не пошел на помойку смотреть. Пошел было в инструкторскую, на диванчике прилечь, но она меня остановила дополнительными подробностями. Когда те пьяные разъезжались, переехали одних из собак, которые тут с вечера бегали, попрошайничали.

И собака эта лежала и жалобно скулила всю ночь и только к утру околела, и ей шваброй пришлось ее скинуть в ту же помойку. Потом она жаловалась, что опять повязки побросали, но я уже слушать не хотел. Мне хотелось перед той, второй тренировкой расслабиться, и я пошел в душ. Пока мылся, у буфета нарисовались двое «нашенских», буфетчица на них смотрела насуплено, но что-то наливала. Это и были как раз те, которые должны вести детскую тренировку, и я, чуть обсушив голову над батареей, двинулся домой, но перед этим подошел к склону, где внизу была помойка и, конечно, убедился, что это была одна из тех бездомных шавок, которые всегда встречались мне на пути. Вторую искать было не надо, она лежала на грязных досках, метрах в пяти, видимо, охраняя друга, к которому уже прицеливались два ворона. Я не смог пересилить себя и, подобрав камешку с земли, бросил в стервятников, но под этот шум и собака подскочила, бросившись бежать, а вороны отлетели на несколько метров и опять уселись, при этом злобно каркая. Ночью собак, видимо, привлек запах пирожков, которыми «нашенские» закусывали на праздничной площади. Отбежав, собака смотрела в мою сторону, одной ей теперь точно не выжить, но и к людям она не подойдет. Все они для нее были врагами. Люди их убивали, даже не замечая, на радость стервятникам. Что это – цена за желание выжить или тоже справедливость?

А я вернулся в зал и пошел на снаряды. Завтра мне вылетать, и хотелось сегодня как следует ушататься, чтобы спать

хорошо. Других способов я не знал. В следующие два часа в зал не зашел ни один человек, только дети пару раз подглядывали в щелку дверей. Я хорошо побил по мешкам и долго двигался в квадрате ринга, от чего опять пошел в душ. А у буфета уже было оживленно, «нашенские» делились праздничными впечатлениями. Сегодня присутствовала даже Лола Евгеньевна в нарядном одеянии, возможно и шеф ДСО «Трудовик» тоже здесь, так как его «Волга» стояла у крыльца. В ней скучал водитель, бывший милиционер, который пьяным сбил человека. Тот, к счастью, остался жив, а милиционер был взят общественностью на поруки и сейчас возил шефа и Лолу Евгеньевну в нагрузку. Я даже не знал, кто со мной полетит, только что их будет двое – один должен махать в углу полотенцем, а другой бегать с бумажкой официально-го представителя. Мне, собственно, было все равно, кто это будет, только надлежало явиться с паспортом в 14 часов в аэропорт.

Мама сегодня хорошо сходила в магазин, купила даже говяжьей тушенки, наш главный продукт, а значит, сегодня будет мое любимое блюдо – макароны по-флотски. В кастрюльке были замочены сухофрукты. Прежде чем ставить варить компот, при помощи воды из них выгоняли червяков и пауков, а помимо всего прочего, куры принесли аж 4 яйца, и потому сегодня пирожки будут хоть и без зеленого лука, но отменные. Она и сахару купила, и перловки для курей, и все это на аванс инструктора по спорту ДСО «Трудовик». Мама

была в хорошем настроении, радовалась, что ей с утра не на дежурство, и она сможет меня проводить в командировку. Я тоже был рад этому обстоятельству. Макароны по-флотски – очень быстрое в приготовлении блюдо, прошло полчаса, а я уже с удовольствием обжигался горячими макаронками, пропитанными пряными запахами тушеного мяса. Потом я сходил пожелать курам спокойной ночи, ознакомился с местной прессой и уже в 22 часа, под грохот труб на узкоколейке и мелодии кастрюльных крышек маминой стряпни, сморился. Ночь прошла быстро и вроде как совсем без снов. И, слава всему, без размышлений в темноте.

Проснулся я раньше будильника, тянуло вкусным запахом маминых пирожков. Она тоже была не большая любительница поспать, и когда не дежурила в котельной, дома всегда поднималась рано. Я вновь на пробежке, погода все еще холодная, но не очень ветреная и без особых осадков. Такая бодрая, но не солнечная и, конечно, уже не летняя. У одного из барачков у крыльца стояла красная крышка гроба с черным бантом. Кого-то сегодня отвезут в место, которое у нас называется «За Горсад». Но от этого я как-то не очень впечатлился, и пробежка прошла в обычном режиме. Дома мама мне выдала задание: она вчера в магазине видела старую нашу знакомую, тетю Люсю, женщину маленькую, тихую и покладистую. Та у нас в бараке на общей кухне лучше всех жарила картошку и всегда меня подкармливала. Она была начитанной, иногда садила меня и свою дочку, что младше

меня на год, и рассказывала сказки и всякие занимательные истории. Я тогда не понимал, что такое было «поражение в правах», но она была именно такой, хотя это для всех как бы было секретом. За ней тщательно приглядывали. Я хоть и маленький был, но помню, как иногда приходили какие-то люди в ее отсутствие и допытывались, как она себя ведет, а в щель ее дверей засовывали какие-то официальные конверты с повестками. Так вот, мама в магазине не удержалась и похвасталась, что меня завтра по работе посылают в командировку в областной центр, и тетя Люся в своей кроткой манере попросила передать посылочку ее дочке Маше, которая уже оканчивает там педагогическое училище. Мама сказала, что я непременно это сделаю, и вот сейчас я отправился к тете Люсе за передачкой для Маши. Мама во вчерашний номер газеты завернула два пирожка, и я отправился в гости в барак, куда меня привезли из роддома, и где прошло мое детство до 6-ти лет.

Внешне барак оставался прежним, ведь барак он всегда барак и баракom останется. Его нельзя изменить или как-то усовершенствовать, его можно только сравнивать с землей. Наш состоял из двух половинок и имел два входа, так вот это у нашего барака, только с другого входа, стояла крышка гроба с черным бантом, а наш вход начинался с крыльца, высотой сантиметров в 40, которое переходило в тамбур, площадью, наверное, метра 1,5 квадратных, и если дверь в коридор исполняла свою функцию и закрывалась, то внешняя всегда

была нараспашку. Ее только в сильные метели пытались как-то приладить, ибо тамбур наполнялся снегом в человеческий рост.

Три барака были расположены по одной оси, примерно на расстоянии 25-ти метров друг от друга, на три барака это было три сортира и три помойки. Сортиры были без фундаментов, поэтому доски на их полу, в котором были те самые дырки, могли искривляться в плоскости до 45-ти градусов в разные стороны. А на помойках с теплом оживала вся зараза, которая могла выживать в наших условиях. Общий барачный коридор – это узкая тропа между ящиками – ларями, в которых в зиму ссыпался главный продукт – картошка. На них сверху ставили тазы и выварки, а выварки – это здоровенные оцинкованные кастрюли, в которых кипятили постельное белье с наструганным туда мылом, которое носило простое имя – «Хозяйственное». Наверное, только это мыло и могло как-то выбелить простыни от пятен, что оставляли тела людей, которые приходили с промыслов и кочегарок в свой барачный дом. Первая комната справа была самая большая – это общая кухня, в которой стояло у каждой стены по столу. Рядом – две газовые плитки и мойка с бронзовым крапом, на которой висела, как мне казалось, всегда ржавая марля, а может это был бинт? В кухне и сотворялись все таинства социалистического общежития. Чаще всего здесь и пили, и танцевали, и играли. Сегодня тут ничто не поменялось, если не считать, что число ведер и тазов в коридоре увеличи-

лось. Видимо, покупали новые, но и старые не выбрасывали. Здесь вообще никогда ничего не выбрасывали. Все складывали, а потом кто-то донашивал. И при таких жалких квадратных метрах проживания объемы этих закромов неустанно увеличивались. Воровалось то пространство, на котором должна была существовать сама жизнь, да при этом еще и воспроизводиться.

Дверь, за которой когда-то мы жили, была выкрашена красной красочкой, самой доступной в этих краях, а значит, и любимой. Называлась она «Половая», в оттенках цвета была от ядовито-желтого до коричнево-темно-бордового. Но я постучал в двери к тете Люсе. Она осталась все такой же хрупкой и с такими же добрыми черными глазами. Как и про многих тут, про нее никто ничего толком не знал. Кто она и откуда, в самом деле, и кто отец ее дочки Маши? Но можно безошибочно сказать, что она явно не переселенка из глухой деревни нечерноземья. Я помню, что мои родители при всей этой жизни имели стремление читать, но читать было нечего, кроме насквозь идеологически пропитанной Роман-газеты, таких же «Правда» и «Труд». Так вот, от мамы я слышал, что у тети Люси книг много, но нам их не прочесть. То ли они были сильно заумные, то ли на других языках писанные. Мне казалось, она из тех взрослых, которых я иногда встречал в библиотеке клуба имени Щербакова. Тетя Люся очень мне обрадовалась и своей ладошкой с тоненькими пальчиками как в детстве погладила по голове. Два пи-

рожка, завернутые в газету, она приняла как дар небес, чувственно и благодарно. Ее Машенька училась на последнем курсе педучилища, и они с ней не виделись уже больше года. А вчера, после встречи с моей мамой, она дозвонилась дочке, и та завтра меня будет встречать с самолета, и, если будет не трудно, она просит меня передать ей посылочку и письмишко. Я-то думал, что там посылка, а там небольшой сверток, наверное, кофточка. Она кинулась было бежать на кухню, ставить чайник, но я, сославшись на занятость перед отъездом, двинулся к выходу. Уже в тамбуре она сказала, что мы с Машенькой должны будем узнать друг друга. И добавила, совсем по-девичьи смущаясь:

– Люди говорят, мы с ней очень похожи.

Уже в спину негромко, но очень отчетливо сказала:

– Учиться тебе надо обязательно.

Эти ее слова полностью совпадали с тем, что я сам хотел больше всего. Я обернулся, она, маленькая и хрупкая, как балерина на картинке, а может она и была ей когда-то, стояла в проеме барачной двери, и мне показалось, крестила меня. Больше я никогда не видел эту удивительную женщину, с переломанной красной машиной судьбой. Женщину с большой душой в хрупком теле, которую не смогли сломать, и это справедливо.

В аэропорт ходил автобус, и мне надо было сесть в него в нашем околотке около 13:00, чтобы вовремя успеть. Времени еще было предостаточно. Дома мама ходила, озабочен-

ная, из угла в угол. В дорогу она мне налила компот и теперь не знала, чем заткнуть горлышко бутылки. Традиционно скрученной из газеты пробкой побоялась – вдруг в сумке прольется. Но все же где-то нашла в углу бутылку с каким-то когда-то настоящим лекарством и оттуда изъяла желанную пробку, а бутылку с лекарством заткнула газетой и вернула в угол. Был, опять же, газетный пакет с пирожками, половину из которых я скрытно вернул в кастрюлю. Мама не могла успокоиться, что я буду голодать, и я стал упрямо убеждать, что у меня в кармане те самые командировочные от Лолы Евгеньевны. Мама искренне считала, что если меня отправляют в командировку, значит, ценят на работе. Конечно, она знала, что я еду на соревнования, но ей явно было все равно, что я оттуда привезу – победу или поражение. А может ничью, которых в жизни не бывает. И это, наверное, справедливо.

На автобус до аэропорта садили только по билетам на самолет, как-то так было устроено. Зато совсем бесплатно, плата за проезд взималась еще при покупке авиабилета. У меня билета не было, пришлось объясняться с водителем, благо он был где-то рядом с «нашенскими», потому понял ситуацию и пустил в автобус.

В «ПАЗике» было одно свободное сиденье. Я на нем устроился и вступил в общую пляску по грунтовке. Если автобус подъехал вовремя, значит и самолет будет по расписанию. Автобус привозил пассажиров на отлет и с прилета

тоже забирал, так же, по билетам на самолет. А все потому, что он был аэропортовский и многофункциональный. Пассажиры с большими багажными сумками и с условно-веселыми осенними лицами. Как только подъехали, объявили регистрацию на рейс, мне было нечего регистрировать, поэтому я пристроился у окна. Из сумки пахло пирожками, и этот запах всему происходящему добавлял уюта. «Нашенские» прибыли за 10 минут до окончания регистрации, их явно «за уважение» привезли на какой-то старой «Волге». Таинство регистрации прошло очень быстро. После этого всем предстояло зайти в какой-то бункер, примыкающий к залу ожидания, и погрузиться в тот же «ПАЗик», который теперь повезет прямо к трапу самолета.

Тут к аэропорту подрулила намытая черная «Волга», из которой вышла номенклатурная фигура. Фигура была в белой рубашке к темно-синему костюму, с красным галстуком, повязанным самым модным узлом, и с гладко зачесанными назад черными волосами. Позади него семенил водитель, в руках у которого было черное пальто и портфель номенклатурной фигуры. По тому, как с ним при входе расшаркались «нашенские» и по значку на лацкане пиджака «За активную работу в комсомоле», мне стало понятно, что это тот самый первый секретарь ГК ВЛКСМ и член бюро горкома партии – работодатель всего «нашенского» движения. Он подошел к стойке регистрации, а тут девчонка за стойкой в синей форме «Аэрофлота» совершила большую глупость, сказав ему, что

для регистрации на рейс надо приезжать вовремя. И он, повернувшись вполборота к присутствующим, так высказался, что глупая обслуга, наверное, сама пойдет просить для себя выговор с занесением в учетную карточку. Он, голосом небожителя, сказал:

– Ведите себя в рамках своего должностного присутствия, а то ведь можно и меры воздействия применить.

Закончив, он полностью повернулся к окружающим, чтобы увидеть произведенное впечатление. Поворачиваясь, блеснул очками в золотой оправе, и я вдруг неожиданно понял, как назвать ту самую крысу в сортире. Конечно же, имя ее – Секретарь.

В автобус, куда загрузились с мешками все зарегистрировавшиеся, он, конечно же, не сел. Его на намытой «Волге» персонально повезли к самолету, но, как преданно на него ни смотрели «нашенские», их он с собой не пригласил. Отворились с лязгом и грохотом ворота, и мы двинулись на посадку и погрузку.

С близкого расстояния АН-24 тоже был похож на «железного слоника», но укрощенного и доброго. В его чреве явно не было ничего опасного для человечества. Трап – маленькая алюминиевая лестница, был опущен на землю, и все стали грузиться. На первом сидении для инвалидов со свежим номером «Комсомольской правды» сидел секретарь. Наверное, он с важным докладом летел к еще более важным секретарям. Но он – «нашенская» персона, а потому обречен на

успех. И это, наверняка, тоже справедливо. Я по-джентельменски всех пропустил по шаткой лесенке, а когда поднялся, стало понятно, что этим лишил себя права выбора попутчика, и потому пришлось устроиться с крупной дамой, втиснувшись к окну. Женщина уже была пристегнута и крепко держала за ручки какую-то соломенную кошелку. От сверхнапряженного выражения ее лица было ощущение, что мы уже летим, хотя винты самолета только начали шевелиться. Набрав обороты и затрубив, «слоник» поскакал сначала по грунтовке, а потом и по мокрому туману холодного сентябрьского неба.

По плану полет был рассчитан на два часа, где-то через час дама, наконец, отпустила ручки своей соломенной кошелки, и лицо ее обрело живые черты. Она, чуть пошевелившись, вытащила из сумки белое куриное яйцо и принялась его чистить прямо в кошелку. Чистилось оно плохо, и она долго сопела. А когда принялась есть, стало понятно, что яйцо очень круто сварено. Первую половину она с трудом прожевала и стала мучительно пропихивать, но проглотить не получалось, и она решила использовать вторую половину в качестве толкача. В результате, в глотательном отделе случился полный запор. Женщина покраснела, пытаясь бороться с подкравшейся из глубины внутренностей икотой, а та грубо рвалась наружу. Из кошелки была добыта бутылка «Буратино», и сейчас она беспомощно трясла ее в руках, подавая мне какие-то сигналы. Я их понял и не без труда

вскрыл бутылку. Женщина попыталась пить прямо из горлышка, но газы из бутылки, похоже, только усугубили положение. Но, в конце концов, все улеглось, и она задышала, а в качестве благодарности предложила мне вкусить второе яйцо. Я, вежливо отказавшись, достал свою бутылку с компотом и глотнул прямо из нее. Пирожки достать не решился.

За спиной «нашенские» громко шептались, как погорячее провести время в командировке. Двигатели АН сменили режим гудения, и самолет стал каким-то напряженным, похоже, пришло время готовиться к посадке, хотя за окнами картина не поменялась. Но так было еще минут десять, потом белый «тюль» стал подниматься вверх, внизу замелькали сопки, покрытые безлистным лесом, и овраги с плетущимися по ним ниточками дорог. Самолет начал тормозить, его тряхнуло, и он из себя медленно выпихнул колеса. Они выходили нехотя, внутри было, похоже, тепло и сухо, здесь же они в момент стали ярко-черными от мокрой взвеси в воздухе. Земля приблизилась, после сильного удара самолет покатился по бетонке и завыл, убивая скорость. Потом остановился, и еще пару минут крутились пропеллеры. Затем он поехал, но уже не своим ходом, его тащил буксир к месту стоянки. В таком аэропорту маленького «слоника» парковали не на самом видном месте. На виду стояли авиалайнеры, длинные и устремленные. Когда окончательно встали, открылась дверь кабины, из нее вышли трое летчиков, и через салон пошли к выходу. Четвертым за ними пристроился секретарь. В ок-

но мне было видно, как летчики втроем пошли к ближайшему строению по своим летным делам, а секретарь остался один, но растерянным не выглядел. Его явно здесь у трапа не встречали. Наконец, и нас пригласили на выход.

Метрах в 20 стоял красный «ПАЗик», в нем уже сиял золотой оправой секретарь, он в автобус зашел первым, с явным намерением и выйти первым. А мы уже пойдем в его кильватере, как за атомным ледоколом «Ленин». Но и за ним сначала пойдут «нашенские», а потом остальной люд со своими проблемами и скорбью.

Вдруг вспомнил, как сегодня за завтраком мама мне рассказала, что сама знала про тетю Люсю и Машеньку. Я-то, конечно, не помнил, как прямо под Новый год они заехали в наш барак. Мне было тогда пять, а Машеньке всего-то четыре. В первый день они спали на полу в своей комнатенке, и кушать им было нечего, но, когда мама дала им 10 картошек, тетя Люся блеснула умением ее пожарить, порезав очень тоненькой соломкой. Мы с Машей сразу подружились, насколько это было возможно. Только через год мои родители приобрели в ближайшем проулке домик с так называемыми «засыпными» стенами, а засыпались они землей. Я приходил к своему бараку, и мы с Машей играли на улице. Она всегда бегала с мальчишками, но если ее кто-то обижал, то никогда не плакала и не жаловалась. Я за нее всегда заступался, и она благодарно прижималась ко мне своим хрупким детским тельцем. Еще старался быть с ней честным и не съел

без нее ни одной конфеты. Наверное, за это нас и прозвали жених и невеста. И, конечно же, я сегодня не мог не узнать свою невесту. Она стояла среди встречающих и, как в детстве, держала свои руки у груди, сцепив пальцы между собой. Совсем тоненькая и очень похожая на маму. И она меня тоже узнала, подбежала, обняла и прижалась. Я знал, в какой гостинице буду проживать, а Маша назвала ее на свой манер – «бич-холл». И пока мы туда добирались на автобусе, она мне все напоминала, как я учился в четвертом, а она в третьем: я ее по сугробам волоком таскал в школу в очень снежную зиму. Как мы рыли норы, каждый для себя, в этих сугробах, а потом эти норы соединяли, считая, что лучше вместе жить в большом доме. И как я для нее из школьной столовки таскал печенье, пряча его в учебнике «Родная речь». У нее была очень хорошая, «раскрашенная», память. Когда добрались до гостиницы, она сказала, что у нее завтра выходной, и она сразу придет после занятий. Я стоял на крыльце «бич-холла», она еще долго мне махала, пропадая в наплывающих сумерках раннего вечера.

Двери, как, наверное, положено в доходных домах, были с большими окнами, тяжелые и двойные. Большой холл, слева дверь, опять же, с большими смотровыми окнами, над которыми висели буквы, каждая из которых была как бы отдельно, но слово читалось как «Ресторан».

Между входом в озвученное заведение и лестницей на второй этаж находилось что-то замечательное, а именно –

большой лоток с ровно расположенными на нем книгами. Книги были с ценниками и продавались. Рядом на стуле сидела женщина, видимо, распорядительница. Ей было, наверное, за сорок, опрятная, неброский макияж, костяная брошь на синем жабо. Все как бы располагало к знакомству с ассортиментом книг. А книги были самые что ни на есть замечательные. Те, что в народе мало читаемы. Похоже, что реализовывались какие-то залежавшиеся фонды. На самом краю торгового лотка лежал двухтомник В. Гюго. «Отверженные» – роман, вошедший в число самых выдающихся и грандиозных книг XIX века, в котором противопоставлялись две силы – закона и любви, где главными героями были люди, отверженные обществом. Я взял книгу и открыл первую страницу. И, конечно же, это было позднее издание. Распорядительница по реализации этого богатства владельцев дум посмотрела на меня косо и без интереса, ей, видимо, подумалось, что меня привлекла иссиня-черная обложка. А когда я ее очень вежливо спросил:

– Это та книга, у которой первое название было «Нищета», второе «Несчастные», и только третье – вот это?

Ее прямо подкинуло со стула. Вероятно, были причины, по которым я, в силу, наверное, своего юного возраста, знать это не мог. Я, не дождавшись ее ответа, продолжил:

– А вы, наверное, помните, как описан Гаврош в переводе Виноградова 1931 года?

Потом спросил, помнит ли она, что говорил о романе До-

стоевский, когда прочитал его в тюрьме? И вообще, согласна ли она с тем, что название всегда внутренне обосновано? И еще две минуты поговорив о «Конформисте» Моравиа Альберта, который скучал тут же, и, вспомнив по нему снятый три года назад режиссером Бернардо Бертолуччи фильм, мы с ней прямо подружились. И она мне рассказала, почему «бич-холл», и почему она именно здесь со всем этим. Это вроде полугостиница – полуобщезитие, для моряков, рыбаков и всего прочего морского народа. А так как принято считать, что моряки на берегу бичуют с деньгами, здесь ресторан, возможно, они и книгами интересуются. Цена-то их, на этом лотке, три копейки. Хотя мне это место называли официально гостиницей «Гавань». За таким заведением, конечно, тщательно приглядывала милиция, так как манеры «бичующих» сложно было предсказать. Похоже, «нашенские» выбрали что подешевле.

Но каково было мое удивление, когда в назначенном для меня номере я обнаружил их сумки, мне же досталась самая маленькая койка в углу перед туалетом. На самом видном месте висела обложка от журнала «Огонек» с большим портретом «дорогого» во всех имеющихся регалиях, до присвоения ему Маршала СССР оставалось меньше полугода. «Нашенские» куда-то сквозанули; вода в кране текла, не пугая излишним напором, и горшок был настоящим, таким как его придумал английский слесарь для своей королевы. Разделавшись со своими нуждами, я собрался отоварить тало-

ны в местной ресторации. Распорядительница книг мне мило улыбнулась. В руках у нее была раскрыта книга «Отверженные». Видимо, она пыталась изучить-таки противоречивый образ Гавроша.

Открыв одновременно две двери с большими стеклянными вставками, я зашел в ресторан. Это было длинное узкое помещение, наполненное столиками на четверых, покрытых клеенками с васильками, на которых стояли вазы с хлебом, соль с перцем и, конечно, баночка профсоюзного масла, то есть горчицы, уже покрытой твердо-черной коркой. Я сел за столик лицом к двери и стал ждать своей участи. Подошла официантка с подносом, ей было известно, что я хочу и буду употреблять. Все это уже было согласовано в профсоюзных президиумах. В моем возрасте мне вся еда казалась вкусной, а здесь две сардельки с гречкой – вообще диковинка. В оконном проеме двери вроде как мелькнула с лестницы на выход фигура «нашенского». Он явно спешил, а у меня еще был кисель, правда, почему-то не традиционно-красный, а какого-то лунно-желтого цвета, но оказался вкусный. Его я выпил два стакана, закусывая черствым хлебом из вазы. Похоже, в «бич-холле» я был не один спортсмен. За соседним столом сидели двое и упоительно рассказывали друг другу все те же небылицы – как надо «показать в животик», чтобы «пробить через руку». Из их разговора я понял одно: что место, где будет проходить все представление, совсем недалеко. После того, как от моей портянки оторвали несколько

талонов, мне сказали энергично двигаться к выходу, так как у них начинается вечерне-ночное обслуживание, уже не по талонам, и кисель будет там не главным напитком.

Распорядительница была погружена в чтение, и на меня не среагировала, зато я столкнулся нос к носу с «нашенским», он деловито хмурил брови, глядя на меня, но в кошелке явно просвечивали бутылки с горячительными напитками. Он тут же важно мне объявил, что завтра выходим в 7:30 на взвешивание. Как-то получилось, что я пошел за ним и увидел, что он повернул в нашу сторону, но зашел не к нам, а через две двери. Когда он открыл дверь, оттуда завопил Высоцкий про «смерд и полумрак». Потолкавшись по комнате минут 20, я спустился в холл попросить у распорядительницы в аренду до утра книгу. Но ее уже не было, а все хозяйство было затянуто плотным военным брезентом. Из ресторана, с маленькой сцены, пели про то, как «волна до небес раскачала МРС, но пока еще никто не утонул». По холлу народ возбужденно и деловито двигался туда-сюда.

Я вышел на улицу, уже было достаточно темно, прохладно и безветренно. Здесь был юг, и он обязан быть теплее, чем у нас. Плотно к крыльцу «Гавани» была припаркована машина-фургон с длинной надписью на будке «Спецмедслужба». Вечер в «бич-холле» обещал быть томным и интересным. Заставил себя лечь пораньше, читать было нечего, кроме Огуренкова. Вот я и вникал, мысленно прокручивая тот самый «плотный» бой. Спал плохо, коечка была продавлен-

ная и бугристая, будто она всегда служила не для сна, а полкой для чего-то тяжелого. А вообще, как оказалось, она была приставная, согласно купленным местам в «Гавани» и, видимо, ее притащили со склада, чтобы номер стал трехместным. Еще, помимо того, ночью было шумно, кто-то в туалете кряхтел, стучал крышкой унитаза и ругался. Лучше было засыпать под грохот сгружаемых труб на узкоколейке. Такое чувство, что там даже подрались. В 6:30 я проснулся по своему внутреннему будильнику, к 7 часам был полностью готов и включил в номере полный свет. «Нашенские» валялись на своих койках в одежде, один был даже обутый. Я пнул каждому по спинке кровати, а сам пошел дожидаться их в холле. Еще с вечера я заметил там два мягких диванчика. А вот теперь на одном из них, сгорбившись до детского роста, притулился мужчина. Одна рука его свешивалась на пол, на тыльной стороне ладони был наколот восход из моря лучистого солнца, а под ним слово «Север». Лоток остался неприкосновенным, а за дверями ресторана было темно. На втором же мини-диванчике стояли два громадных чемодана образца 50-х годов, и, привалившись на них, спал мужчина, похоже, новый заселенец. Из «нашенских» спустился только один, тот самый, что вчера бегал за водкой. Он, видимо, был более мелкой картой в колоде, но кем числился, тренером или секундантом, мне было неизвестно. Неведомо, кого как пропечатала Лола Евгеньевна. Похоже, он знал дорогу. Это тот, который спал без обуви, а значит, был менее напив-

шийся; а так и положено, когда твои роли – вторые. Сейчас он прокладывал путь, разгребая утренний холодный воздух. Оказалось, действительно недалеко. На входных дверях какого-то училища из серого кирпича висела рукописная афиша «Молодежный боксерский турнир в субботу и воскресенье».

По холодному фойе бродили полуголые участники этого мероприятия. Их с представителем запускали в кабинет, там и взвешивали. В конце коридора, в двери большого, хорошо освещенного зала, затаскивали сиденья, по пять штук в секции, а посередине, на помосте, был установлен ринг с хорошими резиновыми канатами, оформленными углами и с новым покрытием без швов и заплат. В комнату взвешивания заходили и выходили без длинных пауз. Пришла и моя очередь зайти в трусах и с паспортом. У весов стояла совсем некрасивая медработница – большая в объемах, со злым лицом, а рядом с ней – тот, что сверял паспорта и делал отметки в списках. Он был во френче и статью напоминал памятник. Со мной все прошло, как и со всеми, быстро, я не вышел из рамок ни вниз, ни вверх.

Назад я двинулся один. На улице стояла небольшими группами уже взвешенная молодежь. Все старались держаться солидно и с достоинством. Мне мечталось хоть часок поспать, а потом дожидаться Машеньку и пойти по областному центру погулять. В вестибюле «Гавани» ничего не поменялось, только рука с «Севером» лежала, накрыв собой другую

ладонь мученика. В номере было пусто, но поспать не удалось: только успел руки помыть, как в двери без стука ввалилось нечто, очень похожее на ту даму с взвешивания. Она как-то эротично раскачивалась и громко приземлила свой зад на койку «нашенского». В столь ранний час дама уже была под большой утренней «мухой», а может еще вчерашней, но тоже немаленькой, а также, возможно, и недельной. Губы накрашены красным были явно сегодня. Из ее эмоционального треска я понял только одно: что ей нужны мои соседи по номеру. Те, как я понял, всю ночь пропадали в номере у двух Тань, которые приехали с Урала на рыбопереработку, а сейчас сидели тут в ожидании последней порции зарплаты. А «нашенские», оказывается, пили за их деньги, да еще потом и домогались развратно, пытаясь все получить «за уважение». Я молчал, рыбообработчицы – люди серьезные, и «нашенским» от них могло серьезно достаться.

Решил поменять собеседницу и пошел вниз, к распорядительнице классической литературы. У нее все еще было закрыто, зато работал ресторан, предлагая спортсменам завтрак, и я был там не первый. Завтрак был хорош – рисовая молочная каша, притом еще очень горячая, две сосиски, кусочек сыра и чай с ватрушкой, прям настоящий боксерский завтрак после взвешивания. Сверстники мои сидели за столами, очень друг на друга похожие, но ели с разным аппетитом. Всех объединяло общее желание стать победителями. Они верили в ту сказку, что победителей не судят, но

это, наверное, справедливо – верить в сказку, даже если она несправедлива и жестока.

Вернувшись в номер, я застал там «нашенских» с кошелкой бутылок. Где они с утра раздобыли, было малопонятно. Сейчас они были в сомнениях, им в 14 часов надо было идти на жеребьевку, а выпить очень хотелось. «Нашенские» пошептались и, взяв сетку с грузом, удалились. Кажется, я догадывался куда. Выйдя в коридор, услышал за неплотно прикрытой дверью номера двух Танюшек громкий разговор, сплошь состоящий из идиоматических выражений. Я надеялся, что книжная дама уже на месте, и я смогу купить у нее маленький сборник М. Цветаевой, который еще вчера приметил. Дама была на месте и долго не хотела меня отпускать, так как была поклонницей этой гениальной поэтессы, но я ушел, и все же до 12 часов умудрился полулежа подремать. Настроение было среднее, но не сказать, что на подъеме.

Машенька запорхнула в вестибюль, как птичка. В руке у нее был небольшой портфельчик, а на губах милая, знакомая с детства улыбка, которая на ее щечках рисовала ямочки. Маленькую книжечку стихов от меня она приняла трепетно и тут же, достав из сумочки ручку, попросила подписать, как от друга детства. Я проставил дату и расписался длинно и подробно, а не одной закорючкой, как в платежной ведомости конторы.

Город жил, день был холодный, но достаточно солнечный. Люди вышагивали по тротуарам и перебегали на красный

сигнал светофора. Машин было непривычно много, особенно разноцветных «Жигулей», у нас их не больше 10, а здесь они мелькали на всех перекрестках. Мы проехали на автобусе две остановки и оказались в самом центре города, рядом с центральным кинотеатром. Там была премьера нового хита о фальшивом государе по Михаилу Булгакову. А в роли Ивана Васильевича, Иоанна IV, – тот самый Яковлев, которому после роли в «Идиоте» по Достоевскому Голливуд настойчиво предлагал сыграть Иисуса Христа. Купили билеты, до начала сеанса было еще больше часа. Я повел Машеньку в кафе, которое было в десятке метров от кинотеатра. Когда она сняла пальтишко и шапочку, то предстала совсем Дюймовочкой. Ей было почти 17 лет, она мечтала вернуться домой через год и учительствовать в той самой корейской школе, в которую нас когда-то привели мамы. В ее маленькой головке жил образ своего дома, Родины, и она мечтала быть там полезной. Другой Родины она не знала и помнить не могла по причине, что ее вывезли из Москвы в трехлетнем возрасте. Как-то незаметно наш с ней разговор перешел на эту тему, и тут я еще раз убедился, как наш Север недалек от Москвы. Ее мама очень много Машеньке рассказала о судьбах своих предков, и сейчас какую-то часть этой истории услышал я.

Ее дед был следователем Московской Прокуратуры. Он готовил обвинительное заключение по делу Авеля Енукидзе, этого снабженца и завхоза кремлевских небожителей. У него была старая большевицкая кличка «Золотая рыбка», и

она подходила этому ловкому завхозу как нельзя лучше. Он считался близким другом Сталина, а будучи развратен и сластолюбив, покрыл смрадом все вокруг себя, пока не доказался до девочек 9–11-ти лет, вместе со «всесоюзным старостой», таким же сластолюбцем Михаилом Калининым. Тот был куратором Большого и Художественного театров, покровительствовал молоденьким балеринам и актрисам. Помимо того, что ее дед в обвинительном заключении привел высказывание Енукидзе против организации процесса над Зиновьевым и Каменевым, он с полным набором доказательств обвинил эту «Золотую рыбку» в совращении десятков малолетних девочек. Так вот, там по многим эпизодам проходил и М. Калинин. Дед полностью доказал причастность Калинина к убийству шестнадцатилетней Беллы Уваровой – той единственной, что отказала политику, и которую нашли потом в лесу зверски убитой, а ее родителей обвинили в шпионской деятельности, и те сгинули в лагерях. Дед Машеньки понимал, кому он пытается предъявлять обвинения, поэтому доказательная база была блестящая и в избытке. По этим обвинениям в 1937-м году Енукидзе расстреляют, а фамилию Калинина тщательно вымарают из этих документов. Деда тут же арестуют, обвинят в государственной измене и быстро исполнят расстрельный приговор. И осталась трехлетняя Люся со своей мамой. Они были причислены к ЧСИР (члены семей изменников Родины), но не высла- ны, какие-то друзья деда что-то сознательно в бумагах напу-

тали.

– До 1954-го года мама жила с бабушкой, а в 20 лет вышла замуж за папу, которому тогда было уже 30. Его в 1953-м году отпустили по амнистии, он был осужден по 58-й статье, и к сроку освобождения уже отбыл там 12 лет. В 1942-м году он скурил агитационную листовку с портретом Сталина, тогда ему было 18. А в 1957-м году родилась я, но с папой прожили совсем недолго. Он умер, когда мне исполнилось всего 3 года, его добила лагерная чахотка. В 1959-м году реабилитировали Авеля Енукидзе, выдав его за жертву сталинизма. А где-то за год до этого мама случайно нашла у деда в тайнике около 10-ти папок со следственными документами по двум фигурантам – Енукидзе и Калинин. Дедушка, оказалось, все свои бумаги копировал, а при обыске их не отыскивали. На дворе 1960-й год, кругом социальный оптимизм, ракеты, космос. Вовсю идет «сталинопад», из старой гвардии, которую Хрущев подавил, остался один Ворошилов. На лицах людей неподдельный энтузиазм. Вот под этим самым народным энтузиазмом мама и приволокла домой ящик, собрала в него все дедовские папки и, считая, что делает хорошее и нужное дело для страны, отправила этот ящик прямиком в Кремль. Она ужаснулась, когда увидела эти папки, рассчитывала помочь изобличить сущность этого дракона Авеля, которого реабилитировали.

Машенька чуть прервалась, углубившись в мороженое, а я представил в своей голове, как это могло быть в Кремле.

Хрущеву, по моему мнению, обязательно должны были показать эти бумаги, и интерес там, конечно, был не в Енукидзе, а в Калининне. Правление Хрущева продолжалось увековечиванием памяти этого всесоюзного старосты: города, районы, проспекты и корабли назывались его именем. Не прошло и года, как Хрущев сам открыл десятиметровый памятник ему в Калининграде, и по его распоряжению в этом же году его восславили в фильме «Ровесник века». Хрущеву конечно бы хотелось вытащить все это говно из могилы, но первым на очереди был Коба. Вытащить его из мавзолея и сунуть в яму планировалось в следующем году. А сегодня надо было укреплять авторитет партии и память о ее истлевших вождях. И тогда было принято решение поступить так, как всегда поступали – врать дальше, а тех, кто читал эти бумаги, – подальше и под надзор. Так Машенькина мама, пытаясь воздать преступникам и реабилитировать своего отца, подписала себе приговор. Но ни суда, ни приговора не было, было какое-то постановление и маршрутный лист к месту поселения. Вот так они с Машенькой и оказались в той комнате с фикусом, что остался от прежнего проживателя. А теперь эта девочка мечтала быть там, чтобы учительствовать в своей школе. Может, человек так устроен, может, есть и такая справедливость.

А я вот сейчас впервые в своей жизни иду в кино с девушкой. Кино было изумительное, а главное – что поучительное. Не надо рядиться в чужие одежды, да еще и использованные.

Такой маскарад только в кино может закончиться хэппи-эндом. Понятно, что домоуправ в царских одеждах, конечно, не волк в овечьей шкуре. Кино всех смешило, и все хохотали, а смех – это человеческая реакция, которую нельзя подделать. Это как по Достоевскому – что, когда человек смеется искренне, свободно, естественно и от души, он предстанет перед взглядами других в своем истинном обличье. Всегда можно понять, когда люди смеются фальшиво. Машенька смеялась по-детски, закрывая лицо ладошками.

После фильма на автобусной остановке мы сели на разные маршруты. Машенька поехала в общежитие, а я в «Гавань». Она мне честно сказала, что бокс не любит, но очень хочет за меня поболеть, и взяла обещание, что, когда станет известно, во сколько надо быть на соревнованиях, я позвоню в общежитие и оставлю вахтеру информацию. Я, конечно, пообещал, но делать этого не собирался. Боялся, что ее присутствие может помешать мне быть на ринге таким, как надо. В полупустом автобусе из транзистора водителя «Самоцветы» напоминали мне, что мой адрес – Советский Союз.

После кофейного перекуса мне очень хотелось пообедать, и я еще надеялся успеть. У книжной распорядительницы стояли трое: один листал книгу, а двоим она что-то эмоционально рассказывала. Судя по изобилию джинсовых одежд и новизны этой одежды, которая стояла колом, то были те самые моряки заграничания, еще и получившие жалованье. Распорядительница их тянула в книголюбы.

В ресторане были заняты три стола, за которыми сидели участники завтрашних представлений. Они явно расселись по командам, потому что в них чувствовался коллективный дух и, в первую очередь, – по одежке, новой, как у морячков, с оттрафареченными надписями на спинах, но ни на одном не было написано «Советский Союз». Все они были из добровольческих обществ, даже ДСО «Урожай» промелькнуло. Хотя все были из разных обществ, но ели одинаковые блюда: борщ и котлеты с макаронами. Компот был из сухофруктов, он был очень похож на тот, что готовила моя мама. Ей сегодня можно было позвонить на работу. Автомат для междугородних переговоров стоял в вестибюле и глотал по 15 копеек за минуту. Он был прикручен к стене напротив входной двери в ресторан. Но я решил подождать, пока хоть какие-то новости случатся.

Книгораспорядительница встретила меня совсем грустным взглядом, и на ее просьбу побыть у прилавка пять минут я, конечно, согласился. Она быстро удалилась в конец коридора, я же сел на стул, взяв акварели к роману Л. Н. Толстого «Война и мир». На обложке был рисунок художника Н. Каразина «Батарея капитана Тушина при Шенграбене». Возвращаясь, книгораспорядительница еще с середины вестибюля послала мне полный благодарности взгляд. Глаза ее уже не были такими страждущими.

Из лестничного пролета тянуло густым табачным дымом. На самой верхней ступеньке стояла Танюшка, облокотив-

шись на стену. Выдвинув насколько можно бедро в сторону, она курила сигареты «БТ» в белой коробке. Ей она и стучала по перилам лестницы в тоне марша, с которым Наполеон наступал на Москву. Танюшка была крепка, мясиста, удивительно румяна и с мутными лукавыми глазами. Она мне сделала знак рукой с сигаретой и высказалась в отношении «нашенских». Я понял, что они у Танюшек в гостях. Не успел я дойти до своей двери, как из дверей в номер, где жили дамы, выскочила барышня, видимо, это была вторая Таня, под стать первой. А за ней выскочил один из тех, кто был внизу в джинсовых делах. Из носа его текла кровь, и он ее громко зашмыгивал назад. Похоже, «нашенские» озоруют. Я юркнул в свою комнату, там было пусто и холодно. Одна из фрамуг окна была настежь открыта. Я ее не без труда прикрыл и уселся на свою сиротскую коечку изучать бумажку, которую мне подбросили. Это была та самая жеребьевка по парам. В моем весе было 16 участников, это хорошее кратное число. После первого дня нас оставалось 8, а на следующий день все заканчивалось. Формула боя: три раунда по три минуты, согласно возрасту. Так вот, первый бой у меня был с человеком по фамилии Тушин. Попахивало мистикой, но не тревожащей, а мобилизующей. Ну и, в общем, все было ободряюще. Во всяком случае, если в других категориях хоть приблизительно столько участников, то торжественную часть можно пропустить. После просмотра сей бумажки наступил момент, что уже надо настраиваться на завтра. Ни-

колая Максимовича рядом не было, а потому придется самому себе уши тереть. До этого, что я тут один и не вспоминалось, а тут вдруг этот момент обозначился. Был междугородний автомат внизу, но позвонить было некому: мама уже была дома, если только Лоле Евгеньевне доложить, что талоны на питание отовариваются и уточнить, что теперь в Париже носят? Я ведь мог тогда в больнице взять телефон и звонить, чтобы интересоваться здоровьем Николая Максимовича. Мне вдруг остро захотелось позаниматься самоедством. С трудом поборол этот порыв: завтра будет день тяжелый. Мои командировочные совсем немного уменьшились после посещения с Машенькой кафетерия, и я отправился в замеченный рядом магазин, чтобы что-нибудь купить в подарок маме. В коридоре на полу где-то еще кумачово сияли капли крови, а часть уже была размазана обувью. Сильно тянуло куревом, но было тихо. Книжная управительница дала с возвратом почитать «Вокруг света». Журнал был не очень свежий, с хорошо загнутыми уголками, которые добротнo промусолили наслоняявленными пальцами. Я опробовал междугородний автомат, из трубки шел длинный гудок. Заглянул через стекло дверей ресторана, было понятно, что в самом дальнем его углу за двумя сдвинутыми столиками сидела компания, и не узнать ее было невозможно: две одинаковые Тани, трое в джинсовых одежках и, конечно же, «нашенские». Они выглядели очень даже впечатляюще, похоже, происходило примирение, и джинсовые мальчики простав-

лялись «за уважение».

Магазин был как магазин. Слева продавали то, что должно было пройти через желудок, справа все остальное: от сковородок и чайников до настенных часов с кукушками. Мне нужны были тапочки для мамы, старенькие у нее совсем износились. Тапочки были одни – добротные, на толстой розовой подошве, клетчатые, вроде как для мужчин. И еще тапочки с розочками и прозрачные. Я купил клетчатые, а себе две бутылки местной минеральной воды с расчетом завтра взять их с собой. Николая Максимовича рядом не было, потому и ждать такого внимания не от кого. А «нашенским» такое было не по статусу.

В гостинице на нашем втором этаже чьи-то дети гоняли шайбу, курильщиков не было видно, но куревом все равно перло. Сегодня по расписанию у спортсменов ужин ранний: в связи с пятницей обслуживание вечерних посетителей начиналось на час раньше, и нас всех желали откормить побыстрее. Надо было решать – идти или нет, еще обед не успел перегореть. Решил идти, чтобы добру не пропадать, спортсмены доедали ужин последнего предбоевого дня. В глубине зала так и сидел тот дружный коллектив и беседовал в убедительных тонах. Похоже, «нашенские» продолжали грузить «джинсовых». Под эту загрузку официантка таскала им графинчики, она и нас тоже обслуживала. Сегодня выглядела нарядно, в юбке в белый горох, такую я видел на Лоле Евгеньевне, но у официантки бедра были не столь сильно разба-

лованные, и ей юбка в горох работать не мешала. Но я не упустил, что один из «нашенских» пытался ее приобнять ниже пояса, за что получил с локтя от одной из Танюшек, и, наверное, это было справедливо. Юбка в горох скорым шагом подошла ко мне, ровно через минуту оторвала талоны и улыбнулась хорошей улыбкой. Она не была похожа на успешную профессионалку, скорее на подрабатывающую студентку. На таких как, мы, соответствующих и ставили, а настоящие, матери, будут трудиться вечером и получать настоящие деньги, а иногда, тайно, даже не советские.

Выходя из дверей, я глянул еще раз в глубину зала. Все говорило о том, что мне завтра самому придется и руки бинтовать, благо опыт такой у меня уже был, и я подумал, что справлюсь. А с «нашенскими» меня сегодня объединяло одно: что мы здесь, а зарплата идет. В вестибюле все шло по заведенному расписанию: туда-сюда хлопали двери, кто-то заезжал, а кто-то выезжал. Зашла парочка с повязками «дружинник», повернулись, заглянули в ресторан и ушли.

У стола книжной распорядительницы стоял солидный гражданин в касторовой шляпе, на этот раз она меня не проглядела и энергично пригласила подойти. Гражданин в касторовой шляпе оказался ее младшим братом и жил где-то рядом, а сюда зашел поздороваться по дороге с работы. Она нас представила, брат оказался не простым, он работал в местном НИИ и был то ли программистом, то ли электронщиком. Ему тоже показалось интересным, что я тут живу в

ожидании боксерских соревнований. А хранительница книг тут все и разболтала: что брат неделю как вернулся из Ленинграда, пробыв там неделю в командировке от НПО «Позитрон», и привез оттуда, вместе с другим оборудованием, видеоманитофон «Электроника-видео», который предназначался для установки в лаборатории НИИ. Но там сейчас шел ремонт, и налаживанием этого оборудования брат занимается у себя на квартире. Она остановилась, а брат продолжил, что одна из коробок с кассетой в ящике была вскрыта, и теперь будет утилизирована. Так вот, на ней была записана документальная биография Кассиуса Клея (он же Мухаммед Али), и там было много бокса. На последнем его предложении я мог только рот открывать, не издавая звуков. Хранительница помогла вопросом:

– Хочешь, брат тебя пригласит и покажет?

Я кинулся одеваться, не замечая ни лестниц, ни крови, растоптанной на полу. Брат повел меня в стационарную хрущевку через четыре дома. В его двушке тоже, похоже, был вечный ремонт и, помимо всякого хлама, посредине стояли еще картонные ящики. Я сел прямо на пол, он включил телевизор и, пока тот грелся и гудел, щелкал рычажками на рядом стоящем таинственном ящичке. Звука не было, была только картинка: это был американский документальный фильм о величайшем боксере. Так я на полу и просидел больше двух часов, накачиваясь черно-белыми кадрами, на которых в основном черные парни показывали, каким тру-

дом добываются лавры на ринге. И было очень понятно, что их лавры – это их деньги. У них не было ДСО «Трудовик». Труд был, а ДСО не было. И труд не легче, чем тот, которым занимались их предки на плантациях. Увидел я, что на той Олимпиаде 1960-го года у нашего Г. Шаткова, уже олимпийского чемпиона предыдущей Олимпиады, не было ни малейшего шанса против 18-летнего Кассиуса Клея. Это была та самая Олимпиада, с которой Борис Лагутин вернулся только с утешительной бронзой. Мне почему-то захотелось домой, увидеть его над своей кроватью. Он-то точно ждет меня с победой, поэтому я буду стараться. Я тихо вернулся в гостиницу и лег спать, впечатленный сегодняшним днем и в ожидании завтрашнего.

Утром проснулся вроде как по своему будильнику, вероятно, в эту ночь у меня случилось то самое койкопривыкание. Ночью, кажется, никого не было, койки рядом были пустые, но все следы инопланетного присутствия были в инопланетном отсеке. Там, похоже, опять была возня, только в этот раз я ее не слышал. На полу валялись шкурки от упаковок резиновых изделий, на которых было написано «проверено электроникой». А в раковине умывальника лежало нечто телесного цвета, изготовленное из капрона. Такое в фильме про Фантомаса надевали на голову, чтобы не быть опознанными. Похоже, в какой-то момент произошло разделение отсеков, и часть перешла в наш, а часть осталась в главном. А теперь они, видимо, опять в главной кают-компа-

нии обсуждают дальнейшие планы освоения пространства. А у Танюшек-то, похоже, не первая в «Гавани» команда, с которой они выходят на орбиту.

Я открыл окно, номер быстро наполнился бодрящим воздухом. Отжался, порастягивался до первого пота и залез в маленькую, с отколотой эмалью ванну, ополоснулся. Вода дотягивала только-только до комнатной температуры. Чулок в мойке лежал, как свернутый маленький зверек. В комнате я закрыл окно, оделся и пошел вниз, надо было что-то съесть, ибо день будет голодным. У меня было еще минимум два часа до начала работы. В ресторане все плафоны горели, за столами сидели ребята, похожие на меня, с прическами полубокс. Завтрак принимался в умеренной тишине. Это были два яйца под майонезом, обжигающий какао со сгущенкой и большой крендель из слоеного теста. Жаловаться было не на что, талоны сегодня отрывала другая женщина, более взрослая. Она была в теплой кофте, и отрывать у нее получалось не так ловко, как у той, что была в «гороховой» юбке. Может, от того, что у нее не было железной линейки?

В вестибюле «Гавани» было не протолкнуться: то ли заселялся какой-то сменный экипаж, то ли уезжать собирались. Было шумно и дико воняло куревом. Вообще, чтобы понять, что такое «бич-холл», нужно в нем с недельку пожить. В междугородний телефон-автомат стояла очередь, а кто-то прижимался задом к брезентовому покрытию распорядительницы книг. К моему удивлению, в номере все были

на месте. Они достали из-под кровати свои сумки и рылись в них – оказывается, потеряли листок с жеребьевкой. Я им отдал, они, может, и были неумны, но хотя бы догадались того зверька из раковины выкинуть в помойную урну и собрали шкурки от изделий. В номере стоял оглушительный запах одеколona «Шипр». Когда его много на себя выливают, он активно вступает в симбиоз с другими запахами, особенно с перегаром, и начинает озонировать, как старые валенки у печки, у которой сушили потные портянки. А может так пахнет в помещении птицефабрики, где 10 тысяч кур-несушек? Но к этому придется привыкать, так как на сегодня эти ароматы все время будут где-то рядом. Старший по «нашенскому» наряду достал из сумки майку с эмблемой ДСО «Трудовик» и кинул мне на кровать. Мои тренер и секундант ушли, все же взяв с собой одну сумку.

Я остался с майкой, про внешний вид которой в народе обычно говорили «как в жопе была». Эту проблему оставили на меня. Но такую срамоту надевать вместе с подаренными мне Сергеем носками и преподаренными шефом красными боксерками я не мог, конечно. Взяв майку, я вышел в коридор, но мир, как известно, не без добрых людей, и такой человек нашелся в самой крайней комнатке на нашем этаже. И величали этого человека кастелянша. Это была маленькая бабушка в платочке и байковом халате до пола. Она взяла у меня майку из рук, я даже не успел попросить. Утюг у нее на столе был горячий, и она за две минуты эту срань привела в

порядок. На мое спасибо она ответила:

– Удачи тебе, милоч.

И я вдруг ощутил, что ее глаза были очень похожими на глаза той женщины из квартиры Николая Максимовича. Придя в номер, я еще час развлекался журналом «Вокруг света». Оказывается, в этом году было его 155-летие. Это была целая эпоха научных и технологических открытий, и журнал прошел этот путь вместе со всем миром. Это было также время великих политических и социальных экспериментов, время штурмов полюсов земли и космоса. Я перебрал сумку, оставил только лапы, они никак сегодня не могли пригодиться. Коробку с четырьмя ампулами хлорэтила хотел выложить: во время поединка им пользоваться никто не разрешит, но передумал, в перерыве между боями она ой-ой-ой как может пригодиться. Вот такой во мне жил страх после травмы левой руки. Я ее и бинтовать сегодня буду по-особому. Огуренкова тоже не стал выкладывать, пусть со мной побудет этот подарок от физрука. Я с теплым чувством сейчас подумал и о физруке, и о Сергее. В вестибюле так и толпился народ. На улице уже было достаточно светло, я оглянулся на «Гавань» – частично еще горел свет в окнах, а в самом крайнем на втором этаже я увидел ту самую бабушку, и, кажется, она меня крестила.

На улице за ночь пролетела пороша, и у входа в помещение, где будут проходить соревнования, стоял какой-то фельдфебель и заставлял всех отряхивать обувь. Уже от вхо-

да слышался звонкий гонг на ринге, там уже началась работа. По моим подсчетам, мне до выхода оставалось где-то еще полтора часа. Я снял куртку, положил ее на одну из скамеек, стоящих вдоль коридора, и сел рядом. Надо было искать, где переодеться и, хоть по-малому, но размяться перед выходом. Еще издалека я увидел, как по коридору идет тот самый человек во френче, которого я видел на взвешивании. Ему бы еще пальцы заложить за среднюю пуговицу, точно был бы киногерой. И, как ни странно, он остановился около меня. Я встал ему навстречу из уважения к возрасту. Он, не представляясь, назвал меня по фамилии и имени, добавив, что является старым другом моего тренера, Николая Максимовича, и что знает, что тот сильно болеет. Позвал меня за собой и в самом дальнем конце коридора открыл своим ключом дверь в небольшую пустую раздевалку, в которой при всем был даже душ с туалетом. Я с вопросом посмотрел на него, он ответил, что в этом здании, и во всем этом мероприятии он всего лишь технический работник – пенсионер, и ничего не решает. Но хочет, чтобы я что-то знал. Он присел на скамейку напротив меня. Его вопрос был для меня совсем неожиданным: он спросил, знаю ли я, какое у Коли было в молодости прозвище. Я ничего не ответил, тогда он сказал:

– Мы, сверстники, знали его под именем Боец. А о тебе я слышал от Николая, когда мы имели с ним разговор по телефону. И он тебя очень хвалил, хотя похвала его из его уст – редчайшая вещь. Но я и так знаю, какой он, как тренер,

может выдать продукт.

Мужчина многозначительно посмотрел на меня и сказал, что будет по существу говорить и постарается быть кратким и понятным.

– То, что сейчас происходит, и что должно произойти с тобой – это финальная сцена большого реалити-шоу областного комитета КПСС. А точнее, его второго секретаря по идеологии. И сегодня на ринге тебе предстоит встретиться с его сыном, который является ведущим теле- и радиопрограмм, воспитывающих патриотизм и русский дух. Именно себя эти люди считают такими патриотами и продолжателями традиций русского народа. Сегодня ты будешь представлять армию Мюрата, а он, Тушин, понятно кого. Тебя, милоч, привезли сюда как агнца на заклание, и люди, которые тебя сюда привезли, это знают. Их еще вчера нагнули, но тебе они не решились сказать, что ты должен лапки свесить. И выбрали они тебя по той причине, что ты из самой дальней периферии, и у тебя нет ни имени, ни званий. Никто. Где-то в течение часа прибудет и телевидение, а болельщики и почитатели уже заполняют зал, и русский дух сегодня должен победить публично у всех на глазах. И папа твоего оппонента, конечно, будет, а его ведь прочат на место первого секретаря. Такая вот картинка, теперь выбор за тобой. А штабс-капитан Тушин не собирается становиться чемпионом, ему нужна только триумфальная победа на публике, а потом он снимется из-за занятости. Не будет он долго рисковать ме-

дийным фейсом. Это вылитый папа. А твоя роль известна: так как русский дух не знает поражений, то проигравшим можешь быть только ты.

Теперь мне стало понятно, как проводилась жеребьевка, и почему у моего соперника не было имени. Все соответствовало лозунгу «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен». Но это для тех, кто подвиги совершал не в шоу, а на войне. Я помнил, как прочитал у Толстого: «капитан Тушин был без имени, а имя ему было – весь русский народ». Но только для меня все эти секретари были совсем не народ, а если они себя такими заявляют, пусть докажут в бою. И мне так захотелось на ринг, что я украдкой глянул на часы. Человек во френче на это сказал:

– Твои лже-тренеры знают, где ты, и непременно прибегут к тебе вовремя. Только помни, что они тебе не помощники. Ты здесь один на один со всей системой.

Я начал переодеваться. Он умело забинтовал мне руки с учетом бывшей травмы левой руки, предложил лапы подержать, но, так как их не было, ушел, обещая принести. Пока его не было, мне в голову приходили то Мексиканец Джека Лондона, то Мухаммед Али, в 18-летнем возрасте выигравший Олимпийские игры в Риме, то кислый вид Лолы Евгеньевны. У шефа от нее, понятно, секретов не было, и она точно знала, куда меня отправляют. Если бы был кто-то другой в моем весе, ясно, что я бы не поехал, но, по понятной причине, никого больше не было, ибо бокс там был лишь убо-

гой карикатурой, которую хорошо финансировали, и от этого финансирования и начальству прилипало, и Лолам, и это была та самая пищевая цепочка. А папа этого Тушина обязательно должен стать первым секретарем, если такие шоу создает, но этот, ими придуманный, патриотизм и есть их последнее прибежище.

Вернулся человек во френче, он принес лапы, рыжие и жесткие, как надо, помог мне зашнуроваться. Лапы он накидывал точно так же, как Николай Максимович. Что я делал, ему, видимо, нравилось, и он еще раз повторился, что у Коли по-другому и быть не могло. Прибежали оба «нашенских» и наперебой заорали, что надо уже выходить, и это было справедливо. Пришло время мне выходить. Народу сильно прибавилось, коридор был забит юношами и девочками примерно одного возраста. Я просто через них продирался. Уже у самых дверей, в зале, справа от себя увидел Машеньку, она с кем-то разговаривала и меня не заметила. Я теперь понял, что за мероприятие в училище проходило сегодня: их, наверное, просто свезли сюда на автобусах, и наверняка не только их училище. Зал был полон, за синим углом ринга стоял «нашенский» с вафельным полотенцем в руке. Это был секундант. Я поднялся в свой угол, секундант кинул на покрытие ринга две горсти канифоли, и я стал тереть об них подошвы.

Стол главного судьи был покрыт красным и походил на первомайскую трибуну, там была целая делегация секрета-

рей и тех, кто с ними. Все были на местах, кроме второго участника главного зрелища, даже телевидение застыло в ожидании. А дальше был стук метронома, и загремело из всех углов «Прощание славянки». И в дверях появился герой, держа руки в перчатках над головой. Раздался гул аплодисментов и восторженных возгласов, и вспыхнули над зрителями два баннера: «Мы с тобой, штабс-капитан Тушин» и «Твоя победа – это победа России». Таким вот стал Лев Николаевич Толстой в интерпретации современных идеологов. Их штабс-капитан остановился, давая интервью телеведущему. При этом все стояли, в том числе и те, что в президиуме. Я старался не смотреть в ту сторону, потому что меня могло стошнить. Он, наконец, поднялся на настил и протиснулся на ринг, но не как все боксеры, боком, а задом вперед. Последнее из услышанных мной приветствий было от отряда пионеров, которые под горн и барабанную дробь исходили речевками. Он был в красном углу и весь красный – халатик ниже колен, красная майка и красные шелковые трусы, модные, короткие. Он продолжал пританцовывать в своем углу, вскидывая руки. Пока я шел по коридору, у меня внутри еще теплилось что-то человеческое, но сейчас, когда мне всеми способами старались внушить, что я буду драться против любимой Родины, все человеческое истаяло. Если ему на сегодня отвели роль Родины, то я сам себе придумал роль предателя. И у меня родился план: чтобы он сам сдался. От секунданта, которого в их кругу звали Утюгом,

веяло не только запахом одеколона и похмельем, но и паникой. Он ежился, стараясь выглядеть меньше и незаметней на фоне такого отрицательного персонажа, как я. Наконец, вся эта сексуальная прелюдия закончилась, и нас свели на середине ринга. Рефери был в белой рубаше и красном галстуке. Я стоял, смиренно опустив глаза, но, когда прозвучал гонг, я посмотрел на него вблизи. Если Толстой дал своему второстепенному персонажу фамилию Тушин, то он показал его скромным и добропорядочным человеком, старающимся не быть на виду. А тут было все наоборот.

С первой секунды стало понятно: этот парень мог быть кем угодно, но только не боксером. Он так свел плечи и сужился весь, что сам ударить точно не мог, видимо, пытаясь закрыть как можно большую площадь своего тела. Но если шоу зовут реальным, то значит все и должно быть реальным. Как только он двинулся на меня, я левой показал в голову, а правой врезал по ребрам, по той стороне, где не было никаких вырубательных органов. Похоже, ему сразу зазудело, и он стал прикрывать то место локтем, а значит, открывать голову слева. Оставалось показать в голову, и бить уже не в больное место, а в голову. Но я не стал. Я ему попал по почке, но не очень сильно, чтобы сам дошел до угла. Подумал: пускай восхищенные почитатели понаслаждаются его мужеством и стойкостью. В перерыве в его угол налетела куча советчиков, но доктора с нашатырем не пропустили. В начале второго раунда он ссутулился, закрывая локтями оба бока,

где явно болело. Он совсем открыл голову и подбородок, но это были не мои цели. Моей целью было солнечное сплетение, и в середине раунда я его достиг, и рефери истерично заорал:

– Брейк!

Хотя тот ни руками, ни коленями земли не коснулся. Считать рефери не стал, показал мне нейтральный угол, а его отвел в свой угол. И даже время на секундомере не остановил, боксера просто отвели в угол, как бы передохнуть. Потом опять стукнули в гонг; мне подумалось, что все этим и закончится. Я вышел из своего угла – было понятно, что решение принимает его папа в президиуме. Публика молча дышала. Решение будет такое – если русские не сдаются, пусть будет третий раунд, и он состоялся, но был очень коротким. Да простят меня за непонимание основ патриотизма, но я его нокаутировал в течение первых 10 секунд. Пусть это будет на совести рефери, который в первом раунде должен был прекратить этот спектакль, и на совести папы, который на благо успехов своих бредовых идей на убой своего сына отправил. Судьи долго совещались, видимо подсчитывая очки, но не объявили победителем ни его, ни меня, и даже на объявление не пригласили. Рефери просто объявил в микрофон, что я у него выиграл по очкам с минимальным преимуществом, так как мнения судей разделились. Я шел по коридору; народу поубавилось, я думал о том, что ведь они в следующий раз могут обыграть и Сталинградскую битву или взятие Бер-

лина.

Добрался до раздевалки, чувствуя, что устал от всего этого. Никак не получалось снять левую перчатку, потому что до конца ее расшнуровать зубами не сумел. В мыслях все пытался отыскать свое место во всем этом представлении. Батарея Тушина никак не победила Наполеона, до поражения, которое должно произойти, пройдет еще много лет и событий, и то, что Тушин сегодня был повержен, – это ведь справедливо, а то, что он сегодня трусил и ежился под ударами, то не его вина, а работа плохих идеологических сценаристов. Пришел человек во френче, помог сдернуть левую перчатку и сказал, что не станет комментировать произошедшее, а попытается предсказать дальнейший ход событий:

– Сейчас один человек выбыл из твоей жеребьевки, и появилось право изменить состав пар, поэтому ты ничего с себя не снимай, а сиди, так как для них лучше всего, если ты не выйдешь на ринг. Они это объявят как причину после боя с Тушиным: вроде как ты снялся из-за травм, которые он тебе нанес. А твои продажные попутчики могут тебя и не упредить, ибо они сейчас в печали. Жди, я кого-нибудь пришлю за тобой. Имей в виду, что секретари тебе будут мстить тем, что найдут кого-нибудь под тебя, чтобы пустить кровь. И ты сам видишь, что они творят с правилами, – как захотят, так их и развернут. У нас в городе есть один такой, когда-то он был боксером, и сильным, но потом стал вести образ жизни неподобающий спортсмену, и плюс еще его иммигрантская

история не дала ему дорогу. Он, наверное, не в твоём весе, да и возраста не твоего, но если они его уговорят, то выпустят на тебя этого зверя, с расчётом, чтобы отчитаться, что тебе воздалось. Так что тебя завтра, возможно, ждёт совсем не молодежный и не любительский бокс. Но это будет завтра, а сегодня надо быстро день закончить и отдыхать. Имей в виду, что, если тебя дважды вызовут на ринг, а ты не явишься, тебе поставят поражение, и их этот вариант тоже устраивает. А твои тренеры, с которыми ты приехал, там никто, о них просто ноги вытирают.

Он как-то неловко меня приобнял и добавил:

– Ты – ученик бойца, и сам боец, а в тех людях больше подлости и коварства, чем мужества и правды. А вот Коля мне говорил, что ты ему как сын.

Я не стал ждать посыльных, ожидая какого-нибудь выкрутаса от «нашенских». Все свои пожитки собрал в сумку и пошел в зал. Народу в коридоре почти не было. Все вошло в привычное русло после главного акта, который прошел не по прописанному сценарию. Присев у самой двери во втором ряду, старался остаться незамеченным. На ринге двигались совсем малышковые веса. Неожиданно кто-то сел со мной рядом. Это была Машенька. Она только спросила:

– Что, еще?

Я кивнул. Она свои ладошки положила на колени и стала смотреть куда-то вверх ринга. Я был ей благодарен, что она ничего не спрашивает и ничего не прогнозирует. Про-

шло два боя, потом была пауза, и сразу вызвали меня, представителя ДСО «Трудовик». Я скоренько, с перчатками на шее, поднялся на ринг. Тут откуда-то вынырнул и Утюг, он начал мне помогать надевать перчатки. От него противно воняло. Когда я увидел своего соперника в майке «Урожай», то сразу понял, что быстро тут не получится. Он явно видел мой первый бой и сейчас чувствовал себя в опасности. Похоже, он, как и я, был с окраины, но самое главное – на нем были те самые брезентовые кеды со скрученными в жгуттики шнурками и красными носами, загнутыми вверх. Бой длился три полноценных раунда, и мне казалось, что в этом бою я и отдохнул. Паренек в третьем раунде уже в себя уверовал и стал атаковать. Способный парень, его бы в хорошие тренерские руки. Мне надо было победить просто по очкам, но при отношении ко мне судей, по этим очкам я мог и проиграть. Пришлось дважды ударить его слева в голову, и перед самым концом третьего раунда бой остановили и отдали мне победу. Опять получилось назло вражеским окопам.

Вернулись с Машенькой в раздевалку, я постоял под горячим душем и мы, под ручку, пошли с ней в гостиницу «Гавань». Когда нас с ней вдвоем увидела распорядительница книг, она уж очень обрадовалась, а как узнала, что это я для нее купил Цветаеву, просто заплела Машеньку разговорами. Я зашел в ресторан узнать, можно ли покормить девушку. Официантка, та, что в теплой кофточке, ответила:

– Да, конечно, если есть на что.

И мы с Машенькой засели за обед, а тут и борщ, и запеканка, и винегрет, и даже кисель с компотом на выбор. Машенька, раскрасневшись, ела с удовольствием, но все, конечно, не одолела. В вестибюле нас опять перехватила хранительница книг и, узнав, что Машенька дружит со мной с трехлетнего возраста, окончательно расчувствовалась и договорилась до того, что мы с ней очень друг другу подходим, чем нас обоих, конечно, страшно смутила. Я проводил Машеньку до автобуса и опять пообещал позвонить в общежитие. Но теперь уже точно знал, что не позвоню. Что будет завтра, ей никак нельзя видеть.

В комнате сидели «нашенские», они вроде даже хотели поговорить, но говорить было не о чем. Отдали мне листик с новой жеребьевкой и, спрятав под кроватью сумки, удалились куда-то. С жеребьевкой все было понятно. Сделали ее как хотели, точно так же, как и судили. В ней появился новый участник с короткой азиатской фамилией. Таких, с подобными фамилиями, по городу было много. Завтра мне предстоит испытание, и оно будет без правил, вернее – по тем правилам, о которых мне говорил Сергей.

Я сходил еще раз вниз, отнес журнал распорядительнице, а главное, попросил ее разменять пару рублей, чтобы завтра можно было позвонить. Она мне быстро все поменяла. В ресторане накрывали столы: похоже, кто-то заказал банкет. У крыльца стояла «Медспецслужба» с охранителями в форме и в португепях, и просто в гражданском, но с повязками. Это

место было очень хорошей кормушкой, особенно в выходные дни. Около пьяных морских можно было сытно поживиться. Они доились из страха и уважения.

В номере я, конечно, пожалел, что поспешил отдать журнал, и стал с особым вниманием вчитываться в Огуренкова. Потом выключил свет и, накрывшись с головой одеяльцем, пытался уснуть. И у меня это получилось. Я во сне время плохо ощущал, но, наверное, уже под утро снился сон, что вдруг мы живем с мамой в большом добротном доме, с хорошим туалетом, с горячей водой, и у нас из толстых досок ровный и крепкий забор. И все это на нашем бугре. Между домом и забором, вдоль огорода вниз, под бугор, течет маленький ручеек, летом он совсем зарастает травой, а зимой его заметает, и он коченеет от мороза. И вот как-то утром, летом, по какой-то нужде я забрел в эту траву и, раздвинув ее, в журчащем чистом ручейке, где слой воды был не более пяти сантиметров, увидел маленькую рыбку длиной всего лишь с мизинец. А означало это лишь одно: что рядом с моим домом из земли бил родник, и был он там всегда, только его никто не замечал. Теперь мне стало понятно, почему в этой полосе травы было много мелких пичужек, и они всегда там пели. А дальше мне снилось, что мы вместе с Николаем Максимовичем, Сергеем и физруком мотыгами углубляем и расширяем этот ручеек, чтобы для их жизни было больше места. Вот так мы с утра и работаем, а к обеду к нам приходит мама с большой глубокой тарелкой хвороста, который она

всегда мастерски пекла. Она нас угощает и вдруг говорит:

– Все равно этот ручеек, что течет из родника, впадет в нашу «Нефтянку», и как из этой помойки могла сюда рыбка заплывать? А может, она здесь еще с тех, 30-х годов, когда «Нефтянка» была просто речкой? А если так, то какова сила у жизни, чтобы выжить вопреки всему?

Тут я проснулся; в номере горел свет, но никого не было. Сон был настолько реальным, что я еще несколько минут приходил в себя, понимая, что нет у нас ни того дома, ни крепкого забора и, наверняка, нет того родника. За окном было уже утро, а свет, похоже, включили «нашенские», чтобы случайно не проспать их общий со всеми врагами сценарий моего разгрома. Я встал, открыл окно, воздух был полон ароматов одеколona «Шипр» и еще чего-то летучего. В туалете, к счастью, не было ни «зверька» в мойке, ни блестящих шкурок на полу. Я умылся и пошел вниз, решив сегодня никак физически не нагружаться, и даже без утренней разминки обойтись. Тело за ночь отдохнуло и было послушным и отзывчивым. Командировка моя заканчивалась. Сегодня последний полный день, а завтра в дорогу.

В ресторане за столиком сидели «нашенские» и пили что-то горячее, готовясь к сегодняшним поркам за кулисами. Сегодня опять была та официантка в юбке с горохами. Она прямо порхала между столиками, но «нашенские» даже не смотрели в ее сторону. Они были собранные и напряженные. Я съел свой завтрак из сарделек и гречневой каши, запил жел-

тым киселем, рассчитался под линейку талонами и пошел собираться. Сегодня приду рано, уж очень боюсь получить наказание за неявку.

Опять чуть припорошило, и было холодно. Свет в окнах «бич-холла» ярко горел. Окна в большинстве номеров были без штор и тюля, а в крайнем окне мне опять привиделась бабушка, которая крестила меня в дорогу. По свежему снежку на тротуаре дорожка уже была натоптана. У дверей я тщательно стряхнул снег, тут меня встречал человек во френче. Оказалось, он куда-то уходил. Сказал, что раздевалка открыта, а сам он скоро будет.

На скамейке в раздевалке сидел паренек. О таких говорят, что они в боксе в весе мухи. Он был без перчаток, а в остальном как будто готов выйти на ринг. Глаза у него были красные, может быть натер? Но если расстроился, то было от чего. Паренек назвал меня по имени и сказал, что все про меня знает. А тренер его сейчас убежал искать хлорэтил. Ему выходить в первых парах на ринг, а он минуту назад, работая на лапах, получил вывих правого плеча. Плечо, действительно, было вывихнуто. Такие травмы получались, когда максимально старались вложиться в удар, недостаточно согревшись. Это очень болючая и обидная травма, потому что наносишь ее сам себе. Я достал свой хлорэтил, уже было хотел сломать носик на ампуле, но вдруг вспомнил, что сначала надо поставить плечо на место, а потом замораживать. Поэтому решил все же дождаться тренера. Человек во френче,

оказывается, был тренером «Буревестника», как раз по тому адресу, где мы сейчас и находились. Ждать нам пришлось не более 15 минут, но за это время я много чего узнал. Паренек оказался сметливый и словоохотливый. Он рассказал, что его тренер и мой тренер вместе где-то на Севере занимались боксом, а его тренер попал на Север следующим образом. Его отец был на очень большой должности и представлял МПС СССР на начале осуществления идеи постройки туннеля на Сахалин.

Летом 1951 года тренер, будучи семиклассником, вернулся домой после уроков, где им читали лекцию о бдительности. Так как они живут в зоне особых государственных интересов, а родители их трудятся на секретных объектах, то дети тоже должны быть особо бдительными и наблюдательными, и в пример, конечно, приводили Павлика Морозова и других их сверстников-героев. У подъезда стояла папина служебная «Победа», значит, отец был дома на обеде. Родители ругались, не заметив его возвращения. Мама кричала отцу, что больше не намерена терпеть его любовные забавы с секретаршей. А папа что-то говорил в свое оправдание и, в конце концов, громко закричал, что эта женщина приставлена следить за ним, и она – шпионка. Сынок привык верить своему папе, а шпионка – это угроза не только для отца, но и для Родины. Он же не мог, будучи ребенком, представлять, что шпионить за кем-то можно и по заказу Родины. Так он, тихонечко, достал из шкафчика папин ТТ, сунул его в

школьный портфель и, прикрыв за собой дверь, вприпрыжку помчался к папе на работу. Секретарша сидела на своем месте в приемной, за печатной машинкой и даже не среагировала на вошедшего. Мальчик достал из портфеля пистолет, он знал, как им пользоваться. Секретарша его увидела лишь когда брякнул затвор. Мальчик выстрелил – и мимо, вторая пуля попала в плечо; слава Богу, пуль было только две. Эти выстрелы прозвучали тогда, когда папа уже поднимался по лестнице после скандала. Все утрясти легко не получилось. Не прошло и 15-ти минут, как НКГБ уже было на месте происшествия. В ходе разбирательств в работе секретарши все же нашли шпионский след, видимо, папа постарался, и она исчезла навсегда. Папе сотворили выговор по партийной линии, а больше ничего не смогли пристроить, так как он был в списках номенклатуры, которая числилась за Москвой, а там ничего усложнять не захотели. А вот мальчика отправили на Север, учиться в ремеслу. Там они и свелись с Николаем Максимовичем, там и боксом стали заниматься.

Вернулся человек во френче, он же тренер «Буревестника». Вернулся не один, с ним был вроде как хирург. Он взял пострадавшего за руку, минутку ее потряс и дернул так резко, что Муха слетел со стула, взревев что есть мочи. Рука вроде как встала на место. Хирург сказал, что сейчас можно было бы и обезболить, но, к сожалению, аптеки работают в воскресенье только с 10 часов. Тогда я достал свою ампулу. Тот профессионально ее вскрыл и стал забрызгивать плечо,

приговаривая, что, если бы все это было сделано сразу, а сейчас сустав не будет работать как надо, потому что разлилась внутренняя гематома. Муха начал было двигать рукой, но не смог удержать ее даже на уровне своего подбородка, она падала вниз. Хирург ушел, минутой позже ушел и человек во френче, прямо сказав, что Муха на ринг не пойдет. Это было, наверное, справедливо. Глаза у Мухи еще больше покраснели. Я помог ему переодеться в гражданское и дал еще одну ампулу про запас, рассудив, что мне самому и двух хватит. А вообще, было чему удивиться, ведь человека во френче, оказывается, звали Максим Николаевич, он в этом учебном заведении был главным по физкультуре и еще тренером маленькой секции. А у меня зудела мысль, не опоздать бы на ринг, и я рассудил, что если еще одной пары не будет, то время моего ожидания сокращается. Начал переодеваться, уж очень боялся получить поражение за неявку. Вернулся Максим Николаевич, он приободрил Муху и выдворил из раздевалки, потом начал бинтовать меня с левой руки, одновременно рассказывая, что слева на скамейках уже расселся народ, который пришел на меня посмотреть, а среди них и мой ожидаемый противник. Их узнать нетрудно, компания из 10 человек, все в кожаных плащах и куртках. После небольшой паузы он добавил:

– Наверное, так и выглядят американские гангстеры.

Потом подвигались на лапах до первого пота, у меня все работало. Он ушел, а я остался полностью готовым. Я про-

ждал не менее получаса, пока не прибежал Муха, и мы с ним двинулись в зал. Коридор был почти пуст, не было уже ни телевидения, ни пригнанных насильно учащихся. Войдя в зал, я сразу увидел ту группу людей в коже. Сидели они во втором ярусе и на американских гангстеров вряд ли походили, так как большая их часть была азиатского вида.

Мой противник уже топтался, как горячий жеребец, в своем углу. Он явно рвался в бой, был хорошо экипирован и накален. Рефери в ринге был тучный, и рубашка на его животе расстегнулась, выдавая складки живота. Но при этом синяя бабочка топорщилась у него на шее даже очень бодро. Когда он свел нас на середине ринга, стало понятно, что мой сегодняшний оппонент – парень злой. Он сурово сводил брови, и его лицо с узкими губами выдавало затаенный потенциал. Но прямо с начала первого раунда обозначилась его общая безграмотность. Когда он бил левой – опускал правую и наоборот. После первого раза, когда я его за это наказал, он ничего не поменял. Но вид у него неизменно оставался таким, как нравится девушкам. Во втором раунде все закончилось тем, что его секундант выбросил полотенце. Публика на все это реагировала вяло, мой секундант Утюг был вялым, хотя от него уже меньше воняло «Шипром», но его красноречиво потряхивало от выпитых накануне горячительных напитков.

В раздевалке я принялся зубами расшнуровывать перчатки, когда в двери вошел Максим Николаевич, и опять с новостями: все, кто тяжелее, скоро отстреляются, так как их

было мало заявлено. А вся организационная верхушка уже готовится к торжественной части награждения и банкету.

– У них осталась одна нерешенная проблема – это ты.

Еще новость такая – моего секунданта отстранили. Он попросил у врачей таблетку от головы, а те принудили его померить давление, и оно оказалось запредельным. Это произошло к его великой радости, ибо он трусил того, к чему его принуждали. Это выбросить полотенце во время боя, как бы по моей просьбе, если что-то пойдет не так.

– Я напросился в секунданты на тех же условиях, – сказал Максим Николаевич и тут же добавил, – будь уверен, что я их не выполню.

После этих слов человек во френче, застегнутом под самое горло, мне вдруг показался единственным светлым лицом вокруг. Неожиданно он спросил, читал ли я «Мексиканца». Я утвердительно кивнул, тогда Максим Николаевич сказал, что значит, я понимаю, за что бился тот парень.

– Не рассчитывая ни на правила, ни на справедливость, он, вопреки всему дрался, веря в то, что справедливость должна выживать. Вера в это дает стойкость и топчет страх, и тебе, сынок, придется сегодня через это пройти.

Он меня зашнуровал, дважды погладил по голове, и мы двинулись. В двери он неожиданно остановился и вроде как попытался мне уши натереть, но смутился и оставил эту попытку. Мой последний противник уже стоял на ринге в своем углу, лицом к залу и тихо раскачивался на канатах. Спина

его была прикрыта под цвет угла синим полотенцем. Но даже за этим укрытием было видно, что он килограммов на 15 тяжелее меня. Когда противник повернулся, стало понятно, что это медведь с совершенно ничего не выражающим азиатским лицом. Он был кряжистый, длиннорукий, то есть из тех, которые валят, но сами не падают. Сутки назад я видел такого на видео, и звали его Сонни Листон, так вот у моего парня явно был большой опыт профессионального бокса за рубежом, откуда он и приехал осваивать наши просторы.

Рефери на ринге был строен и по-театральному красив. Максим Николаевич стоял сзади, положив мне руки на плечи. Было понятно, что сейчас будет тот бокс, где побеждает умение подставить локоть или ударить локтем, достать ниже пояса, бить открытой перчаткой по затылку, в общем, все, чему нас не учили. Да и выходить в ринг с такой разницей в весе ни при каких известных мне условиях было невозможно. На центре ринга мы стукнулись перчатками, вроде как приветствие. Лицо у него было не по-азиатски скуластым, но по-азиатски без эмоций, а обе брови – в профессиональных глубоких шрамах. Гонг начал отсчет. С первых секунд он просто выдавил меня с центра ринга и стал гонять из угла к углу. Мой план был прост – дать ему возможность вымахаться за два раунда, а в третьем начать самому вкладываться в удары. Он постоянно менял стойки: непонятно, с какой руки будет бить, притом в каждый удар вкладывался. План, задуманный мной, был прост. Сложность заключалась

в том, чтобы достоять два раунда. Он явно стремился все закончить до срока и, захватив меня в свой капкан объятий, изрубить на куски. Так прошел раунд. С начала второго раунда все повторилось. Энергия его была неистощима, но все всегда заканчивается, и к концу второго тайма он стал тщательнее готовить удары, и паузы между ними увеличились, он начал уставать. Я решил ускориться еще во втором раунде и, хорошо просчитав удар, отменно вложил с правой в голову. Удар получился хороший, но у того даже ноги не подкосились, хотя кровь хлынула фонтаном, я ему развалил всю левую бровь. Стоя в нейтральном углу, я рассуждал, исходя из обычной практики, что бой должен прекратиться из-за невозможности продолжения, и я, конечно же, ошибся. Рассечение ему наскоро залепили, и все продолжилось. До конца раунда он мне все-таки исхитрился попасть в мое слабое место, и кровь, конечно, потекла в две струи. Мне вмонтировали в обе ноздри пробки; понятно, что дышать стало невозможно, а в этой схватке дыхалка была самым важным продуктом. Так закончился второй раунд.

В углу я вдруг почувствовал, что секундант все же трет мне уши. Было уже понятно, что сейчас не резон тянуть и чего-то ждать, я кинулся в рубку и моментально получил по почкам. Он почувствовал свой успех и на секунду отвлекся, что дало мне возможность опять зарядить справа, в то же место. Я опять попал, и ему пол-лица залило кровью. Это было уже серьезно и опасно для жизни. Я опять стоял в ней-

тральном углу и как бы понимал, что врачи теперь не поведутся ни на какие уговоры и не выпустят его больше на ринг, потому что дальше будет бойня, а не спорт. Но заказчики не унимались. Бойца внизу пытались латать врачи, а я стоял и смотрел, как за столом главного судьи принимают решение по исходу боя, и был уверен, что меня объявят победителем по невозможности противника продолжать бой. Но я ошибся. Главный судья в микрофон сказал, что я дисквалифицирован за удар открытой перчаткой, и победу отдают моему сопернику. Вот такая тоже бывает справедливость.

Пока мы с Максимом Николаевичем шли до раздевалки, он рассказывал, что когда кореец услышал судейский вердикт, то в один прыжок оказался у стола главного судьи и громогласно заявил, что они тут все бляди, а с блядьми он не хочет иметь ничего общего. Поэтому у заказчика триумф получился не очень. Победитель ушел, и за ним ушла вся его бригада из зрительного зала. А я неожиданно подумал, что он ни разу не пытался ударить меня ниже пояса или локтем по затылку. Этот медведь оказался сильным и порядочным и, кажется, очень даже заслужил эту победу, но сам он, похоже, так не считал.

Максим Николаевич помог мне разлататься. Я устроился под душем, а он убежал куда-то по организационным делам. Я сел голый жопой на кафель под горячие струи воды и очнулся только тогда, когда хлопнула дверь раздевалки. Это пришел однорукий Муха. Он прямо с порога заявил, что го-

тов проводить меня до гостиницы, так как все здесь знает. По дороге в гостиницу он мне подробно рассказал, как добраться до автобуса, который едет в аэропорт. Попрощавшись с ним на крыльце «Гавани», я поднялся наверх, достал из сумки форму и развесил сушить и, наконец, пошел вниз, позвонить маме на работу. Книжная распорядительница, увидев мое перекошенное лицо с кляпами в ноздрях, впала в панику. Я набрал свой код, номер, предварительно бросив пять монет достоинством по 15 копеек. Мама ответила, в трубке хрустело и хлюпало, но главную из новостей я разобрал. Она вчера прочитала в местной газете, что похоронили Николая Максимовича. Тут я почувствовал настоящую усталость. Она как-то сразу перешла в ноги, они стали тяжелыми и чужими.

Я зашел в ресторан присесть на стул. Подошла барышня в юбке с горохами и даже присела рядом. Похоже, к тому ее сподвигло мое лицо. Она смотрела на меня вопрошающе и с нескрываемой жалостью. Я попросил водки, она принесла маленький графинчик и мелко нарезанную селедку с луком. Меня просто захватила потребность помянуть Николая Максимовича, согласно нашей национальной традиции, тремя рюмками. И когда я поднимал третью, то заметил, что через стеклянную дверь ресторана меня кто-то пальцем манит. Я пытался пойти, ноги совсем не работали, но все же я вышел в фойе. Человек, который меня манит пальцем, как Трокуров подманивал холопов, был с красной повязкой дру-

жинника, которой он мне тыкал в забитый тампонами нос и что-то кричал про какое-то мое блядство. И я, не осознав этого блядства, ударил его с левой в челюсть. Тот, отлетев, ударился головой о междугородний телефон-автомат и сполз на пол. И тут началось: их налетела целая толпа, в португепях и просто с повязками. Их танк по имени «Спецмедслужба» стоял у самого крыльца, и они в этот момент как раз распределялись по маршрутам. Меня свалили на пол и били ногами, одни ноги были в милицейских сапогах, другие просто в гражданских ботинках. По носу опять попали, и все было забрызгано кровью. Где-то рядом мелькало лицо книжной распорядительницы, она кидалась на них и истерично кричала. А на дворе было еще обеденное время. Потерпевшего дружинника повезли снимать побои и писать заявление. Все это сделали очень быстро, и уже к 15 часам пришел дознаватель. Он искал свидетелей, и первая из них, конечно, книжная распорядительница. И только у нее взяли показания, как к ее лотку подошли двое в кожаной одежде – здоровый корец с совершенно изувеченным лицом, и второй, длинный и тощий, с папочкой, который тут же отрекомендовался моим адвокатом. Им надо было знать, какие она дала показания дознавателю. И она рассказала, что дружинник с каким-то незнакомцем ругался, тот его ударил и убежал, тут забежали дружинники и начали пинать человека, который просто вышел на шум из ресторана. Дальше события развивались следующим образом, как мне позже стало известно. Пацаны

в кожаных куртках где-то нашли потерпевшего дружинника, и он, под диктовку, рассказал все так же, как рассказывала книжная хранительница, и все изложил на бумаге, с обещанием в течение часа отнести все это в милицию и подать официальным образом. Через час кто-то из кожаных пошел это проверить и, вернувшись, подтвердил. И тогда тот, кто был с искалеченным лицом, вывел потерпевшего дружинника из машины и дал ему пинка прямо перед зданием милиции. Кому-то нужна была провокация в отношении меня, и они ее исполнили, только у них опять не очень получилось. В возбуждении уголовного дела были вынуждены отказать в силу отсутствия подозреваемого лица. Все это мне рассказывала хранительница книг, которая заявила вечером с юной медсестрой. Она меня осмотрела, сменила тампоны в носу и перед уходом сделала еще укол в мягкое место, а хранительница напоследок передала то, что адресовано мне тем самым соперником в ринге – Медведем. Он извинялся и за себя, и за свой город, и передал подарок. Она достала из сумки вещь, которую я раньше мог видеть только на картинках, хотя до нас и картинки такие не доходили. Это были совершенно новые, красного цвета перчатки, на липучке, произведенные лучшей в мире фирмой – итальянской HAYABUSA.

– А на словах добавил, что ему они уже давно не нужны, а вот тебе будут в самый раз.

Распорядительница попросилась, а я уже куда-то проваливался, видимо, укол был то, что надо. Уходящие выключи-

ли свет, и я проспал почти 10 часов. А проснувшись, ощутил в своих ногах книгу: это был Дон Кихот, подписанный в подарок от книгоуправительницы, со вчерашней датой. Внутри меня сосала боль утраты, я пошел вниз, «нашенские» сидели в ресторане и швыркали горячим какао. Они, конечно, были в курсе вчерашней провокации в угоду областного руководства, и потому вчера весь вечер где-то прятались. Юбка в горох сразу же подбежала ко мне и присела за стол, она была полна решимости принести мне водки, но я попросил завтрак. Она сказала немного подождать и притащила большую тарелку дымящихся пельменей, которых в нашем меню, конечно, не было. Они стояли передо мной и дымились, на зависть «нашенским». А та еще и объявила, что это лично для меня презент от ресторана. Она закатила глаза и сказала:

– Наконец-то кому-то из них дали в рыло!

Все пельмени я не осилил, а талонов с меня не взяли.

В вестибюле вчерашнюю кровь замыли, там же толкалось очень много молодежи. Как я понял, будет какой-то фестиваль, посвященный открытию народной переправы на материк. Тело после вчерашних воспитательных процедур похрустывало. Я стал собирать свой багаж, Дон Кихота сунул в пакетик с подарочными тапочками, а от перчаток пахло кожей и еще, наверное, Италией. И я это уловил, несмотря на одеколон «Шипр», который еще из комнаты не выветрился. А меня это очень радовало, так как означало, что мой нос еще не потерял способность чувствовать. Я вышел на улицу, было

очень свежо и прохладно. Обернулся на «Гавань», ни одно окно не светило. Я пошел туда, где вчера был участником событий областного масштаба. Я считал себя обязанным сообщить Максиму Николаевичу о скорбной вести. Его на месте не оказалось, и я оставил вахтеру записку.

Автобус в аэропорт пришлось подождать, даже ноги успели чуть подмерзнуть. Но он пришел, и до аэропорта ноги согрелись. Там я присел на скамейку ожидать «нашенских», у них мой билет и за ними регистрация. Они же старше, а значит, ответственной. И кто возьмется отрицать, что это справедливо?

На скамейке было удобно сидеть и щуриться прямо на солнце. Подъезжали машины, люди забегали в здание или, наоборот, выбегали и уезжали. Опять кто-то сел рядом со мной неожиданно. Это была Машенька. В наш город сегодня был один рейс, а потому найти меня было несложно. Она сразу рассказала, что про меня сообщили по местному телевидению. У Тушина, оказывается, был соперник, и твердолюбый, и поэтому штабс-капитан показал великое мужество и стойкость, свойственные только русским патриотам. Хотя в этот раз и проиграл, но стал во стократ сильнее. В такой манере секретари обыграли то свое реалити-шоу. У нас там свои секретари и свои «нашенские», а у них тут свои такие же. А Машенька мне все сидела и рассказывала, какой у нас хороший город, и какой участок, и как ей побыстрее хочется пойти учить младшие классы. Потом она показала свои

кукольные ручки в белых перчаточках и сказала, что это маме подарок, что у них с мамой ладошки одинаковые, и что она еле успела за ночь их довязать, а для этого ей пришлось распустить свою кофточку. Я достал из сумки пакетик с Дон Кихотом и тапочками, вынул оттуда книгу и сунул этот маленький, белый, пушистый клубочек перчаток.

В аэропорту был маленький уголок, вроде как кафе. Мы с ней встали в очередь и проели последние мои командировочные, взяв кофе и пирожные. Встали за столик пировать. Я ей отдал оставшиеся у меня талоны на питание. Их еще было приличное количество, и они еще месяц действительны. Она долго отнекивалась, но все же их взяла, наверное, я был убедительным. Когда объявили регистрацию, мы пошли к стойке, неся вдвоем мою сумку, она за одну ручку, я за вторую, очень ей так хотелось. «Нашенские» уже были там, они откровенно были злы, видимо, мечтали в областном центре проявить себя более достойно и полезно. Когда я уже зашел в накопитель, Машенька все махала мне вслед, потом нас посадили в «ПАЗик» и повезли к самолету, который, конечно, стоял в самом углу аэродрома. Возможно, не потому что не был новым и красивым, а потому, что летал не по особо важным маршрутам.

Народу в салоне было мало, я уселся к окну и рядом с собой положил сумку. Когда самолет начал, ревя, набирать высоту, я достал Дон Кихота и стал читать, потому что свои мысли никак не собирались. Я стал потреблять то, что бы-

ло давно собрано и объяснено. Еще в XVI веке наивный и великодушный человек пребывает в убеждении, что рыцари живут исключительно для помощи слабым и обездоленным, и где бы они ни были, обязаны бороться за справедливость. Но уже в конце жизни он, понимая всю нелепость своих подвигов во имя этой самой справедливости, относит это всего лишь на счет того, что прочитал много книг о рыцарях и их подвигах, сам пошел по их дороге и был осмеян. Но тот-то уже был в зрелом возрасте, а я лишь перешагнул порог. Наверное, вчерашний укол еще работал где-то далеко в мозгу, и я уснул, думая, не перечитал ли в детстве слишком много романов о героях, и что мне обязательно надо учиться. Я даже посадку проспал, проснулся, только когда самолет уже на земле начал выть винтами при торможении.

За окном знакомый с детства пейзаж. Снега еще толком не было, и кусты ольховника торчали из песка. А будыли иванчая были прибиты к земле так, как будто они ее греть собираются в стужу. Нас опять загрузили в «ПАЗик» и повезли. «Нашенские» старались от меня держаться подальше, но я этому был только рад. Высадили меня там же, где и посадили. Я пошел на свой бугор, мимо бывшего консульства, мимо железного управления концессии, мимо своей корейской школы, в которой шли уроки, и только татарин-дворник махал во дворе метлой. Вот уже и бараки со своими так в зиму и не убранными помойками. Это все, о чем так мечтала и думала Машенька.

Вот я уже у своей калитки, знаю, что мама дома, и конечно, она опять будет плакать, увидев меня, щупать мой распухший нос, но при виде тапочек, конечно, слезы ее высохнут. Смотрел на нее и думал: как мало я ей дарил подарков, да и откуда им было взяться? Я был обязан это наверстать. Она сразу облачилась в тапочки и пообещала, что перчаточки завтра же занесет Люсе. А я приладил красные перчатки рядом с портретом Лагутина, который, мне казалось, сегодня был улыбчивым. Потом сходил к курам, поздоровался и, конечно же, свиделся с крысой-Секретарем, который выглянул из дырки посмотреть, ничего ли не дали курам, чтобы присоединиться. Помыв руки, сел за стол, а там макароны по-флотски, да с тушенкой. Мама сидела напротив, подперев ладонями подбородок, и наблюдала, как я ем и одновременно дышу ртом. Нос еще не работал, но запахи чуял. Мама, как факир, сдернула с большой чашки полотенце, а там был хворост. Возвращение ребенка всегда праздник, и это справедливо. Мама извинилась, что не сумела сохранить газетку, где было извещение в черной рамочке о кончине Николая Максимовича. Я поставил в свой шкаф книгу – историю рыцаря без страха и упрека, и включил телевизор. Там только начинался фильм этого года «Как закалялась сталь» – коммунистический бестселлер. Начальные титры крутились под песню «Ты только все, пожалуйста, запомни, товарищ память». Странно было одно: что фильм вышел не приуроченный ни к какой дате, и разве это справедливо?

Сегодня утром, во вторник, 11-го сентября 1973-го года мне надо идти в центральную контору, отчитываться за командировку. Вот о конторе мне сейчас ни вспоминать, ни думать не хотелось, но все это придется делать. Туда надо позвонить, а то ведь можно никого и не застать. И я пошел к телефону, то есть во Дворец спорта. Утро было холодное, мелко мело. В крыльце дворца я увидел выломанную доску. Когда мы были совсем пацанами, через эту дырку по трубам отопления попадали в зал Клуба Щербакова. Это когда нас на фильмы 16+ не пускали. Я заглянул в эту щель, не сумев побороть себя. Оттуда на меня смотрела грустная, в колтунах, морда той самой собаки, потерявшей друга, труп которого вороны растащили по кускам. Эта шавка нашла теплое и безветренное место, но кто-то же для нее выломал эту доску, и кто-то же поставил для нее там мятую алюминиевую солдатскую миску. По мне, если диктатура милосердия когда-нибудь наступит, то она будет выглядеть именно так. Собака, если даже не доживет до тепла, то хоть умрет не на холоде и не на виду у стервятников. А в случае, если однажды эту дырку опять заколотят, то на какой она будет тогда стороне, уже не будет иметь значения.

За столом бабушки-дежурной не было, пришлось самому хозяйничать. Лола Евгеньевна великодушно разрешила прийти на встречу к ней. А еще я сегодня собирался пойти на квартиру Николая Максимовича и встретиться с той женщиной, которая ему помогала и указала мне путь к нему в

больницу. К ней бы вообще хотелось пойти первой, но как-то я побоялся рано тревожить пожилого человека. А Лола Евгеньевна, она-то пребывает в вечной обеспокоенности и тревожном ожидании сказочного рыцаря на коне.

Марь уже покрылась мерзлой коркой, «Нефтянка» парила, а тротуар скользил. Базар был почти пустой, какой-то тоже примерзший и одинокий. В «штучном» отделе с «газика» сгружали водку, и бутылки перезванивались тоже невеселой какофонией. Да и центральная площадь сегодня, под стать базару, была простуженная и не украшенная. В конторе как-то перекосило входную дверь, она выла и прогибалась, но открывалась, медленно и не с первой попытки. На все эти дверные жалобы выбежала Лола Евгеньевна, она была причесана, накрашена, с накинутым мохеровым шарфом на плечах. Возможно, ей было зябко, но скорее для форсу. Из-под модного джинсового платья белесо светились ляжки в полном своем объеме. Вот она, вся такая красивая, тыкала в эту инвалидскую дверь и никуда не обращаясь, выкрикивала:

– А как же мне?

Было такое чувство, что ей вроде как компота не долили. Потом она резко вернулась в свой угол, и своей загадочной и зовущей речью начала обо мне, откровенно заявив, что всегда меня считала хищным и жестоким, и это на днях подтвердили по телевизору. Но ее это только возбуждает, она, как всегда, любит драйв. Я как-то хотел перевести разговор на тему отчета по командировке, но она не унималась. Ее

новое, еще не стираное платье фанерно топорщилось, как и мохнатый сине-мохеровый шарф. Эти обновки открывали дорогу мыслям, что у нее появился кто-то визированный. А после того, как она закурила Мальборо, и, вроде ни к кому не обращаясь, сказала, что один уезжает, другие приезжают. При своем живом характере Лола Евгеньевна знала все городские сплетни, так как сидела с утра до вечера в телефоне с поклонниками и толпой тряпочных спекулянтов. Наконец она приобрела способность разговаривать и поведала, что пропал Федя Загидул. Вышел из дома утром в тапочках по снегу, сел в какую-то машину и пропал. Менты ликуют, а Абдулла лично заявил, что никто не может к ним прийти без уважения. Это была городская новость. Если не сам Федя устроил свою пропажу, то странно было, что он дал себя запеленать просто так. Я высказал свое недоверие по такой новости, но она как-то ловко сложила уже сегодняшнюю местную газетенку: там был Федин портрет, похоже, из уголовного дела, и объявление по его розыску. Отчет мой занял пять минут, на вопрос, где остаток талонов, она сама спросила:

– Наверное, потерял?

Я кивнул. Она продиктовала мне заявление, и на этом история талонов умерла. А проводила меня по-молодецки, словами, что если кто-то уходит, то кто-то обязательно приходит, и это, наверняка, справедливо.

До Больничной улицы, где жил Николай Максимович, все равно надо было проходить через техникумовский спортзал,

так что я решил навестить физрука, он наверняка ждал. Мне хоть и не очень хотелось все это вспоминать, но я думаю, что физрук заслуживал знать правду обо всем, что происходит. Он был на месте, девочки через сетку перекидывали мяч, а он в свисток свистел. Так продолжалось еще минут 10. Потом мы сидели в его каморке, он кипятил чайник, и по каморке разбежался мятный аромат, способный искутить кого угодно. Я рассказал ему, как все было, последовательно, со своими комментариями и полученными ощущениями. Физрук меня не перебивал и старался не выдать своих эмоций, хотя ему это не совсем удавалось. Все прошло в одностороннем порядке: я говорил, а он слушал. У него был еще следующий урок, поэтому долго чаевничать не пришлось. Физрук мне дал свой телефон и велел звонить, а напоследок как-то невесело сказал, что думает, для меня это не последние такие соревнования. На том и распрощались. Чтобы отсюда попасть в то барачное поселение, которое называлось Больничка, надо было пройти еще один овраг.

Входная дверь в подъезд к Николаю Максимовичу так и висела на одной петле. Желтый «Москвич» стоял как прежде, на том же самом месте. Только видом он как-то поменялся, стал похож на мертвеца, с вывернутыми дверями, разбитыми стеклами и порезанной резиной. Кота на крыше не было, а помойка как была большим холмом, так и осталась. Мне очень хотелось увидеть ту благообразную женщину и поговорить с ней, казалось, я чуть успокоюсь внутри се-

бя. Во мне оставалось какое-то ощущение собственной вины и недосказанности. Перила на лестнице совсем скисли. Они разъезжались, как ноги у пьяного, и тянули за собой побитые годами ступеньки. Двери в комнату Николая Максимовича не было совсем. Она, со свисающими лохмами дерматина, стояла горизонтально у стенки. Кругом торчали какие-то провода, а полы в маленькой прихожей были сорваны. Изнутри слышались голоса.

Я зашел без стука и упреждения. В совершенно разрушенной и ободранной комнате за столиком с коротко отпиленными ножками расположилась компания из 3 человек. Сразу бросилась в глаза комбинация из трех же головных уборов: на одном была классическая конструкция маляра-строителя, это перевернутый кораблик из газеты «Известия», которая была узнаваемой по строчке орденов. Второй сидел на корточках, и на голове у него была заляпанная грязью и краской солдатская пилотка со звездочкой. Уши у него были отвернуты. А на голове третьего была потерявшая давно форму и цвет касторовая шляпа, похоже, времен еще первой империалистической войны. Он и отковыривал пробку из бутылки с портвейном «777». Вторая бутылка стояла на столе, желто просвечивая в лучах низкого солнца. Они, похоже, кого-то ждали, так как сразу на меня не отреагировали. Но тут стало слышно, как под кем-то заскрипела вымученная лестница, и вошел еще один; по его осанке было видно, что это руководство пожаловало к столу. Он, войдя, положил что-то на

стол и тревожно-ожидаяще уставился на меня. Как только я начал задавать вопросы, он явно облегченно выдохнул, так как боялся, что пришли гонцы от будущих жильцов, в сотый раз согласовать конец ремонта, а тому нет ни края, ни конца. По мнению бригадира, все это говно давно должно быть разрушено и умерщвлено, а не служить предметом улучшения жилищных условий. Про бабушку, которая вроде как тут была, никто из них слыхом не слыхивал, а в этом месте они ремонтируют со дня, когда бывший жилец лег в больницу. Тогда он еще не умер, но его квадратные метры уже кому-то отписали, как это обычно и бывает. А я смотрел в угол: там валялась синяя тряпка с проступавшей когда-то на ней белой полоской. Ей, похоже, сейчас вытирали руки от краски. Это была шерстяная кофта от спортивного костюма Николая Максимовича.

– Так вот, – продолжил бригадир. – Никого тут ни разу не было, это уж точно.

Он из пакетика достал два плавленых сырка «Дружба», банку котлет из частичковой рыбы и булку хлеба. Меня пригласили потрапезничать. Я отказался, к их облегчению. Когда бригадир меня провожал, озвучил, что, правда, какой-то кот страшный постоянно сюда пробивается. Но пока они извести его не могут, а ведь наверняка заразный.

Я вышел на улицу, зачем-то подошел к желтой машине, которая почему-то вросла в помойку, став таковой сама, и заглянул внутрь. Кот лежал на водительском сиденье, но, лишь

меня увидев, бросился в открытое окно и был таков. Это был тот самый кот, которого я тогда видел на крыше. Я знал, что у Николая Максимовича был кот, которого он нам всегда приводил в пример, как сообразительного и чистоплотного, но не ожидал, что это окажется совершенно дикое животное. Я шел к больнице, где надеялся найти ответы на свои вопросы, но почему-то мысли мои были заняты этими людьми, с которыми только пообщался. Когда-то в 16 лет я, из-за своего юношеского любопытства и любви к чтению, тщательно изучил газету «Правда», которую нам почему-то бесплатно бросили в ящик. А был тогда апрель 1971-го года, когда в Москве начал работу XXIV Съезд КПСС, в резолюции которого было заявлено, что в СССР создана новая общность людей, которая возникла на основе победы социализма, – советский народ. Так вот, эта новая общность людей является бесценным достоянием человечества, освещая ему путь к единству и коммунистическому братству. Я потом долго искал это воплощение в реальных людях, но не находил, а вот сегодня черты этой новой общности людей предстали мне в виде бригады ремонтников.

В больнице мне повезло: за столиком дежурной сестры сидела та же красивая и приветливая девушка, которая сказала, что, конечно же, меня помнит. Видимо, из любопытства подошла еще одна девушка в белом халате и с конопушками. Она, оказывается, тоже меня помнила. Вот только женщину, которая каждый день ходила к Николаю Максимови-

чу, они не помнили. Обе были категоричны, что кроме меня, пришедшего к нему один раз, у него больше не было никого. А после моего ухода тогда, больной впал в кому и из нее уже не вышел. Хоронили его по общей схеме невостробованных. Я был ошарашен и попросил мне вернуть иконку, с которой я приходил, и которую оставил у изголовья Николая Максимовича. Барышни сделали круглые глаза и в один голос ответили, что не было никакой иконки. Тогда я точно понял, что что-то происходит, и я в этом задействован. И было бы справедливо понять, что же это было такое. Больше мне у этих приветливых девочек нечего было спрашивать, и я пошел искать похоронку. Ведь все же Николай Максимович был человеком с именем и адресом, и кто-то же разместил в газетке некролог о его кончине.

Морг долго искать не пришлось. Учреждение с таким именем в городе не очень любили и сторонились. У нас это был кривой побеленный барак с покрашенными белой краской окнами и с одной дверью, низкой и похожей на лаз, а рядом с этим мрачным домом – еще и конторка, куда я и пошел.

За столом крошечной конторки сидел мой одноклассник и одноклассник по восьмому классу. Я точно знал, что он окончил десятилетку, а теперь вот здесь пристроился. Рукава его белого халата были закатаны, внешне он очень походил на санитаря из психушки. Когда в свое время я проявлял интерес к своей первой любви, мне кажется, он тоже неровно дышал в ту сторону. Он явно обрадовался встрече и начал с то-

го, что видел меня по телевизору, и согласен с комментаторами, что я прямо хищный зверь. Репутация моя понемножку оформлялась. А с ним было так, что после 10-го класса он никуда не поехал поступать, и теперь здесь санитаром в ожидании армии.

За дверью начальника слышны были мужские голоса. Разговор шел в грубо-официальном тоне. Бывший одноклассник не стал ждать вопроса, а все рассказал сам. Он сегодня ездил на вывоз трупа, с утра труповозку вызвали менты, достали кого-то из своей машины и сунули к нему. Он привез этот труп сюда, сразу же приехали патологоанатомы, судмедэксперты, уж больно быстро.

– Человек был убит выстрелом в затылок с близкого расстояния. В долгом опознании этот труп не нуждался, по галерее наколок еще около машины менты озвучили, что это Федя Загидул. А сейчас они принуждали моего шефа оформить его как неопознанный труп. Но начальник уперся, для него это стопроцентное служебное преступление, а для ментов – какая-то оперативная игра. Начальник мой требует официального для него распоряжения за подписью прокурора, но понятно, что такого ему никто не предоставит. Менты угрожали, что сейчас сами его заберут и закопают. Начальник сказал, что, коль труп опознан, он обязан выдать его родственникам для захоронения и просто так его захоронить не может. Торг этот длится уже третий час, но я думаю, что начальника они не уломают. И придется им забрать труп самим

и распоряжаться им тоже самим.

На мой вопрос по поводу захоронения Николая Максимо-
вича, он ответил, что, если труп опознан, но не востребован,
они дают объявление в частной газете, для них оно бесплат-
ное. Еще двое суток ждут, что кто-нибудь явится, им же то-
же как-то надо зарабатывать, подчеркнул он.

– А если уже не явится никто, то сами хороним по обыч-
ной процедуре в неопознаваемом гробу и под номером. Эти
все номера в конце года просто собираются и ставятся в офи-
циальном документе для перезахоронения или еще чего-то.

Я смотрел на бывшего одноклассника и видел, что он уже
насобачился в этом деле, то есть обрел специальность, а зна-
чит нашел себя в жизни. Он мне дал свой рабочий телефон,
чтобы я позванивал, если что. А за дверью его шефа голо-
са гудели без пауз. Кто-то лишил жизни Федю, а теперь они
лишали его права быть оплаканным родными и близкими и
похороненным по традиции своего народа, а не по-советски,
с фанерной звездой. И это, наверное, тоже справедливо.

Домой я шел совсем заторможенный, совсем не ожидал
такого от сегодняшнего дня. Хотел ясности – и лишь глубже
погрузился в темноту. Когда я поднялся на бугор к Дворцу
спорта, мне очень захотелось найти ту собаку, но не было
даже самой маленькой корки хлеба, и я отложил на потом
это свидание и не пошел в свой проулок, а пошел в сосед-
ний. В тот, где жила татарская семья, где их старый дед зи-
мой нас привечал, приставляя к чердаку лестницу, и кормил

шишками с ельника. Они были уже сухие и почти не смолистые, с мелкими зернышками, которые мне казались медовым лакомством. Самого-то деда уже не было, и лошади не было, и у калитки стояла давно не востребованная телега, но у него было два внука, которые были постарше меня лет на 10. Один из внуков и вышел на мой стук, я был уверен, что пришел по адресу. Я его узнал еще тогда, в спортзале, даже под плащом с капюшоном. Я попросился в дом, так как уже основательно промерз. Он провел меня в маленькую комнатушку и приготовился меня слушать. Я ему рассказал все, что сегодня услышал в морге. То, что нашли Федю убитым, и что менты не хотят отдать его родственникам, хотят сделать так, что вроде не жил никогда этот человек, а если и жил, то исчез. Я это говорил, а сам чувствовал, что он вот-вот спросит меня, что разве я не с блядьми? Но он не спросил. Я уходил из этой маленькой комнатки, где меня, совсем мальчонку, его мамка поила чаем с чак-чаком и пела нам свои песни по-татарски.

Я пошел через верх в свой проулок. Меня как-то потряхивало, но дома я пробыл не больше двух часов, отыскав 4 засохших пряника, все-таки пошел во Дворец спорта. Щель под крыльцом была заколочена, а изнутри раздавался тихий собачий писк, просящий милости. Для нее тот туннель кончался стенкой, а известно, что только туннели выводят на свет. Я стал пытаться каблуками выломать доску, но она была крепко прибита. На мой стук выбежала вахтерша со

шваброй в руке, но увидев меня с криком:

– Что это, блядь, тут происходит? Одни забили, другие ломают! – снова убежала внутрь, и вернулась уже с ломом, с которым у меня сразу все получилось.

Я положил пряники и стоял перед ними как у могилы. Вахтерша взяла меня под руку и, сказав, что я весь вымазался, повела внутрь. Меня знобило. Она меня чистила щеткой, а потом вдруг крикнула:

– Да ты, милоч, весь горишь!

И убежала куда-то.

Тут подъехала машина, из нее вылезла какая-то толпа с лопатами, в толпе было пятеро «нашенских», они были все перемазаны и лопаты у них были тоже грязные. Главный был у них Абдулла, за ним шел Утюг, я-то знал, какую яму они ездили копать. Шеф морга, видимо, все же не поддался, и менты все утрясали по-своему. Им представлялось, что это справедливо.

Вахтерша притащила желтые таблетки, я их выпил вместе со стаканом теплой воды. Бабушка кинулась со шваброй замывать следы «нашенских», а я побрел, заметив, как под крыльцом собака грызла пряники. Значит, все сработало. Я уже понял, что занедужил. Это была простуда, я ее еще там подхватил, на выезде. И благо, что она только проявилась, а то бы меня сняли с ринга и сказали бы, что это из трусости. Дома обнаружилось, что температура у меня около 40-ка. Я наболтал малинового варенья с кипятком и выпил. А может

это и не простуда?

Утром меня будила мама, она была очень встревоженной, я никогда так долго еще не спал. Температура стала меньше, но меня трясло и знобило, я был весь мокрый. Она побежала вызывать участкового врача. Та пришла к обеду, и приговор был суров и категоричен – три дня постельного режима, таблетки и питье. А через три дня к ней на прием, закрывать больничный. Я погружался в болезнь с кашлем и температурой. Мама, хоть и не была врачом, но лечить умела, она была последовательна и непреклонна в выдаче таблеток и микстур. Так прошел один день, за ним и второй. На третий я уже поел макарон по-флотски, температура спала.

С утра в четверг пришла врач. Она где-то рядом была на вызове и зашла. Разрешила мне на следующее утро встать, но больничный закрывать не стала. Мама рассказала, что заходила в барак к тете Люсе:

– Она тебе очень благодарна и была страшно рада подарку от доченьки.

Мама все же не удержалась и рассказала, что тетя Люся хронически больна, у нее та самая болячка, что была у покойного мужа. Я, конечно, понял, что это за болезнь и в каких местах ее приобретают. Еще мама показала повестку, ее принесли из военкомата для какой-то сверки. Это на послезавтра. И я пошел туда, с паспортом и своим незакрытым больничным листом, но меня оттуда быстро вытолкали и сказали, что вызовут дополнительно, после согласования с

моей работой.

Там же, в военкомате, я встретил своего одноклассника – санитаря из морга. И вот, что от него услышал. Так как его шеф был блюстителем законов и инструкций и, видимо, не поспал ночей, притом вспомнив, что он еще под Федю гроб свой отдал, а это улика против него, как соучастника. Он страшно трепетал перед возможным наказанием, сам пошел к прокурору, все рассказал и изложил письменно. Этих оперов и судмедэксперта прокуратура арестовывала собственноручно. Менты недолго упирались и сдали даже тех, кто закапывал Федю Загидула. Через два дня «нашенские» повезли прокурорских показывать, где труп закопали. Труп выкопали, но это оказался совсем не Федя Загидул, а некто Абдулла с двумя дырками от пистолета в затылке. У прокурорских к их же радости все развалилось. Труп, который фигурировал в бумагах морга и показаниях остальных участников, труп Феде Загидула, отсутствовал. А нет трупа – нет дела. Новый труп некоего Абдуллы вообще требовал нового уголовного дела и подхода к следствию, ибо кто его убил, и кто закопал было абсолютно непонятно. А вот Федю, говорят, похоронили по своим традициям, поставили памятник и на нем написали суры из Корана. Мой одноклассник-санитар, был, похоже, рад такому исходу дела. Может быть, потому что родные и друзья этого Абдуллы уже появились в его конторе и можно будет заработать на переодевании, косметике и так далее, и, наверное, это тоже справедливо. В газете

появился некролог, что еще один передовик, дружинник и активист был подло убит в затылок, и преступники не уйдут от заслуженной кары. Торжественные похороны пройдут от Дворца спорта. Так вот его и похоронят под фанерной звездой однополчанина по ДНД. Мне почему-то думалось, что этот самый Абдулла и задавил ту самую безродную собаку, а потом щерился своим акульным ртом. А теперь друг той собаки, пусть сидя под крыльцом, послушает похоронный марш по Абдулле. Вот это тоже для кого-то справедливость, может быть для бабушки-вахтерши, которая с ломом выходила?

Где-то в 10 утра к моему дому прибежали посыльные, одному 10, а другому 9 лет, и звали их «керосинщики». Распоряжение было от шефа собрать сегодня в 12 часов всех инструкторов и кандидатов, так как после похорон будет митинг и придет много разной общественности. Я ответил «керосинщикам», что я на больничном, и поэтому на митинг не приду. Помимо этого, я им открыл страшную тайну под клятву, что они никому не выдадут. Рассказал, что под крыльцом живет собака, и надо ей выход так замаскировать, чтобы остальные думали, что там нет лаза, а то опять заколотят, и она будет как в гробу похороненная заживо. А собака хорошая. В подтверждение своих слов я вынес из дома остатки макарон и две горбушки хлеба. Они приняли это как дар небес и помчались назад. Теперь я был спокоен за судьбу того пса. Если даже его опять заколотили, они эту доску оторвут. Это, конечно были не Мальчиши-Кибальчиши, это

были герои Марка Твена.

Так вот, про этих двух героев полгода назад говорил весь город, а их судьба обсуждалась в местной прессе и даже в партийных органах. И вот по какому поводу: начало всему положило развернутое постановление ЦК КПСС и Совета министров за номером 5 от 11-го января 1973 года «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов». В документе предусматривалась:

– охрана водоемов от загрязнения и истощения, а также контроль за работой очистных сооружений и сбросов сточных вод.

В январе постановление вышло, а уже в феврале в 20-ти метрах от нашего моста, выше по течению «Нефтянки», стали строить сооружение под странным и таинственным названием «Нефтеловушка». Никогда ничего подобного «Нефтянка» на себе не испытывала. В феврале март был еще как камень, замерзшая, и технику подогнали прямо под берег. Строили согласно принятым обязательствам, к первому марта. Строительство должно быть закончено к этой дате, ибо начинался обмен партийных документов, при этом за номером 1 был выдан партийный билет на имя Владимира Ильича Ленина- Ульянова, и к этому времени важно закончить строить эту плотину-нефтеловушку. Такие события всегда было принято встречать трудовыми победами, и таковая случилась на нашей «Нефтянке».

Первого марта прямо у «Нефтянки» состоялся митинг, и

даже с музыкой. И опять музыканты играли не любимого Лениным Шопена, а Свиридова – «Время, вперед!». Только бутылку шампанского не разбили, а так погода была теплая, и всем секретарям выступать было очень комфортно. Вот эта ловушка начала преграждать путь нефти и собирать ее в верхнем слое воды, где она становилась твердой коркой.

В мае с ловушкой начались проблемы. Весна в этом году была ранняя, торф на мари стал таять, и левый край запруды той самой ловушки опустился. Кто-то, конечно, мог подумать, что с левым краем так получилось из политических соображений, но это вряд ли. То, что уже было собрано и должно было быть выкачано машиной, прорвалось одним залпом, и бугристым черным полем потекло по извилистой речке к заливу, а исправить было уже ничего нельзя. Ни один бульдозер, ни она машина уже не могла подъехать по оттаявшей мари к «Нефтянке». Строили хорошо, но только не там, где надо, а где удобно было показать и провести митинг. В таком режиме ловушка и стала работать, где-то недели две или три, всегда по-разному, в зависимости от общего уровня «Нефтянки», она сдерживала нефть и оформляла ее в корку. И вдруг, в минуты, эта корка уходила вся общим полем, и уже слипшаяся в один комок плыла до залива. Мы часто видели глупых птиц, которые садились на это черное поле и взлететь уже не могли. Но страшное случилось в одну из ночей, где-то в начале июня. Корка вспыхнула, источая из себя шипящее пламя и черный смердящий дым. Потушить это было

невозможно, и этот горящий змей так и извивался до самого залива в течение двух или трех ночей. Чуть попаниковали, побегали и забыли, но через две недели следующая партия опять загорелась, и это стало проблемой. В местной газете появилось заключение о том, что самовозгорание исключается. Тогда получалось, что это вредительство. А в третий раз на охрану собственного дерьма решили выставить посты, и, конечно же, из «нашенских». Очень удобно было их использовать, и в первую очередь по географическому признаку. Но все же, еще один раз прокараулили. Но к концу рейда притащили этих пацанов. Те своих конвоиров, пока их тащили, как могли перекушали. Добиться от них так ничего и не сумели. Это и были «керосинщики». «Нашенские» дали показания, что поймали их на берегу у костра, и вроде как рядом валялся квач на палке, который они могли подпалить и закинуть в нефтяное пятно. То, что их поймали ночью, когда пятно было не разглядеть, не учитывалось. Ну не искать же было действительно политических вредителей. Это было уже как бы и несвоевременно. Потому виновными выбрали этих детей. Они были родом из Сезонки, и постоянно из дома убегали, проживая где-то в подвалах разваленной ремеслухи. Одни комсомольские активисты пытались их обвинить в измене Родине, другие – в подрывной деятельности против народа. Много было мнений, но что можно было им предъявить? Порчу социалистического имущества? Как-то не очень получалось с этим имуществом. Покушение на со-

циалистическую собственность тоже не получалось: эта грязная собственность никому не была нужна. Хулиганство тоже не получалось, ибо не было человека, в отношении которого это хулиганство было сотворено. Тогда высказали мнение – казнить родителей, но с этим тоже было сложно, оба они были безотцовщиной. Когда накал чуть спал, приняли решение передать их под опеку и контроль активу города. Их закрепили за одним из «нашенских», которого звали Утюгом, и еще за одним активистом по кличке Гном. Так «керосинщики» оказались «нашенскими». Но нефтеловушку даже не пытались ремонтировать. Я был убежден, что если это делали «керосинщики», то обязательно это произойдет еще, пока им не станет скучно. Даже в школе их за данное преступление исключили из пионеров, а потому больше не возьмут играть в «Зарницу», хотя могли предложить им роль предателей.

Только я проглотил очередную порцию таблеток, как калитка задремезжала, вернулся один из «керосинщиков», тот, что помельче. Я сразу спросил его, где второй, но он очень загадочно подмигнул и сказал, что тот занимается нашим вопросом. Я, конечно, понял. Мелкий «керосинщик» мне передал аккуратно свернутую записку. Она была следующего смысла: мне завтра следует прибыть в контору, так как на мое имя пришло письмо. Прибыть следует не позже 10:30. И все это было подписано очень экзотично, большими буквами – Лола Звезда. Мне завтра все равно надо было туда

заявиться, но прежде в поликлинике закрыть больничный. Я ясно понимал, откуда это письмо, что военкомат уже работает. Я не искал путей отхода и был согласен хоть сейчас собрать вещмешок.

Армия представляла передо мной как черный хребет, перейдя который я уже мог осуществить свою мечту и потребность – пойти учиться. Я давно свыкся с мыслью, что через эту гору я должен перейти, и что за ней реальность. Для меня реальность была – погрузиться в учебу и книги, ибо я когда-то давно еще прочитал у Гегеля, что единственная истина есть совершенствование разума, а пока этот разум не мог даже ответить, не потому ли гора родила мышь, что кто-то умный в гору не пошел, а обошел ее? И как решающим образом на производственные показатели нашего района может повлиять борьба за освобождение коммуниста Луиса Корвалана из рук чилийской хунты? Сегодня что-то такое лепили на центральной площади.

Закрыв в поликлинике свой больничный, я на рейсовом автобусе № 2 проехал «Минутку», школу, где окончил 8 классов, Сезонку и базар. Добрался до центра. А там уже рядом и контора. Дверь все так же жутко гудела и скрипела при попытках ее открыть. Лолы Евгеньевны в приемной не было, хотя на вешалке висело что-то ее модно-верхнее. Я присел, где-то минут через пять она выкатилась из кабинета начальника радостно-возбужденная, вроде бы как увидела распоряжение об улучшении ее условий проживания.

Я держал в руке записку, она ее выхватила, замазала свою подпись жирным фломастером – там, где было про звезду – и тогда уже мило поздоровалась. Потом картинно распахнула дверь в кабинет начальника и сделала реверанс, типа «плиз».

Кабинет был похож на ленинскую комнату, в первую очередь тем, что вдоль левой стены, между потолком и спинкой длинного дивана, висел полный патронаж из портретов членов Политбюро. На правой стене, между потолком и спинками длинного ряда стульев красовались стенды с красными печатными буквами «Наши показатели», «Доска почета» и «Текущая информация». Над головой хозяина кабинета висел портрет вождя мирового пролетариата, писанный маслом и в раме еще времен первых пятилеток. Того же времени, вероятно, был и громадный стол, под который прятался конец дорожки, тянувшейся от входной двери. На столе было много диковинных вещей – например, приборы для письменных принадлежностей. Один из гранита с двумя стаканами для ручек и карандашей, а второй – под Хохлому, с одним стаканом и часами. И, конечно же, настольная лампа с зеленым абажуром. И всю эту тонкую эстетику круто нарушал огромный несгораемый шкаф в правом углу. Он был покрашен шаровой краской, и было чувство, что прибыл сюда из подвалов спецслужб. Но так как хозяин кабинета раньше был заведующим оптовой базой, то, возможно, он этот шкаф притащил со старого места службы.

Первое лицо этой конторы никого не напоминало, оно

было очень индивидуальным и запоминающимся. Шеф был еще не совсем лысым, со складками на шее толщиной в палец, с длинными мочками ушей, а это, известно, – первый признак долголетия. А брови были таких размеров, что торчали даже из-под больших роговых очков. Он своей внешностью был даже очень убедителен. Еще больше эту убедительность подчеркивал темно-коричневый трикотинный пиджак, на лацкане которого рубиновым цветом горел значок депутата районного Совета депутатов трудящихся.

Я сидел на стуле, а Лола Евгеньевна пристроилась на диванчике, с ручкой и папочкой в руках. Она явно что-то собиралась стенографировать, видимо, готовя очередной приказ по конторе. Письмо, которое пришло вроде как на мое имя, мне не показали, а приказ, я думал, после наставления, будет об увольнении в связи с уходом на службу в Вооруженные силы.

Кроме меня их было двое, и у каждого был свой интерес. Это уже стало понятно в начале беседы, которая состояла из посулов, уговоров и откровенного шантажа. Оказывается, я ошибся по поводу письма из военкомата. Письмо было совершенно не оттуда. Оно было из областного спорткомитета, и не по поводу того инцидента в «Гавани». Шеф собирался в исполнительную власть, где метил на должность командира всех оптовых баз, и для этого ему надо было проявить себя перед областным руководством. И во главе угла его намерений неожиданно оказался я. А область готовила команду на

предстоящую Спартакиаду народов СССР, и меня затребовала. Шеф никак не мог не исполнить этого распоряжения. Он начал излагать письмо по пунктам:

– Двадцать девятого сентября – десятидневные сборы в области.

– 6–7 октября – зона Дальнего Востока на материке. Три первых места получают звание кандидатов в мастера спорта СССР, и путевку на первенство Центрального Совета (ЦС).

– 1–2 декабря в Москве – первые три места – мастер спорта СССР и путевка на Чемпионат СССР, а значит и в сборную.

Вот такую речь он мне прочитал, обыкновенному перво-разряднику с непонятной периферии, а в конце заметил, что мои успехи станут путевкой в армию, и армия моя будет спортивной. Именно та самая, которая мне была не нужна, я хотел в стройбат, и не позже, чем через две недели. Он хитро высказался, что приглашение пришло лично на меня, и если я не поеду, то покажу свою несостоятельность, конечно, умолчав о том, что это будет катастрофой для его карьеры. Я должен был пройти сборы и в составе команды вылететь на зону Дальнего Востока, а туда, добавил он, и мы с Лолой Евгеньевной собираемся приехать, для поддержки. Мне-то было понятно, что он решил прокатиться с этой дамой за казенный счет. А Лола Евгеньевна сегодня была в коричневой плиссированной юбочке, конечно, намного выше колен. И она, конечно, соображала, что такая командировка с шефом

заметно приблизит ее к цели – улучшению жилищных условий. Вопрос-то был пустяковый – меня повторно закинуть в мясорубку. А тут меня ожидали льготы и сразу же еще полставки инструктора, и освобождение от любых других поручений, и от опеки «нашенских». А то, что я говорил, что я совершенно не готов для такого уровня соревнований, и что у меня рука еще не восстановилась, им обоим было по барабану. Плохо, что эту беседу не пререживал голос Муслима Магомаева с песней «Герои спорта», когда один заведующий оптовой базой пытается оседлать хребет спорта, чтобы продвинуться выше по оптовой торговле, и барышня, которая тоже желает закинуть ляжки на эту тему. А из спортсменов, получалось, я у них один. Значит из этой кофлы с меня одного и будет спрос, а коли зарплату у них получаю, то, наверное, это и справедливо. Он ждали от меня восторженного согласия, но, не получив его, встретили отказ откровенно враждебно, ибо планы они свои уже сверстали, а какой-то мальчишка пытается их поломать. Я еще раз сказал, что собираюсь в армию и планов развиваться в боксе совершенно не имею. На этом и расстались, мне как-то стало тошно по причине невозможности самому распоряжаться своей судьбой. Чиновник, совершенно далекий от спорта, определял мои ресурсы и возможности. Для этого нужен был тренер, а его не было, и поэтому о каком росте и достижениях могла идти речь? Эти мысли вдруг натолкнули меня на то, что нужно пойти к себе, в свой Дом пионеров, где уже наверняка

собрались ребята, с которыми я с 15 лет проливал пот и слезы. Те, которые были спортсменами в этом городе. Их было совсем немного, боксеров-спортсменов. Это было наследие, оставшееся от Николая Максимовича.

На улице было холодно, я дошел до площади, там все еще крепили призыв отстоять чилийского коммуниста. Чудесным образом неожиданно подвернулся автобус, и я двинулся в сторону своей окраины. Сойдя у своего бугра, зашел в магазин, набрал хлеба и перловки и потянул эту поклажу до дома. Хорошо, конечно, отстаивать свое право на то, чтобы уйти в армию. А как же здесь останется мать с курочками и завалившимся забором, с «секретарями» под полом, текущей крышей и холодильником со стекловатой?

Мама встретила меня настороженно, она всегда чувствовала, если я был в тревогах. Она, конечно, ждала моего ухода на службу и осознавала все ожидающие ее трудности, но даже виду не подавала, что ей тревожно. Я как-то по-другому сегодня посмотрел на наш домик, который мне после каждого бурана по несколько часов приходилось отгрести от снега, чтобы просто выйти на улицу, и понимал, какая нагрузка может лечь на мамины плечи. А ведь ей уже и в подпол за картошкой было сложно спускаться. Задав себе этот вопрос, я понимал, что такой ответ не найдешь даже в очень умных, перечитанных мною книгах. Я сидел на кровати, надо мной был Лагутин, и висела пара красных, что кровь, перчаток, а под полом активно скреблось секретарево семейство. Ко-

гда-то, наверное, лет 10 назад, папа почти каждый вечер при-
таскивал рулон из листов оцинкованного железа, таким же-
лезом, я видел, крыли в городе крыши важных зданий. Он,
скорее всего, их воровал, так как в магазине такого не ку-
пишь, да и магазинов стройматериалов в природе не суще-
ствовало. Это было лето, он все из подпола вытащил, вычи-
стил, и вечерами, после работы, опустив в эту яму перенос-
ку, выгибал там это железо, придавая ему форму огромного
короба. Он это мастерил все деревянным молотком, так что
шум при этом стоял соответствующий. Так как моя кровать
стояла прямо у подпола, я был непосредственным участни-
ком этого действия. Папа всегда, если за что-то брался, де-
лал это очень основательно. Так вот, крысы с тех времен все
скреблись в эту сторону, но выхода на картошку так и не на-
ходили, а это была главная и основная наша еда, и кроме нее
в подвале ничего не водилось. Крысы не оставляли попыток
прогрызть это оцинкованное железо, и по этой причине по-
стоянно обнаруживали себя возней под полами.

Вышел я из дома, когда уже смеркалось. Дул холодный ве-
тер, но по случаю он дул в спину, значит был южный, а юж-
ный ветер, как правило, приносит осадки и холодом прилич-
но пробирал. Трудно было поверить, но от командировочных
у меня осталось 4 рубля и еще 90 копеек, и я сегодня был
намерен их потратить. Тротуар на мари каторжно скрипел,
когда я, гонимый ветром, ускоренным шагом по нему пере-
двигался, потом поднялся на бугор, к Чеховке, потом базар,

у седьмого магазина людей было не видно. От холода они попрятались в какие-то убежища. В отделе, где продавали хлеб, на подносе лежали заварные пирожные с темным шоколадным кремом. Их было 12, и я купил их все, вместе с коробочкой, заплатив в кассу 2 рубля 64 копейки. Мне ее перетянули бечевкой, и еще я купил 50-граммовую пачечку чая за 48 копеек. Это был чай с зеленой этикеткой «Грузинский черный байховый». Со всеми этими расчетами у меня в кармане остался еще один большой железный рубль 1970-го года, который был выпущен к столетию вождя, и немного мелочи.

Забрав покупки, я вышел в тамбур, который был не более чем 1,5 на 1,5 и вдруг обнаружил, что я здесь не один. В углу от меня, вытянувшись вдоль стенки, видимо, пытаюсь остаться незамеченным, стоял человек, которого могли выгнать отсюда в любую секунду на холодный ветер. А на нем даже шапки не было. Зато было длинное пальто, видимо, когда-то синее, с серым воротником, когда-то, видимо, каракулевым. Пальто было очень грязным. Лицо человека прорезали глубокие морщины, на голове топорщились клочья волос. Мужчина, похоже, был еще не старый, но совсем уже изжеванный и опустившийся. Его трясло, видимо, от всего. Глаза у него были с белесыми зрачками, но когда-то они, вероятно, были голубыми. По этим глазам я его и узнал. Это когда-то был наш сосед по бараку, и сын у него был Валерка, мой одноклассник. Вот помню, что его отец работал

слесарем и всегда ходил в кирзовых сапогах, а летом выходил на крыльцо сушить стопы, которые съедал грибок. И когда он сидел на крыльце рядом с нами, его шуткам и прибауткам не было конца. Он тогда еще потихоньку спивался, и вот теперь стоял, вжимаясь в стену, чтобы хотя бы какие-то мгновения пробыть в этом условном тепле, откуда его мог выгнать любой. Он, наверное, думал, что я так поступлю. Но я пошарил в кармане, отодвинул пальцем железный рубль и, достав оставшуюся мелочь, протянул ему. Этот мой поступок был совершенно неосознанным и был продиктован совсем не жалостью, а чем-то другим. Он протянул не руку, а обе ладони, сложенные лодочкой. Так делают те, кому в руки льют водичку, чтобы произвести омовение. Он даже не пытался что-то сказать. Рот его был беззубый, а нижняя губа раздута какой-то опухолью. В этот момент дверь с улицы открылась, и в тамбур вошла маленькая бабушка в чем-то черном и совсем в легоньком платочке. Я ее пропустил, а сам вышел на улицу, и уже выйдя, узнал ее. Постоял и хотел рвануть назад в магазин, но ясно понял, что ее там не будет. Это, похоже, судьба за мной приглядывает, а судьба – это тайна, и ее не догонишь. И если я это все даже себе придумал, то все равно это справедливо.

А отец Валеркин был одним из многих сограждан, проживающих здесь. И чем больше их с каждым годом становилось, то есть случалось, что умирало за зиму меньше, тогда сильнее сплачивались отряды «нашенских», которые бы-

ли главной силой в наведении общественного порядка, и вообще в борьбе с антисанитарией и нанесением вреда экологии. Все жалобы в городе на этих «бывших людей» собирались в конце месяца у того самого секретаря, а потом передавались на реализацию общественности города, то есть «нашенским». Если эти, гонимые, летом могли жить где-то в оврагах, то с приходом холодов они жались к теплу чердаков, подвалов и теплотрасс. Их оттуда вытаскивали «нашенские» с красными повязками и давали кому в голову, кому по печени. Те разбегались, но заживо замерзнуть было страшно, но они, конечно, замерзали, засыпая в сугробах, а затем вытаивали. Их забирал одноклассник-санитар на своей труповозке. Холодное время для «нашенских» было время сенокоса, когда они поощрялись секретарем, зав. магазинами, начальниками подвалов и другими такими же благодарителями. И «нашенские» благодетели росли в собственных глазах, а когда убивали кого-то из жертв, просто приходили в эйфорию от собственной безнаказанности, ведь жертвы никак не могли дать сдачи. А меня сейчас все они выталкивали туда, где точно дадут сдачи. А «нашенские»-то были все трусливые, ибо я помню их глаза в тот вечер, когда в зал, где их было 40 человек, включая меня, вошел Федя Загидул с товарищем. Они были «черной сотней», только не крайне правые, а крайне левые. Я всегда думал, что нет ничего более омерзительного, чем когда интеллектуалы обслуживают власть, но сейчас я был точно уверен, что еще более омерзительно, когда ее об-

служивают тупые носороги. Тогда каждый день из обихода стиралось слово «человеческое».

К дверям Дома пионеров я подгроб около 18 часов. В это время у нас всегда начинались тренировки. Я открыл дверь. У порога лежала тряпка, и стояло ведро. Сомнений не было – это тетя Маша, которая в одно и то же время начинала уборку коридора – того места, где мы и тренировались. В конце коридора была комната, где стоял наш старый, потрепанный ринг, с латанным-перелатанным покрытием. Там горел свет, мы всегда в этой комнате переодевались, и сейчас там были ребята, которые занимались тем же. Пахнуло родным потом, было ощущение, что я пришел в свой дом.

Ребят было шестеро, и надо было видеть, как они обрадовались моему появлению. Кто-то быстренько сгонял с чайником за водой и воткнул его в розетку. Кто-то на фанерный столик постелил газету и расставил кружки, а Стас, который был у них старшим, подставил мне стул, остальные на рваных кирзовых мешках устроились. Помянули чаем Николая Максимовича, и все приготовились меня слушать, и я рассказал им о боксе, что видел, чему научился. Я рассказывал им о спорте, только ни слова о подтасовках, грязном судействе и политическом шоу, в котором, к несчастью, сам принимал участие. Даже выскочил на ринг и немного показал новые повороты, которые подсмотрел. Пацаны смотрели на меня во все глаза, и мне было уютно и спокойно. Они, к несчастью, тоже узнали о смерти нашего тренера, когда его

уже похоронили. А собрались сами здесь всего три дня назад и не знали, куда идти и как тренироваться. Один у них реальный вариант был – идти проситься во Дворец спорта, я ведь тоже туда ушел. А я и не уходил совсем, просто Николай Максимович думал, что мне смогут там хоть какую-то дорогу сделать в спорте. Хотя я знал, что он ясно понимал, что там ничего не будет. Ибо все это псевдоспортивное объединение. Я еще им рассказал о том, что мне предложил шеф ДСО «Трудовик»; у мальчишек прям лица засветились, а Стас взял и сказал:

– Вот, гордился бы тобой Николай Максимович.

После этих слов во мне что-то как включилось, и я сказал, что буду приходить к ним и вместе тренироваться. В этот момент я решил ехать, как-то вдруг взял и решил, но только ехать на своих условиях. В тот вечер я домой шел с облегченным сердцем, хотя и шел потемну и против холодного ветра. Что это письмо было прислано для меня, было явным враньем, это было распоряжение для шефа ДСО «Трудовик», и его исполнение было явным ключом к новому назначению руководителя и коммуниста. Ведь это было не приглашение, а распоряжение, и он был обязан его выполнить. Но, похоже, сам он меня не будет уговаривать, а это значит, что кого-то пришлет. И такой переговорщик у него был в лице куртизанки Лолы Евгеньевны. Я, похоже, не ошибался, считая, что у этой дамы самые широкие полномочия в конторе, кроме, конечно, полномочий самых традиционных и понятных.

С утра у крыльца Дворца спорта, он же штаб городского ДНД, стояла черная «Волга». На крыльце стояла группа «нашенских». Я думаю, что они приготовили челобитную, чтобы с Лолой Евгеньевной передать. Среди них стояли и «керосинщики»; я видел, что доска под крыльцом вроде как была прибита. Поднимаясь по ступенькам, я вопросительно заморгал «керосинщикам», они сразу же поняли суть и в ответ тоже инстинктивно закивали и заморгали. Посланец с небес меня ждал в кабинете директора. Она была сегодня даже более накрашена, чем обычно, и в юбке в горох, на красных шпильках и затянутая в талии под Гурченко. Усадив меня на стул, она села рядом на стол, заголив ляжки, и начала меня стыдить. А стыд мой был в том, что я поставил шефа в глупое положение перед областным руководством, и он все равно сегодня отправит согласие на мое участие во всех назначенных областных мероприятиях, а если я не поеду, то уже по сугубо личным причинам.

– Может, по здоровью или еще по каким, но это будут лично твои причины.

Она говорила так жарко, что можно было подумать, что тоже где-то была в секретарях. Если бы только не знать, что она при них была в персональной службе сразу после курсов машинисток. А про сугубо личную причину моего отказа ехать звучало, что мне сломают ноги или еще чего. Но с этой минуты я старался на этом не заикливаться, хотя очень хотелось послать эту мышь в известное место. Но эта мышь

воевала за свое, она тоже здесь на что-то рассчитывала. Видимо, шеф, в случае перехода в Горисполком, обещал ей какие-то блага. И когда она приостановила свою обвинительную речь, я изложил свой план. Он звучал так, что ко всему, что мне было обещано, я хочу получить служебную однокомнатную квартиру, которая бы за мной числилась все два года службы в армии. Такой договор должен быть оформлен и заверен нотариально.

– А квартира должна быть с телефоном, как у вас, Лола Евгеньевна. Пока меня не будет, там будет жить моя мама.

Я знал, что у них существует фонд служебного жилья, которым они жонглируют как хотят. А вернувшись из армии, если я еще буду нужен конторе, она за мной останется, не нужен буду – законно вернется к статусу свободной. Женщина меня слушала, открыв свой красный рот, в котором и зубы были частично в красной помаде: видимо, на такой проход она не рассчитывала. Ей надо было посоветоваться с шефом, и она отправила меня на вахту. Я присел на стульчик у телефона, он был параллельный с кабинетом директора. Трубка лежала на аппарате и как бы даже передавала напряжение проходящей беседы.

Подошли «керосинщики», уселись рядом и рассказали про собаку, что они ей там накидали старые тряпки, которые из дома притащили, и что она уже у них из рук хлеб берет, и они ее чешут по очереди. Но все равно, ей тут опасно, потому что этим, они кивнули в сторону «нашенских», которые

толпились у буфетной стойки, оторвать ей голову – плевое дело. А они тут не все время, так как у них же еще школа. Я видел, с какой неприязнью они смотрели в сторону буфета, и предложил, что на время подготовки к соревнованиям буду заниматься в другом зале, а их могу забрать с собой. Они смотрели на меня с явным недоверием, что такое возможно. Но я, конечно, оговорился, что они решат вопрос с собакой и будут хорошо учиться в школе. Тут их прорвало: они сегодня же у себя в Сезонке найдут теплое место, там собак не убивают, а чем могут подкармливают. А завтра, еще до школы, они ее завернут в телогрейку и уташат. Я им верил и сказал, что тогда я их жду в 18 часов в Доме пионеров, если они знают, где это. Они знали, им до него было даже ближе, чем сюда. И «керосинчики» махом исчезли. Чувствовалось, что телефон все еще в напряжении, иначе бы звякнул.

Подошла бабушка-вахтерша и тоже с неприязнью стала кивать в сторону «нашенских», что они сейчас насорят и на-топчут возле буфета, а ей опять вытирать, да еще и предупредила насчет «керосинчиков», что эти пацаны – явные хулиганы, кто-то вчера бросил камень в красную вывеску на входе «Штаб народной дружины города». Но она тут же подчеркнула, что ущерб был, в общем, небольшой, но ведь могут повторить. От этих бедных пацанов все время ждали повторов. Женщина-вахтер была добрая, только беспокойная. Наконец, телефон звякнул, но я не пошевелился. Из кабинета выглянула Лола Евгеньевна и пригласила меня по име-

ни отчеству. Ее ответ был следующим: шеф согласен на мои условия и понимает мою заботу о маме, но, я думаю, что это было по Фрейду, она точно последнюю фразу добавила от себя. Но со своей стороны, продолжила она, ты будешь обязан подписать соглашение на работу по демобилизации из армии. Шеф, конечно, не собирался сидеть еще два года в своей ленинской комнате. А может он и не знал, что с уходом в армию все подписанные еще гражданским лицом договоры признаются ничтожными. У Лолы Евгеньевны, похоже, квартирка-то тоже была служебная. Это, конечно, тщательно замалчивалось, но сегодня она как-то сама проявилась во фразе:

– Где служим, там и живем.

Лола Евгеньевна куда-то вышла, а вернувшись с сантиметром, начала меня обмерять. Их делегат должен выглядеть соответственно. По этой женщине было понятно, что она давно растворилась в кабинетных диванах начальников, переданная, подаренная и заложенная. И всегда ищущая своего счастья. Когда она прикасалась ко мне даже сантиметром, было неприятно. Когда все закончилось, и она мне улыбнулась, получилось, как ухмыльнулась, я высказал еще одну просьбу. Она опять напряглась, но поняв, о чем идет речь, опять ухмыльнулась. Я просил передать опеку над «керосинщиками» мне. Она ответила, что сегодня же переделает ту бумагу по ответственности. Я представил, как Утюг будет рад, так что проставится даже без намека.

Мы с Лолой Евгеньевной вышли на холодный ветер вместе, она без головного убора, в манто и в юбке, которая порывами ветра пыталась надеться ей на голову. А «нашенские» после утреннего пива глядели на все это в окно, видимо каждый примерял ее под собой. На красной большущей вывеске «Штаб городской народной дружины» ни сколов, ни вмятин не было, значит, все было на высоте поставленных задач. А челобитную «нашенские» все же успели подать, в ней большой список членов ДНД просил контору по месту их основной работы походатайствовать о дополнительных отгулах и повышении заработных плат из-за большой нагрузки по выполнению общественных поручений городского масштаба.

Выкидывая из-под себя песок и белую порошу, «Волга» задымила и уехала. Я сунул в карман свою спортивную медицинскую карточку и пошел домой. Мой перелом руки был оформлен в этой карте официальным образом, и мне требовалось сейчас менее чем за две недели подтверждение, что у меня все в порядке. Для этого завтра надо было сделать рентген руки. Я в ней не ощущал никаких болезненных признаков, хотя и была маленькая тревога, но это где-то на психологическом уровне. Конечно, мне требовалось, чтобы эта рука работала на все сто процентов. И я надеялся, что рентген никак не нарушит теперь уже оформленный план. На улице вроде как и потеплело, что непременно означало выпадение снега. Так и случилось.

Следующее утро было тихим, туманным. Земля была при-

крыта совсем тонким белым покрывалом, которое еще не
есть снег. И все это будет вскорости растоптано и развеяно
ветром. Бегать в такое время по улице я уже боялся. Николай
Максимович мне рекомендовал опасаться такого холодного
воздуха и бегать по возможности в закрытом помещении. И
я так начну делать, но только с утра, в зале Дворца спорта.
А в 18 часов – к себе, к мальчишкам, ну а там уж как будет
получаться. На мари по тротуарной белой простыни до меня
прошел только один человек, и потому книга тротуара четко
читалась. Там, к своему удивлению, я увидел строчку следов
тех самых вальдшнепов, которые по моему детскому опыту
уже должны были улететь, так как мы всегда видели их от-
лет. Они собирались в плотную приличную стаю и еще дол-
го кружили над марью, видимо собирая молодежь, и издавая
при этом тревожные крики. Я метра на два отошел от тро-
туара и просто ладонью смахнул снег с травы. На совсем то-
неньких ниточках горели коралловым огнем ягоды клюквы.
Она сейчас была очень кислая, но морозы ее сделают слад-
кой уже к концу апреля, и все птицы вернутся и будут ее
клевать, гнезда строить. И жизнь обязательно продолжится.
И это, наверное, справедливо. И пусть...

«Каждый год – словно Храм,

Уцелевший в огне.

Каждый год – как межа

Между новым и старым.

Каждый год – как ребенок,

Спешащий ко мне».

М. Анчаров.

Начало 70-х годов.

Рентген-кабинет расположился на первом этаже хрущевки. Его легко было узнать по трем покрашенным до половины белой краской стеклам в окнах. В маленькой прихожей кроме трех пустых стульев ничего не было. Я пару минут посидел и постучал в дверь. Еще через минуту она открылась, и из нее вышла красивая и знакомая девушка. Это была та самая сестренка, которая меня в больнице отвела на последнее свидание с Николаем Максимовичем. Сейчас она была не в халате, а со вкусом одетая, опять же улыбчивая и красивая. Без ее шапочки мне стало понятно, что ей нет 18-ти. Я смутился, в первую очередь, потому что она видела меня ревущего, а она тоже смутилась, но непонятно отчего. Мы с ней поздоровались, она пропустила меня в кабинет, там, за маленьким столиком, уже в халате и шапочке, сидела тоже она. Я растерянно повернулся и услышал, что это ее старшая сестра, и они с детства были очень похожи. Я положил перед сестрой свою медкарту. Она, глянув в нее, пригласила меня за шторку и, положив на штатив мою левую руку, щелкнула один раз, потом поставила ладонь на ребро и щелкнула еще раз. Я вышел из-за шторы, младшая все еще стояла у дверей. Она сказала, что должна мне кое-что рассказать. Старшая вышла с черной пленкой снимков в руке, засунула мне их в карточку и сказала, что карту передаст сама, потому что в ее

описании нужна была официальная подпись от официально-го лица – моего директора.

– Могу сказать вам, что травма срослась хорошо, а подвижность сустава сохранилась. И старайтесь больше это место не выбирать для травмирования.

А уже в дверях вот что добавила:

– Мне о вас сегодня прямо с утра напомнили, когда моему мужу привезли ваши данные для оформления груза.

Я честно ничего не понял, но уже на улице мне младшая как могла разъяснила. Муж ее сестры служил в аэропорту и отвечал за отправку грузов и багажа. Так вот, со мной вместе полетит и мой багаж, который должен быть заявлен заранее. Видя мое недоумение, она улыбнулась и продолжила:

– Багаж, конечно, не твой, он только оформлен на тебя, ты его даже не увидишь. И такое часто делается.

Мне вдруг стало интересно, что же я такое повезу в своем багаже. Младшая сказала, что живет пока с сестрой и утром слышала весь разговор, а из него секрета и не делали. Судя по местам и весу, там явно будет ведро свежей кетовой икры, три-четыре оципанных лебедя и килограммов 50 копченой осетрины.

– Да, – подумалось мне. – Это вам не горбуша за рубль штука.

И тут мы, наконец, познакомились; ее звали Ирина. Я ее, вроде как, провожал домой и чувствовал себя очень некомфортно в своей брезентовой куртке, но ее, похоже, это со-

всем не волновало. И тут она мне стала рассказывать то, что собиралась рассказать, и о чем я спрашивал ее. Все-таки оказалось, что видели человека, о котором я у нее спрашивал. Тогда она писала сопроводительную бумагу для гроба, который был из неоструганных досок и стоял на столе в ожидании, когда за ним приедут из морга. Крышка на нем была не заколоченная, а только наживленная тоненькими гвоздиками.

– И вот, когда туда зашел плотник, он же грузчик, держа в руке молоток и гвозди, у гроба стояла тоненькая фигурка, примерно как вы и описывали. И со слов грузчика, она вроде как разговаривала с гробом. Верхняя доска крышки гроба была из лиственницы, и уже лежалой. Ее даже гвоздем было сложно пробить, а сейчас на уровне головы покойника вдруг образовался крест. Вот его я видела. По нашим правилам гробы должны быть обезличены, что делалось во избежание ошибок, и это правило всегда соблюдалось. Крест был в 4 конца, и один из них – длиной не менее 20-ти сантиметров. Еще крест имел глубину, как будто бы его объемно выжгли, хотя следов ожога не было совсем. Лучше сказать, что он был вдавлен в доску, и притом это было сделано очень умелой рукой. А по лиственнице, так это было совсем не осуществимо. Плотник тогда мне показал разрезанный сучок у лиственницы и сказал, что разрезать его можно лишь газовой горелкой. Сучки у этой лиственницы крепче стали. Если его и можно было как-то вырвать из дерева, то разрезать внут-

ри него было нереально. Вот с тем изображением на крышке и уехал ваш тренер в морг, готовиться к погребению. Молодой человек, который забирал, был очень недоволен этим моментом, но все же расписался и забрал гроб. Вот и все, – закончила она.

На этом моменте мы уже стояли у ее подъезда, она достала малюсенький листик бумаги, написала свой телефон и, сказав, что будет ждать звонка, убежала. Я, свернув листик, сунул его мимо кармана и двинулся в свою сторону. А моя сторона была известно какая – наши барачные бугры, на которых я и вырос. Это удивительный дом, двери в котором открываются только внутрь. Конечно, надо было пригласить Иринку покушать вкусного мороженого или попить чаю с пирожными, но в кармане у меня был только железный рубль с Лениным. Его, конечно, могло хватить, а могло и нет. Но точно могло хватить на кино. Однако я еще раньше увидел афишу, что там сегодня шел фильм под названием «А вы любили когда-нибудь»? А если бы Ирина спросила, как фильм называется, что бы я ей ответил?

А дома меня ждали два яйца в нашем маленьком театре, рыло Секретаря из щели пола и местная газета за нынешнее число. И самое интересное в ней было про меня. Даже не столько про меня, как про организацию соревнований и их важность в общественно-спортивной жизни нашего народа. Сколько там было почетных гостей, какого высокого уровня были спортсмены и судьи, но самое волнительное для меня

было то, что по итогам соревнований будут проведены областные сборы для выезда на первенство Дальнего Востока. И я сейчас, было сказано, готовлюсь туда выехать. Там меня уже сосватали до моего собственного выбора. Заканчивалась статья прославлением организаций ВЛКСМ и профсоюзов.

В Дом пионеров я выдвинулся на полчаса раньше. Наконец-таки я понял, как мне надо истратить этот круглый юбилейный рубль. Я бодро шагал через марь, а за мной бодро двигалась группа «нашенских», у них сегодня банный день, и, возможно, кто-то там проставляется. Уже за базаром я повернул в аптеку, а они все завернули в «штучный» отдел. В аптеке я купил двадцать моточков бинта по пять копеек. Конечно, они не могли решить проблемы: все канаты на ринге, что я видел вчера, были разлохмаченные и грязные. Будем их сегодня обновлять и подтягивать. В Доме пионеров были только кружки, и их вели люди на общественных началах. Так и Николай Максимович был руководителем кружка, и не было для него ни зарплаты, ни каких-то заработков. Потому он и вытолкал меня оттуда к «нашенским», где с финансами был полный порядок. Пришел я сегодня раньше всех, хотя был уверен, что первые с победой придут «керосинщики». Встретила меня лишь тетя Маша словами:

– Уже не надеялась, что вернешься к нам, голубчик.

Я смотрел на нее и видел, что это далеко не старая женщина с красивым лицом и великолепной стройной фигурой, которая проглядывала даже через халат уборщицы. Я-то хо-

рошо помнил, как они с Николаем Максимовичем подшучивали, но это были такие милые шутки, что казалось, что вот-вот целоваться начнут. Нравилась, наверное, она ему, эта женщина, которая давно потеряла свое счастье на дорогах судьбы. Я пошел в свой маленький зал, где кроме ринга хранился весь хлам, который мы еще детворой стаскивали сюда. Это были и порванные груши, и давно отработавшие свое лапы, и перчатки, которые уже на пятый раз штопаны. Всем этим пользоваться было никак нельзя, но и выкинуть жалко. Стали подходить ребята. Тетя Маша стояла у дверей и заставляла сметать с обуви снег и соскабливать грязь. И по тому, как они старательно это делали, была видна степень к ней уважения. Тетю Машу откровенно боялся даже директор Дома пионеров. Тот был в прошлом когда-то комсомольским аппаратчиком, которого вроде за «аморалку» сюда пристроили директорствовать. Вот к этому директору я и хотел отправить Стаса. Сам, понятно, не мог пойти его о чем-то попросить. Но так как я числился за «нашенскими», среди них-то я и прослышал, что этот директор и директор Дворца спорта – крепкие собутыльники. А у директора Дворца спорта, я точно знал, на складе должен быть неликвидный инвентарь, уже давно списанный. Вот к нему я и хотел подобраться. Я надеялся, что что-то получится утянуть с этой помойки для спортивного кружка.

Народу сегодня собралось много, часть стала бегать и разминаться по коридору, а четверо пыхтели, обматывая кана-

ты ринга бинтами. На весь объем, что был нужен, рубля, конечно, не хватило, но все же. Все вокруг смотрели на меня в ожидании, вроде бы как я мог все кардинально изменить в этой нищете. А в коридоре становилось темно, так как лампы наполовину перегорели. Я тоже переоделся и стал по кругу с каждым играть в пятнашки руками, как это делалось когда-то при Николае Максимовиче. Ребята очень старались, были потные и стремительные. В ринге подтянули канаты, и мы пошли туда. Я пытался хоть чуток с каждым побоксировать, так как на всех перчаток не хватало, а те, что были, уже давно были непригодные.

После 20 часов, наконец, в дверях появились «керосинщики». Сложно описать, как они выглядели, такое надо видеть. Они стояли в коридоре, умудрившись с такого холода явиться по макушку в воде. Часть воды замерзла на них и застыла, как стекло. И главное, от них так несло керосином, что коридор мгновенно заполнился этими ароматами. Подбежала тетя Маша и потащила их в конец коридора, там была маленькая душевая, где горячую воду запускали из батареи отопления. Через минуту она крикнула меня. Они от нее отбивались кулаками, не желая раздеваться при ней. Я все сам с них посрывал и, загнав обоих под душ, включил воду настолько горячую, насколько вообще возможно было вытерпеть.

Тетя Маша стояла над двумя кучами грязной одежки, вдыхая смрадный аромат, и сказала, что все это сейчас про-

сушить невозможно, но и выпускать их назад в этом тоже нельзя. Ибо все это смерзнется на них в течение нескольких минут, и ребята просто погибнут. Надо их во что-то одевать, чтобы можно было дойти до дома. Керосинщики стояли под горячими струями совсем голые, прижавшись спинами друг к другу, и тряслись. Явно было сильное переохлаждение. Я пошел к ребятам, и, на счастье, был мальчик, который знал обоих «керосинщиков», они жили в соседних бараках в Сезонке. Я его бегом отправил сообщить, что мальчишки искупались, и их надо во что-то переодеть. Тетя Маша привела обоих разбойников, замотанных одной простыней, и усадила спиной к батарее. Их трясло поменьше, но глаза были ошарашенными. И вот что они рассказали. Они хотели, как и обещали, собаку утащить с утра, но убежать из школы не удалось, и все перенеслось на вечер. Они посчитали, что под его покровом и осуществят свой план. Придя уже вечером к тому самому крыльцу, выманили пса и, завернув его в телогрейку, рванули в Сезонку. Но уже около самой мари их настиг участковый на мотоцикле. Не добившись от них вразумительного объяснения, он посчитал, что собаке грозит ужасная смерть, вроде как ее хотят сожрать. И он, сердобольный, выпустил ее, она сдриснула по мари. А пацанов он отвез в штаб дружины и сдал тете-вахтеру. Следом убежали и пацаны, они посчитали, что собаку найдут по следам, и брели по ним какое-то время. Но когда совсем стемнело и сильно похолодало, посчитали, что, наверное, ничего не

увидят. След потерялся, а путь им преградила «Нефтянка». Они нарезали старой травы и пытались согреться. У младшего была зажигалка, сделанная из латунной гильзы. Это была единственная память об умершем деде – ветеране войны. Он эту зажигалку натирал и чистил каждый день, скручивал фитиль и собирал, где мог, 4 копейки, чтобы купить кремень. А когда сегодня участковый их обыскивал, он бросил ее на землю, а после обыска подобрал. Я и сейчас видел, он голый и под простыней судорожно зажимал эту память в своем кулаке. А вот тогда они запалили траву, пытаюсь согреться. То, что сейчас у них произошло с этим участковым, озлобило их на весь мир. Они не смогли выполнить то, что обещали, и не смогли прийти, куда их пригласили. И тут рассказчики заревели и сказали, что никогда эту «Нефтянку» не поджигали, но сейчас решили это сделать. Где-то нашли палку, накрутили на нее квач из соломы и полезли квач окунуть в нефтяную корку, чтобы ее потом поджечь на костре и закинуть на эту смердящую смерть. Всю эту технологию им и озвучили те, кто их упрашивал дать признательные показания. Так вот, квач полез мазать самый маленький, он держал палку над головой, а когда, поскользнувшись, с головой ушел под эту чудовищную воду, палка так и осталась сверху. За нее и тащил его старший, пока сам не ушел в эту вонючую жижу. Но они выбрались и в горячке все-таки подожгли «Нефтянку». Но горело плохо, больше дымилось. Видимо, прошедший снег лег тонкой водяной пленкой поверх этого ядовито-

го поля. Никуда, кроме как сюда, они пойти не могли. Стас принес им под ноги старый половик, а пацаны понакидывали на них сверху свои куртки. Тетя Маша сказала, что, если за ними не придут, она оставит их здесь ночевать, и сама останется приглядеть. Но за ними пришли обе мамы, в слезах, с одежкой в руках и, конечно, с подзатыльниками. Тетя Маша встала непреодолимым редутом, огласив, что ребята – герои, они спасали собаку и провалились. По сути, это было совсем недалеко от правды. Их кое-как собрали и увели. Я был уверен, что они выполнят что обещали, и ничто их не сможет остановить – ни огонь, ни мороз, и это, конечно, справедливо. Вот так и закончилась сегодняшняя тренировка.

По дороге домой, только поднявшись на свои бугры, я увидел далеко в темноте то вспыхивающую, то гаснущую полосу, которая то возникала из темноты, то вновь уплывала в никуда. А от рук моих чуть пахло керосином, и это даже как-то меня возбуждало – что, наверное, из искры и загорится пламя, и это справедливо. Сегодня, когда «керосинщиков» увели под конвоем, мне пришла в голову мысль еще об одном животном. А некоторым мальчишкам, которые были у Николая Максимовича дома, оно было очень даже знакомо. Это я про кота, которого последний раз видел на переднем сиденье разрушенного кем-то «Москвича». В зиму этот кот, как и та собака, был обречен на смерть. Двое из мальчишек сразу ринулись в атаку и пообещали, что завтра они выловят этого кота и принесут прямо сюда. Но здесь они, конечно,

поспешили. Такой вопрос никак нельзя было решить без нашей тети Маши. Но она мгновенно согласилась и, зная, что этот кот одичавший, принесла еще старую, но крепкую кирзовую сумку, приговаривая, что тут уж хорошему коту работы всегда хватит. Только как зовут того кота, с которым Николай Максимович разделял свое одиночество, никто не знал. Если у собаки наверняка и не было имени, то у кота оно должно быть точно. Вот так и закончился этот четверг. И под мелькание черно-белого изображения «Международной панорамы», под возмущение всего мира поведением генерала-диктатора Пиночета я и уснул. Ночью проснулся, выключил телевизор, на экране которого светилась сетка с непонятными мне обозначениями.

Проснулся утром, сходил в курятник. Секретарь так и не появился, он, возможно, отдыхал, а возможно, руководил своим блат-комитетом, который пробивался к картофельным закромам. И, судя по их напору и осенней активности, у них были шансы.

Утреннюю тренировку в большом зале придется начинать не раньше, чем в восемь утра: с этого часа официально начинает работать Дворец спорта. И это расписание мы строго соблюдали, ровно в 8 часов включали общий рубильник света и открывали входные двери. К моему приходу двери уже были открыты, и я проскочил в зал. Одет я был как для пробежки, и даже ничего снимать не пришлось. В зале было прохладно, что и хорошо. Бегал круг за кругом, и высокие

потолки отзывались на мое дыхание. Бегал разными способами. Где-то на 20-м круге стал потеть, а после 30-го был готов к разминке. После того, как я стал очевидцем того, что произошло с Мухой, без хорошего разогрева вообще стал бояться что-то делать.

В зал вошла бабушка-вахтер. В руках у нее была какая-то бумажка, а на лице улыбка. – Вот, пришла телефонограмма, – сказала она и дала мне бумажку. Ее почерком было написано «Сегодня в 10 часов все инструкторы и другие работники ДСО «Трудовик» должны получить зарплату». А бабушка тоже была работником ДСО, потому и мило улыбалась. Чтобы не собирать в офисе конторы толпу и не мешать работать милой Лоле Евгеньевне, они сюда привозили кассира. Мне тоже эта телефонограмма, как выразилась вахтер, понравилась. Я еще не оставлял надежды пригласить Ирину в кино, а теперь – и на пирожное с кофе. Потом я поработал на снарядах, подвигался в ринге, а когда в зал стали уже беспрепятственно заглядывать пацаны, пошел в душ. Похоже, без телефонограммы все знали, что сегодня зарплата: народ уже толкался в фойе.

Я очень любил горячую воду. Маленького меня отец водил в мамину кочегарку мыться, там висел здоровенный самодельный блин с дырочками и поливал мощно и обильно. В кочегарке горячую воду не экономили, и я стоял в том потоке, пока меня уже силком не выталкивали. Среди «нашенских» даже в очереди за зарплатой сохранялось чинопочита-

ние, но оно было настолько сложным, что я в нем совсем не ориентировался. А когда я с мокрой головой и полотенцем вышел в фойе, то мое имя просто выкрикнули из кабинета директора. За столом сидели кассир и, к моему удивлению, Лола Евгеньевна. Она сегодня из-за раннего подъема была не очень накрашена и потому выглядела не совсем празднично, была раздражена и конкретна. Ей нужны были мои подписи в бумагах по оформлению служебного жилья. Я подписал, и она сразу же удалилась, даже в этот раз совсем не шевеля бедрами. Я получил свои 86 рублей, кассир – она же и бухгалтер – сказала, что, согласно приказу руководства, мне на днях будут начислены командировочные, но проживание и питание – за счет области. Я не возражал и был доволен зарплатой.

Чуть обсохнув, двинулся домой, напился чая с вареньем из рябины, наелся хлеба и двинулся в магазин по обычной программе. Что-то легкое мама сама приносила, а я должен был тащить хлеб и крупу. Бараки казались какими-то покинутыми, на моем крыльце сидел тепло закутанный мальчик лет, наверное, четырех. А рядом из окна выглядывал еще один такого же возраста. Я подумал, что, смотря на них, высматриваю сам себя с какой-то грустью уже очень взрослого человека. А мне всего-то 18 лет, и сейчас надо не ошибиться, выбирая пути. Когда проходил мимо своей школы, там, вероятно, уже шел третий урок, а у меня было ощущение, что я настолько далеко от всего этого, и я не понимал, хоро-

шо это или плохо. А на подходах к магазину вместо того скобяного сарайчика, где я увидел первый раз в жизни изображенного на колечке святого, а теперь торчали только пеньки, мне вдруг причудилось, что мое детство ушло безвозвратно и навсегда, и теперь всегда будет предметом моей тоски, и это, наверное, справедливо.

В магазине я загрузился по полной. Капроновая сетка аж трещала, когда я ее на спину закидывал. Ветер бил непонятно откуда, но мне легко шлось в горку. У моего барака детишек уже не было, зато у соседнего стоял милицейский мотоцикл с люлькой. Это был точно тот, что помог «керосинщикам» встать на путь исправления. Нашему участковому служилось хорошо. В случае крупных барачных драк или какого-то нашествия он звонил в городской штаб народной дружины, и те уже через пять минут пешком были на месте и били всех подряд, на кого добрый дядя-милиционер показывал. Потом дружинники подписывали протокол и как свидетели, и как охранители тоже. А милиционер хлопотал им о денежных вознаграждениях через свое ведомство, но чаще выдавали грамоты, а иногда и почетные грамоты. Председателем штаба народной дружины был тот самый секретарь, похожий на моего, проживающего в курятнике.

Дома я наварил большую кастрюлю перловки и выставил остужать на улицу. Я всегда, когда выставлял на улицу остужать куриную кашу, бросал горсть воробьям, вот и сейчас они еще горячие зерна хватили с земли, выплевывали, а по-

том сидели и ждали, пока зернышко остынет. Когда каша остывала, я ее тащил курам, но вдруг вспомнил, что этой весной мне никак не половить мальмы и гольянов, по причине того, что меня здесь просто не будет. Я отвязал от толка банку с червями и вывалил их в кашу, в которой уже греблись куры. Те были страшно рады пытавшимся распознаться червякам. Я постоял минут пять и понял, что пока я здесь, из подземелья никто не решится вылезти на это пиршество. Я поставил пустую банку из-под червей на самую щель и услышал, как она брякнула. Похоже, там занервничали. И это справедливо, наверное.

Днем хорошо потеплело, даже несколько незабудок выглянули голубыми глазками с грядок. После утренней тренировки, получки и похода в магазин я даже чуть-чуть вздремнул под телевизионное шипение, призывающее к всеобщему атеизму. На западе выглянула полоска неба с большим закатным светилом. Завтра день обещал быть погожим. Над марью со свистом пролетела стайка вальдшнепов. Вот это, похоже, уже были последние обитатели. Все убегали от нашей зимы. На базаре с грузовика опять сгружали ящики с водкой, делая запасы к выходным дням. Похоже, в городе была получка, а это много что значит; даже на крыльце пивбара было странно тихо. Возможно, вчера после бани «нашенские» зачистили территорию. И тут, в сопровождении всей этой безветренной идиллии, на Февралитке из крайнего барака, из крайней комнаты с открытым окном звезды, поко-

рившие весь мир, исполняли «Yesterday» и, главное, не на русском языке.

Когда я открыл дверь в коридор, который и был нашим залом, то был сражен обилием света. Были включены все лампы освещения, чего я, собственно, никогда и не помнил. Их вкручивал Стас, и процесс, видимо, только что закончился, так как лестница стояла около стенки, а Стас с тетей Машей сидели у скамейки и купались в обновленном свете. Вечер начинался с хорошего момента. Но это были еще не все хорошие новости. Оказывается, Стас не стал тянуть с визитом к директору Дома пионеров, а в сговоре с тетей Машей они его сегодня выловили уже в конце его всегда укороченного рабочего дня, вот откуда и лампочки. Но это не главное: они сумели его уговорить обратиться с просьбой к своему приятелю и собутыльнику, тому самому директору Дворца спорта, который, как я уже знал и понял, очень даже дистанцировался от штаба Народной дружины города, и вообще от «нашенских». Так вот, для этих двух друзей суббота была главным днем недели: они вечером, по-директорски, ходили в местный ресторан выпить бутылочку коньячка. Завтра была суббота, и он обещал с ним поговорить. К слову сказать, пока лестница была в работе по электричеству, по настоянию тети Маши в тамбуре над входом Стас прибил красный лозунг «Профсоюзы – школа коммунизма». Со слов тети Маши, я его не заметил, и, по ее представлению, это значило, что уже пришел вечер. Похоже, лампочки она вытянула из директора

взамен на то, что мы повесим этот лозунг. А мы подбирались к помойке и закромам этой самой школы коммунизма. Мало того, в процессе беседы с директором выяснилось, что его племянница работает там же, где и Стас, – на механическом заводе, что Стаса очень смутило, ибо у них там намечались понятные отношения. Собственно, и выяснилось, кто теперь может повлиять на нашего директора.

Стас меня был старше на год, он окончил техникум и пошел работать на механический завод. В армию его не взяли как единственного кормильца своей мамы, которая была инвалидом труда. Парень был очень хороший и старательный, но Николай Максимович с ним успел всего лишь год поработать. Из всего сегодняшнего коллектива он был самый старший и мастеровитый. Так вот, даже на этой хорошей новости ничего еще не закончилось. Тетя Маша ушла в свой угол, но вернулась, и не одна, на руках у нее сидел тот самый кот из желтого «Москвича». Глазам не поверить: он был искупан, расчесан и смирно лежал на ее руках, прижимаясь к груди! Мальчишки еще до обеда приволокли его в той самой кирзово́й сумке. Нашли его на том же самом переднем сиденье Москвича, и он уже настолько ослаб, что и сопротивлялся очень вяло. Кот уже был и не такой страшный, как мне с первого раза показался. У него была обыкновенная усатая морда. Все пацаны лезли хотя бы пальцем потрогать кота дяди Коли. А когда тетя Маша оставила его сидеть на полу, а сама, вроде как, пошла к себе, он, задрвав хвост, тоже без промед-

ления ушел. Все пытались его как-то называть, но имени у него пока не было. А я в это время объяснял Стасу, что пока у них не будет официально утвержденного руководителя кружка, каким был Николай Максимович, любая проверка из ГорОНО, или еще откуда, запретит все эти занятия, а директор будет вынужден подчиниться. А руководителем, согласно правилам, должен быть взрослый наставник соответствующей квалификации, и такого человека еще надо найти, а задача Стаса – чтобы его приняли в коллективе, так как любой юношеский коллектив всегда капризен. Керосинчики на занятия не пришли, и я был, честно, этим озабочен. Пацаны на канаты мотали бинты, значит, прикупили на свои денежки. Тренировка сегодня прошла на подъеме. Все пропотели и нагрузились. В конце Стас еще и речь сказал о том, что завтра, в субботу, предлагает всем сходить в кино. С утра какая-то хрень про любовь, Стас был сам парнем дамирским и умел выразиться, а с 15 часов покажут фильм «Первая перчатка». Кто хочет, сдавайте по 25 копеек, и он купит на всех билеты. Тут наступила заминка по понятным причинам. Я вытащил из кармана зеленую трешку, передал Стасу и сказал, чтобы завтра в три часа мне вернули. Тут среди пацанов пронесся выдох облегчения. Договорились встретиться пораньше, прямо там, у кино.

Домой я шел с хорошим настроением, с мыслями, как сохранить этот кружок и не дать умереть тому хорошему, что есть в этих пацанах. У меня кое-что роилось в голове, и завтра

я собирался кое-куда сходить, да еще была трепетная мысль встретиться с Ириной. Я материально был готов и на кино, и на пирожные.

В субботу прямо с утра было тепло. Я хорошо позанимался, физику покачал, потом долго принимал горячий душ. Вернувшись из зала, маму я уже не застал. Вчера я положил ей на стол 80 рублей зарплаты, себе оставив только 6. Я сегодня точно знал, что мама пойдет в магазин и купит чего-нибудь вкусного. А на завтрак была свежесваренная картошка и половина банки консервов сайры. Завтрак я закончил чаем. На телевизоре, где было лишь два канала, притом второй еще совсем плохо показывал, опять шло про Чили, стадион Сантьяго и некрасиво снятого Пиночета. По местной радиоточке рассказывали об осенней сессии депутатов трудящихся района. Депутаты всю старались хвалить друг друга, а особенно партийную организацию.

В 12 часов я со своей неразлучной сумкой на спине двинул из дома. Марь совсем блестела от тонкой пелены снега. Насекомые не летали, и птицы не пели. «Нефтянка» готовила новую партию черной смерти, которая пучилась и иногда даже булькала этим самым горючим газом. Я вспомнил «керосинщиков» – сегодня надо будет обязательно узнать у паренька с Сезонки, который живет рядом, что с ними. Родители ли их не пускают, заболели или вообще и то, и другое? На высоком железном столбе, что держал на себе электрические провода, сидели штук восемь воронов и истошно ора-

ли. Эти-то останутся с нами в зиму и будут главными санитарями барачных помоек. На тех помойках других санитаров не бывает.

Сегодня суббота, один из базарных дней. Похоже, в торговых рядах уже рубят свиную тушу. На прилавках лежат несколько курей с картошкой, да стоит телега с каким-то грузом, видимо, тоже для продажи. К обеду тут соберется народ – кто купить, кто продать, а кто украсть. Бабушка, замотанная шалью, сидит перед мешком семечек. В мешке стакан, наполненный с горкой. Около нее, опять же, толпятся ханыги, а бабушка мужским, грубым голосом их материт.

Я иду в техникум к физруку, в полной уверенности, что в субботу с утра у него занятия, и он там. Он сам рассказывал про субботу, когда планировал нам с Сережей время для тренировок. Однажды он мне между делом сказал, что у них с Николаем Максимовичем был друг, очень способный тренер, который когда-то в техникуме вел секцию бокса. Потом ему это запретили. Вот об этом человеке я и думал, как о замене Николаю Максимовичу. Физрук точно был на месте, это я услышал еще по трелям свистка, даже не открыв двери спортзала. Студенты играли в волейбол, а физрук судил. Он встретил меня радушно, вскоре волейбол закончился, и мы пошли с ним в его конторку. Он воткнул в розетку чайник и сел, выжидаяще глядя на меня. Я как можно более последовательно постарался ему объяснить, что хотел. И отметил, что надо подать эту инициативу не от меня, а от него самого,

в связи с тем, что он дружил с покойным Николаем Максимовичем, и что дело его хотелось бы продолжить. Выслушав меня, физрук стал говорить о том человеке. Ему явно хотелось, чтобы я понял, о ком мы сейчас говорим. Сам он из Москвы, но они с женой уже почти 25 лет здесь работают. Она – выпускница Губкинского института, и по распределению была сюда отправлена, а он уехал с ней, бросив свою работу. А работал он на речном флоте на Москве-реке; где-то там на прогулке они и встретились. В Москве он и занимался боксом в юности. В нашем городе устроился на ТЭЦ, там и проработал до самой своей пенсии, на которую вышел рано, по горячей сетке. А супруга его и сейчас трудится в нашем техникуме, преподает сопромат. Они ждут, пока она выйдет на пенсию, и они уедут обратно в Москву, где живут их дети, которые, впрочем, тоже выросли здесь.

– Когда-то мы вместе с ним организовали тут секцию бокса, и директор был не против. Все было хорошо, но в каком-то исполкоме ваш шеф ДСО «Трудовик» поднял вопрос, что в государственном учебном заведении занимаются самодеятельностью, нарушая утвержденный министерством план по физподготовке студентов. Заниматься можно и в учебных заведениях, но только в рамках ДСО «Буревестник», которого в городе, конечно, не было. Город-то был совсем не студенческий, а рабочий. В общем, засунуло это чудовище свое рыло, и директор, извинившись, запретил нам заниматься. После этих решений товарищ мой крайне озлобился, и со

словами, что его желание заниматься пацанами с улицы никому не нужно, тогда, вроде как, навсегда с боксом и попрощался.

На этой невеселой ноте физрук и закончил. Но было видно, что ему все, что было раньше, нравилось. Он полез в шкаф и вывалил оттуда пять пар почти новых перчаток черного цвета и наливную грушу, и сказал, что это директор техникума приобрел после того, как мы сделали показательное выступление на техникумовской сцене. Физрук горестно сказал, что когда-то это надо запускать в работу. Хороший он был человек, этот физрук. Я просил его вместе со своим другом съездить к директору Дома пионеров, а я позабочусь о хорошей атмосфере, чтобы ребята тренера приняли в секцию с должным уважением. Он меня проводил до двери и напоследок заверил, что приложит все усилия для решения вопроса и подключит своего друга, того самого водителя: в свое время тот на общественных началах вел кружок авиамоделирования. «Буханка» стояла тут же, во дворе, и, по-моему, физкультурник сразу и пошел искать этого товарища. Я был очень рад, что сумел убедить этого человека. Мне вдруг показалось, что уже полдела сделано. Оставалось ждать. А у крыльца скапливались студенты на физвоспитание. Они смеялись и толкались, а я смотрел на них и видел себя студентом университета, главной заботой которого было слушать и запоминать, и я надеялся, что такое ко мне придет.

Я направился в рентген-кабинет, решив сделать хитрый ход, коли потерял Иринин телефон, попросить его у сестры. Но, увы, там было закрыто, суббота и воскресенье были дни короткие. Завтра у меня был шанс с утра, так я все и спланировал. К кинотеатру я явился рано, но наши уже почти все там толкались, прямо на скамейках у выхода. Сейчас действительно шел фильм, тот же самый, «А вы любили когда-нибудь?», а после него – наш. Стас мне выдал три рубля и билет в кино. Когда я сказал, что хотел бы получить 2 рубля 75 копеек, все начали смущаться и отворачиваться, но дарителя я все-таки нашел, и послал его купить на рубль леденцов и принести сдачи два рубля. Двое радостно побежали в магазин, и с кем, вы думаете, они оттуда вернулись? С нашей тетей Машей, которую всей кучей стали приглашать в кино. Она сопротивлялась недолго и согласилась с нами смотреть спортивную драму 1946-го года, в которой при всей ее спортивности было много и про любовь. Открылись двери, и начали выходить зрители с предыдущего сеанса. Лица у большинства после просмотра были озадаченные, видимо, печальным сюжетом, но были и веселые улыбки, а среди тех была и Ириночка. Она была нарядна и красива, и шла под руку с моим бывшим одноклассником-санитаром. Он был, конечно, не в брезентовой куртке, а в зеленом болоньевом пальто, длинном черном шарфе, намотанном на шее, в начищенных ботинках и, конечно, без головного убора. Волосы у него был набриолинены и зачесаны назад, как у итальян-

ского мафиози. Он достал сигарету, прикурил от зажигалки. Мне почему-то подумалось, что в армию он служить точно не пойдет. Перевозчики трупов, умеющие зарабатывать, не должны быть отделены от гражданской жизни, а с Иринкой у них, наверняка, много общего по профессии. Они двинулись к стеклянной кафешке на углу, а мы, с пакетиком леденцов, — на «Первую перчатку». А ту картинку, которую я видел, мне, наверное, не зря прислали. Не надо было мне здесь закидывать якоря, и меня, похоже, судьба держала, и это, наверное, справедливо.

Кино пацаны смотрели, как пацаны: ждали, когда кончится про любовь и начнется бокс. Но любви там было много, и, наверное, это тоже было справедливо. Назад вся компания вместе с тетей Машей ушла вперед, а мы сзади плелись со Стасом. Я ему рассказывал, что скоро уже, возможно, появится новый, хороший тренер, и его задача сделать так, чтобы тому было комфортно работать. На углу площади у здания самого престижного ресторана стояли три «Волги», две черные и одна белая. Замыкали их строй двое «Жигулей» и синенький «Москвич». Весь автопарк был начищен, намылен и переливался красками. Первая машина была украшена бантом, а впереди, на капоте, сидела кукла в свадебном наряде. Из открытой двери первой машины прямо завывала песня, стихи для которой написал русский, музыку армянин, а исполнял азербайджанец. Песня звучала «Ах, эта свадьба». На ступеньках стоял один мужской пол, а двое бегали

с фотоаппаратами и блистали вспышками. А фотографировать-то было кого. Первая «Волга» была надзорной власти, а две другие – верховной. А остальные, наверное, тоже каких-то секретарей. Я вдруг подумал, где же наши два директора будут сегодня пить коньяк? Их-то в такую тусовку точно не пригласят. Песня закрутилась по новому кругу, и мы под ее победный и жизнеутверждающий марш двинулись в сторону, где стояла вросшая в болото Сезонка.

У входа в зал нас встретил кот, морда у него была важная и торжественная, будто бы ему должны были присвоить какое-то звание. На фанерке рядом с ним лежали два огромных «секретаря» с хвостами сантиметров 20 и белыми животами, и шкура на них была цвета фашистских мундиров. Я ненавидел крыс, но больше ненавидел фашистов, и не столько даже фашистов, сколько все их: от высокомерия до каркающей речи, которая мне напоминала клочок стервятников. Для меня была мерзкой вся эта высшая раса. А на этих «секретарях» не было и намека на кровь или помятость, и усы их бодро торчали. Как он их порешил – было непонятно.

Для меня выходных не было, хотя утреннюю тренировку я начал на час позже. Когда я выходил из душевой, меня ждал сюрприз. Несмотря на воскресенье, в фойе толпилось много «нашенских». Шли какие-то разборки за вчерашние дела, но, конечно, меня никто не посвящал в их суть. Все же было понятно, что, как ни странно, разборки шли по вчерашней свадьбе в ресторане.

Женихом, оказалось, был наш «крестник», из-за которого летом «нашенские» покалечили шестерых пацанов, где я и сам присутствовал. Так вот, этот «крестник», которого теперь знали как ответственного работника Народного контроля, будучи сыном прокурора города, вчера сочетался законным браком. И поздравить его с этим таинством приехало много главных фигур, что были на игровой доске в этом городе. Вроде даже были король с королевой. Так вот, начальнику милиции, который тоже присутствовал, не дали выставить свой дежурный наряд, а функцию охраны по настоянию «крестника» передали лучшим друзьям из штаба добровольной народной дружины. «Нашенские» нагладили повязки и заступили на вахту. Но когда все расселись, начали звенеть бокалами и двигать кадыками, они быстренько свалили в ЦПХ. Там у них тоже должен был состояться свой субботний банкет, а на оставленном без охраны объекте произошло ЧП – жениху разбили всю морду и вроде как даже ребро сломали. И он скулил, говорят, очень пронзительно и жалобно. Король с королевой тут же удалились, а комсомольскому секретарю были обещаны оргвыводы по вопросу работы общественных организаций и наведения порядка в городе. Начальнику милиции прокурор тоже пообещал «сластей». В общем, свадьба свернулась, жених жалобно стонал и не мог дать никаких пояснений. Невеста, борясь со стрессом, выпила стакан коньяка и была в дупель. Все ждали представителей МВД, которые должны были с утра опросить побитого

жениха и здесь уже подумать, как дальше раскручивать это дело. Прокурор ясно сказал, что уголовного дела не будет, так как он не позволит своей фамилии в нем фигурировать, да и еще и в роли потерпевшей стороны. Но мероприятие надо было как-то проводить, чтобы оправдаться и отчитаться. Такой опыт уже давно был сформирован, и были шансы разобраться в этом деле. Но ни версий, ни планов пока не было, были только кругом виноватые.

Молодой супруг всю ночь проплакал на коленях у мамы, а папа догонялся коньяком и строил версии случившегося. Сначала он был уверен, что совершенное – дело тех, кто давно пытался поссорить его с местным партийным руководством, потом он долго жонглировал версией, что это месть сыну за то происшествие на танцах. Потом еще под коньяк мерещились какие-то сценарии и крепко его держали. Но к утру оторвавшийся от маминых коленей сынок, который теперь ответственный работник Народного контроля, стал более или менее нормально выражаться. Он, разбрызгивая слюни и слезы, причитал о том, что сам виноват, ибо не слушал родителей, которые учили его никому не доверять, так как все кругом завидуют, что он из хорошей семьи, и пытаются его использовать в своих целях. Так и в этом случае получилось, дальше больше, оказалось, его окрутила десятиклассница, принудила к сексу, а потом прикинулась беременной и стала принуждать его к совместному проживанию. Это ее брат избил. И сынок опять залился горькими слезами,

и мама тоже. Папа, когда понял, что это не заговор против него, и хорошо, что не поймали этого брата, и хорошо, что это приключение не было озвучено публично, немедленно позвонил начальнику милиции, который, судя по голосу, тоже всю ночь держался на коньяке. Папа ему сказал, что получил от сына исчерпывающие показания, картина совершенно ясная, это было нападение с целью ограбления, но сын героически сражался, и поэтому ограбление не свершилось. Все ценности на месте.

– Это явно уголовные элементы опять распоясались, поэтому жди предписания прокуратуры на усиление борьбы с ранее отбывшими наказание. И надо перенацелить на это городских дружинников и общественность.

Эту длинную речь в телефон он закончил распоряжением прекратить все оперативные действия. Вот чем приходилось заниматься ответственным работникам госаппарата даже в свой выходной.

Приехал доктор, осмотрел мальчика, ребро было не сломано, ему сделали успокаивающий укол, и он заснул, по-детски шлепая губками. Папа допил бутылку и тоже уснул на диване, а мама пошла на кухню жарить оладушки на обед.

Откуда-то позвонили в штаб народной дружины и всех распустили, кроме, конечно, тревожной группы. Я тоже пошел домой с расчетом, что сегодня вечером никого в зале не будет, и я поработаю на снарядах. Тут вдруг вспомнил, чем хотел заполнить сегодняшний день, и как-то не то что-

бы загрузил, но чуть защемило. А была бы сейчас весна, жизнь, наверное, вообще огорчительной показалась. Потом убрался у курочек, в щели между досками обнаружил одного несъеденного червяка. Он так вытянулся в щели, что курицы не могли его достать. Его и внизу, наверняка, тоже ждали, но он затаился, надеясь выжить. Но его нашел человек и по-человечески им распорядился, – я его выковырял щепочкой, покрутил перед курицами, а потом подкинул. Цирковые животные отдыхают. Его проглотил не большой и важный петух, а самая мелкая и засушенная курица. Она прыгнула выше всех и не промахнулась. Петух клюнул ее в спину пару раз, но червяк уже пропал в утробе. «Секретари» на мой скрежет лопатой о пол выглядывали наружу в надежде тоже присоседиться. В мое отсутствие они точно добирались до куриного корыта. Их даже не пугало, что оно было подчас засрано, так как в жизни клюнуть ближнего, обосрать нижнего и ждать, когда дальний приблизится, обсерет и возрадуется, было нормой секретарской жизни, и, наверное, это было справедливо.

Было понятно: если прокуратура направит в городское МВД предписания по усилению борьбы с уголовным элементом, что отвечало требованиям партийных решений самого высокого уровня, то «нашенских» мобилизуют и бросят в наступление на Сезонку. А в этом райском углу дружинники меньше всего любили бывать. Взять там было нечего, а огрести всегда можно было запросто. Поводом для визита

туда чаще всего был паспортный режим, и несколько лет назад уже пытались взять под контроль ситуацию в том районе. Трактором на железных санях притащили туда деревянную будку, изготовленную для использования где-то на буровой, но здесь на нее повесили вывеску, что это опорный пункт городской дружины, и график работы. Так на следующую ночь оторвали вывеску, а через неделю, опять же в ночь, облили бензином и сожгли этот «храм правопорядка». А сейчас еще очень была горяча тема убийства Феде Загидула, а там его очень даже уважали, и идти туда и что-то качать было не очень комфортно. Когда сожгли ту будку, секретарь с крысиной мордой, который когда-то с детей крестики срывал, в запале орал, что вызовем армию, окружим этот анклав колючей проволокой и сделаем из него концлагерь. Благо, это были задачи не его масштаба. Но ведь он мог и дорасти, так как уж точно не потеряется на карьерной лестнице. А на руинах свадьбы, когда ему первый публично высказал о плохом контроле на этом участке борьбы, как-то как бы тучка пробежала на его безоблачном небосводе. Теперь, конечно, ему надо было себя показать. «Нашенским» предстояло гладить повязки. Идти в Сезонку – это вам не «керосинщиков» поймать и повесить на них все, чего не было. Власть создала себе инструмент в виде народной дружины, которую они финансировали через спортивную структуру ДСО «Трудовик». И те верно им прислуживали.

У меня были свои задачи на понедельник, и я очень рас-

считывал, во-первых, с утра идти в контору, там должны выдать решение на передачу мне жилья и использования его мамой во время моего отсутствия. Во-вторых, я надеялся, что все получится у физрука, да и у Стаса хотелось, чтобы получилось.

Вечером сегодня зал был совершенно пуст. Тревожной группы тоже не было. Вахтер мне рассказала совершенно тайно, что они тут опять днем гремели банками и стаканами в буфете, намусорили, а потом ушли, наверное, к бабам. Я два часа прозанимался, долго бил по снарядам, еще ринг обкатывал. Тело работало и было отзывчивым на команды из головы. С душем тоже все получилось, хотя труба долго кряхтела и плевалась, пока не выдала горячую воду. Потом обсыхал, сплетничая с женщиной-вахтером. Она поила меня чаем с чудо-медом, которого наша земля, конечно, не родила. Дома я, не включая телевизор, пожелал спокойной ночи Борису Николаевичу, потрогал красные перчатки и вскоре уснул.

После утренней тренировки пошел в контору. Еще издали заметил, что у входа стоит черная «Волга», и даже издали разобрал, что это была машина того самого секретаря. Я никак не хотел встречаться с этим раздувшимся от важности грызуном, поэтому замедлил шаг. Но уже минутой позже секретарь выскочил из дверей, сел в машину и уехал. Похоже, его еще штормило после недавней свадьбы.

Какой была Лола Евгеньевна – это была просто картина

печали и ноты из похоронной музыки. Она сидела на своем рабочем месте с совершенно прямой спиной, в солнцезащитных очках, видимо чего-то маскировала. А маскировала она глаза, из которых текли совершенно черные слезы. Она еле сдерживалась, чтобы не сорваться в рыдания. Оказывается, секретарь вломился без «здравствуйте» и ушел без «до свидания». Убедившись, что шефа нет в кабинете, он обозвал ее «рылом проститутским», но почему рылом? Лола Евгеньевна жалобно хлопнула носом. Мне стало ее жалко, я положил свою руку сверху на ее ладонь и закатил длинный монолог из «Пышки» Ги де Мопассана. Это когда этой самой Пышке рассказывали, какое ее ждет кружевное будущее и земляничные поляны. Но как-то сам запутался и был вынужден свернуть эту тираду. Сладкая чаровница ненадолго убежала привести себя в порядок, а я подумал, что она-то ему это рыло еще долго будет помнить. Она вернулась, уже подретушированная, и сказав, что я одно тут приличное лицо, стала длинно рассказывать, что теперь мы будем жить в одном подъезде, и если мне будет скучно вечерами, то ее несколько не смутит, если я навещу ее. Эту даму не пугало, что она старше меня лет на 17 и в мамы годится. Но все же главного мне удалось добиться: что все бумаги на служебную квартиру готовы, что она их сегодня же отнесет в исполком на подпись и завтра же уже заберет. Билеты на меня уже заказаны, и послезавтра я могу все забрать. Расчувствовавшись, она мне дала совет, который наверняка ее бы руководство не одоб-

рило. Совет пойти вместе с мамой к нотариусу и получить там доверенность, что на время моего отсутствия по причине службы в армии полностью управлять/распоряжаться этими квадратными метрами и имуществом, находящимся там, будет моя мама. Мы с ней тепло, за ручку, попрощались, и я пошел искать нотариальную контору.

Это было недалеко, там я узнал, что существует такая доверенность, и ее мне могут дать и без маминого присутствия. Нужны только мой и ее паспорта, служебный ордер, и обойдется мне это в 2 рубля 20 копеек. Послезавтра получу ордер и оформлю эту доверенность. А на сегодня у меня были еще свои, очень личные и очень тайные намерения. У меня в последнее время были вопросы, ответы на которые я не мог вспомнить из всех прочитанных книг. Мне нужен был живой голос, и я был намерен сегодня его найти. Конечно, не было уверенности, что со мной обсудят то, что меня беспокоит, но я надеялся, что меня оттуда не выгонят и не заставят записываться на прием. Все, что я узнал к своим 18-ти годам, – что сейчас нахожусь где-то в начале пути. Если с самого начала было Слово, то мне очень хотелось узнать, от кого оно и о чем.

На улице снег совсем растаял, и я шел по лужам в Сезонку. Бараки с пригорка черными лентами спускались к мари. Они стояли так плотно, что казались все под одной крышей. И, наверное, потому казались нескончаемыми. И вдруг на узкой тропинке внизу я увидел бабушку в черном одеянии и

повязанном черном платочке. Ей, видно, было ведомо, что я иду к бабушке. Обернувшись, увидел, что она меня опять крестит и при этом улыбается. И вдруг от улыбки стала не бабушкой, а молодой женщиной. Но я знал, что, если обернусь еще раз, она вновь исчезнет. Так и получилось. Я подошел к барачной двери, на которой из деревянных брусков был сколочен восьмиконечный крест. Чуть потоптавшись, постучал. Дверь открыл мужчина, годов чуть больше 30-ти, бородатый. На открытом его лице царствовали полные жизни глаза. Видя, что я замешкался, он сказал:

– Если ты мой брат во Христе, то называй меня братом Георгием. Если по нужде пришел или еще как-то, просим милостиво. Я разулся на крыльце и прошел в маленькую, даже по барачным меркам, комнатку. Там только что и могла уместиться узенькая кровать да столик с двумя стульями. Брат Георгий попросил меня присесть, а потом, достав откуда-то вроде как маленький половичок, подстелил мне его под ноги, сказал:

– Холодным дыханием тянет тут от земли сырой.

И добавил, что для него не было ни благословения глаголить словами богослова и цитировать Апостолов Христовых, ни глаголить словами праведников или святителей. В таинствах он немощен, как и в утешении. Но всегда рад говорить с теми, кто ищет спасения. Все это он сказал просто, без ораторских изысков и без стремления вразумлять меня, человека, который в юности читал только журнал «Наука и

религия» и статьи по научному атеизму. Все слова, которые он мне сегодня говорил, входили в меня ясно и по существу. Он также добавил, что Бог есть помощь для всех на свете живущих людей. Но вера... тут человек бессилён, она или дается ему, или нет. И вере не научишься, будучи даже самым прилежным учеником. Так же, как жизнь, она дается всем, а старость – только избранным. Я начал спрашивать о том, что меня волнует, а меня волновало, имею ли я моральное право перезахоронить дорогого мне человека, по несчастью и стечению обстоятельств похороненного без внимания и уважения, которых он, безусловно, заслуживал. И вот на такой вопрос я получил ответ, что все происходит по воле Божьей, и с его позволения. И если человек умер в покаянии и смирении, то будет принят на небесах.

– Вы просто должны понимать, что перезахоронить его хотите не для него, а для себя в первую очередь, думая о каком-то искуплении своего собственного греха и немощи. Вы не воздали вовремя, а сейчас пытаетесь сотворить покаяние. Я бы на вашем месте не стал этого делать. Ищите свою дорогу к Храму, а там и найдете подсказку от Господа. Она придет обязательно. И «Блаженны будут милостивые, ибо они помилованы будут».

У меня были еще вопросы, но это, мне показалось, уже будет лишним. Он проводил меня и на крыльце перекрестил, обнял и пожелал света божественного в самой черной ночи. Я тут вдруг вспомнил, как «нашенский» молотобоец пришел

вразумлять этого человека. Как его инструктировали перед этим, «покажешь в животик, а с правой в голову накинешь». От этого воспоминания меня зазнобило, и в ушах загудело, но теперь я точно знал, что в начале было Слово, и Слово было Бог, и Слово было от Бога.

Я шел по Чеховке, и мне вдруг показалось, что все вокруг меня чище. Я как омылся из родника. И это, наверное, справедливо.

На торцевой стене Дома пионеров, той, что со звездой в круге и которая смотрит прямо на улицу Ленина, видимо, в осуществлении плановой работы идеологического отдела, вывесили лозунг, который был ровно по длине стены – похоже, прицеливались. Он был убедительно-поощрительный, с красными буквами на белом фоне «Верной дорогой идете, товарищи!». А над лозунгом были огромные римские цифры XXIV и портрет Ильича в кепке, приветливо машущего нам рукой. Я пришел сюда, видимо, чуть с опозданием. Все уже были переодетые и толпились гурьбой у скамейки. Я-то думал, что они все еще обсуждают просмотренный фильм, но нет, все слушали речь младшего из «керосинщиков». Вот что он рассказал. Он в ту ночь проспал под тремя одеялами и был нормальный, а вот друг его сильно простыл, но сегодня ему уже легче, правда пока даже на улицу не выходит, хотя намеревался сюда прийти, но правильно, что не решился.

– Я пошел ловить ту самую собаку. И я ее нашел на мари, совсем окоченевшую, дотащил до дома и поселил под своим

крыльцом барака. Наносил туда сухой осоки и рваных тряпок. Ветер туда не проникает, а люди были не против. Чем могут, тем и подкармливают, а зовут его теперь Дружок.

Тут мы все решили, что и кота назовем Дружок, и это было, наверное, справедливо. Но эти новости были еще не все на сегодня. Мне конфиденциально тетя Маша доложила, что встреча за коньяком в субботу состоялась, и в среду, в 12 часов, мальчишки могут поехать во Дворец спорта, что-нибудь там для них отыщется. Но чтобы не ехать впустую, нужно письмо от Дома пионеров, и его тетя Маша пообещала добыть прямо завтра. Письмо должно быть за подписью нашего директора. Стас сказал, что в среду на работе возьмет отгул и будет этим делом заниматься. Где-то уже через полчаса после начала тренировки спустился на выход директор. Дорога к выходу шла через наш коридор. Он как-то приостановился и даже вроде заинтересованно посмотрел в сторону занимающихся. А я ждал со дня на день, как получится у физрука. Удастся ли нам сохранить творение рук Николая Максимовича. Правильно мне сегодня дали понять, что часто что-либо сотворяемое во имя усопших мы делаем в оправдание себя. А вот сохранение его порождения – это и есть путь прославления Его среди живущих, и это совсем не милосердие. Это продолжение его в земной жизни. Вот с такими мыслями я и шел сегодня домой. Было уже темно, и уже с середины мари я увидел, что горит наше окошко. Это точно мама к моему приходу оладушки жарит, выхаживая по дому в клет-

чатых тапочках.

Я сегодня, когда из Сезонки уходил, все время оглядывался в поисках той самой бабушки. Шел и понимал, что я сегодня был там, где должен быть давно, потому что меня тянуло туда, как к тому дешевенькому колечку в магазине, на котором был изображен Георгий с копьем. Тогда я, замерзший и всегда полуголодный, нашел для себя чудо. Сегодня я услышал голос своего детского чуда, которое охраняет тех, кто ищет спасения.

По тапочкам я ошибся, они стояли у порога, а мама, похоже, в дежурных калошах шуровала лопатой в курятнике. А оладушки горкой стояли на столе. Пришла мама, и мы уселись за чай. Меня очень подмывало сказать ей про квартиру, куда я мечтаю отселить ее, пока буду служить в армии. Но я сдержал себя до той поры, пока не получу все бумаги. Сказал, что через девять дней улетаю опять в командировку, и сейчас, видимо, буду подольше. Она опять поняла это как проявление ко мне доверия на работе, и что мне обязательно надо в дорогу напечь пирожков. У Лагутина лицо этим вечером было какое-то ожидающее. Он, видимо, ждал от меня побед, к которым я был совсем не готов. Победители живут по своим внутренним правилам, а это означает, что неудачники – по своим. А больше всего – середняков, у которых жизнь тоже по своим правилам, и это, наверно, справедливо.

Утро было очень теплое, и я было решил пробежаться по

знакомому с детства маршруту. Но из страха промочить ноги и заболеть не вовремя, я пошел в зал, а там уже с 8-ми утра было движение. Большая группа «нашенских» сидела в фойе, одетая по-полному, в ожидании каких-то распоряжений: явно или «несунов» идут ловить, или в частый сектор сантиметрами вымерять те квадратные метры, которые разрешалось иметь гражданам. А может быть, даже искать средства производства, которые прячут по тумбочкам. Как бы то ни было, но все будет проходить согласно утвержденному плану бюро Горкома, тому плану, который приводит в соответствие чего-нибудь чему-нибудь. Дружинников вышкуривали за прорехи в охране спокойного отдыха руководства на той самой свадьбе. А по существу-то все оказалось по-другому. Актив собрали, чтобы отвести на учебу. Дело в том, что пока при столкновении с правонарушением они имели право задержать человека и доставить его в отделение милиции для разбирательства. А теперь им готовят право самим составлять протоколы о нарушении правопорядка и проверять документы. В новом законодательстве была предусмотрена административная ответственность за неповиновение дружинникам, и «нашенских» собирались учить, как распоряжаться своими властными полномочиями на улице. А «нашенских» учить – только портить. Уж они-то своими полномочиями найдут как распорядиться. А я в зале четко отработал свои полномочия, да еще 15 минут лишка прихватил.

Когда вышел в фойе, блестели нашвабранные полы после

толчеи «нашенских». Из кабинета директора раздавался бас говорящего в телефон – это был он сам. На этой должности он пребывал с самого дня сдачи в строй этого объекта, что произошло ровно к 50-летию Октябрьской революции. Его здесь появление было явно непростым. Это был человек с высшим педагогическим образованием, и лет 15 до этого он был директором большой городской средней школы, которая имела хорошую репутацию. Характера он был покладистого, с людьми не груб, всегда жил и работал в рамках существующих правил и распоряжений. Но где-то семь, а может восемь лет назад у него что-то случилось в личной жизни, он развелся с женой и стал увлекаться спиртным. С работой в школе стали выходить осечки. Болтали, что вроде причиной того была молодая учительница, но никто толком ничего не знал. Все дошло до того, что его уже собирались исключить из партии и убрать из школы, но такой исход по нему оказался невозможным. Дед его в свое время был активным участником революционного движения и становления советской власти в этих местах, и вроде как был каторжанином ненавистного царского режима. О нем даже были упоминания в письменных хрониках тех самых революционных бурь. И решение по нему было не принято, но и в школе ему уже алкоголь не давал полноценно работать. Партия приняла правильное, идеологически выверенное решение – в юбилей революции перевести его на новую должность, а то, что здесь он бухал день через день, никому не было по-

мехой. Его тут вообще редко видели. А «нашенских» и всей этой бравой дружины он все время сторонился, говоря, что с ними он только территориально рядом, и старался жить, никому не мешая и нигде не проявляясь.

Когда я выбрался из душа, он сидел рядом с вахтершей на диванчике, а по тому, что он подошел ко мне и подал руку, я понял, что он ждет меня. Он пригласил меня в свой очень казенный кабинет, без доски почета, без графиков выполнения планов и перечня социалистических обязательств. В общем, кабинет идеологически голый, даже без портрета вождя на стене, и окна были без штор. Стараясь не басить, он вот что мне поведал. К нему недавно обратились общественники–спортсмены, помочь им с оборудованием для тренировок. Они, общественники, никем же не финансируются и потому ничего не имеют.

– Я согласился им помочь. Не мог бы ты рассказать, что им будет полезно, и нам не в ущерб?

Я, конечно, сразу согласился, и мы пошли в закрома. А они были полны, там было шага не ступить. На складе кучей были навалены теннисные столы, какие-то байдарки, канаты, мячи, барьеры для бегунов и прочее. Все было обильно раскрашено пауками, но сырости не было – склад отапливался. Директор показал мне на два здоровенных мешка в углу и попросил один вытащить. Мешок был зашит веревками и, видимо, ни разу не вскрывался. В мешке оказалось 10 пар новеньких боксерских перчаток отличного качества.

Это был клад. Директор присел на кучу этих спортивных изделий и рассказал, что эти два мешка Дворцу на открытие подарили нефтяники, но какой-то на них не было бумажки, и он их не оприходовал. Так они и провалялись до сих пор. Он был согласен отдать один мешок, а второй оставлял на всякий случай. Я видел, что у стены стоят еще два великолепных боксерских мешка из буйволиной кожи, а это не наша кирза. Я видел однажды такой мешок, в него надо было кольца стальные вставить и цепи подобрать. Директор, конечно, не понимал их ценности и сказал, что их можно отдать, а то тут только место занимают. Вообще надо сказать, что директор был натурой непростой, он не так давно еще участвовал в одном скандале, и опять его не решились лишить партбилета. На первомайской демонстрации он, как хранитель революционных традиций, стоял на трибуне вместе с секретарями. Когда пошла колонна «нашенских», подтянутые и с наглаженными повязками, кто-то из секретарей сказал ему восхищенно:

– Хорошо ваши идут.

А тот ему, будучи уже пьяным, ответил:

– Хорошо, если бы вы им еще рубашки коричневые пошили.

И тот секретарь так струхнул, что вынес это на обсуждение, чтобы вдруг никто не подумал, что он не отреагировал на это. Но на обсуждении решили, что директор совсем не это имел в виду, и от него вновь отстали.

День сегодня начинался очень удачно. Если завтра Стас это заберет, то вечером у них будет праздник. И опять оказалось, что все хорошее еще не кончилось. В дверях он меня окликнул; в руках директор держал лапы, и со словами:

– Они у меня в шкафу валяются уже пять лет, может тоже пригодятся?

Я кивнул, это прямо утро чудес. Я вышел на улицу; было так тепло, что казалось, что одуванчики распустятся. Теперь уже дырка под крыльцом была надежно заколочена. А под бугром на помойке сидели вороны в ожидании жертвы. Они видели одновременно и вход в здание, и марь, и «Нефтянку», которая тянула на себе мазут, убивающий все живое вокруг. Через марь была видна и Чеховка, и Сезонка. Стервятники были уверены, что они все равно где-то найдут себе жертву, может, уже мертвую, а может еще нет. А их время отъедаться наступает по весне, когда вытаивают «подснежники». Тех, вытаявших, в общем-то и обнаруживают по сборищу и истошным крикам воронов. Потом мой бывший одноклассник едет туда и собирает павших, раскладывает их по неструганым гробам, где по двое, а где по трое, и заносит номера в дежурный журнал. Никто не искал в тех трупах ни убитых ножами, ни задушенных веревками, ни отравленных. Это просто был сезонный сбор занесенных буранами. А стервятникам было все равно, как они туда попали – или их бураном занесло или люди их в снег закопали. Стервятники пировали, им в это время было хлопотно, они выводили

ли потомство, и, наверное, это было справедливо тоже. Ну и, конечно, подумав про своего одноклассника из морга, я тут же вспомнил Ирину. Видимо, это хорошо, что я потерял ее номер, мне кажется, я бы не удержался и позвонил. Упрямая эта сила, и дна у нее нет.

Где-то в облаках гудел «железный слоник». Он привез нам свежие центральные газеты и письма для частных лиц и организаций. А в десяти метрах от меня два пацана лет десяти пытались надеть слетевшую цепь на звездочку велосипеда «Подросток». С бугра в нашу сторону двигался какой-то транспорт. Жизнь текла, как ей и положено, без остановок и пауз. Возможно, уже пришло время убивать и миловать, но время врачевать еще явно не наступило.

Вечером сегодня я ждал событий, и они случились. Пришел второй «керосинщик», он был осунувшийся, бледный, но полный радостных эмоций. Он всех прямо позабавил рассказами про Дружка, который, оказывается, стал санитаром в бараке, под которым его устроили. А было так: когда ночью мужики выходили по-маленькому и пытались поссать прямо у крыльца, Дружок начинал лаять и гнать их к сортиру. Дружка не обижали, прикармливали кто чем мог. Когда «керосинщики» услышали, что Стас едет в их бывший приют за инвентарем, то прямо жалобно напросились в помощники. Я разрешил, опять же, – в обмен на хорошие оценки в школе. Тетя Маша, будучи уверенной, что без бумажки им ничего не дадут, принесла такое письмо за подписью директора

Дома пионеров. Туда осталось только записать, что им отпущено. То есть вписать, что будет от щедрот даровано. Мне этот ассортимент был уже известен, я не стал это озвучивать, сам себя боясь сглазить. Но все же сказал Стасу, чтобы он мешки сразу отвез на завод доработать, а остальное вез сюда. Рассказал ему и про новый ринг, который разобранный валялся на том же складе, и надо будет придумывать целую схему, как выхарить этот ринг. И подсказал, что надо будет это спланировать ко Дню пионерии, но так как меня в этот момент с ними не будет по понятной причине, сами пусть решат, как это лучше сделать.

Пришла тетя Маша и сказала, что сейчас у директора сидит три человека, одного из них она точно знала, он здесь раньше руководил каким-то кружком. Для меня это было волнительно, и в таком состоянии я принялся проводить тренировку в надежде, что спустится директор и официально нам представит нового руководителя секции бокса. Но такого не случилось. Четыре человека на самом деле спустились, пересекли наш коридор и исчезли, а я узнал в одном из них физрука. Но как бы там ни было, вопрос двигался, и я рассчитывал разрешить его до своего отъезда. Тетя Маша, чтобы меня успокоить, сказала:

– Чтобы его оформили тренером-общественником, от него тоже нужны бумаги, а на это тоже нужно время. А времени у меня до отъезда оставалось совсем немного. В этот раз мы опять хорошо потренировались, были мокрые и с

хорошим настроением. Только бледному «керосинщику» не разрешили бегать, и он сидел, хоть и бледный, но очень заинтересованный. А когда Стас сказал, что завтра надо помочь избавиться от накопленного хлама и подготовиться к размещению нового инвентаря, «керосинщики» опять первыми предложили свои хилые возможности. На улице было тепло, но уже темно, хотя лозунг на торцовой стене, извещавший о том, что мы идем верной дорогой, еще читался. Дорога домой была легкой и недолгой, а на мари мне даже показалось, что кто-то посвистывает.

Верно, из-за теплой и безветренной погоды сегодня прилично показывал наш телевизор Горизонт. Я с хорошим чувством посмотрел мелодраму 1960-го года «Прощайте, голуби». Это было хорошее и доброе кино. А лучшим там был Вовка, которого играл начинающий Савелий Крамаров. Фильм о людях и голубях – символе мира, чистоты, любви, безмятежности и надежды. Образа искупления. А у нас вот нет голубей, значит, нет и ничего из перечисленного. В этих мыслях я так и уснул в этот вечер.

Утром я все же побежал по улице, по своему старому маршруту, уж больно было с утра тепло и безветренно. Дыхалка работала без замечаний, и общая физика также не хромала. Прибежав в зал, я в тамбуре разулся и уже в носках прошел до зала. Бабушки-вахтеры очень меня за это уважали. Хорошо, с желанием, поработал на снарядах. Я явно чувствовал нехватку спарринг-партнеров, но их негде бы-

ло взять. Когда я возвращался из душа, бабушка доказала свое хорошее отношение, заварив чаю. И еще на дне баночки оставался мед, и я выскреб его с аппетитом. Такого продукта в наших Палестинах не водилось, как и тех самых голубей. А «нашенские» вахтерам заявляли, что если будут разуваться в тамбуре, тогда какого хрена вам, старухам, зарплату платить? А я своим разуванием вызывал восторг бабушек и, конечно, ненависть «нашенских».

Дома я в добавку к меду с чаем разогрел вчерашних макарон – блюдо, которое всегда мне было по вкусу. Взяв свой и мамин паспорт и три рубля, я отправился в контору. Лола Евгеньевна была в своем обычном мармеладном образе – свежая и улыбчивая. Она мне вручила обрезок бумажки, который был ордером, и не забыла повторить, что мы теперь соседи и должны общаться по-соседски. Тема ее не оставляла, но про нотариуса она больше и не заикнулась, явно понимая, что раньше погорячилась. Ведь схема какая была – я буду в армии, а они смогут пользоваться этими квадратными метрами по своему разумению. Но с нотариальной доверенностью это становилось в разы сложнее и, получается, Лола Евгеньевна выдала этот вредный для конторы ход. Конечно, это было на эмоциях, ведь «рыло проститутское» – это вам не просто «проститутка», это рыло. Лола Евгеньевна выдала мне авиабилет, обратный мне вручат в области, отсчитала аванс 40 рублей, командировочных 26 рублей и багажную квитанцию, согласно которой я вез 100 килограмм авиагру-

за. Но, по всей видимости, мне этот груз и увидеть не придется, я был просто включен в схему. Я сказал Лоле Евгеньевне пару художественных комплиментов откуда-то из французской литературы XIX века, от чего она пришла в неистовство, а я быстро ушел. У нотариуса пришлось посидеть, пока печатали доверенность. Все сделали, я рассчитался, расписался в журнале и пошел дальше.

А дальше было ЖЭУ. Это та организация, которая всегда отличалась своей таинственной структурой и недостижимостью. Пункт своего нового проживания я нашел быстро, это была совсем типичная серая хрущевка в строчке точно таких же. К счастью, и достопочтимое ЖЭУ было здесь тоже, на первом этаже. Там меня, конечно, не ждали, как не ждут никого, но и сильно не удивились моему появлению. Процедура заполнения каких-то карточек прошла быстро, и, к моему удивлению, в них все записи делались карандашом, чтобы потом исправлять и заполнять было легче. Только вот моя доверенность с круглой фиолетовой печатью стала для них загадочным раритетом, и поэтому они не знали, куда ее пристроить. Но в итоге все было пристроено туда, где, видимо, и должно быть. Я получил два ключа, отказался от сопровождающей и отправился смотреть свои новые хоромы. Конечно, очень условно свои. Но для вечно обитающего в барачных трущобах, такой угол был ничем иным, как хоромами.

Подъезд был заплеван и загажен где-то по средней шкале. Двери на втором этаже были филенчатые, деревянные, и

даже по виду крепкие. Замок на два оборота легко открываясь после первого, и я зашел. Пространство было очень ужатым. Казенная мебель, что там стояла, выглядела поистине казенной: разложенный диван, прикрытый серым одеялом, тумбочка и даже телевизор, маленький, с рогатой антенной. Телевизор работал, в туалете была вода, и даже горячая. Кухонная плита работала, и даже были тарелки со сковородкой. Окна были грязные, но, в общем-то, квартирка, хоть и маленькая, но не выглядела запущенной. Если в квартирке такой же квадратуры могла проживать и творить свой адюльтер Лола Евгеньевна, то уж мама всегда сможет здесь переночевать, когда бураны накроют эту местность. А еще я видел у тумбочки телефонную розетку, и меня это очень заинтересовало. Я вернулся в ЖЭУ с этим вопросом, мне там расшифровали, что прежний жилец пользовался этим телефоном через блокиратор, но он имел договоренность с абонентом. Мне тоже захотелось иметь такую договоренность, и меня отправили по адресу владельца того таинства – телефона. Это было через стенку, в двухкомнатном жилище. Дверь открыл щуплый мужчина в солдатской майке. Тот все сразу понял и рассказал, что он – водитель трубовоза и постоянно в командировках, и телефон ему этот фактически не нужен, и если мы будем готовы из его почтового ящика брать квитанции и оплачивать его абонентскую плату, то пожалуйста, подключайтесь. А абонентская плата в месяц была 2 рубля 50 копеек. Я согласился и пошел покупать телефон-

ный аппарат, благо аванс был в кармане. Его пришлось искать недолго. Телефон был, правда, не фасонный, но вилка точно подходила. Я его воткнул в розетку, и тут же раздались гудки. Набрал, конечно, Лолу Евгеньевну. В телефоне ее голос был просто охмурительный, но я молчал, и через минуту она меня назвала таинственным незнакомцем и сумрачным графом. Видимо, еще работал мой сегодняшний комплимент из французской литературы 19-го века. Я, так и не обозначившись, положил трубку. Не удержавшись, позвонил еще во Дворец спорта. Бабушка-вахтер мне без объяснений объявила, что директора нет, и когда будет неизвестно. Мне этого хватило, хотя я звонил спросить, не забрали ли ребята то, что директор им передал. Но не решился из страха спугнуть удачу. Телефон был протестирован, и я пошел дальше, с ключами от квартиры в кармане. Хорошо было думать, что шеф не ждал от меня победы на соревнованиях, ему важно было выполнить распоряжение руководства и отправить меня в любой спортивной форме, даже, может, и без нее вовсе.

Пошел к физруку; его на месте не оказалось, но на двери висело расписание, и я, решив подождать 15 минут, зашел в техникум. Там во всех аудиториях шли занятия. В одной дверь была приоткрыта, и я заглянул в маленькую щель. Ребята и девчата сидели сосредоточенные и что-то писали, изредка поглядывая на доску. Мне, человеку, ни капли в технике не сведущему, но умеющему рассуждать, по записям на доске было понятно, что они решают задачи по сопромату.

А преподаватель – стройная женщина в очках, лет 50, наверное, и была та, о которой мне говорил физрук. Неожиданно кто-то потрогал меня за плечи. Я повернулся, рядом стоял искомый физрук. Он, оказывается, ходил в столовую, то ли позавтракать, то ли пообедать. Я показал пальцем на аудиторию и вопросительно на него посмотрел. Он утвердительно кивнул, и стало понятно, что это и есть жена того человека, мысли о котором не покидали меня последние дни. У физрука в руке была тарелка, закрытая другой тарелкой. Там явно была какая-то еда. У себя он воткнул вилку чайника в розетку и поднял верхнюю тарелку. Там лежали четыре фаршированных блина, очень даже аппетитной наружности. Я не задавал вопросов, ожидая, что он сам начнет говорить. И он начал. Человек на его предложение подхватить секцию бокса Николая Максимовича отреагировал неоднозначно и поинтересовался, чья эта инициатива.

– Но я ему ответил правду, что это от Колиных воспитанников. Имея уже историю работы на общественных началах и зная свое бесправие в такой работе, понимая, что его сегодня пригласили, а завтра выгонят, он хотел каких-то гарантий. Он хотел работать с молодежью и не скрывал этого, но все мы из своего жизненного опыта понимали, что бесправие может здесь быть обеспечено любому. Бесправие было частью нашего бытия, но, к счастью, не определяющим. Тогда я притянул к разговору своего товарища – техникумовского водителя, который когда-то работал в Доме пионеров

и хорошо знал директора, и мы, собравшись втроем, поехали в Дом пионеров.

В тот день я их и видел выходящими на улицу вместе с директором.

– Неизвестно, какие у директора были отношения с тетей Машей, но она явно накачала его перед нашим приходом. Директор нас встретил очень любезно и официально предложил поработать на общественных началах с детьми и молодежью в доверенном ему властями города учреждении. Это уже было нечто, и бывший капитан, который плавал когда-то на кораблике по Москве-реке, согласился встать на мостик ушедшего от нас колымского страдальца. Но чтобы начать работать, нужны были кое-какие справки, и решили, что тот их получит до пятницы. Как только будут справки, директор издаст приказ, и в пятницу же представит его секции. И он сразу же может начать работать с пацанами по уже согласованному графику тренировок.

Чайник вскипел, и физрук предложил прикончить блины, что и было быстро сделано. Мне не хотелось его благодарить, и, кажется, он сам того не хотел. Уходя, я еще добавил, что, когда его будут представлять, меня не будет, как меня не будет и на первой тренировке. А 27-го мне уже улетать. Мне не хотелось, чтобы этот человек чувствовал за меня хоть какую-то ответственность. У тренеров такое бывает. Физрук чуть подумал и согласился. Мне казалось, что так справедливо. Как бы там ни складывалось в будущем, но то, чем жил

мой тренер Николай Максимович, всегда оставалось для меня главным. Физрук проводил меня до дверей, попросил еще до отъезда зайти. Я пообещал, а он сказал, что на представление хочет тоже с ним пойти и подарить секции те перчатки, что ждут своего часа в его шкафу. Вот у меня и появились ясные ответы. Мне казалось, что я за эти последние дни даже как-то повзрослел, что ли. Такое, наверное, бывает, когда сам перед собой ставишь задачи, а потом сам добиваешься их исполнения.

А в коридоре Дома пионеров – куча мусора. В конце, в маленьком зальчике, – шум и голоса, а атаманом у них тетя Маша, что с большой шваброй полы намывает, а кот Дружок пытается прокатиться на мокрой тряпке. В коридоре у стены лежат горкой серые мешки, значит Стас вернулся, в мешках – перчатки.

Освобожденный от отживших свое вещей, которые из бедности еще пытался как-то использовать Николай Максимович, зальчик стал просторнее и светлее. Мальчишки толпой держали сломанную стремянку, с которой Стас реанимировал крюки в потолке для мешков. Светлее стало от того, что окна отмыли, да и лампочки какие поменяли, какие протерли, а тетя Маша углы выдраила. Я смотрел на нее в тот момент, когда платок вдруг спал с ее головы и по плечам рассыпались красивейшие каштановые волосы. Она по возрасту явно была не старше Лолы Евгеньевны, только это были совершенно разные женщины. Вот тетя Маша здесь заме-

щала все специальности, на которые власти выделяли копеечное содержание. Она была и комендантом, и секретарем, и уборщицей. Она была из тех женщин, которых называют матерью жизни, а не женщиной-праздником, но они тоже, наверное, нужны, чтобы можно было выбор сделать.

Со стремянки сняли Стаса, и он рассказал, как прошла его поездка. Директора на месте не было, но вахтерша была в курсе всех событий и с ключом от склада. Она все, что мы взяли, тщательно записала на бумажку, которую подготовила тетя Маша, и он в ней расписался в получении. Стас был перевозбужденный тем, какой он увидел ринг, валяющийся на складе, да он еще был и с покрытием, которое даже не распаковывали. Я еще раз его убедил, что это следующий шаг наших действий. Также Стас рассказал, что отвез мешки на завод, где работает. Сегодня-завтра ребята сварят кольца в крепления и подберут цепи. Я ему, в свою очередь, сказал, что вопрос с тренером почти решен, их секция будет иметь официальный статус, а он, Стас, теперь официальный староста этой секции. Он не стал возражать. 22-го, в пятницу, директор представит нового тренера, а с понедельника, 25-го, начнутся тренировки под его руководством. Ему я тоже сказал, что меня ни на представлении, ни на тренировке не будет. Потом я берусь объяснить, по какой причине, так что за все он, Стас, в ответе. Стас, опять же, в ответ сказал, что к субботе-воскресенью доведет зал до полной готовности, и я ему верил. Мусор таскали на улицу. Видно было, что боль-

ше всех на себя пытался нагрузить самый маленький, он же «керосинщик». Тут меня тетя Маша и спросила, а знаю ли я, из какой этот малыш семьи. Я, конечно, не знал. Так вот, он, оказывается, родной брат того самого, что, как писали в местной газете, «хищника», который напал на базаре на хорошего человека, дружинника и активиста, и зарезал его. Я, конечно, понял, про кого речь. Так вот, его в школе затравили, что у него не только отца нет, а еще и брат-убийца. Там, похоже, и учителя старались, исходя из того, что почерпнули информацию о произошедшем в местной брехаловке. Я подзвал к себе пацана и спросил, как его имя. Имя его звучало как Булат, что в переводе с арабского означает «крепкий, как сталь». Так вот, я сказал Булату, что если его будут обижать, то мы придем и уши намнем обидчикам. Его глаза засияли, как черные алмазы. Он кивнул, как-то замычал, и кинулся тащить мешок с мусором что было силы в его тщедушном тельце. Но моя помощь была предложена ему взамен на обещание хорошо учиться по всем предметам. О том, что я не буду на знакомстве и на первой тренировке, я, конечно же, сказал и тете Маше. Она не стала ковыряться в душе, а взяла бумажку и написала на листике свой телефон, и предложила позвонить вечером в пятницу, обещав все рассказать. И попросила хотя бы по телефону не называть ее тетей Машей, зовут ее Мария Федоровна вообще-то. Я смущенно закивал. Лично для себя я решил больше до отъезда сюда не приходиться. Мне последние тренировки до отъезда, хочешь-не-хо-

чешь, надо было отстоять в спарринге. Выбора у меня не было. Придется драконить старичков. Это бы ничего, вот только был большой риск получить травму, что было бы приговором. Те будут бить без всяких скидок на возраст и вес, но мне нужен был режим боя, чтобы вернулось понимание его времяпротекания. Так учил меня Николай Максимович.

По дороге домой в магазине, что на базаре, я купил свежего хлеба, два плавленых сырка «Дружба» и банку кабачковой икры. Мама была дома, и мы хорошо покушали все это с вареной картошкой. Я передумал пока ей что-либо говорить про маленькую квартирку для зимовки. Опять отсрочил, решил все это сказать перед уходом в армию. Не хотелось ее сильно волновать. Я отдал ей аванс, посчитав, что мне хватит и командировочных. Мама была мной очень горда.

Сегодня Борис Николаевич, похоже, мне улыбнулся. Видимо, чувствовал, что я на вечер затеял. А еще меня очень подмывало взять красные перчатки, ни разу не опробованные. Но разум победил, и я взял с собой все старое, в том числе и кеды с красными резиновыми носами, проржавевшими шнурками из веревки и старый испытанный секундомер. Малыши в маленьком зале сопели сами по себе. В большом зале у взрослых рубили мешки и долбили лапы, видимо, расширенные полномочия опробовали. Я переоделся, зашел к младшим, выбрал одного из тех, кто мне помогал колесо катить, и позвал, спросив, может ли он пользоваться секундомером. Тот подтвердил, я попросил его подождать, а

сам пошел в большой зал, в самый дальний угол, к рингу. На ринге – непонятно что, но вроде как боролись ветераны, остальные стояли по парам и на снарядах двигались. Я минут за 10 хорошо разогрелся, забрал из детской паренька с секундомером и посадил за столик у ринга, где стоял гонг, правда без молоточка, но стукнуть по нему можно было чем угодно, слышимость была хорошая. Когда сделался общий перерыв, я поднялся в ринг и пригласил на двухминутный спарринг желающих, и таковые нашлись. Задача пацана с секундомером была каждую минуту отбивать, а мне надо было без перерывов работать десять раундов для выполнения поставленной задачи. Первый мой соперник был килограммов на 10 меня тяжелее, наглый и настырный, но явно курящий. Он подошел вплотную и начал, как по мешку, отбивать плюхи, пытаясь выдавить меня с центра ринга, но я стоял насмерть. Он был уязвимый со всех сторон, но я ждал гонга, а когда он прозвучал, я внутри себя пытался отсчитывать секунды, и когда досчитал, что до конца раунда осталось секунд 5, нырнул под левую и ударил с правой в солнечное сплетение – не сильно, но точно, и попал за секунду до гонга. Второй, что вышел, был длинный, сухопарый и тоже злой, но заплетался в собственных ногах, и дважды за раунд в них запутался. Так прошло еще пятеро, но только после седьмого все началось. Считая, что я уже задохнулся, пошли «нашенские» ветераны, вожди и командиры, но показать прохожему «в животик», а потом «накинуть в голову» – одно, а ис-

полнить то же самое со мной – другое. А получать сами они очень не любили. Но сейчас им надо было выполнять распоряжение руководства и оказывать мне любую помощь в подготовке к соревнованиям, и они показывали, с неприкрытым желанием меня покалечить. Дышать они не умели, двигаться тоже, судьи на ринге не было, поэтому растаскивать было некому. Была лишь неприкрытая ко мне ненависть, что я не такой, как они, а желание использовать свою «плюху», которая, считали они, у них есть, было непреодолимое. Они висли на мне, пытаюсь ломать физически, но и унижать их было особо нельзя. Исходя из этого, я им поотбивал животы, на этом и закончили. Десять раундов я простоял, и польза от этих спаррингов, пусть и грязных, все же была неоспорима. Я и не знал, что они пустили детей на все это смотреть. Только в конце заметил, что те толпятся у дверей и жадно смотрят в сторону ринга. Все «нашенские» расселись на скамейках, а я, им назло, еще отпрыгал три минуты на скакалке, отжался 100 раз и пошел в душ. Я был уверен, что они уже завтра подойдут к этому делу осознанно и что-нибудь для меня приготовят. А я буду только этому рад; все равно это не бокс, это – драка, а к драке всегда надо быть готовым, когда ее предложат. Сейчас тело было измято и потерто, но без вывихов и переломов, и даже не была разбита моя постоянная печаль.

Как здорово после такого стоять под струями горячей воды, и даже посидеть голой жопой на плитке, а потом – холодную, а потом – еще раз горячую. Когда я вышел из душа,

«нашенские» толпились у буфетной стойки, их басы были хорошо различимы, но они были не очень радостные. Произошедшее их явно зацепило за живое. А мне вдруг вспомнилось, как я в бане проставлялся, и мне стало срамно. Сегодня я свой внутренний метроном проверял, но, вроде как, работало. А завтра будут другие, будет задача бить на поражение.

С крыльца было видно, как от руин ремеслухи в мою сторону быстро спускается луч света; похоже, что это мотоцикл. Так и было: от мостика малой «Нефтянки» он залетел как метеор, двухколесный конь с двумя пассажирами. На освещенной площадке перед Дворцом спорта заблестела красным и хромом та самая «Ява», о которой во снах мечтали многие мои сверстники. Руль держал парень, а сзади сидела девушка, она была длинноволосая и, похоже, очень красивая. Мотоцикл рычал, а она громко смеялась. Они начали вить петли вокруг фонарных столбов, а потом девушка слезла на землю и стала бегать петлями за мотоциклом, а потом мотоциклист за ней. И опять они смеялись. Девушка была в кожаных штанах, их я видел первый раз в жизни. Потом она уселась сзади, обняла руками парня, и, последний раз блеснув светом, мотоцикл исчез. У меня было ощущение, что это какая-то картинка из будущего. Она оттуда явилась, туда же и ушла.

Утром только выбежал к баракам, сразу столкнулся с участковым. Он полусидел на люльке своего мотоцикла, был

в мундире и очень грустный. Железный конь не хотел сегодня ни в какую работать, то есть завестись и ехать. Его надо было заставлять силой, принуждая завестись с толкача. Участковый мне ничего не говорил, лишь смотрел вопрошающе. Я уперся руками в заднее седло, а ногами в землю. Участковый рядом держал мотоцикл за руль, и мы начали потихоньку разгонять этого ретивого служебного коня. Чуть движение ускорилося, участковый запрыгнул в седло и что-то там включил. Мотоцикл набычился, пытаюсь встать намертво, потом рыкнул, закоптил и завелся, дымя сизыми клубами из двух труб. Но, отъехав метров 20, опять встал. Я подумал, что он опять заглох, но милиционер его остановил сам, чтобы предложить меня довести. Я отказался, и машина, кряхтя и брыкаясь, поплелась исполнять служебный долг. Участковый был неплохим человеком, он просто служил, как сам понимал. А понимал, что служит, конечно, Родине.

Ночью, похоже, был небольшой минус, ледок под ногами похрустывал. Было безветренно, свежо и туманно. У «Минутки» на завалинке сидели скитальцы в ожидании каких-либо позитивных перемен. Я спустился по Физкультурному переулку, неизвестно почему так названному когда-то, и побежал уже вниз. Почти сразу же меня догнал и перегнал «ПАЗик» с двумя пассажирами и, похоже, остановился у дверей штаба ДНД. Когда он появился в зоне видимости, стало понятно, что из него выгружается целый ВИА с барабанами и прочим скарбом. Вахтер стояла в угрожающей

позе в проходе у дверей, но все равно никто ноги не вытирал. Мне вдруг тогда подумалось, что здесь собираются проводить танцевальные вечера под живую музыку. Ну не Свиридова же играть собираются! После двухчасовой тренировки в зале и замечательного душа мы эту тему обсуждали с вахтером. Весь музыкальный скарб был аккуратно расставлен и разложен в углу фойе. Там, среди него, суетился один человек, который возился с проводами, пристраивая их на свои места. Вахтерша поведала, как после этих музыкантов швабрила полы, а потом рассказала, что теперь здесь будут репетиции к какому-то конкурсу по линии комсомола. Вроде конкурс называется «А ну-ка, парни!». Замечательная новость. «Нашенские» вырастают не только в правоохранение, но и в музыкальную тусовку нашего города. Было ясно одно – что танцевальных вечеров точно не будет, да и для кого они тут? Обитателям барачных бугров такой досуг явно не по характеру.

Дома меня ждала картошка с тушенкой и кисель из брикета «Плодово-ягодный». Он был вкусный, еще и горячий, с пенкой. Мама уже ушла на дежурство. Калиткой кто-то хлопал. У забора стоял тот самый грузчик с трубовоза, сосед. Он довольно неприветливо спросил, дома ли мать, я ответил, что нет. Он потоптался на месте и уже как-то с надрывом в голосе спросил:

– Купи.

Я вышел; у его ног стояло полное ведро брусники, позд-

ней, той, что самая вкусная и зрелая. Он сказал, что просит за нее три рубля, и не смог остановиться в разговоре, видимо, нервы совсем сдали. Я понял, что к его жене приходил врач и выписал ей лекарство, он собрал все деньги, что были дома и побежал в аптеку, но три рубля не хватило, а эту ягоду он привез из командировки. Я взял ведро и пошел в дом. Там я ее пересыпал в тазик и поставил на табуретку. Мама очень любила эту ягоду, и она была действительно отменной, ни на одной яголке даже бока не было светлого, и ни одного зеленого листочка я не увидел. Вынес ведро и три рубля. Тот поставил ведро и кинулся вниз, к мари.

Я зашел в дом и из окошка смотрел, как одинокая фигура бежит по тротуару. Это был тот самый солдат, которого десять лет назад мы, дети, с восторгом встречали, рассматривали танки на черных петлицах и мерили его ремень с надраенной звездой на пряжке. Мама у него умерла, пока он служил, и пришел он в пустой дом. Потом он женился, и на крыше уже стал загорать с женой под маленький транзистор. Но потом как-то все затихло у них в доме и куда-то спряталось. А это, похоже, болезнь пришла в полном своем зверином обличье. Не прошло и получаса, сосед опять стоял у моей калитки. В руках у него были коробки, а лицо еще более тревожное, можно даже сказать – испуганное. Он сказал мне, что думал, что лекарства – это таблетки или порошки, а это – вот, и сунул мне в руки коробки. Мне уже ничего не надо было объяснять. Эти ампулы мне были очень знакомы

по последним неделям жизни папы. Такие лекарства на основе морфия давали тем, кого уже не надо было лечить – обреченным, для облегчения мучений. Сосед явно не знал, что это такое и что с ними делать. Я сказал, что приду к нему через полчаса, и он, подняв ведро, пошел совсем осунувшийся и потухший. Я знал, что надо делать, у нас с мамой была эта практика. Я из шкафа достал что осталось от папы – коробку со шприцом и иглами, пинцет. Налив в коробку воды и закрыв крышкой, я поставил кипятить шприц с иглами. Достал вату, а из «Бирюсы» – очень древний остаток – полбутылки водки, и чистое полотенце. Точно через двадцать минут я снял коробку с огня, слил воду, все завернул в полотенце и пошел к соседу. Я дома у него никогда не был, а он был точно такой же, как и наш, крохотный, только еще больше вросший в землю. Двери были низкие, как и маленькие окошки. Женщина лежала в комнате, она была очень бледной, и стало понятно, что давно не поднимается, но при этом каким-то чудом в комнатке все было чистенько, шторочки и скатерки были беленькие, как и рушничок под иконкой. Лицо у нее было серое, глаза расширены, а губы искусаны, явно от продолжительных страданий. К своему стыду, я не знал ее имени. Когда мы были детьми, то между собой звали ее «Шлеп-нога», за какую-то странную походку. Я, открыв коробку, первым делом достал пинцет и колбу шприца, потом в колбу вставил поршень, а потом уже надел иглу. Собрал все это в рабочее состояние. Она смотрела вроде и на меня,

вроде и мимо. А сосед все повторял одно и то же:

– Сейчас доктор сделает укольчик, и сразу полегчает.

Мне казалось, что он плачет, хотя, наверное, это просто казалось. А она вдруг ответила:

– Это же наш сосед, а не доктор.

Я сломал головку ампулы и набрал шприц, потом сбросил воздух. Одной рукой оторвал вату и, склонив бутылку, обильно смочил водкой. Я был не ахти какой мастер делать уколы, но выхода другого не было. Я попросил ее повернуться боком, и сразу стала понятна хворь. Одна сторона таза вместе с ногой уже были мертвые, и все это заходило в позвоночник. Я резким ударом вонзил иглу и стал медленно давить на поршень. Облегчение должно было наступить за минуту. Я забрал полотенце, подробно рассказал соседу, как надо делать укол, и что надо их делать хотя бы раз в день. Он проводил меня до калитки, не сказав ни слова. Дома я все думал, как этот человек уезжает на 5–7 дней по буровым и катает трубы, когда у него дома вот такое. Ответ не находился, да и был ли он вообще, этот ответ? А у той больной женщины, похоже, не было никого кроме того мужчины, – ни родных, ни близких. А вся ее история – это частичка всеобщего гнойного воспаления вокруг. Она, конечно, умрет, а «нашенские» выступят на конкурсе «А ну-ка, парни!». И может быть, это тоже как-то по справедливости?

Я заварил себе краснодарского чая и, прихлебывая кипяток, в который бросил горсточку брусники, начал опять шту-

дировать Огуренкова. По правде, мне очень хотелось почитать Библию, только где она в этих краях трудового гнева и свершившегося социализма? На окошке стола – маленькая баночка. Она была меньше стакана, но с крышечкой, которая заворачивалась. Такие вещи всегда имели большую ценность, и я знал, как мне сегодня ее использовать. Я положу туда варенье из рябины, которую мы в урожайный год собирали с мамой в ста метрах от дома, в овраге. Там рябиновое дерево выросло невероятного размера, и ягоды на нем были крупные и ярко-оранжевые. Я с этой банкой пойду на тренировку и буду вахтершу угощать. Мед-то я весь выскреб уже. Да еще сегодня нашим мальчишкам будут представлять нового руководителя секции, и я обязательно должен буду позвонить Марии Федоровне, которая расскажет, как все прошло. Я дождался сумерек без каких-то путных мыслей в голове и пошел на тренировку.

Вахтер была на посту, музыка, зачехленная, стояла в углу, и вообще все было как-то тихо. Переодевшись, пошел в зал, «нашенские» большим кругом сидели на полу, явно что-то обсуждая. При моем появлении они прервались и разошлись по залу, кто зачем. Я всегда старался не быть членом коллектива, и что меня не принимал этот коллектив, я был только рад. А коллектив явно вырабатывал тактику, как меня попозорнее уронить. Должен был быть реализован лозунг «Коллектив ломает все», а ведь без актива не бывает коллектива. Но сам актив не хотел в ринг залезать, он искал могу-

чую альтернативу и, конечно, нашел. Среди них выделялся один здоровенный, явно на сегодня заряженный мне в палачи. Ему бы на сцене без грима исполнять роль Яго в «Венецианском мавре». Для спарринга с таким Яго руки придется очень плотно бинтовать. Я пошел к пацанам за секундометристом, там мне и помогли забинтовать руки и зашнуровать перчатки. Первым выпустили того самого Яго. Годков ему было так под 40, он был большой и набыченный, как африканский носорог. Руки держал параллельно, на уровне груди, и параллельно же на ногах двигался на меня, как на кирзовый мешок, который требовалось разрубить одним ударом на две части. Но я был не мешок, а он – не носорог, способный на рывок, потому он просто ходил и тыкал руками в воздух. Когда он все-таки сближался, я уходил – раз влево, раз вправо, заставляя его двигаться моим же маршрутом. Но уже в конце первой минуты я при его приближении не ушел ни влево, ни вправо, а крепко упершись в пол ногами, со всей дури ударил правой прямо в челюсть. Получилось очень даже не по-детски. Но «Яго» не остановился. Я отошел в сторону, а он двинулся прямо до канатов, и одной ногой заступил за канаты, за настил, и грохнулся на жопу. Голиаф был повержен. Он посидел, развязал зубами шнуровки; все это сопровождалось каким-то странным хрустом. Снял перчатки и кинул их через себя на ринг. Как сидел он в канатах, так через них и вылез на свободу. Я скинул ему перчатки с ринга и стал топтаться в углу, в ожидании претендентов.

Предыдущий раунд, видимо, послужил уроком следующему. Он вышел с расчетом, что будет порхать, как бабочка и жалить, как пчела. Я однажды наблюдал за этим мужиком, как он бил по мешку. Он тогда замахивался из-за жопы и разворотом перчатки хлопал по мешку. Получалось громче всех, а значит и сильнее. И сейчас, когда он и по мне начал так вкладываться, соблазн был велик, и я не удержался. Он сразу же сломался пополам, левая рука сработала без всяких плохих ощущений. Потом вышел молодой парень, которому явно хотелось бокса, я с ним с удовольствием простоял все две минуты. Потом был какой-то шум с выкриками, типа такого: «Да я его порву, как Тузик грелку». Это Яго опять пришел в себя и рвался в бой. Я был не против, и он снова настроился меня свалить и уже лежачего добить. Но я ему не предоставил таких возможностей, ударил его, как и собирался в тот день поработать на опережение. И попал правым боковым вновь ему в челюсть, прямо с подшагом. Теперь он никуда не пошел, а просто рухнул боком на пол, и никакого чувства раскаяния я не испытал. Но и радости тоже. Больше никто не вышел, и я пошел отжиматься и на скакалку, хотя нужны были лапы, но где взять такого человека? А физрука не хотелось тревожить, я хотел явиться к нему уже перед отъездом.

Душ, как всегда, был великолепным. Врученная вахтеру баночка с вареньем подвигла ее заварить чай, а к чаю предложить хорошую беседу. После душа я всегда старался об-

сыхать естественным путем. Сейчас, сидя на стуле, с волнением набрал номер Марии Федоровны. Она даже по голосу оказалась узнаваемой и рассказала, что вся процедура заняла немного времени и прошла очень даже хорошо. Тренера звали Петр Сергеевич, и был он когда-то дружен с Николаем Максимовичем. Директор представил его и озвучил график занятий. Секция получила официальный статус «Секция бокса Дома пионеров». Еще она сказала, что и меня вспоминали.

– Оказывается, Николай Максимович говорил про тебя, что воспитывает будущего олимпийского чемпиона. Так что ты для всех – пример.

Так она закончила разговор. Я был, честно, смущен и рад, что там не присутствовал со своим воображаемым олимпийским статусом. К этому времени варенье было открыто, а чай разлит. Бабушка мне рассказала, как прошла репетиция, и сколько было натоптано. Оказалось, что «нашенские» были только в группе припевщиков, вроде как подпевали «да-да» и «да-да», а песня вообще о том, что они никого не боятся, и все им параллельно в жизни. Так бабушка услышала эту песню, и еще добавила, что если завтра пораньше выйду из зала, то сам все услышу. Они перенесли завтра репетицию на вечер. За чаем мы засиделись, уже и дети начали выходить из зала. Почти все со мной здоровались, а возле буфета начали появляться звуки стекла. Вообще, я засиделся с определенной целью, в ожидании, что Яго выскочит с пеной

у рта доказывать свой статус. Если так случится, я его прикончу прямо здесь. Такие прецеденты здесь случались, но он не вышел. И я, закинув сумку через плечо, пошел домой. А у какой песни были «нашенские» на припевке, я честно и не понял. Дома, со стены, Борис Николаевич посматривал на меня как-то по-особенному, чем смутил меня. Лег спать пораньше, что-то у меня накопилось. И уснул, даже не включив волшебный ящик.

Проснулся рано. Полежал с закрытыми глазами, обдумывая сегодняшние планы, но ничего особенного не надумывалось. Режим дня был вроде как обычный. Пошел будить курей и пугать Секретаря с его воинством. Я читал, что крысы могут жить колониями, и колонии могут достигать тысячи особей. Они внутри себя делятся на пятерки, звенья и отряды. Я сполоснул лицо и побежал в утренний сумрак. Но так как это было утро субботы, можно было запросто повстречать тех, кто гулял со вчерашнего вечера. И такие проявились. У своего родного барака я вначале почувствовал резкий запах чего-то горелого, а потом уже разглядел картинку. Из сумрака мне подмигивал явно задыхавшийся костер. От костра навстречу мне бежал человек и махал руками. Такое чувство, что он поезд пытался останавливать. С утра было довольно прохладно, а он был в одной легкой рубашке, заправленной в штаны с солдатским ремнем, и в сильном подпитии. Я его, конечно же, узнал, это был дядя Парамон, которого все звали Соломоном. Когда-то он в уличном сорти-

ре подглядывал в дырку в женскую половину, а вышло, что подсматривал за собственной женой, которая выволокла его и колотила чем попало, он истошно орал, что не узнал ее без трусов. Тогда кто-то и назвал его Соломоном, так и прижилось. Они с женой работали где-то в джунглях промыслов. Детей у них не было. Соломон, особенно когда зимой где-то рвало провода, и в бараке не было света, и при случае, если ему кто-то наливал рюмочку, веселил на общей кухне баб своими историями, которые, конечно же, придумывал сам. Но начинались они всегда одинаково, со слов А. С. Пушкина: «У Лукоморья дуб зеленый», потом он цеплялся к какому-нибудь персонажу из этого Лукоморья и начинал фантазировать. Я один раз малым забился между мойкой и столом, чтобы как-то дослушать историю про кота и не быть загнанным домой спать, а потом и уснуть не мог, от впечатлений. Вот такой он был Парамон-Соломон. А меня он остановил по той причине, что один пить совсем не может, собутыльники были его уже убитые, один спал в одноколесной тачке, сгорбившись, а другой в цинковом корыте, в такой же позе. Да и неудивительно – похоже, они после водки угощались вермутом из здоровенных бутылок, которые в народе называют огнетушителями. А эта смесь убьет любого здоровяка, но, не будучи таковым, Соломон еще вполне держался на ногах. Вокруг валялись белые перья от курицы, а сама эта птица, только наполовину ободранная, на воткнутой посреди прогорающего очага арматуре висела и воняла паленым.

Интересно, но Соломон меня узнал и даже назвал по имени, вспомнил папу моего, и предложил поднять. Я не стал отказываться. Ему вчера исполнилось 50 лет. Я поднял за него стакан и поставил, в то время необязательно было пить, главное – поднять. Соломон вытащил из-под тачки свой пиджак, видимо, замерз. Пиджак когда-то явно назывался габардиновым. Соломон накинул его на плечи, а на пиджаке висели два Ордена солдатской Славы и невзрачная по облику медалька. Солдатскую Славу с лентами Святого Георгия ни с чем спутать было невозможно, если еще они и были ношены на солдатской гимнастерке. Соломон переломил ногой доску и подкинул в костер. Доска была с длинным гвоздем. Видимо, они топили свой очаг соседским забором, а это значит, что за забор и курицу уже сегодня будут разборки. Но я-то знал, как наш участковый не любит разбираться с фронтовиками, если только «нашенские» не подтянутся с новыми полномочиями. Те-то умели «показать в животик» и накинуть в голову. На меня откуда-то вдруг накатила злость, мне почему-то вдруг захотелось вернуть вчерашний день, и чтобы Яго пошел на меня в атаку прямо в фойе. Доска как-то сразу загорелась, и в бликах огня я увидел надпись на той невзрачной медали. На ней было крупно написано «За взятие Берлина». Я убежал, оставив солдата со стаканом недопитого вермута.

Я бежал, ровно дышал, а вот мысли были совсем не ровные. Если Парамону сегодня 50, значит на фронте он был

в моем возрасте, а Берлин брал в свои неполные 22 года. Брал тот Берлин, про который великий Жан-Поль, преромантик, первым сформулировавший понятие мировой скорби, когда-то написал: «Берлин – это, скорее, часть света, чем город». А Агранович так о том написал: «...хоть им нет двадцати пяти, трудный путь им пришлось пройти. Это те, кто в штыки поднимался как один, те, кто брал Берлин».

Добежал до своей школы; дворник тоже пытался подпорки ставить под забор. Там было видно, что 3–4 столба уже сгнили, а пролеты забора просто торчали в воздухе, а те подпорки для забора, конечно, что мертвому припарки. Вот на нашем заборе были крепкие – лиственничные. Их папа привез перед тем, как слег окончательно. Бревна долго лежали в проулке, и когда отец умер, мы весной с мамой решили, что сами сможем закопать эти столбы и завершить стройку забора. Мне тогда было 13 лет, и отменного здоровья у меня не было. И вот, как-то мы, вооружившись топором и лопатами, вышли делать забор. Видимо, у нас срабатывало ощущение, что крепкий забор убережет нас от каких-то вторжений на нашу личную территорию, пусть ветхую, но свою. Конечно, это было наивно, но по-житейски понятно. В этот день мы с мамой целый день разбирали старый забор, вытаскивали гвозди, потом их выпрямляли. Снятые дощечки ровненько складывали, им еще предстояло долго работать. Так вот и прошел у нас целый день. И всю эту ночь наш дом стоял вообще без забора. А с утра нас ждало горькое и тяжелое испы-

тание. Мы собрались вкапывать столбы. Они были из листовницы, и тяжеленные, что железные. Всего их было пять, и все надо было вкопать. Я вырывал яму, как мне казалось, глубокую, и мы волокли этот тяжелый столб и на поща устанавливали его в яму, а потом пытались трамбовать землю и прикапывать столб. И хотя я старался ногами притаптывать грунт плотно, столб все равно шатался, как бы в насмешку. Дальше все было ровно так же, мама плакала, а я тужился как мог. Мы их все закопали, но они были как живые, и по отдельности качались и приплясывали. Решили, что укрепим их, сбив между собой. Притащили бруски и стали сбивать здоровенными гвоздями. И получилось, что, если до этого столбы качались сами по себе, то теперь они синхронной общей тяжестью заваливались в огород. Нам ничего не оставалось, как набить рейки. Все получилось хлипко и ненадежно. Забор, как живой, стонал, хрюкал и кланялся только в одну сторону. Вот если он в этом году так уже стоял, то что будет в следующем? Мама после этой стройки слегла на неделю, а я дня три вытаскивал из ладоней занозы. В моих рассуждениях все путалось. Я никак не мог дать ответ, зачем людям вообще заборы. Я рассуждал о заборе как о живом существе, которое укротить нам не удалось, и, наверное, это справедливо.

В зале я побил по снарядам, позанимался гантелями, в общем, потрудился, пока пульс не стал рваться из тела. Чуть ныли натертые бока и плечи, в общем, состояние было доста-

точно хорошее. Злость потихоньку ушла, а когда злость уходит, на ее место приходит свобода, это всегда хорошо, потому что свобода придает сил самосовершенствованию. Прodelав еще пять раундов с тенью, я пошел в душ. Вернувшись в вестибюль, крайне удивился тому, что увидел. На стульчиках рядом сидели и вахтерша, и завхоз с электриком, да еще рядышком буфетчица в длинном голубом фартуке. Все быстро прояснилось: в хороший год осенью сюда, на потребу коллективу, привозили ходовую кету и реализовывали через буфет. В этот раз обещали, что рыба будет по 30 копеек килограмм, и только по две штуки в руки. Я побежал домой за деньгами, тоже хотелось рыбки. Когда вернулся, с самовала уже сваливали рыбу на брезент, рядом установили весы на хрупком столике. Уже выстроилась очередь; оказалось, что вчера еще вывесили объявление о таком торговом мероприятии. Буфетчица в брезентовых рукавицах ловко хватала рыбу за хвост и затаскивала на весы, все хотели самочек и пальцами щупали носы: тупые и круглые – у самки, а острые – у самцов. Когда до меня дошла очередь, я взял, что дали. После взвешивания получилось на рубль восемьдесят. Люди как-то по-праздничному шумели в предвкушении субботнего обеда.

Моя мама уже месила тесто. Вкуснее, чем пельмени из свежей рыбы, для меня блюд не существовало, но нужен был ведь еще лук и чеснок. Я пошел в магазин для того, чтобы рыбку сделать фаршем, но рыбка, что поменьше, оказалась

девочкой, и у нас будет еще икорка-пятиминутка со свежим хлебом, а за ним надо было еще сходить. И я пошел. Икорка солилась, а рыбка крутилась в мясорубке. День потихоньку пробуждался, солнышко ярко сочилось через прохладный воздух. Было ощущение, что тепло это вот-вот закончится, и придут те самые холода и метели, которыми славится эта земля.

Кострище еще слабо дымилось, на нем стоял стылый латунный чайник. Парамон, до пояса раздетый, сидел на барачном крыльце, обхватив руками голову, а вот если бы он разогнулся, то на его груди можно было бы увидеть то, что мне помнилось с ранних лет: там была наколота голова усатого мужчины. Сейчас-то я знал, кто это, а тогда мне было страшно. Я как-то спросил его, кто это, он в ответ как-то неестественно захохотал и отвесил мне щелбан. Тяжело ему было в первый день после своего пятидесятилетия. Но мне кажется, что за все эти свои 50 лет ему вряд ли когда было хорошо.

Школьный забор так и не отладили: два пролета совершенно цельными штакетинами висели в воздухе и тянули за собой третий пролет. Вокруг погибшего забора с рулеткой в руках суетился дворник, он охал и измерял. Странно, что этого не сделали еще до начала учебного года. За состоянием школы всегда следили, не забыв у входа повесить лозунг «Наши дети будут жить при коммунизме», чтобы с первых своих букв дети учили правильные слова и словосочетания.

Все должны стать обязательно «нашенскими», чтобы жить при коммунизме.

Для курей хлеб был обычный, черствый, а вот для нас – белый, свежий, с хрустящей коркой. Лук и чеснок были свалены в два тазика, и в них можно было ковыряться, что-то выбрав для себя из этой трухи. Еще я купил бутылку пива. Возвращаясь назад, я увидел, что Парамон так и сидел, подобрав под себя колени. Он спал. Я сунул ему эту пивную бутылку, и получилось, что сунул ее прямо усатому профилю. Будет чем гасить пожар советскому солдату-победителю. Парамон был какой-то липкий, прилипшие перья от курицы торчали на нем, как в короне воина индейского племени. Может его били этой самой курицей? Но я верил, что все-таки солдат обязательно проснется, и это было справедливо.

Дома, пока мама лепила фигурные пельмешки, я мелко порубил все, что осталось от рыбы и костей, смешал с перловой кашей и понес курам. Для них это было супер-угощение, и они кинулись клевать, не забывая разгребать когтями. Секретари тоже почувствовали кровь и заходили так, что даже доски на полу зашевелились. Я взял тяпку, чтобы отстоять куриный обед в случае нападения. Так и простоял, пока они все не поглotalи.

Пельмешки на фанерке стояли ровным строем, как на шахматной доске, и прямо было искушение ткнуть в один из них пальцем в пузико. Вода в кастрюльке закипала, а по телевизору шла пресс-конференция участницы негритянского

движения Анжелы Дэвис, ныне делегата X Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Все эти участники шли с шариками и веселились на улицах Берлина. Пельмени получились вкусные, аппетит тоже был что надо. А я с мыслью, как бы прийти в форму от вчерашней тренировки, тоже прилегла. Лагутин, глядя на меня, усмехался, глядя, как я впадаю в сон. И привиделось мне, что мы с Парамоном, а еще и с тем усатым мужчиной, что на груди, стоим у Бранденбургских ворот, а Парамон во всю глотку орет:

– Ну вот, еще немного – и Рейхстаг!

Но за воротами оказался не Рейхстаг, а Донской монастырь. Не ощущалось во сне ни добра, ни зла. Были только друг-собака и друг-кот. Проснулся я от испуга, что проспал тренировку, но это только показалось. А я еще два часа промаялся бездельем, читая последний номер местной газеты. Больше всего меня привлекла дискуссия на тему – этой осенью медведи придут на городское кладбище, как в прошлом году, или на городскую свалку? Большинство дискутирующих склонялись к тому, что на свалку. Но у медведей были свои планы, которые они не согласовывали ни с активом города, ни с руководством.

Я тихонько оделся и двинулся на тренировку. Пути мне было три минуты. Так же когда-то я три минуты добирался и до библиотеки, закрытие которой было приурочено к великой дате пятидесятилетия революции. В вестибюле толкались какие-то незнакомые люди творческого вида. Некото-

рых я узнал – ВИА, что лабали на танцах в городском парке и во Дворце культуры. Вид у них был откровенно безрадостный, и можно было понять, что они сегодня будут играть, выполняя условия своего существования. А их существование – это исполнение песен социалистического реализма. Вся аппаратура была расчехлена и готова к работе. Вахтерша сидела за телефоном и что-то писала, посекудно переспрашивая. У бабушек эта писанина называлась телефонограммой, и от того они сильно важничали. Я уже застал самый конец этого действия и был первый удостоен его прочесть, так как сидел рядом. Конечно, все это было предназначено для «нашенских», но, по мнению вахтерши, я был в той же куче. Каллиграфическим почерком на листке в клеточку было написано:

– Строго озвучить всему городскому составу ДНД и всем членам ДСО «Трудовик». В воскресенье всем собраться к 10 часам на городском кладбище.

Планировалась общегородская облава, так как медведи были замечены все же на кладбище. Явка всех обязательна, обед брать сухим пайком с собой. Организовывался хороший уикенд, правда, на кладбище, но все равно на природе. Я вернул бабушке тетрадный лист и сказал, что надо отнести его к стойке буфета и там передать ребятам. Она, правда, озлилась, и когда уходила, сказала, что меня тут эти самые хулиганы ищут, что она их прогнала, но они вряд ли ушли.

Я вышел в тамбур. У стенки стояли оба «керосинщика»

с очень грустными лицами. Когда я их выслушал, то понял, что у пацанов прямо трагическая ситуация. И суть ее вот в чем. Проблема была предсказуемая, и случилась она у мелкого «керосинщика». Видимо, его училка, как он выражался, исчерпала все возможности воздействия на его стремление учиться хорошо. И сегодня заявила ему, что пойдет в понедельник в секцию бокса к тренеру, чтобы его оттуда выгнали. Керосинщики знали, что она живет рядом с Домом пионеров, и потому угроза прозвучала очень даже реально. А в понедельник-то будет первая тренировка с новым тренером, и его точно выгонят. Мне вдруг показалось, что они сейчас оба заревут. И тут же они стали жарко говорить, что с понедельника все исправят в школе, и что они мне дают честное слово. Я им, конечно, верил, но сказал, что для того, чтобы училка сама не пришла к тренеру, надо, чтобы тренер сам к ней пошел. Сообщил, что пойду в школу и буду там их ждать у дверей в понедельник в 14 часов. Они ускакали, а я пошел думать, как мне выполнить свое обещание. Как мне явиться к этой училке, и чем подкрепить свою просьбу? А если меня там помнили как изгнанного из восьмого класса, бесперспективного и антисоциального? Я знал, что делать, хоть этого очень и не хотелось. Надо было звонить Лоле Евгеньевне; а как ее найти, если кругом выходные? Но ведь телефонограмму по медведям отправляла точно она, и наверняка из конторы. Я набрал тот номер, и она ответила обычным, медово-ягодным голоском. Похоже, она ждала друго-

го звонка, я не стал ждать, пока она назовет меня каким-нибудь таинственным графом Монте-Кристо. Но она вроде даже как-то обрадовалась. Я сказал, что мне надо бумажку о том, что те два пацана, вроде как поджигатели, официально за мной числятся как за общественным воспитателем. Она начала меня воспитывать, убеждая, что в субботний вечер мужчины женщинам звонят по более интересным вопросам. Я ей опять сделал пару комплиментов из комедии Бомарше «Фигаро». И тут она, поняв, что большего из меня уже не выжать, ответила по существу. Сказала, что сейчас же напечатает эту бумажку, а водитель с утра завезет ее в штаб ДНД. При этом вынудила меня сказать, что я понимаю свой долг. Я ответил что-то, но невнятно.

А музыканты уже начали издавать первые звуки. Оказывается, это была не репетиция, а спевка, вернее сказать, пели они сами, а шесть «нашенских» бубнили сзади «да-да-да» и еще что-то. Это был совершенный комсомольский хор. А песня была «Ребята семидесятой широты». Надо было видеть лица музыкантов и певца. Им хотелось «Yesterday», но сейчас бы это их сразу сделало подвальной командой, а может быть даже и расстрельной. Туда-сюда возле них мелькала худенькая руководительница, девушка вся в голубом и очень нервная. Вероятно, свое сотворение она считала чем-то сверхудачным, когда вместо семидесятой широты надо было пропеть «пятьдесят третьей широты» согласно реальному месту присутствия. Жюри конкурса от такой гениаль-

ной находки должно быть сражено видом шестерых дяденек, которые выдували «дады пятьдесят третьей широты».

Долго такое слушать было невозможно, и я пошел в зал. «Нашенские» там сидели кругом и на меня внимания старались не обращать. Возможно, они определялись, кто завтра возьмет с собой сколько холодным пайком. Когда я привел секундометриста, который упросил взять с собой друга, и забрался на ринг, то стало понятно, что партнер мне появится. На ринг забрался парень чуть старше меня, но уже явно «нашенский», чем, похоже, и гордился. Я не раз наблюдал, как он любит влезать в разговоры к старшим со своими радикальными решениями самых спорных вопросов. Он не пытался меня свалить, он за счет вертлявости своей природной пытался двигаться со мной «по очкам», но у меня не было желания ему их дать заработать. У меня на сегодня была задача бить только прямые и самому очки зарабатывать. Я к концу раунда попал ему в нос, он закрылся полотенцем и без гонга вылез из ринга. Очень хотелось Яго, но он сегодня не явился. Вышел еще один паренек, его я не знал, но тот сильно уж волновался и хотел просто побоксировать. Так у нас и получилось. Я весь спарринг продержал его плотно около себя, но в удары не вкладывался. Парень ушел крайне довольным и даже вежливо поклонился, но мне было легко, похоже, я уже зарядил свои батарейки. Тут к рингу подошел мужик сильной наружности и почему-то вообще без обуви и без перчаток, но в лапах, и попросил разрешения со

мной постоять. Я получил от этой работы крайнее удовольствие. Он с пониманием попросил мальчика стучать в гонг не после двух минут, а после одной, и стал мне лапы накидывать для одиночных ударов и комбинаций. Он заставлял меня двигаться назад, вперед и в обе стороны. Этот человек был явно из бокса, умелый и знающий. Он делал все комбинационно, что заставляло меня бить акцентировано и со всей дури. После трех раундов по минуте я был выжат окончательно, а после еще двух – сдох. Я как мог, в перчатках, пожал ему руку, вылез из ринга и пошел присесть в уголок. Сегодня я выложил весь свой физический потенциал. Откуда этот мужик был – непонятно, на «нашенского» совсем не похож. Отличался повадками: он ни разу не пытался меня поймать, хотя у него были возможности, а пропустить удар лапой – еще хуже, чем перчаткой. «Нашенских» это, конечно, привлекло, удары были сильные, до звона, что у них было в чести. А мальчишки-секундометристы даже услышали, как тот дядька меня хвалил перед «нашенскими», сказав, что я боксер с большим потенциалом. Отдышавшись, я отжался сто раз, минутку еще попрыгал и пошел, довольный, в душ. Сегодня мне хватило, в хороших руках всего лишь надо-то было пять минут. Разные люди сюда приходят, только хорошие не задерживаются, да и мне немного было надо. Задача была лишь отстоять эти соревнования и, уйдя в армию, забыть про бокс, как и про всех этих ребят пятьдесят третьей широты. Мое место было за учебным столом в университет-

ских аудиториях и библиотеке. Не хочу здесь сойти с ума, хочу там, среди книг, что написали римляне и греки. Я придумал себе, что я не хочу читать телефонограммы, а хочу читать Гомера, и это было справедливо.

После душа я сел выскабливать баночку из-под своего же варенья. Баночку надо вернуть маме. Вахтерша рассказала, что вчера, когда я ушел, тот, что с бульдожьей мордой, устойчивый в мой адрес слал оскорбления, орал, что плохо воспитываем молодое поколение. Это явно был Яго. Казалось, что наша следующая встреча пройдет не скоро. Я ему хорошо сломал челюсть, что мне и сказала вахтерша. Она-то все знала. Оказалось, еще и музыканты не разошлись и, закончив с комсомольскими поручениями, решили сами себе поиграть. И что бы вы думали, они завели? «Восточную песню». С первых же звуков прибежала буфетчица и устроила свои телеса рядом со мной. Музыка была хорошая, и исполнение тоже, хотя я в том мало понимал, но буфетчица чуть даже прослезилась, наверное, в память о медленном танце в горсаду в юном возрасте, а потом была еще песня «Два окна со двора». Буфетчица совсем расчувствовалась и побежала за пирожными, угощать музыкантов.

Я шел домой в хорошем настроении и думал, если мама меня опять ждет пельменями, то обязательно откажусь, на ночь нельзя. Но я уступил обстоятельствам и опять наелся, утешая себя тем, что у меня большой запас в весе. Всегда в таких случаях находятся аргументы «за» пожрать, и это то-

же, наверное, справедливо. Мама в тот вечер варила брусничное варенье. Запах чуда лесного стоял в доме, оно еще долго варилось в тазике, а потом остывало. Откуда-то даже муха появилась, она была разбужена этими ароматами, немного полетала и пропала где-то в неосвещенном углу нашего домика. Мама весь вечер строчила на машинке, наверное, кому-то халатик шила за три рубля. По радио, по заказу колхозниц-передовиков Тамбовской области, звучала музыка «Элегия» Сергея Рахманинова. И она вместе с запахом сваренной брусники навевала совсем уже юношескую грусть – легкую и лирическую. Мне это было прям в настроение. В понедельник пойду в родную школу, которая меня изгнала за то, что я хотел детской справедливости. А детская справедливость оказалась такой же тяжелой, как и взрослая. Справедливость – она без пола и возраста.

Мама вдруг вспомнила, что вчера, возвращаясь с работы, встретила моего друга детства Сашку, у которого было прозвище Барабанщик. Он хорошо учился в школе, был активным пионером и барабанил на линейках. Жили мы с ним в одном переулке и даже вместе начинали ходить в библиотеку. Были всегда рядом, как те двое «керосинщиков». Вот только он был на три года меня младше, ему было 10, а мне 13. Потом его родителей отселили в хрущевку, и мы как бы потерялись, но он еще часто приходил к нам в проулок поиграть в наши любимые игры. Помню, что они съехали в год 25-летия Победы в войне. Тогда, к юбилею, сдали новую

школу, и его устроили туда родители. А в школе понятно, что к такому юбилею открыли специализированный класс с углубленной патриотической направленностью. Вот он и попал в этот класс. О таком вот нововведении очень шумно раструбили и чуть ли не встали в авангарде такого движения по всей области. Но все потихоньку затихло и превратилось в руины. Сначала обсудили, что в городе даже нет Совета ветеранов, в связи с этим вдруг вспомнили, что и войны-то на нашей территории не было. Но Барабанщик, будучи от рождения активным и любопытным, накопал, что недалеко от города был так называемый аэродром «подскока», через который из США в войну гнали самолеты. И вроде как один самолет упал на подлете, и экипаж погиб. От города это место было километров за 20. Сразу же за это дело взялись очень жарко, привлекли весь городской актив, взяли машину, поехали туда и нашли этот самолет. Пробыв три дня, вернулись оттуда с большими планами восстановить самолет и сделать из него памятник, а имена летчиков увековечить. Но вдруг оказалось, что самолет-то был американский, и двое погибших летчиков тоже оказались, как ни странно, американцами, и все резко снизили обороты. Городскую партийную организацию, похоже, в области одернули, напомнив, что сейчас начинается новый виток холодной войны, и прославлять американцев совсем не время. И весь патриотический порыв как-то съезжился и скис. Но я недавно был удивлен, когда в одном из номеров газеты вдруг прочитал статью, где насто-

ательно твердили, что эту работу надо обязательно продолжить. Вроде бы как уже под 30-летний юбилей Победы. И в этой газете фамилия Барабанщика уже звучала, он был вроде как инициатор и двигатель этого патриотического порыва. Но позднее стали понятны суть и мотивы возврата к самолету и погибшим летчикам. Они были совсем другие. В начале сентября этого года определились дата и место встречи Леонида Брежнева и Джеральда Форда. Она должна была пройти во Владивостоке 23–24-го ноября 1974 года. А так как Леонид Ильич Брежнев был солдатом, хорошо было бы, если бы у него была возможность вновь образованный памятник летчикам привести в пример сотрудничества двух стран в военный период здесь, на Дальнем Востоке. И те товарищи, которые еще старше тех товарищей, дали соответствующее распоряжение и назначили товарищей, ответственных за это мероприятие. Конечно, стало понятно, что если даже в зиму придется что-то там таскать или копать на общественных началах, то, конечно, впереди всех будет патриотическая и сознательная молодежь, то есть парни пятьдесят третьей широты.

Поутру я ощутил разницу между мешком и лапами, когда в них лупишь со всей дури, да еще и с постоянным ускорением. Руки ныли, да и ноги тоже. Надо было всем этим заниматься в срочном порядке, но и пробежку нельзя было сегодня исключить из репертуара. До отъезда оставалось 4 дня. Хорошо пробежал своим маршрутом, мышцы быстро разо-

грелись и перестали напоминать о себе.

В зале все прошло в набранном уже режиме. Когда я, весь мокрый, вышел в вестибюль, там некоторое количество «нашенских» заканчивали под руководством буфетчицы паковать сухой паек на сегодняшнюю облаву. Я пошел в душ, а вернувшись, никого уже не застал, кроме самой симпатичной и словоохотливой бабушки-вахтерши. Я ей сразу пообещал брусничное варенье к вечернему чаю, а она мне все, что услышит про сегодняшние дела на кладбище, обещала рассказать. Там всех, оказывается, разбивают по пятеркам. К каждой пятерке будет прикреплен охотник с ружьем, и вот они со всех сторон будут выгонять предполагаемых зверей к дороге, за которой уже дальний лес. Еще она полушепотом добавила, что тут есть такие рожи, что любой медведь, увидев их, убежит, даже без ружья. А вообще она была уверена, что они едут водку пить на природу. Мне очень важно было ее расположение, так как я ждал весточку от Лолы Евгеньевны и хотел, чтобы бабушка этому моменту уделила особое внимание.

Пока отправился домой, у меня был свой план. Дома я после жареной рыбехи, которая была уже, правда, холодная и суховатая, но с чаем хорошо проталкивалась, пошел в самый низ огорода, где лежал тот самый баллон со свалки и притащил оттуда кувалду. План у меня был понятный: я опять хотел попытаться поднять подпорками забор, так как он уже почти лежал под 45-градусным углом, и казалось, что упадет

в течение нескольких часов, ну уж дней точно, а там и вся дорога по проулку к нам в огород сползет и раздавит мои любимые незабудки и анютины глазки, которые сидят в земле и ждут весны. Уж очень мне не хотелось, чтобы это произошло, когда мама будет одна дома. Я честно старался почти весь день, как мог подстраивал подпорки, но тяжелые столбы не хотели оставаться в вертикальном положении и тянули все вниз. Я был грязный с головы до ног, но ничего путного так и не сделал. Эта конструкция требовала радикальных решений, или надо было городить что-то легкое. Ну, мне так казалось. Я не в состоянии был решить эту проблему.

В вестибюле хороших новостей тоже не было. «Нашенские» не пришли совсем, даже с малыми заниматься, и поэтому тренировку проводить пошел я. Я их всех завел в большой зал, там и потренировал. Мне было хорошо среди пацанов, весело. Потом душ, потом чай с брусничным вареньем за столиком у вахтера. Я решил ждать до последнего, но немного прошло времени, когда бабушка увидела подъезжающую «Волгу». Первым зашел водитель с ящиком, а за ним и сама Лола Евгеньевна, но какая-то совсем другая. Лицо ее было закрыто платком, она была без каблуков и в каком-то длинном пальто вообще не в ее стиле. Водитель оставил ящик в кабинете директора и пошел в машину. Я зашел в кабинет. При свете двух не совсем ярких лампочек под потолком, Лола Евгеньевна без грима, с бледным лицом выглядела не то чтобы красивее, но стало понятно, что ей совсем

не 35 лет, и все, что она на себе рисовала, ее очень старило. Она села на стул, открыла крышку ящика и достала обещанное письмо. Оно было хорошее, на бланке, с синей печатью внизу и с жирной казенной подписью в виде порхающей чайки. Теперь она спросила, помню ли я свой должок. Я неопределенно пожал плечами. Как-то по ее виду было не очень видно, что ей хочется кокетничать. Она достала из ящика обыкновенный металлический термос литрового объема и поставила на стол, сказав:

– Вот теперь исполни мое желание.

Я не очень понял суть, и тогда она начала свой рассказ из сегодняшнего дня в прошлое.

Наш шеф, по закону жанра, всегда в воскресенье был с семьей, а ее на машине отправил на кладбищенское мероприятие. Мало ли, вдруг руководство подъедет, надо будет по явке доложить. Но руководства никакого не было. На кладбище со всех сторон орали и гремели. К ним на мотоцикле подъехал охотник и встал с ружьем наготове у дороги. И медведь выбежал на дорогу, прямо рядом. Ей показалось, что он был совсем маленький. Охотник выстрелил два раза, и животное упало, но продолжало ползти с перебитым позвоночником. Оно ползло и выло так, как обычно стонет человек.

– Мне стало плохо.

Женщина продолжала рассказывать, ей явно было дурно. А когда выскочили с кладбища все те, кто гнал мишку, стали добивать его дубинами, придорожными камнями, а он все

не умирал, полз и стонал. Подбежал охотник, всех растолкал пинками и с близкого расстояния выстрелил медведю в голову, и животное затихло. Но это было только начало шабаша.

– «Нашенские» начали снимать с него шкуру, а я, дура, вышла на улицу, так как водителя отправили за топором, солью и шампурками для шашлыка. И пока я стояла у дороги, они срезали с него шкуру, и получилось, что на спине лежал, как мне показалось, молодой парень. Я уже видела однажды нечто подобное, и у меня помутился разум, но успел вернуться водитель и усадил меня в машину. А эти упыри начали разминаться под холодную закуску, и никуда никто не расходился. Уехал только охотник на мотоцикле. Тот охотник явно сто раз пожалел, что попал в медведя.

Лола Евгеньевна плакала и продолжала.

– Нацепили на шампуры громадные куски мяса, которые на огне истекали кровью и обгорали, издавая тошнотворный запах. Тут прибежал водитель с отрубленными лапами и с каким-то окровавленным мешком и со словами – это ливер шефу на жареху. Меня начало рвать. А пир продолжался. Мясо падало в костер, обожженное сверху, оно, конечно, было сырым, и при попытках его кусать у этих вурдалаков по рукам текла черная кровь. И хочу заметить: при всем этом были люди из газеты, да еще и с фотокамерами. Я, как могла, вышла и пошла вперед. Через какое-то время меня догнал водитель.

Она вдруг остановилась и, посмотрев на меня, спросила:

– Почему ты?

И продолжила, что сама и ответит на свой вопрос. И рассказала, что была замужем.

– Мы познакомились, когда нам было по 18, как сейчас тебе. Мой молодой муж только что стал курсантом военного летного училища, а я училась на делопроизводителя. Мы поженились через два года после того, как я окончила учебу. А когда он стал летчиком и получил погоны лейтенанта, мы уехали к месту его службы на Дальний Восток. Нас поселили в авиагородке, в отдельной комнатке, и мы были счастливы. После своего первого полета в составе боевого экипажа на каком-то огромном самолете, он был счастлив. В авиагородке все знали, что они летают во Вьетнам и что-то туда возят. Уж какие тут могли быть тайны среди своих. А вот второй рейс стал для него последним. Тут и наступила полная военная тайна. Но, опять же, все знали, что самолет при выполнении ночной посадки на свой аэродром, пролетев перед нашим авиагородком, нашел свою смерть, на полной посадочной скорости уже на земле врезавшись в цистерну с бензином. Сгорел весь экипаж, и от самолета остались только фрагменты. Здесь ни для кого не было тайной, что эта цистерна была подотчетна командованию. С ее помощью воровали бензин, который списывали за счет какого-то старого, давно не летающего самолета с бензиновым двигателем.

Ее мужа, вместе со всеми, в кровавых мешках похоронили за аэродромом, среди множества таких же могил моло-

дых летчиков. Она напоследок не увидела его лица, только случайно, в кабинете оперативной части, без спроса увидела фотографии. Это были обрубки обожженных человеческих тел, просто куски мяса.

– Я часами бродила по взлетной полосе, хотела найти какое-то упоминание о муже, и нашла рядом в траве наш термосок. Я уверена, что он наш. Через две недели меня, как не обремененную детьми, просто посадили на поезд, дав проездные до Иркутска, предварительно взяв с меня расписки о неразглашении той страшной военной тайны. Но по этому назначению, где под Иркутском жила моя бабушка, которая вырастила меня, ехать было уже незачем. Бабушка полгода как преставилась. Вот в том поезде я и попала на глаза этому упырю, которого все сейчас зовут шефом. Он и привез меня сюда, дал эту служебную квартиру и под постоянным страхом выселения заставляет обслуживать себя и приезжающее руководство – таких же упырей, как и он сам. Прошло 7 лет, как я здесь, и вот сегодня возле кладбища я вновь увидела весь ужас крови. Так вот, почему ты? Я повторяю, что, когда мы познакомились с моим будущим мужем, ему было лет столько, сколько сейчас тебе, вы и внешне похожи, и имена у вас одинаковые, и я его больше всего помню 18-летним. Упырь настаивает, чтобы я себе мужа нашла, видимо, другую жертву присмотрел. А где мне его найти, только если среди этих же упырей, что вчера жрали куски живого мяса, запивая их водкой? А просто уйти и жить на улице с бом-

жами... сам знаешь, как это будет. А у тебя лицо человеческое, и поступать ты стараешься так же. Так вот, в счет моей просьбы, за твой должок, возьми себе этот термос. Однажды он был полон моих слез.

Она из ящика достала еще два больших лимона, положила рядом с термосом, накинула на лицо платок, и я проводил ее до выхода. Она села в машину, и та ушла в темноту.

По моим подсчетам, ей получалось всего 28 лет. Я забрал термос и лимоны и пошел домой. В голове творился полный бардак. Я думал о возможной военной тайне, за которую Мальчиша-Кибальчиша запытали буржуины. И о том, что неважно, где жить, главное, кто рядом с тобой живет. Я пытался удержать себя в психическом равновесии, но это плохо удавалось, потому что его нет, этого равновесия между да и нет, между взять и отдать, как и между отнять и воздать, и может быть, это справедливо.

Дома у мамы была гостя – ее старая подруга, которая когда-то работала билетером. Это было тогда, когда еще был клуб, и была библиотека. Она была прямо сражена, как я возмужал и вырос. Конечно, если она меня видела последний раз, когда пропускала без билета на «Стряпуху». Они с мамой кроили что-то. Им было интересно вдвоем. Я намеревался попить чаю, а когда им показал лимоны, они дружно ко мне присоединились. А еще у нас оказалось чуть-чуть икры, вот этого чуть-чуть нам и хватило на три бутерброда, полакомиться. Она мне сказала, что жива эта замечательная биб-

лиотекарь, и что она так же верна своей профессии, и где-то по этой профессии работает, но где – она не знала. Но, наверное, я бы все равно ее не навестил, потому что то время уже не вернешь, а в этом времени мне ей и сказать-то было нечего. И, наверное, это было справедливо.

Понедельник был замечателен тем, что с утра ничем не напрягал. Все оставалось в том же русле, ночью чуть подмораживало, а днем отпускало. Градус наклона забора вроде и не изменился. Я хоть и проснулся вялым, быстро все наверстал в утренней пробежке и тренировке. Сегодня вечером у моих пацанов первое занятие с новым тренером в Доме пионеров. Об этом я думал, как о чем-то свершившемся и доведенном до конца. Вот так бы мне и с забором решить.

Сегодня в 14 часов идти в школу. Если меня там сразу признают, то пацану будет только хуже, но уж если нет, я постараюсь быть максимально убедительным. С первого класса в школе ты попадал в коллектив, и сначала этот коллектив октябрятский, и он – в звездочке, где у тебя уже есть секретарь. Потом – пионерский, в который сначала принимали лучших октябрят, а потом и всех остальных. Ну а в коллектив тоже пытались принимать всех, но это не всегда поощрялось, а там уже были секретари «убежденные», не «нашенские», они выплывали из октябрятских и пионерских секретарей. В школе еще был педагогический коллектив, которым руководил тоже секретарь партийной первичной ячейки. В общем, школа вместе с учениками и учителями была по-

литико-идеологическим интернатом. Хорошие были школы, только ты должен был вырасти в ней именно таким, каким хотелось коллективу, и, похоже, наш «керосинщик» где-то не пришелся в своем пионерском коллективе, и верно потому теперь и гоним. Не все хотели быть производными от коллектива, некоторые пытались сами грести. Когда меня все-таки взяли учиться в 8-й класс, с условием, что я после этого пропаду из школы, я понял, что если уже взяли, то просто так не выгонят, и в школьных сочинениях писал не то, что от меня ждали, а то, что сам считал нужным. И моих родителей уже в школу не вызывали, куда-то эти сочинения просто прятали, а в журнале ставили тройки. Привлечь восьмиклассника по политической статье было архисложно, как и объявить сумасшедшим. Так вот я и добрался до своего аттестата за 8-й класс. Если не хочешь быть как Павлик Морозов, то кому ты нужен?

А сегодня мне придется показывать бумажку с печатью, что я являюсь членом коллектива ДНД города, причем активным, и мне доверили на общественных началах помогать школе в воспитании этого мальчика. Для меня это был трудный, но необходимый шаг в стенах этой школы, шаг, для меня самого тошнотворный. Но стоило бороться за судьбу маленького человечка, который, шагнув в смрадную жижу, ледящую помойку, с факелом в руке, утонул, но факел не погасил. Ибо этот факел и был его сердцем, как у Данко, который ценой собственной жизни спас людей и был описан

замечательным писателем М. Горьким. Тем Горьким, который все знал о барачных резервациях, правда, другого века. И очень жаль, что он все же уверовал в диктатуру пролетариата и ее созидательную роль и пошел служить ей. Наверное, тогда это было справедливо.

Так вот, уже давно было понятно, что коллектив не может вырастить героя, да и воспитывать их никто не хотел. Хотели выковывать секретарей. А Родина моя ох, как нуждалась в героях.

Дорога до школы мне была очень хорошо знакома. Она начиналась, опять же, от главного штаба ДНД города, только теперь – в другую сторону. Через мостик малой «Нефтянки», которая впадала в главную «Нефтянку». Эта речка была полтора метра шириной, и когда нас, еще дошкольников, не отпускали далеко от дома, мы ходили вдоль ее извилистого русла, заглядывали в бегущую водичку, и каждый высматривал там рыбку. И кое-кто, конечно, ее там видел, только рассказы об этом были не очень-то убедительны. А весной на этих берегах рос лопух. Мы-то по-детски были уверены, что у грязной воды лопух не растет, наверное, когда-то из этой земли били чистые родники, только все они, впадая в помойку, ей и становились. Чистое, смешиваясь с грязным, не очищает его, а лишь само становится грязным. И, наверное, это справедливо.

Сегодня я шел той дорогой, по которой носил домой дневник, красным карандашом весь исписанный замечаниями.

Даже за самые отличные ответы мне уже никто не ставил пятерок: видимо, репутация моя и знания школьной программы вместе не уживались, так что пятерки мне просто стеснялись ставить.

На моей дороге был еще один мосток, тоже через малую «Нефтянку». С него марь просматривалась далеко в обе стороны. Влево этот ручей, далеко петляя среди мари, устремлялся к руслу основной «Нефтянки». Справа человеческий взор упирался в бугры, еще не освоенные человеком, а поросшие мелкой лиственницей и стлаником. Откуда-то оттуда и текла эта маленькая речка навстречу своей грязной, вонючей смерти. Потом еще один крутой подъем – и выход прямо на кольцевую дорогу, к торцу школы. Тому самому торцу, с которого когда-то Николай Максимович и снял лозунг, приветствующий органы за их блестящую работу. За что и был уволен секретарями, ошельмован и, как они думали, унижен.

Центральный вход в школу, который и при мне не работал, сейчас был закрыт. Я пошел к заднему. По времени я пришел за пять минут, встречал меня старший из «керосинчиков». Он уже, видимо, давно и раздетым высовывался из дверей, потому что весь замерз и шмыгал красным носом. Это была та самая дверь, у которой после уроков я однажды на глазах у всего класса взял у Галочки портфель и понес его до дома. Тогда была весна, это было первое и, как оказалось, последнее совместное прохождение дороги. Воистину, вот у таких дверей и поймешь сказанное грозным и суровым Ге-

раклитом: «В одну реку дважды не войдешь».

Старший «керосинщик» подвел меня к дверям класса, где вот-вот уже должен был закончиться урок, у младшего там была училка, которая угрожала отлучить его от тренировок. Я был страшно рад, что не придется идти в учительскую. Прозвенел звонок, он остался в той же ударной октаве. Первым из дверей класса выскочил мой подопечный, с глазами навывкате и, увидев меня, сразу приняв смиренный вид, встал рядышком. А старшего я отправил. В открытую дверь разглядел, что учительница что-то рассказывала детям, и я ее узнал – она пришла в школу, в начальные классы в тот год, когда я отчалил уже от этих берегов. Она, похоже, окончила то же училище, где обучалась и Машенька, и вот сейчас работала, уже поднабравшись опыта. Но она наверняка меня в лицо не знала, и я как-то приободрился. Выходя из класса, учительница сразу обратила на меня внимание. Я представился и показал свой «мандат», со словами, что она хотела увидеть тренера, и чтобы ее не утруждать, тренер сам пришел. Надо сказать, это ее несколько удивило. По всему было видно, что она не злая училка. Она при мне младшего «керосинщика» немного отчитала, закончив тем, что мальчик достаточно способный, но, к сожалению, его интересует все, кроме уроков. А когда я ему при ней поднес кулак к носу, прямо вспыхнула:

– Вы что, так нельзя!

Я согласно закивал. Она с охапкой книг и журналов побе-

жала по коридору. Все вокруг были в галстуках, а мой подопечный нет. Я опять ему кулак сунул к носу. Но, конечно, не за галстук, просто напомнил о правильном настрое на учебу. Судя по его глазам, он выражал полную готовность выполнить все школьные задания на год вперед. Но хорошо будет, если этого запала хватит хотя бы на сегодня. Я смотрел на этого мальчишку и представлял, как он, тощий и полураздетый, тащил на себе безродного пса по замерзшей мари. Тащил в ночи к лучшей собачьей жизни.

Я пошел домой, но другой дорогой, по которой ходят машины и автобусы. Направился к следующему мосту через большую «Нефтянку». Отсюда, с этого моста, влево просматривалась большая часть мари, были хорошо видны наши бугры и стены Дворца спорта, расписанные фигурами людей из будущего коммунистического общества. От меня в сторону этой чудесной живописи устремлялась уже еле заметная насыпь концессионной узкоколейки, по которой на маленькой дрезине к заливу возили нефть с промыслов. Ее накапливали, чтобы вывезти в страну враждебную. Если с этого места смотреть направо, то вдалеке распознавался залив, который тонкой полоской блестел там, куда несла свои испражнения «Нефтянка». Все те испражнения, которые собрались из решений социалистических обязательств и перевыполнения планов. Мертвое вливалось в живое, делая его мертвым. И, наверное, такое тоже бывает справедливым. Слева от меня был один завод, а справа – другой. А прямо по курсу –

отчетливый срез Сезонки. Ее вид по мере приближения раскрывался, претворяясь в дикое стойбище. Дальше налево – на улицу, которая носит имя великого писателя. На нее я и свернул, а по дороге прошел «ПАЗик», перед ним была остановка «Базар». Чеховка была вся завешана стиранным бельем. Простыни и пододеяльники слабо колыхались, что паруса в безветренную погоду, отдавая в воздух запахи хозяйственного мыла. Я прошел всю улицу и свернул не влево, к себе, а вправо, оказавшись на самом истоке Февралитки. Там стоял барак, который в народе называли Старая почта. Это была на самом деле почта, и там принимали подписки на газеты и журналы. Вот я и пришел подписаться со следующего года на журнал «Работница» – давнюю мечту моей мамы. Когда она получит первый номер, я буду далеко, а она будет одна. Марь была уже совсем подстылая. Жизнь на ней окончательно замерла, ожидая настоящего холода и снегов. И вдруг мне опять померещился то ли свист, то ли стон. Будто кто-то крохотный и одинокий ищет спасения, вроде это тот страстный призыв вопиющего в пустыне, оставшийся без ответа и без внимания.

С учетом, что до тренировки еще у меня было времени достаточно, я разогрел себе картошки с тушенкой, белого хлеба не было, и я отрезал горбушку от куриного. На почте кучи старых журналов навалом громоздились на столе. Я хотел купить старый номер журнала «Крокодил», но мне отказали в продаже, там была своя схема – покупаешь новый,

старый бесплатно. Сейчас я перед собой положил номер 21 за октябрь 1967-го года, того самого, триумфального года большого революционного месяца октября. Того самого года, когда закрыли библиотеку и открыли Дворец спорта, куда мы с Барабанщиком пошли записываться на бокс. В сатире, надо признаться, я был не силен, и вот сейчас, глядя на обложку этого журнала, я не мог понять, к кому же она обращена, эта сатира? Картина была во всю страницу, и на ней было несколько персонажей – честных тружеников, самый главный из которых был, конечно же, монтажник-высотник. Он в руках держал газету, где крупным шрифтом была написана новость, которую он показывал сталевару в защитном шлеме. Еще была женщина, которая тоже заглядывала в текст, по виду она похожа была на доярку, а может на ткачиху. А рядом были бабушка с дедушкой. Дедушка, надо сказать, сильно смахивал на главного персонажа известного фильма, который назывался «Сказка о потерянном времени», снятого по произведению Евгения Шварца. Того самого дедушку сыграл Олег Ануфриев. Может быть, они были похожи, потому что этот дедушка тоже был в красном галстуке? Так вот, на развороте газеты «Правда» они все читали сказанное черным по белому: «Снизить на пять лет возраст, дающий право выхода на пенсию». Если журнал «Крокодил» сатирический, то против кого направлена эта сатира? А если это юмор, то каким боком тогда «Правда», может это идеологический юмор, особого «нашенского» покроя? Об-

ложка второго журнала сего месяца и сего года была культурно-ненавистнической. На втором плане была картина 1897-го года, исполненная русским художником-передвижником Богдановым-Бельским, и называлась она «У дверей школы». У той самой двери, со спины, был изображен подросток, подстриженный под горшок, в обмотках и лаптях. Он был в совершенном рванье, с сумой и посохом. А на переднем плане были изображены уже современные две особи, вроде как разного пола. Они жадно и с явной завистью рассматривали этого мальчика в рванье у школьной двери, видимо, опоздавшего на урок. Тот из них, который был, предположительно, сильного пола, – высокий, худой, блондинистый, с длинными волосами до лопаток, в оборванной сиреневой кофточке, в широченных, расклешенных джинсах, которые держались на черном ремне с широкой прямоугольной пряжкой и были в заплатках разного цвета. За спиной у него висела торба из голубой джинсы, тоже в заплатках, преимущественно желтых и не имеющих четкой геометрии. Слева, полуприжавшись к нему, стояла та, что зовется слабым полом. Она была округлой, сиськастой и бедрастой, с редкими и короткими, но при этом грязно-торчащими волосиками цвета грязного чугуна. Была она в джинсовой голубой кепке и здоровых коричневых очках с ярко-желтыми ободами под цвет маечки, с большой, опять же, джинсовой заплаткой на животе. Юбка на ней была тоже джинсовая, вся как бы по низам покусанная, и такой длины, что представлялось, что дама без трусов.

В руке она держала тряпичную сумку, которая на длинной веревке болталась по земле. А на ногах – шлепанцы с обмотками до самых колен, на манер греческих нимф. Они смотрели на картину с явным сожалением, что таких шмоток, как у этого, опоздавшего на урок, уже не найти. Так вот, обложка этого номера – моего современника, сатирически очень даже была понятна, она была направлена против нищенства. И звучало все верно: если имеешь желание стать нищим – стань, нищим можно стать всегда. Если уж нищета загуляет, то лохмотья обязательно затрясутся, и это будет справедливо. Вот в таких разглядках я прикончил картошку и, запив ее горячим чаем, стал дожидаться, пока все внутри уляжется, чтобы идти во Дворец спорта – главную городскую штаб-квартиру ДНД. И там хотя бы сбоку поприсутствовать на представлении театра сатиры.

Там меня уже встретила вахтерша, она была в крайне раздраженном состоянии. Похоже, «нашенские» хорошо опохмелились и сейчас развлекались тем, что отрубленной медвежьей лапой гоняли по разным углам буфетчицу, которую, как сказала бабушка, щупали за филейные части. Буфетчица истошно орала. Где-то в дальнем углу дети, одетые, гурьбой толкались в своем малом зале, не зная, что им делать. Я им сказал переодеться, и сам пошел их готовить. Дети радостно бегали по залу и исполняли все, о чем я их просил, пытаюсь даже в мелочах быть послушными и исполнительными. Мне казалось, что нет плохих детей и двоечников. Они бу-

дут такими, если им не интересно рядом со взрослыми. Если у вас есть, что им отдать, то они обязательно это возьмут с благодарностью. Но это, конечно, если есть, что отдать. А сегодня в Доме пионеров первая тренировка, я даже мысли не допускал, что может что-то не получиться. Мне очень хотелось побежать и позвонить Марии Федоровне, но я воздержался. Не хотелось никого отвлекать, надо было выждать еще время. И так, наверное, было справедливо. Мальчишки в парах увлеченно играли в пятнашки ладошками, по свистку менялись партнерами, и даже самые маленькие пыхтели и старались делать лица строгими и по-настоящему мужскими. Точно такими мы и были с Барабанщиком 5 лет назад. Только вот он ушел в другую пьесу, а я остался в этой.

Сегодняшняя передовица местной газеты известила о предстоящей работе передовой молодежи города по восстановлению исторической памяти о сотрудничестве союзников в период войны на территории нашего района. Закончилось это словоблудие все тем же «Никто не забыт, ничто не забыто». В большой зал я сегодня не пошел и на ринг не вышел, оставил все пространство «нашенским», у них, похоже, были свои внутренние разборки. Из зала неслись рев и маты. Я отпустил мальчишек и немножко позанимался физикой, а когда заходил за гантелями, увидел такую картинку: двое на ринге стояли в партере и кидались друг на друга. Как в народе говорят, «письками мерялись». Я закончил и пошел под горячую воду. Буфетчица стояла за стойкой, красная и

растрепанная. Она, явно с душой, предложила мне газированный напиток, я отказался и, похоже, зря: чая, я понял, не будет, так как бабушка что-то усиленно строчила, это явно была докладная наверх.

Будильник прозвенел согласно выданному с вечера заданию. Утро просачивалось сквозь низкие облака. На улице еще потеплело. В конце сентября так бывало, но это было знаком того, что вот-вот придут холода, напористые и надолго. Сегодня вторник, день недели между понедельником и средой. Согласно международному стандарту – это второй день недели, хотя в некоторых традициях он считается третьим. В античной культуре вторник посвящался богу войны Марсу у римлян и Аресу у греков. Но мой сегодняшний вторник обещал быть мирным, и два последних дня я не собирался нагружаться. Буду обходиться только пробежкой и легкой разминкой.

Сегодня даже в курятнике было мирно. Я вышел на пробежку очень поздно, и она совпала с общим продвижением учеников в школу. Они шли учиться в сереньких пальтишках и сереньких шапочках, и с серыми же мешочками, в которых были сандалики для сменки. Детей было много. Первоклашек еще вели за ручку, бывало даже гуськом, по четверо. Видимо, взрослые в бараках водили детей по очереди. Сразу была заметна разница между первыми классами и четвертыми. Я между ними и петлял до школы, пока они не свернули к тому порогу, который когда-то перейдут оконча-

тельно. А дворовый забор все так и висел в воздухе, но он не портил ландшафт.

Я сегодня несколько изменил маршрут с целью заскочить в нашу участковую баню, уточниться с расписанием. Одноэтажное строение было оштукатурено и побелено, как важный социальный фактор. Но со временем от влажных испарений стены забугрились и частично отвалились. Они такими были еще тогда, когда я пацаном бегал сюда мыться или подстригаться. А когда малой был совсем, то и просто мамка меня водила по женским дням мыть. Сегодня, к моей радости, день был мужской, и работать она начинала с 14 часов, что меня тоже устраивало. Рядом с входной дверью было открытое окошко парикмахерской. Может быть, она тоже еще не работала, но оттуда громко рвалась музыкальная композиция 1964-го года под названием «Апачи», и я побежал дальше, как безлошадный индеец по Большому каньону. И пробежал почти всю дистанцию.

Уже на подъеме к Дворцу спорта, на мостике через малую «Нефтянку» присел на корточки, шнурок завязать на ботинке, и вдруг краем глаза увидел в прозрачной холодной воде, вроде как, в тень от мостика метнулась маленькая рыбка. Я еще постоял, надеясь, что это повторится, но миражи повторяются редко, особенно в одном и том же месте, а детские грезы – это всегда миражи, и, наверное, это справедливо.

Во дворике я еще на досках настила отжался, потянулся. Все во мне вроде работало в хорошем режиме. Ополоснув-

шишь в рукомойнике, налил себе большую кружку чая. Мама вчера насушила сухариков, я на них клал кусочки сыра «Дружба» и ел с великим удовольствием. Хотя на плите стояла кастрюлька с супом «лапшичкой», я о нем подумал, как о послебанной трапезе. Вот с таким угощением я и принялся добывать два номера «Крокодила». В них было много удивительных изобличений при помощи различных комических приемов: сарказма, иронии, гиперболы, гротеска, аллегорий и пародий. Но все это в сатиру, по-моему, никак не складывалось, так как было направлено на частности. При этом за броней пряталось то, откуда произрастали эти частности. И зреть в корень не работало, потому и эстетики не было. Зато было интересно, а где-то и по-настоящему смешно, особенно в рубрике «анекдоты»:

– Правда ли, что при коммунизме продукты можно будет заказывать по телефону?

– Правда, но и выдавать их будут по телефону.

Вот такой фольклорный жанр. Где-то в районе 14-ти я взял мамину матерчатую сумочку, положил туда полотенце, завернул в листочек газеты кусочек хозяйственного мыла и рогожную мочалку и пошел в баню. Дети уже возвращались из школы и двигались более ходко, тащили мамам пятерки за правописание, а кто и за пересказ стихотворения Пушкина. У меня в кармане был рубль, и я был полностью уверен в своих материальных возможностях. Баня была открыта, справа дверь в парикмахерскую тоже открыта. Очереди

никуда не было, только в маленьком окошечке виднелась голова бабушки-кассира. Я взял билет за 20 копеек и теперь мог в бане мыться хоть до ночи. Снял верхнюю одежду и пошел внутрь, там было совсем пусто. Я все с себя снял, повесил на гвозди в шкафчике и отправился в моечную. Там в дверях столкнулся с мистером банщиком в белом халате, как принято, коротеньком. В руках он держал свою специальную кочергу. Горячей воды было вволю. Я налил в тазик и вылил ее на ледяной каменный стол, который стал чуть теплее, и мой зад не стыл от лютого камня. Когда намылил голову, мне вдруг подумалось, что надо бы подстричься, вроде денег должно хватить. Я знал, что моя прическа – самая дешевая и стоит 70 копеек.

Посетители были, всего трое, и они замачивали веники. Тот, который ближе всех сидел ко мне, положил на свои совершенно белые колени ладони, которые были как бы в перчатках, так глубоко в них вьелся мазут. Он был припудрен постоянной работой на морозе. И руки, вроде как, были отдельно от тела, да и лицо оформлено такими же красками. Мужики пошли в парилку, а я за ними. Напустили пару, будь здоров. Меня всего съезжило и настойчиво толкало к дверям, а тот, что с черными руками прямо сказал:

– Вот ты молодой и мускулистый, а только кожа у тебя тонкая.

Хорошо это или плохо, я не понял, но не убежал, а стоял и ловил обжигающие волны пара, которые завихрялись

от того, как те махали вениками, и мне доставалось. Выйдя с невероятных оздоровительных процедур, я окатился тазиком холодной воды и вышел подышать в предбанник.

Мужики колдовали у трехлитровой банки с пивом. Тот, кто был с черными руками, ухватил ее за горлышко и огромными глотками принялся опорожнять, от чего у него заходил огромный кадык размером с кулак. Я опять пошел в моечную, долго еще терся, два раза с мужиками посетил парилку и даже венички опробовал. В отсутствие «нашенских» баня приобретала свой первоначальный смысл. Больше никто не пришел. Банщик сунул в дырку моего шкафа свой огромный крюк и открыл его. Я оделся и вышел в зал. Было жарко.

Дверь в цирюльню была открыта, и мастер на месте. Я заплатил в кассу 70 копеек и пошел на эту сумму наводить красоту. Вдруг почему-то подумалось: а сколько же стоит такая прическа, какую я видел в кинотеатре у своего бывшего одноклассника, а сейчас санитаря морга? Я сидел в кресле парикмахера, прикрытый простыней, а у головы шуршала электрическая машинка. В углу стояла маленькая скамеечка, кем-то когда-то любовно сделанная, и я, отчего-то вдруг, не знаю отчего, сказал:

– А ведь меня когда-то стригли на этой скамеечке.

Жужжание на миг замерло, мастер зашла так, чтобы видеть мое лицо, и спросила:

– И давно ли это было?

– Тринадцать лет назад, – ответил я.

И она неожиданно сказала, что с этих лет я мало изменился. Это была приятная женщина, и мне было в зеркало видно, что она улыбается. Она закончила стрижку, и уже совсем было изготовилась меня освежить одеколоном «Кармен», но вдруг задала вопрос:

– А не пора ли вам, мужчина, уже начать бриться?

Она спросила о том, что меня в последнее время тревожило. Из-за того, что я светлый от природы, моя растительность долго оставалась незаметной, но у меня было мнение, что уже пора начать бриться. Ответил просто, что я бы рад, но у меня на такую процедуру средств сегодня не запланировано. И в ответ услышал, что на такую-то «бородатость» и расценок не существует. Я пытался аргументировано возразить, что если начать бриться, то потом все начнет активно расти, и в ответ услышал:

– Мужчина, я вас уверяю, что лучше каждый день бриться, чем один раз родить.

И это было явно не от Мишеля де Монтеня, это было самородное. Она за минуту меня побрила, освежила и пожелала всех благ, потом включила магнитофон, и оттуда поскакали те же «Апачи». Но теперь я, помытый, подстриженный и побритый, не поскакал, а чинно пошел в своем направлении.

Дома в почтовом ящике лежал совсем свежий номер местной газеты, той, что была трибуном народной власти в районе. Талантливо и правдиво там было описано воскресное мероприятие по изгнанию диких зверей с кладбищенской

территории. Заметка называлась «Мы во всем победители». «Весь передовой актив города очень живо откликнулся на призыв руководства города и комсомола изгнать диких животных. Один из активных участников ДНД и замечательный охотник метким выстрелом сразил огромного лесного зверя, что было сразу же оформлено как заслуженный трофей, чем охотник может, конечно, гордиться. Ребята и девочки развели небольшой костер, спели несколько молодежных песен, читали стихи Михаила Светлова и разъехались по домам, ведь на дворе – воскресенье, и их ждут дома».

Вот так, совсем вкратце, корреспондент газеты увидел, как все прошло, по-молодежному и романтично, в духе Михаила Светлова. И это, наверное, справедливо.

В горячий суп с лапшичкой я покрошил сухариков и с удовольствием съел большую порцию, стараясь меньше стучать ложкой, чтобы не мешать маме отдыхать после дежурства. Я тоже решил прилечь и обдумать дальнейшие планы. Борис Николаевич посмотрел на меня осуждающе, а я все равно прилег на подушку, прикрылся газетой и заснул, вопреки всем биологическим часам внутри себя, но уж больно хорошо меня расслабили водные процедуры.

Мама, видимо, вчера вымочила капустки, и когда я проснулся, уже стряпала вареники – чудо-блюдо, с обжаренным лучком и маслицем. Я взялся было помогать, но был изгнан, так как у меня они не слеплялись, как я ни старался. Маму сегодня какая-то старая барачная подруга пригласи-

ла на свой юбилей, и она старалась быстрее накормить меня обедом. А пока мы болтали, мне очень хотелось ей рассказать про жилье в те две зимы, когда меня не будет, но я все же удержался, и опять решил ей сообщить это только перед уходом в армию. И в этом был смысл, так как сразу возникал вопрос: а что же с курочками? Мама закончила лепку, скинула с дощечки вареники в кипящую воду и побежала собираться. Лук я мог и сам зажарить, что и принялся делать. Мама надела свое самое нарядное платье, причесалась перед зеркалом, завернула в газету сшитый ей же фартук в крупный горох, что был, конечно, подарком, и убежала на застолье вдов, большинству которых не было еще и сорока.

Все как надо уложив в глубокую чашку, устроился перед телевизором, там начиналась «Международная панорама», полностью посвященная похоронам чилийского поэта, дипломата и политического деятеля Пабло Неруды, члена ЦК Компартии Чили и Нобелевского лауреата по литературе 1971-го года. Для меня это было печально, но не трагично. Я выключил телевизор и углубился в «Крокодил», в рубрику анекдотов. А там было все так:

– Чем отличаются комсомольцы 70-х годов от комсомольцев 20-х?

– Ростом.

Комсомольцам 20-х годов было все по плечу, а комсомольцам 70-х – гораздо ниже. Вот такой фольклор в журнале «Крокодил». Такие мелкие плевки должны были помочь мне

сориентироваться, но проблемы были в том, что я не хотел ориентироваться и приспособливаться.

Сегодня среда, последний день перед отъездом. Пробежка прошла легко, дыхалка работала, руки и ноги были легкие и отзывчивые. Не удержался, после пробежки все же заскочил во Дворец, сполоснуться, больно сильно пропотел. Видимо, такой теплообмен после бани. Вахтерша уже с ранья приняла телефонограмму о том, что завтра в 18 часов будет собрание с угрожающей повесткой дня «Наведение социалистического порядка в коллективе». Похоже, что они довольно давно хотят его навести. Бабушка настрочила жалобу, мечтая, что после собрания «нашенские» перестанут полы топтать и материться. Она глянула на меня торжествующе и сказала:

– А про тебя Лола Евгеньевна спрашивала, интересовалась, готовишься ли ты к соревнованиям. Я ответила, что готовишься.

Я хорошо сполоснулся от одолевшего меня въедливого пота, обсох и двинул к дому с расчетом позавтракать и пойти к физруку. Хотелось увидеться с ним перед отъездом. Он сегодня на занятиях, согласно своему расписанию. Расписание это помнил еще с того времени, как вдвоем с Сергеем у него в зале тренировались. Помню, как он жаловался, что среда у него – с утра и до ночи.

Я почти спустился к мосту «Нефтянки», когда услышал, что кто-то шаркающим бегом меня догоняет. Это был Булат – младший «керосинщик». Оказалось, что его мама с утра

отправила к дяде с каким-то поручением, а кто его дядя, я понял. Это тот, старший из братьев татар, приятель моего детства, мама которого нас, малышей, вылезших из снежных сугробов, пригревала у печки и поила каким-то особым татарским чаем с чак-чаком, а дед-лошадник пускал на чердак, лузгать шишки. Проходя по мосту, Булат как-то смутился, а я глядел на нефтеловушку, которая вот-вот должна будет изрыгнуть порцию плотной и черной отравы. Шли по тротуару, с обеих сторон уже не торчали, а были прибиты к земле будылы осоки.

На кочке сидели два здоровенных стервятника, ожидающие, что мы вот-вот пройдем мимо, а я опять услышал тот самый уже и не свист, а тоненький писк. Булат, который, как только наступало лето, жил на мари, сразу определил, откуда звук, ткнул пальцем в сторону стервятников и сказал, что там вроде бабочка какая-то. Мы пошли туда, огромные черные птицы отшатнулись от нас, отлетев на десяток метров. То была не бабочка: между двумя кочками лежала птичка в два пальца величиной. Ее за бабочку и приняли, так как она махала поднятым крылышком. Она была обессилена и еле двигала своей «ручкой», подзывая помочь ей выжить. Булат аккуратно взял птаху в руки, это был куличок с длинным клювом и глазами-бусинками. Куличок сейчас не оказывал ни малейшего протеста, Булат сразу сунул его себе в карман. Мы с ним договорились, что он сегодня же отдаст птичку тебе Маше, а она пусть сама распорядится ее судьбой. Так мы и

дошли до Чеховки, он свернул в Сезонку, а я пошел дальше, к базару. Вороны, которые все это время летели над нами и орала, отстали. Они нас ненавидели, потому что, как им казалось, мы поступили несправедливо, ведь согласно законам эволюции, кругом идет естественный отбор, и выживает сильнейший и приспособившийся. Слабому же отписано быть съеденным.

На базаре в магазин опять сгружали водку. Бутылки художественно перезванивались, а терпигорцы стояли кучкой в сторонке и неотрывно смотрели в ту сторону. Среди них был и тот сосед, дядя Коля, в синем занюханном длинном пальто. Они сейчас просились в грузчики, но та баба, что принимала товар, грозила им, что вызовет милицию, но, видимо, не так уж грозно орала, раз те не уходили. Мучение алкогольным голодом было сильнее страха за жизнь.

На главной площади города от праздничного осеннего воздуха веяло свежестью и чистотой. На блестящей городской Доске Почета, которую собрали из привезенного диковинного камня, были вывешены портреты почетных жителей города. Лица их были гордые и открытые, и все они – нефтяники, других не было. И могли ли быть здесь писатели, поэты, художники или музыканты? Конечно же, нет, ибо город производил продукт, но не жизнь. И уж точно на той Доске никогда не могло быть спортсменов, потому что спорт здесь был навязан, с разрешением существовать на усмотрение местных властей, которые регулировали все процедуры

от рождения до похорон, а труд был славен только тот, который производил продукт, остальное – вторично, ибо нецелесообразно.

В спортзале играли в волейбол, физрука на судейской скамейке не было. Со свистком сидел какой-то студент. Он мне и кивнул головой в сторону конторки. Физрук сидел в своем обычном голубом спортивном костюме и заполнял учебный журнал, видимо выставляя оценки. Мне он, похоже, искренне обрадовался, тут же включил чайник и, еще минуту что-то пописав, отложил журнал. Сказать по-честному, вид у него был уставший и какой-то напряженный. Своего товарища и нового наставника из Дома пионеров он после первой тренировки еще и не видел, но сказал мне, что, судя по реакции его супруги, с которой он случайно столкнулся сегодня в коридоре техникума, муж ее был очень доволен, как-то взбодрился и загорелся этим делом. Физрук нервничал: видимо, было еще что-то, чем он хотел поделиться, но не знал, как начать. Но, отхлебнув чая и проглотив уголок печенья, он все же начал:

– В понедельник, где-то в половине седьмого утра, ко мне домой на своем мотоцикле приехал друг – рыбак и охотник. Тот, что подвозил тебя на мотоцикле, а на служебной машине Сережу с мамой доставил к самолету. Так вот, он и был тот самый охотник, который убил «лютого огромного медведя», согласно газетному обзору. После этого «подвига» он ночь не спал, а чуть засерело, приехал ко мне. Он се-

бя проклинал и казнил. И картинка, что он мне обрисовал, была дикой пляской питекантропов. А приехал он так рано ко мне за помощью: ему хотелось как можно быстрее хоть как-то отмыться от совершенного. От того, что он оказался на линии выстрела, плохо понимая, что может произойти во время этой облавы на кладбище, и что за люди там пошли в загон. Ему было известно, что там уже как три дня шляется медвежья семья, занимаясь только им понятными делами. Это была большая медведица с двумя совсем малышами, и двухлетний пестун – девочка, которая когда-то осталась с мамкой, чтобы помочь ей воспитать своих братьев и сестер из следующего помета. Когда возникла опасность для всей их медвежьей семьи, она встала во весь рост, чтобы ее увидели преследователи, а у мамки с детишками была возможность проскользнуть в лес. Она увела преследователей в сторону от них, и мой друг по-честному стрелять вообще не собирался, желая только испугать девочку-пестуна, но все же он это сделал. А когда увидел, что те, кто был в облаве, кинулись ее добивать булыжниками и дубинами, осознал, что совершил. Он не дал ей всего лишь 10 метров добежать до зарослей. И, растолкав комсомольцев, жаждущих большой крови немедленно, добил ее и уехал. Он предполагал, что там был шабаш и дикое пиршество, и поэтому приехал ко мне. В мотоцикле у него лежало две лопаты, он хотел вернуться и похоронить все останки и память о том происшествии. Мы подъехали туда засветло, но вороны вокруг уже

каркали в ожидании предстоящего пиршества. Они не могли жрать в темноте, им нужен был свет Божий. Они мечтали о своем банкете, после двуногих упырей подошла их очередь. Мы выгрузились около места, тут, похоже, глубоко затемно закончилась пирушка, и принялись копать могильник. Земля не очень была податливой, и когда из темноты стали появляться очертания кладбища, с близлежащих деревьев стали подлетать первые стервятники, садиться недалеко от нас и подпрыгивать боком к месту предполагаемого пиршества. Товарищ мой достал из люльки двустволку и щелкнул курками. Черные птицы махом отвалили на безопасную дистанцию. Товарищ положил ружье, и мы начали скидывать в яму то, что находили под ногами, и то, что валялось поблизости. Тут было все – начиная от медвежьей головы и костей, кончая кишками и всем остальным, что бывает в живом теле. Выгребли из кострища куски, которые пытались рвать зубами «нашенские» и их окружение. Эти куски даже на лопате сочились кровью, а те упыри, похоже, еще и пытались пить кровь – у кострища стояла наполовину пустая кружка с черной медвежьей кровью. Сколько раз пирующие по поводу побития зверя ездили за водкой, нам было неизвестно, но в яму мы побросали сорок бутылок из-под водки и семь из-под спирта, плюс к этому – бесчисленное количество окурков, чью-то куртку, две шапки и, ко всему прочему, двое женских трусов. Стервятники опять стали подбираться. Теперь они выбрали новую тактику: садились на дороге

и пытались пешком прошмыгнуть в нашу сторону. Друг мой быстро схватил ружье и дважды выстрелил. Ранним утром над кладбищем выстрелы прозвучали набатом. Он не поленился сходить за двумя подстреленными птицами и кинуть их в яму. Мы все зарыли, разровняли, притоптали ногами, потом нарвали ольховника и замели следы даже своего присутствия. Затем приехали в техникумовский гараж, друг достал записку, и мы помянули пестуна. Он попросил у няньки прощения по примеру местных аборигенов, с которыми часто контактил во время странствий по местным трущобам. И сегодня, уже с утра, до работы собирался поехать за какими-то мифическими поздними грибами. Он знал местный лес и любил его.

Физрук закончил, кажется, с облегчением. Теперь он заговорил о другом:

– Звонил Сергей, для тебя наилучшие пожелания. Он сейчас служит в ЦСКА, готовится на первенство Центрального Совета. Передавал тебе огромный привет и просил напомнить, чтобы ты продолжал «держаться плотнее».

Мне было приятно от такого привета. В свою очередь, я доложил, что завтра улетаю на сборы. Мы уже тепло попрощались, когда я, выходя из его каморки, запнулся о мешок с чем-то. Он стоял прямо в дверях. Физрук скривился и каким-то совсем уж жалобным голосом обратился ко мне за помощью. Оказалось, что вчера его с группой студентов отправили работать в местный совхоз. Совхоз был подшеф-

ный, и студентов часто использовали в личных целях. Там надо было собирать горох для заготовки силоса. Но то ли у тех машина сломалась, то ли машинист был сильно помят и поломан горячительными напитками, но работа не состоялась. А ему все-таки подсунули этот мешок гороха, и он взял, думая, что в столовой студентам супа наварят. А тут его подняли на смех, горох-то был кормовой.

– А ты, милочка, рассказывал, что у тебя дома есть куры. Забери мешок, пожалуйста.

Я заглянул в мешок, там был не по-осеннему ярко-зеленый горох. Он был частично в кожуре, но для курей это была ошеломляющая халва. Мешок, навскидку, весил не меньше 30-ти килограммов. Довезти его было не на чем, но вид у физрука был такой грустный, что я взвалил мешок на плечо и отправился в сторону своего курятника, представляя, какая я приманка для всех ревнителей социалистической собственности, простых участковых и, конечно, «нашенских» дружинников. Вот так, с торбой на спине, и пошел домой, пройдя центр окольными путями и передохнув только разок, на мари, на виду у всего своего околотка. Я знал, что такому подарку не столько куры будут рады, сколько мама, ведь если мешать эту зелень с хлебом или перловой кашей, такое блюдо долго продержится в меню. Дома я не смог удержаться от искушения, набрал в тарелку горох и пошел в курятник. Ошалевшие куры налетели, ни одной горошинки не укатилось, а пустой зеленый стручок я бросил в щель секретарям.

Стручок мигом исчез, и весь подпольный коллектив пришел в движение, вероятно в честной дележке сюрприза.

Маму я увидел в окно. Она стояла у калитки и смотрела в сторону падающего забора. Мы с ней ясно понимали, что, как только он свалится, исчезнет то крохотное личное пространство, в котором мы жили. Мы сразу вдруг станем частью общего грязного проулка. Она ходила, как мне думалось, в магазин, ну и, конечно, загрузилась в том числе и хлебом, и крупой. Мама собиралась приготовить мне пирожков в дорогу на завтра. Надо было видеть ее радость по поводу гороха. Она смотрела его на свет, нюхала и даже кусала. Действительно, его зеленый изумрудный свет будто пришел к нам в гости из лета. Потом она завела тесто, и пока оно подходило, все рассказывала, как они с подружками хорошо посидели. О чем женщинам говорить, когда встречаются? Конечно же, о детях. Вот мама мне сейчас и порассказала о той моей, еще барачной, компании, то есть дошкольной.

– Так вот, твой друг Петруха получил три года. Он работал то ли слесарем, то ли токарем на заводе, и делал там финки для бандитов. А погорел на том, что воровал с автомобилей красные стекла со стоп-сигналов. Они ему нужны были для наборной ручки. Вот так и спалился Петруха.

Надо сказать, что из всей той компании я был самый младший, кроме нашей общей «сестренки» Танюшки, которая была и меня младше, но нигде от нас не отставала.

– Так вот, она родила ребеночка, живет где-то в вахтовом

поселке, с мужчиной, тот вроде хороший, только пьющий и побивает ее. А Лавруху в армию так и не взяли из-за того, что у него родился третий ребенок, а сам он работает сцепщиком на узкоколейке, вроде как неплохо зарабатывает.

Мама рассказывала еще и еще, и тут вспомнила Казыку, которого мы дразнили хохлом. Он жаловался, что тоже ходит во Дворец спорта и часто меня там видит, но я не здороваюсь – или не узнаю, или игнорирую. Я его, честно, не игнорировал, а просто презирал. Он был очень даже «нашенский». Прославило его одно происшествие, после которого он получил свое прозвище. С самых малых лет, если от мамы он получал три морковки, угостить друзей, то приносил их только две, а потом честно делил все на троих, в том числе и на себя. А тут сосед написал на соседа, что тот обжирается икрой и, может, даже приторговывает. По данному заявлению на первое самостоятельное дело отправили девочку-дознавателя, а для подкрепления дали ей Казыку с повязкой. Приехали по адресу и, конечно, никаких излишков икры не нашли. Была одна банка, которую мужик привез с вахты из леса. Для возбуждения дела явно не хватало объемов, но на выходе из домишки этого рабочего Казыка прихватил под куртку банку, четко зная, что за ним никто не побежит. Он уселся в УАЗик рядом с водителем. Пока дознаватель в машине писала отказную, он левой рукой банку придерживал сбоку под курткой, прижимая ее к ребрам. Это дело обещало холодную закуску. В УАЗике очень плохо включался ры-

чаг коробки передач, и шоферу приходилось прикладывать значительные усилия. Так вот, он к рычагу так приложился, что его железный набалдашник прямо ударил Казыку, и точно попал в то самое место. Трехлитровая банка лопнула, и все потекло, источая закусочный запах; оно текло частично вперед, под ноги Казыке, а частично – назад, на форменную обувь молодой дознавательницы. Ко всем этот рассказ пришел от болтливого шофера, и «нашенские» тут же прозвали Казыку Спизд. Так он теперь и бегал Спиздом, и ручкаться с ним как с другом детства у меня не было никакого настроения.

Так вот мы с мамой и общались, пока она не вынесла окончательный вердикт: что пирожки будет печь поздно, чтобы к утру они еще были мягонькими и теплыми, а вот плохо, что она рано на смену и даже проводить меня не сможет. Мама намешала ведерко отварной перловки, раскрошила полбулки хлеба и из мешка побросала гороха. Подумав, еще чуть добавила, все перемешала и пошла кормить хозяйство. Я видел, что ее будет очень трудно разлучить со всем этим, и был уверен, что она с первого дня моего ухода в армию и до самого возвращения будет собирать яички, вот что такое мама. А я ведь не собирался возвращаться, мне не хотелось быть тем, кому страшно от дома в трех шагах. Я чувствовал в себе потребность сходить за горизонт, который вечно приближается и вечно ускользает, как исчезает справедливость. Но я пойду той дорогой, потому что узнал, где начало пути.

Быстро спускались сумерки, и масть начала растворяться в них. На узкоколейке загорелись прожекторы и начали катать трубы, а по телевизору пел Кобзон. Мама посадила в духовку первую порцию пирожков. После Кобзона объявился киножурнал «Хочу все знать» – тем, кто не привык отступать, он поможет все познать. А потом подпольные жители начали атаковать картофельный ящик под полом. Они несколько раз, похоже, поднимались в атаку, но отступили. Так я и уснул в тот вечер, в рассуждениях о том, кому что по зубам в этой жизни.

Часть II. В последний бой

Утром раньше будильника меня разбудила мама, которая спешила убежать на смену. На прощание мы с ней поцеловались, и я проводил ее до калитки. Мой автобус прибудет к остановке где-то в 10:20. Времени у меня было еще достаточно. Сборы я начал с бумажек и паспорта, это много времени не заняло. Потом в сумку сложил бельишко, обувь спортивную, дареную, полотенце прилагающееся. Какое-то время думал, в сумке было еще много места. Снял со стенки ни разу не надетые перчатки и сунул их туда же. Борис Николаевич сегодня смотрел на меня со стенки как-то по-особенному. Похоже, провожал меня по-своему, по-олимпийски.

Закипел чайник, я в маленькой кружке очень крепко заварил, и когда заварка настоялась, вылил ее в тот же дареный термос, бросил туда два кусочка лимона и все залил кипятком, закрутил крышку. Пока я это делал, пару раз вдохнул чудесный аромат. Сунул термос в сумку вместе с пакетом пирожков. Вот, вроде, и готов. Не удержался, все же налил себе отдельно чайку, да с лимончиком и двумя пирожками. Попотчевался. Это было предсказуемо, что не удержусь. Из окошка увидел, как почтальон бросил в ящик газетку, хотелось выйти, забрать, но передумал, что-то не хотелось получить партию местных новостей про героев, антигероев и общий политический курс. А вот что захотелось

послушать – это да. У нас между сервантом и кадкой с фикусом был старый, расшатанный табурет, на нем стояла радиолоа «Урал-57». Когда в 1962 году о телевизорах еще и не ведали, я включал радиолу, она изнутри подсвечивалась загадочно-зеленым глазом. Я крутил ручку настройки и, сидя на корточках, слушал, что творится в мире. В тот год на всех волнах говорили одно и то же: про какое-то «ягодное» оружие. И только потом мне стало понятно, что это ядерное оружие. Карибский кризис. А еще тут был проигрыватель пластинок, обычных и долгоиграющих. Сейчас я достал из пожелтевшего же конверта пластинку фирмы «Мелодия» и запустил, после художественных скрипов полилась мелодия вальса «На сопках Маньчжурии». А потом запел Трошин «Подмосковные вечера».

Пришло время выходить. Последний раз обреченно глянув на свой больной забор, я пошел наверх, к баракам. Вроде и не спешил, а получалось, что иду быстро, уже оформилась привычка к быстрому шагу, переходящему на бег. А вот у школьного забора шла работа, стоял трактор, когда-то он был голубенький, и два человека заканчивали монтаж трех новых пролетов. Где-то посчитали, что ремонтировать забор не надо, лучше поменять на новый. Так и было: новый уже стоял и отсвечивал свежей рейкой, а старый, тоже ровный, но не такой блестящий, валялся на земле. У трактора стоял тот самый мой детский приятель, который оказался дядей Булата. Он приветливо поздоровался и спросил:

– Что, едешь соревноваться?

– Я кивнул. Он еще о чем-то хотел спросить, но не стал, лишь сказал отчетливо вслед:

– Все у тебя будет хорошо.

И это прозвучало в бодрой октаве.

Автобус пришлось подождать минут десять, мимо громы-хали трубовозы и вахтовки. Он появился как-то неожиданно и сразу. Народу было достаточно, я показал свой билет и сел в кресло кондуктора прямо около водителя. Народ был разный, двое даже в фуражках летчиков гражданской авиации.

По приезду все перебрались в зал ожидания, взвешиваться и регистрироваться. А если это уже все работало, значит, самолет сел и собирается в обратный путь. Я все быстро проделал, без сопровождающих получалось лучше. Оставалось ждать, пока попросят в автобус, что прятался в загоне. И тут, вдруг, – явление. В дверях появились оба «керосинщика», а я подумал: хорошо, что они собаку не взяли. У мелкого в руках был белый узелок. Как они сюда добрались и как будут выбираться, было непонятно. Они сказали, что приехали меня проводить, а узелок передала мама, сели по обе стороны от меня и стали болтать ногами. Они были явно довольны своей причастностью ко всему происходящему. Я лишь успел напомнить им про обещание хорошо учиться, как заскрежетал громкоговоритель – объявление о посадке. Я с пацанами по-мужски за руку попрощался и отправился в автобус, к которому с других сторон подходы были зарешечены.

Автобус был вне видимости, как бы в норе, даже в другом измерении. Дверь с нашей стороны с жутким скрипом отворилась, и мы стали заходить в этот автобус.

Бело-голубой «слоник» стоял, чуть подогнув крылья, в ожидании. Его чрево быстро заполнилось людьми, входивших внутрь старались как-то тише, а двигаться осознанно и размеренно. Мое место было у окна, рядом сел лысый крепкий очкарик и тут же углубился в чтиво в дешевом переплете, но мне с первого взгляда стало понятно, что он читает «Один день Ивана Денисовича». Вот тебе и сосед достался. За окном загудел винт, потом второй. Самолет затопал по бетонным стыкам, напрягся и прыгнул вверх. Уже через несколько минут внизу открылось все великолепие лиственного леса, который в это время был осыпан чистым золотом, где, конечно, были и поздние грибы, и медвежьи семьи.

Через час сосед перевернул последнюю страницу и положил книжку на колени, но названием вниз, потом откинулся и сделал вид, что заснул, хотя его пальцы чуть-чуть барабанили по задней обложке книги, видимо, мужика обуревали мысли, чтиво-то непростое. Он вроде как проснулся и опять начал читать где-то с середины, а я уставился через стекло в серую муть облаков. Минут через двадцать туман стал клочьями расходиться и проглянула земля. За 1000 километров от взлета природа была совсем иная, уже не совсем осенняя, но еще и не зимняя. Золотого купола не было, все было серое, и там, похоже, шел дождь. Самолет рывком ныр-

нул вниз и, быстро найдя точку опоры, заскакал по бетону. Сосед проснулся, в этот раз он, похоже, точно спал.

Нашего «слоника» долго тащили на задворки своего зоо-сада. Как только остановился, к нему подкатила «Волга», опять же цвета черного. Застучали двери, «Волгу» начали грузить. В ее багажнике все не поместилось, мешки стали тарить в заднюю дверь автомобиля. Ведру, которое угады-валось даже в мешке, из-за своей наполненности свежей ке-товой икоркой, место, конечно, было на пассажирском си-денье. А уж осетрина с лебедями, будучи в заморозке, по-мучаются и в багажнике. Мой багаж уехал раньше меня по каким-то своим почетным адресам, в свою зону контроля и дележки. На выходе стюардесса почему-то у меня попроси-ла билет. Она от него оторвала багажную квитанцию и, то-ненькими пальчиками порвав ее на мелкие кусочки, броси-ла в какую-то коробку позади себя. Все пропало в мусорной коробке, как будто бы и не было ни икры, ни лебедей, ни осетрины. По всем взлетно-посадочным площадям моросил мелкий дождь. Нас посадили в «ПАЗик» и повезли до зда-ния аэропорта.

По городу у меня был четкий маршрутный лист, с адресом и номерами автобусов, которые доведут меня до того адреса. На привокзальной площади я нашел один из тех номеров и сел ждать отправления. До моей остановки ехали долго, ав-тобус на каждом углу останавливался, по пять минут стоял, видимо, такой был график.

Наконец прибыли, мой адрес оказался прямо перед носом. Это были железные ворота с большими якорями на сером фоне. На проходной по-военному быстро сверили мою фамилию в паспорте со списком и показали, куда двигаться. Это было двухэтажное здание, метров этак за двести по гравийной дорожке. Мне уже однажды довелось пожить в казенных полатах, но это была прямо казарма. Если она предназначалась не для совсем вольной жизни, то и не для тюремной. Она была светлая, с двумя рядами коек, на которых уже припарковались два десятка молодых с сумками, похоже, таких же странников, как и я.

Не успев поздороваться, я уже был атакован, и кем? Мухой! Он приблизился ко мне по-боксерски, с уклончиками и нырками, и я честно был рад знакомому лицу. Мы с ним отошли в дальний угол, где сели у окна. Он тут же начал меня знакомить со всеми новостями сразу. Я, оказывается, прибыл одним из последних. Сегодня мы в этой казарме все ночуем, а с утра нас всех отвезут на тренировочную базу, лучшую в области, но это далеко, где-то 40 километров. Из области собрали лучших боксеров, но он знает, что на турнир заявят всего лишь в 7 весовых категориях, значит 2/3 народа отсеется после сборов. Сейчас в каждом весе по трое и даже по четверо. Муха сказал, что тоже тут почти никого не знает, но своих конкурентов видит сразу – они самые мелкие.

– Мой тренер говорил, что ты обязательно будешь. За тебя где-то в верхах шли серьезные дебаты, но тот человек, что

будет у нас старшим на сборах, настоял. Ты этого человека должен помнить, он был судьей в ринге на тех соревнованиях, из которых я по несчастью выбыл, ты помнишь, по какой причине.

Он для убедительности потряс передо мной своей рукой, подчеркивая, что совершенно здоров, и тут же добавил, что пожрать позовут только в 18 часов, а уже хочется. Вот и пришло время моих пирожков. Я все, что было, вытащил и разложил на тумбочке. А в белом мешочке оказался чак-чак и пять сосновых шишек. У меня не было сомнений, от кого этот гостинец, а про число пять я с раннего детства знал, что это число счастливое. Мы ели пирожки и по очереди запивали из крышки подаренного мне термоса. Мы никого не позвали, и к нам никто не подошел, но в оправдание хочу сказать, что там тоже без остановки жевали и запивали из лимонадных бутылок. Еще Муха рассказал, что это не все, часть уже уехала на базу. Там и тренеры. А сегодняшний день все еще считается днем прибытия.

– А почему тебя хотели вычеркнуть из списка? Ты кому уже успел насолить?

Я подозревал кому, но ему не стал об этом говорить. Муха был словоохотливый и в течение двух часов угощал меня разными рассказами, даже не требуя вступать с ним в диалог.

Вечером в проходе в казарму поставили у тумбочки матроса, и он назывался казарменным дневальным. Поставили его, похоже, для общего порядка, а когда пошли на обед, он

чуть ли не каждому объяснял, как пройти в столовую, которая была в соседнем здании. Дождь закончил моросить, и на улице было тепло. Ну, конечно, теплее, чем у нас.

Ужин был что надо. Половина здоровой алюминиевой чашки гречневой каши и здоровая котлета. И еще – каждому по соленому огурцу и помидору. А на тарелке отдельно – продолговатые колбаски желтого сливочного масла и нарезанный хлеб, да еще кисель, пахучий и сладкий. Киселя давали вволю. Потом нам на стол поставили ведерный алюминиевый чайник, у которого из хобота валил пар. Муха сгонял за чак-чаком, пацаны придвинулись к нам, и состоялось чаепитие. Один даже оказался знатоком чак-чака и рассказал, что лучше всего он получается с башкирским медом. А я вот его пробовал всегда только с разведенным в воде сахаром, а с медом бы тоже хотелось. С такого Дальнего Севера я, похоже, был один. Остальные добирались сюда колесным транспортом из ближайших городов и весей. Но парни были в большинстве своем приятные. С хмурыми бровями и надутыми щеками было меньшинство. Оказалось, что шишки такие никто из них не видел, и все попробовали мелкие, но пахучие и маслянистые орешки. Все понимали, что завтра уже придется лупить друг друга со всей силы, чтобы показать себя. Но никакой агрессии ни в ком не чувствовалось, и мне было хорошо среди своих сверстников. Это были как-никак спортсмены, которых мне приходилось у себя видеть редко и немного.

Улеглись спать все примерно в одно время, и, уставшему с дороги, мне не пришлось долго сон приманивать. Из кровати виделся чуть светящийся проход в казарму и фигурка дневального на тумбочке. У кого-то еще оказался транзистор, и он тихо-тихо настраивал на сон песнями Пахмутовой, которая была ростом 149 сантиметров и обаяла целое поколение советских людей своими текстами о патриотизме и верности.

Пробуждение тоже было легким, ни разминки, ни зарядки, столик с медсестрой и давление. Эту процедуру все прошли без замечаний. На завтрак – каша молочная, свежий хлеб, колбаски масла и кофе – обжигающий, наболтанный со сгущенным молоком.

Автобус уже стоял, вообще их было два, но во втором сидели какие-то люди, наверное, медики и еще кто-то. Выезжали без песен и речевок, но в хорошем настроении. Двумя автобусами ехали почти час, кругом был пейзаж, которого у нас не было: с обеих сторон горы, а возможно сопки. Мы пробирались, как стало понятно, к побережью. Наконец, добрались, это был портовый город. У причала стояли пароходы, а над ними возвышались длинные, горбатые краны. Такую картинку я увидел впервые. Подвели нас к серому трехэтажному зданию, похоже, это тоже было что-то морское, только без звезд, значит морское гражданское. На первом этаже раздевалки, а дальше по коридору – вход в зал. Нам объявили, что через полчаса построение и надо быть при полной спортивной форме. Мы держались с Мухой вместе.

Я постеснялся в зал пойти в майке ДСО «Трудовик» и надел свою старую красную майку без опознавательных знаков.

Зал был светлый и высокий. Посередине на двух помостах стояли два ринга. Они были хорошо установленные и даже с верхней подсветкой. Всех построили в две шеренги. Народу набиралось приличное количество. Открыл собрание и долго говорил о боксе и людях человек явно ничего в этом не понимающий, но, очевидно, какой-то ответственный работник. В конце своей речи он представил тренеров. Их было четверо. Главным был тот, который меня судил в ринге, он постоянно застегивал пуговицу на своем приличном животе, а та постоянно расстегивалась. А вот тут показали телевизионщики. В главных распорядителях был тот же самый, «нашенский» сынок, который выбрал меня на заклание, но очень просчитался. Я смотрел на его лощеную морду и думал, что не надо было мне тогда его жалеть. Он еще с полчаса красиво кривлялся в камеру, брал интервью, давал слово и приветствовал от лица руководства области и всего политического авангарда. Когда это все, наконец, закончилось, дали слово старшему тренеру. Слово, которое все ждали. Он сказал просто:

– Посмотрите, сколько вокруг вас, так вот: ровно через неделю вас останется семеро, согласно нашей заявке. Кто будут эти семеро – время покажет. Но там, куда их повезут, будет жарко. Там будет Магадан, Якутия, Бурятия и так далее. Выиграть там – это выиграть у половины территории Совет-

ского Союза.

Он проинформировал, что турнир мастерский только за первое место, остальные три – КМС. Здесь, на сборах, 90% тренировок – это спарринги. По их результатам и будет приниматься решение.

– Все пройдет под строжайшим медицинским контролем, а это здание в течение недели можно будет покидать только с моего разрешения. Столовая и спальные помещения находятся на втором этаже. Сегодня в 12 часов – медицинское обследование и общефизическая тренировка в зале. Каждый рабочий день – подъем в шесть часов, пробежка пять километров, потом часовая тренировка, завтрак и дальше по расписанию.

На этом он закончил. По его тону несложно было понять, что все им озвученное будет выполняться от А до Я. Мы с Мухой пошли устраиваться на житье; на втором этаже было много комнат, которые назывались смешным словом «кубрики». В каждом кубрике было по 4 кровати, и стоял стол в центре. Мы разместились в номере 5, покидали все вещи под койку и стали готовиться к мед. обследованию. Медкарты мы привезли с собой, а там были все наши болячки и все проблемы подчеркнуты красным. Наверное, по этой причине Муха сидел и многозначительно двигал своим правым плечом, а я мял свою левую кисть. По коридору бегал паренек и собирал квалификационные удостоверения и всех предупреждал, что медкомиссия только с паспортом. Мы пошли

вниз, заняли очередь и присели на скамеечку. Врачей было аж трое, и опять все начиналось с взвешивания. Все контролировал один из приставленных нам тренеров, он поздоровался с Мухой за руку, спросил про Мухинога тренера и попросил передать от себя привет. Он взял у Мухи медкарту, увидев у него вывих плеча, посоветовал перед врачами сильно не расхваливать свое здоровье. Им такое всегда кажется подозрительным.

С весом, как я и ожидал, оказалось все нормально, еще был запас, а после недельных сборов он еще должен был слететь. В носу и в ушах у меня тоже вроде все было в порядке. Долго осматривали и крутили мою кисть, разглядывали снимки, всю шишку прощупали, но на бумажке написали красным «Допущен». Муха хмурил брови перед врачами, стараясь меньше говорить, и его тоже допустили. Когда медкомиссия закончилась, нас всех попросили построиться по весам и сказали, что сегодня – только чтобы познакомиться. В моем весе было 7 человек, и, как назло, больше половины были с хмурыми бровями и плотно сжатыми губами. Лица, обреченные быть победителями.

Обед был еще более солдатский, чем завтрак: но только теперь носили не на общий стол, а раздавали по подносам, только кассы в конце не было. Еда была хорошая, и ее было много. Только есть нужно было с большой опаской. Муха в свой вес едва-едва влезал, а потому приходилось раздумывать, глядя в дымящуюся чашку борща со сметаной. Тут на-

ливают всем поровну, только сам себе каждый выбирал гильотину. И это справедливо. Ко всему прочему комфорту я обнаружил на этаже телефон-автомат междугородний, тот, что по 15 копеек. Как тот, что однажды сослужил мне службу в фойе «Бич-холла».

Сейчас, после обеда, я сидел на кровати под тот же транзистор, который выдавал «Машину времени». Муха вытащил из своей сумки маленькие дорожные шахматы, с первых же ходов стало понятно, что его птица счастья умерла. Я три раза его обыграл и, оставив его подумать, пошел звонить. У автомата стояли двое, похоже, «полутяжи». Они куда-то не могли дозвониться, и из их разговора я уяснил, что кто-то видел письмо из областного здравоохранения, в котором предписывался особый контроль за молодежью на сборах. Долго шел гудок вызова, но мама все же взяла трубку, и тут началось совсем мне непонятное. Она с первых слов начала меня хвалить и удивляться, как я так быстро перед отъездом сумел решить главную проблему – забор. Сейчас она всем этим любителю, и теперь наш домик имеет совсем другой вид. Она через слово меня хвалила, а я не знал, что говорить. Но все-таки понял, что в день моего отъезда из ниоткуда у нас появился новый забор, к тому же, судя по маминим восторгам, он был ровным и совершенно красивым. Больше ни о чем она говорить не могла, но я доложил, что уже на месте и все у меня ладится. Стыдно сказать, но мне приятно было думать о новом заборе, а уж откуда он появил-

ся, надеюсь по приезду разобраться. А может это чудо? Когда думаешь о чуде, да еще и на полный желудок, скажу вам братцы, это замечательный комфорт. Чудеса случаются, но случайных чудес не бывает.

Судя по расположению фигур на шахматной доске Мухи, он выиграл у соседа по проходу. Дальше через проход еще несколько человек резались в покер «на уши». В данный момент проигравший получал по этим нежным местам. Я смотрел на все это и ясно понимал, что с завтрашнего дня будет все по-другому, начнется жесточайшая борьба за то, чтобы попасть в число этих семерых в сборную области. Никто сюда, конечно, не ехал в роли мальчика для битья, не тот возраст. Муха все же проиграл. Сосредоточиться на игре ему не давала его живая натура. Я сыграл с победителем и очень быстро поставил тому мат, и он, похоже, обиделся, так как уходил и угрюмо сказал, что будет и на их улице праздник. Я только сейчас и разглядел, что он был хмурый бровями, и считал, что победа – это его второе имя. И никак по-другому. Шахматы надоели, и Муха принялся рассказывать анекдоты. Он рассказывал и сам от них веселился, но чудилось мне, что это веселье было с ноткой напряжения и ожидания завтрашней встречи за канатами.

У входа повесили расписание. Каждый день было одно и то же: в 6:00 – подъем, кросс 5 км, тренировка до 8:30, в 9:00 завтрак, с 10:00 до 13:30 – дневная тренировка, в 14:00 – обед, с 17 часов до 19:30 – вечерняя тренировка. В 20:00

ужин, в 22:00 – отбой. Итого, в день 8 часов 30 минут тренировок. Это на 30 минут больше определенного Конституцией физического труда на производстве.

Было понятно, что мы располагаемся в здании когда-то мореходного училища, которое в народе называют мореходка. На третьем этаже были учебные классы, а в одном из них стоял кинопроектор, и даже нашелся тот, кто его может крутить. К всеобщей радости, у него даже был кинофильм, да какой – «Фантомас»! Все, конечно, плотно набились в этот класс. Кинопроектор гудел, скрипел, но показывал, и звук был разборчивый. Фантомас бесчинствовал, комиссар был чистый придурок, а Милен Демонжо очаровывала, и все это в одной корзине. В конце сеанса механик объявил, что у него есть еще и вторая серия. Если будет возможность, он всех пригласит на следующий показ.

В подвале здания даже баня находилась, но она была вроде сауны – электрическая и маленькая. Все равно было видно, что ей пользуются. Но сегодня вряд ли кому туда захочется. Надо было больше лежать, чтобы завтра адаптироваться к тому гладиаторскому распорядку дня. Я небезосновательно думал, что не всем это удастся, ибо на этаже в туалете стоял хороший запах курева, и это явно не хулиганы с улицы пришли сюда перекурить.

После ужина с жареной навагой случилось событие, которого мало кто ждал. Когда посреди прохода поставили стул и стол, на котором были графин с водой и стакан, возник-

ло чувство, что сейчас явится иллюзионист и достанет кролика из цилиндра. Но все оказалось еще потешнее. Явился лектор местного общества «Знание» с тощей папкой и с умным видом нам начал читать лекцию под громким названием «Молодежь в авангарде социалистического соревнования в СССР». Он объяснил, что лекцию мы должны прослушать к предстоящему в следующем году XVII съезду ВЛКСМ.

На задних койках продолжали играть в карты, но уже, видимо, в «дурня», Муха что-то пытался тайно высмотреть у моего Огуренкова. Только все те, кто с хмурыми бровями, старались вникнуть в речь лектора, а я, наверетенив морду слушателя, непрестанно думал о заборе. У меня была одна версия, но никак она не оформлялась, поэтому мне казалась сомнительной. Еще думал, сколько по времени мне придется проходить с перебинтованными руками. Я старался их очень сильно бинтовать, и они в таком перетяннутом состоянии у меня теряли чувствительность. Если будет много спаррингов, и руки не будут отдыхать, то мне придется плохо.

Сигнал побудки прозвучал тем же прибором, которым местных курсантов созывали на начало урока. Он был громкий и дребезжащий. В проходе кто-то крикнул, что на сборы и построение 10 минут. Как бы там ни было, но через 10 минут ровно никого ждать не стали и побежали кросс, кто-то догонял вприпрыжку, кто-то еще на ходу одевался, а кто-то уже за углом начал прятаться. Весь тренерский состав остался на крыльце, и в пробежке нас вел паренек, видимо, мест-

ный курсант и отличник физической подготовки. Он бежал впереди, прокладывая маршрут. Мне кажется, что пяти километров там не было, или маршрут был не такой, как я привык, но здесь я пробежал с легкостью, без плевков и кашля, что, похоже, не всем удалось. Вероятно, часть претендентов отсеется без изнурительных спаррингов, которые начались сразу же после пробежки. Задачей этих сборов было не научить или воспитать, а хотя бы что-то выбрать, и по возможности показать какие-то успехи этого молодежного авангарда, который уже скоро перейдет во взрослый регион, чтобы выступить на Спартакиаде народов СССР, имеющей огромное политическое значение. Явно более значительное, чем положено простому спортивному мероприятию, даже общегосударственного значения.

После пробежки, в зале, каждый был волен делать, что хотел. На подоконниках разложили новенькие перчатки. Их было, наверное, даже больше, чем присутствующих. Прибежал Муха, он с трудом справлялся с дыхалкой. Я сидел на скамейке и бинтовался. Когда начались спарринги, они шли по простой формуле по две минуты, но было это не строго, кому-то сразу выпало три раунда, а кому-то по одному. Здесь никто не выходил просто подвигаться «по очкам», здесь требовали выкладываться на максимум. Били сильно и не всегда точно, потому такие раунды мало кого оставляли без травм. Боксеры дрались, а тренеры записывали. Врачи также работали во все глаза. Разыгрывалась фронтовая ситуация. Ме-

ня пригласили где-то уже шестой парой, в соперниках был кучерявый парубок, который даже не выглядел на 18, а его уже выпустили на передовую. Он на ней не продержался и двух минут. Второй был уже с нахмуренными бровями, весь зажатый, как корч зимой на морозе. Дважды я пробил его в одно и то же место, но он ничего так и не понял. Тогда я ударил в третий раз, сильно, его пошатнуло, и врач остановил этот раунд. Дальше был еще третий соперник, он умело убегал от ударов, но сам практически не бил. Больше заботился о своем собственном здоровье, а может что-то готовил. Через две минуты его убрали с ринга, и мне дали отдохнуть. Я сел, разбинтовался и стал наблюдать, как Муха раздвигает своего противника. И у него это получалось, от того, что Муха был очень быстрый на ногах.

Потом мы с Мухой, как на утро отстрелявшиеся, пошли постоять под душем. Оба ринга кипели страстями, и где-то уже кровью поумылись. Душевые кабинки были узенькие, но зато тарелки, которые сверху испускали воду – здоровенные. А Муха стоял под душем и все двигал своим плечом, видно стараясь остаться довольным, и, пару раз присев, выдал афоризм сквозь брызги воды:

– Ничего, прорвемся.

Утирались хорошими банными полотенцами, маета была во всем теле, потихоньку добрались до своей кровати, было ясно, что никому не интересно, какой ты будешь выходить на следующую тренировку. Это было личным делом каждого.

Хочешь – соблюдай расписание, хочешь – откажись.

А мы – на завтрак с утренним кофе, печеньем и глазуньей. Глаза у глазуньи почему-то были не такого цвета, как глаза у глазуньи дома. Они были не желтые, а бледные и невыразительные. И мы, конечно, их съели, а нам через сорок минут надо было уже снова выходить. А еще мне надо было успеть забинтоваться. И в таком плотном графике глазунья может сыграть злую шутку. И это было всем тут собравшимся известно, и каждый, глядя на эту яичницу, делал свой выбор. И мы с Мухой все съели.

С 10 часов все продолжилось без каких-либо существенных перерывов до 12:30. Между спаррингами все же старший тренер делал разумные паузы. Но из ринга меня не выпускали, подолгу подставляя тех или иных партнеров. Я все время ждал, что будет команда работать в пол- или четверть силы. Были короткие раунды, но как ты сам себя распределял, так у тебя и получалось. Я не гнался за показателями своей эффективности. Была возможность ударить – бил, но в большей мере себя сохранял. К исходу второго часа все участники превратились в общую потную кучу, еле шевелящуюся и практически обездвиженную. За полчаса до запланированного конца участников стали понемногу отпускать, только меня отпустили в числе последних. Старший тренер подсел ко мне на скамейку и так сказал:

– Есть у тебя ошибка, которую, конечно, сейчас не исправить, но ты должен о ней помнить. Когдарываешь ди-

станцию и уходишь с ударами в голову противника, сам вытягиваешь шею, задираешь голову и подставляешь челюсть с обеих сторон. Может найтись умелый боец, который увидит, и если он быстр, то сумеет догнать и приложиться. Мне понятно, что ты голову вытягиваешь, чтобы улучшить видимость, и так делают многие, но это очень опасная привычка.

Мне было приятно, что человек мне напоминает о том, что я и сам знал. Но без постоянного надзора тренера устранить этот недостаток было невозможно. Просто констатировать факт мало, с этим надо было работать под постоянным присмотром. Под горячим душем я вроде как остыл немного.

В столовой народу было немного, кто-то вообще не пришел и валялся на кровати. С кровати я и Муху забрал. Обед был хороший. Мы инстинктивно в него въедались и прикончили полностью. Времени у нас на все про все было три часа. В общем коридоре уже не было так шумно и оживленно, как вчера в это же время. По кубрикам ходила женщина в белом халате и почти каждого боксера бегло осматривала. В туалете опять было накурено. Картинка складывалась такая – уже завтра не все выйдут, даже на утреннюю пробежку, и весь отбор пройдет сам по себе. Я еле поднял Муху с кровати и повел на улицу: надо было отдышаться свежим воздухом и потом попробовать поспать. На улице мы сели на скамейку. Муха рассказал пару старых бородатых анекдотов, а взамен получил порцию новых. Настроение вдруг как-то начало выравниваться. Мы замерзли и, согревшись под одеялом, я

сразу задремал, и приснился мне тот самый очкастый попутчик с засекреченной книгой, который мне почему-то совал под нос указательный палец и поучительно говорил:

– Рано тебе еще.

Я проснулся, в коридоре кто-то спорил уже по поводу спаррингов. Муха лежал на спине, на животе у него были шахматы, он играл сам с собой. Я проспал почти час. Муха, увидев, что я проснулся, спросил, о чем сегодня со мной разговаривал старший тренер. Я ответил, как и было. И Муха, видимо, собравшись с духом, рассказал то, что знал от своего тренера, и то, что я сейчас на сборах, я обязан именно этому старшему тренеру.

– Он запомнил тебя с прошлых соревнований. Именно он был одним из тех, кто отказался подписать протокол о том, что турнир был проведен по всем правилам и судьи работали хорошо. Это он тогда от имени областного спорткомитета прислал к тебе в деревню то строгое письмо с требованием тебя отправить на сборы. Это он потом воевал, когда тебя просто вычеркнули из списка где-то уже на партийно-комсомольском уровне. Они там до всего докопались: и что ты был судим, и что не комсомолец, а потому не можешь представлять областной спорт. Это он на коллегию привел юриста, который рассказал, что если ты был помилован за подписью Подгорного и Георгадзе, то преследование тебя после этого считается преступным актом, и есть само преступление против закона. Это не произвело должного эффекта, тогда стар-

ший тренер официально отказался проводить эти сборы. Его долго хулили, но все же пошли супротив своих обещаний в партийных органах тебя не брать.

Было ощущение, что Муха хочет на пол плюнуть, в сердцах высказываясь, какой же мерзкий этот сынок и его папа, который первым, кстати, так и не стал. Вот так Муха и рассказал мне все секреты, которые знал. Конечно, мне теперь понятно, что человек ждет от меня бокса, и я буду стараться ради него как смогу. Я сам не хотел от бокса известности, не чувствовал желания жить в нем. У меня были совсем другие цели. Но сейчас я был обязан собраться и отдать все, что умею. Ибо на кону была не только собственная репутация, но еще и человека, который в меня поверил и боролся за меня, а это дорогого стоит. Ведь все немного было не так, и глубина там была другая, и Муха, конечно, об этом не мог знать. Суть была в том, что я – ученик Николая Максимовича, у которого была известная репутация. И там понимали простую истину: что яблоко от яблони недалеко падает, и если «яблоня» всю жизнь свою провела с окружающим миром и ни разу не сделала шага назад, то чего можно было ждать от ученика, который не уступит «нашенскому» миру, что был везде. А таких людей, как Николай Максимович, в высоких партийных кабинетах не забывают.

А в зале опять никого не призывали ни к разминке, ни к разогреву. Все себя сами обслуживали. Теперь уже пары были расписаны по фамилиям и, как оказалось, некоторые да-

же не по весам. Например, у меня все были тяжелее, но после спаррингов с «нашенскими» тяжами тут ничего страшного я не увидел. Задачи были двойственными. Первая – травмированную руку не растерзать, да и нос свой нежный не подставить. Все, что надо было, я отработал по полной программе. Перед ужином в фойе была уже очередь у междугороднего телефона-автомата. Кто-то уже наверняка жаловался на невыносимые условия сборов. Я понимал эту методику, она была не новой: сейчас нас за 3–4 дня загонят, а потом будет релакс. Будут восстанавливать и затачивать под новый режим, то есть уже соревновательный. Только вот, кто останется? А с вечера еще объявили: кому тяжело в таком режиме, – те могут по своему желанию или утреннюю или вечернюю тренировку пропустить, только доктора об этом надо оповестить.

Перед сном Муха сам попросился прогуляться на улицу. Там он меня начал пытаться, что происходит. Я ему и рассказал, что есть такая методика – изматывание, но не на все 7 дней. Это тренеры лукавят. Если они все 7 дней так будут с нами работать, то повезут на соревнования горстку мешков для битья. Муха вроде сразу приободрился, хотя было видно, что достаточно измотан. Уснул я быстро и спал без снов.

Был разбужен треском сигнального звонка к началу трудового дня. На улице никого не ждали и ровно через 10 минут двинулись на пробежку. Тренеры внимательными взглядами нас провожали. Побегали далеко не все. После пробежки я

удовлетворил в зале свою неотвратимую потребность в скакалке, забинтовался, сел и был готов к работе. И она меня быстро нашла – один из тренеров пригласил на лапы, на технику. Вкладываться было незачем, а поработать на технику очень даже хотелось. Видно было, что он в ответ на мою атаку пытался меня догонять, предостерегая от моей главной ошибки – задирания головы. Я старался. Потом были спарринги, потом опять лапы, потом снова спарринги; так прошли три дня.

Первого октября, вернувшись с пробежки, мы увидели список, вывешенный у тумбочки дневального. Согласно ему, 19 человек освобождались от сборов. Проездные документы им предлагалось получить в канцелярии. Нас с Мухой в списке не было, и мы не знали, то ли радоваться, то ли горевать. Народу в зале поубавилось. Я уже подумал, что начался релакс. Сегодня была обычная, в среднем темпе, тренировка на технику и такие же спарринги в среднем темпе. И после ужина нас пригласили на вторую серию «Фантомаса». Пришли все до одного, а в туалете перестало вонять куревом. Многие уже стали друг друга называть по именам и как-то осваиваться в происходящем. Нас осталось 14 человек – ровно в два раза больше, чем было заявлено на Чемпионат Дальнего Востока от нашей области. Я уже ощущал свой шанс участвовать в этом чемпионате, и очень надеялся, что он – последний в моей жизни. Но учитывая сложившиеся обстоятельства, я намеревался выложиться по полной.

А третьего октября, после утренней тренировки, объявили, что сегодня тренировок больше не будет вообще, и в 17 часов нас должны куда-то повезти в баню. На шестой день заканчивался изматывающий режим, и, конечно же, он заканчивался баней. В 17 часов нас погрузили в автобус и повезли в санаторий-профилакторий морского порта. Там была большая баня с настоящей дровяной парилкой, вениками, рукавицами и шапками в виде буденовских шлемов со звездами. В комнате отдыха стояли два ящика с газировкой для общего пользования. Тренеры тоже парились с нами и, похоже, были профессионалы в этом деле. Профсоюзная баня была что надо. Это было совсем другое, нежели то, к чему я привык. Здесь и парилось, и дышалось, да еще и чай с чабрецом, незнакомым мне до сего времени. До этого часа мы еще не ведали, кто поедет, но втайне каждый надеялся. Все сбились вокруг старшего тренера, когда он рассказывал, как будут проходить соревнования. Жеребьевки, оказалось, будет две. Одна из них – для первого дня, этот день будет предварительный, в нем не будут участвовать кандидаты в мастера спорта и мастера спорта, но он тут же подчеркнул, что мастер спорта нашего возраста в Дальневосточном регионе всего один, и привезут его или нет, он не знал. Этот парень выиграл Чемпионат Советского Союза среди юношей, и он из Магадана.

– Жеребьевка будет среди вас, и соревнования начнутся уже в пятницу, чтобы попасть в следующую жеребьевку, ос-

новную. В первый день у вас будет по два боя, и вы должны их выиграть уверенно. Тогда будут шансы остаться. Следующие два дня будут полуфинальные и финальные. За первое место в каждой категории можно будет получить мастера спорта, остальные три места – кандидаты в мастера спорта СССР.

И он еще раз повторил, что выиграть на Дальнем Востоке – значит выиграть у половины Советского Союза.

Форма боя была молодежная: три раунда по две минуты. После первого же нокдауна будут отдавать победу за явным преимуществом или техническим нокаутом.

– Поэтому, – закончил он, – хороший, точный удар – залог победы.

В бане было очень хорошо, по-доброму. Все открыто и искренне смеялись над анекдотами про боксеров, хотя всем они были давно известны. Смеялись, понимая, что вместо утренней пробежки будет построение, на котором объявят, кому куда ехать. И как бы там ни было, но мне представлялось, что это будет справедливо. Никого не осталось из тех, кто до белизны сжимал губы, а брови грозно нахмуривал, запугивая весь мир. А Муха-то оказался еще тем парильщиком, и меня тоже славно потренировал на полках веником.

К ужину приехали разморенные, перекусили, как уж получилось, и попадали спать без сновидений и размышлений.

Казарменная трещотка разбудила вовремя, но вместо улицы нас послали в зал строиться. Ровно в 6:10 все уже стояли

по линейчке. Старший тренер по-настоящему тепло поблагодарил всех за эти дни, что они здесь провели и сказал, что, невзирая на то, кто куда уезжает сегодня, еще целый день все здесь, а завтра автобус в 6 утра повезет всех в областной центр. Он вытащил из своей папки тонкую стопочку авиационных билетов и прочитал имена тех, кто завтра полетит на материк. Таких было семеро, и мы с Мухой в их числе. За завтраком мы все сбились в одном углу, обменивались адресами и телефонами. Было все по-товарищески, без обид и ужимок. А все лишь потому, что сделанный старшим тренером выбор был справедлив и понятен. Скинулись на торт к вечернему чаю, и гонцы помчались искать, где его приобрести.

А я пошел вниз, маме позвонить, сказать, что задержусь до 8-го в командировке. Мама опять начала про забор, я ее не останавливал. Она как-то быстро сама свернулась: оказалось, соседка наша померла, сегодня уже третий день, и будут хоронить. Муж ее очень сильно плачет, прямо убивается эти дни. Я вспомнил этого грузчика с трубовоза и тоже ощутил внутри себя скорбь. Потом я позвонил Марии Федоровне, она очень обрадовалась звонку. Я ее известил, что в составе областной сборной завтра улетаю на материк, просил всем ребятам передать привет. А кулик, с ее слов, жив-здоров, все пацаны в спичечных коробках ему таскают тараканов живых, бросают их в блюдце с водой, они там карабкаются, тогда он их хватает. Его тоже называли Дружком. От

всего сказанного ей, моя скорбь быстро накрылась теплом. Оно исходило от того лучшего, что я любил, и которое у меня было не отнять и не растоптать никаким секретарям. Потому сейчас я буду драться до победы за них за всех: за Николая Максимовича и за моего сегодняшнего старшего тренера, за всех мальчишек, которые меня ждут, и даже за тех трех Дружков, которые у меня теперь есть. Это еще неделю назад мне хотелось тут показаться и уехать, чтобы уйти в армию, но сейчас я чувствовал себя каким-то другим и, собственно, был рад тому. К автомату прибежал Муха, он тоже принялся набирать тренера. Я просил передать от меня привет и пошел в кубрик. На полу лежала моя сумка, из нее торчал красный край так и не надетых перчаток. Я их достал, протер полотенцем, положил назад. Тут же я дал себе твердое слово надеть их, если дойду до финального боя.

Муха дозвонился и прибежал с рассказом, что там все еще не затихают дискуссии. Подняли всю политическую грязь вокруг Николая Максимовича, и сейчас ищут виновных, кто такому человеку без всякой гражданской позиции вообще разрешал заниматься с детьми. Стервятники все еще не могут уняться. Я слушал Муху и понимал, что мне хочется в диссиденты. Только сначала требовалось получить блестящее образование, чтобы самому отделять зерна от плевел.

За ужином оказалось сразу два торта, и звались они «Бисквитные». Только мы присели за торт, как пришли тренеры с кульком конфет. Старший сказал, что за эту неделю

он собрал себе костяк областного бокса, и уверил, что ни одного человека из нас не потеряет. Если его все же поставят председателем Федерации, то спорт ни на какие плечи комсомола, как это было, он не переложит и сделает все, чтобы в области был настоящий бокс. И благодаря нам он увидел, что вокруг много талантливой и упорной молодежи. Спать мы ушли с набитыми животами и хорошими чувствами. А старший тренер был опять в рубашке, и она у него на животе постоянно расстегивалась каким-то волшебным образом. Не зря, наверное, говорят, что хорошего человека должно быть много.

Утро, как всегда, пришло с треском ровно в 6 часов. Легкие утренние процедуры, какао с сырными бутербродами – и в путь. Автобус уже с прогретым двигателем пыхтел на улице. Тот самый автобус, который привез сюда 35 человек, забирал 14. Такая вот статистика этого спортивного производства. Было прохладно и, как-то не часто, но даже капало. Может быть у нас, на севере, снег уже лег, но сюда он приходил позже, прошагав еще 1000 километров к югу. До аэропорта добирались почти час. Несмотря на ранние часы, народу вокруг было много. Мы тепло попрощались. 7 человек из 14-ти поехали своим путем, а нас – 7, и 3 тренера, стали ждать своего рейса, который должен был состояться через два часа. Все зарегистрировались, взвесили и наладились на второй этаж – в кафетерий. Там было много всяких сладких искушений, но они были уже не для всех доступны. Завтра с

утра взвешивание, а часть из нас была в зоне риска. Самолет, на котором мне, видимо, придется сегодня лететь, стоял в едином строю прямой видимости из зала аэропорта. Такие на задворках, как наших «слоников», не ставят. Я чувствовал волнение, что полечу на одном из этих громадных «слонов». Через час из громкоговорителя прокричали, что наш рейс приглашается на посадку. Мы встали в длинную очередь тех, кто сегодня были нашими попутчиками. После досмотра еще долго сидели в накопителе, пока стюардесса в синей униформе не пригласила в автобус.

Самолет наш был действительно здоровый, на кабине было написано ТУ-134, точно как на болгарских сигаретах. Салон был просторный, а может мне так казалось из-за небольшого опыта авиаперелетов? Без подскоков и тряски самолет под протяжный свист турбин оторвался от земли, пробил облака, и в иллюминатор брызнул солнечный свет. Первое объявление командира корабля было удивительным: лететь-то оказалось всего час тридцать, а второе объявление было тоже удивительным, но еще и приятным. Стюардесса попросила откинуть столики и приготовиться к горячему завтраку. Муха от восторга аж захлопал по подлокотнику. Он, оказалось, на таком «слоне» тоже летел в первый раз. Потом две красивые стюардессы начали возить ящик с напитками и чаем с лимоном. Кто знает почему, но мне все красивые казались похожими на трех несостоявшихся властительниц моей души. Это была неразгаданная тайна. А еще из напитков были

коньяк и вино, все было каким-то сказочным «шарманом». Муха насупился и скромно взял себе чаю и яблочного сока. А я просто чаю. Следом раздали еще коробочки со всякой снедью, салфетками и зубочистками. Волшебницы какие-то, эти дивы в голубом. Потом девочки доливали, кому не хватило, и собирали все, что осталось от трапезы. Когда все это чудо-действие закончилось, командир корабля попросил столики привести в вертикальное положение, потому что самолет начинает снижение. Еще через 15 минут попросили приготовиться к посадке, а еще через 15 самолет плавно коснулся земли, остановился и потихоньку двинулся своим ходом к зданию аэровокзала. И тут я вдруг увидел в иллюминаторе справа несколько «слоников» АН с привязанными к винтам красными тряпками. Их, скромных тружеников, прятали на задворках, и мне вдруг захотелось домой. У центрального здания стояли громадные «слоны», судя по ярким расцветкам, – еще и не нашей страны.

В столице Дальнего Востока нас ждали, на остекленной двери висела большая афиша с приглашением посетить Чемпионат Дальнего Востока по боксу среди молодежи, который состоится 6 -7 октября во Дворце спорта, и дальше – про комсомол и что-то подобное.

Нас никто не встречал. Мы получили багаж и сели в нужный автобус. Было видно, что старший хорошо в городе ориентируется. Через полчаса были уже в центре. Город был большой и красиво отстроен. Мы вышли в центре и потащи-

лись со своими мешками, кто бы мог подумать, в громадную гостиницу. А вот здесь нас точно ждали, потому что быстро расселили по двухместным номерам, комфортным и уютным. Я понимал, что, если завтра день отборочный, – это 1/8 финала, и одновременно 1/4, и все это будет проходить без парада и приветственных речей. Все торжественное останется на воскресенье, туда и зрителей приглашают. По нашим номерам ходил тренер со здоровым мешком и раздавал фирменную форму: трусы, майки и куртки с брюками из модного тогда трикотина. А на куртке спереди и сзади одним словом значилось место нашей прописки и проживания. Нам сказали, что это выдается на вечное пользование, но просили до срока не надевать. Мы с Мухой не удержались, примерили, получилось все ладно, и Муха, глядя на себя в зеркало, блеснул эрудицией и громко сказал:

– Конечно, по Сеньке шапка, – но тут же остро добавил, что это у русских, а по мексиканцу – сомбреро.

И мы оба рассмеялись. Я-то всю прошлую неделю прогулялся в своих красных брезентовых кедах с белыми веревочными шнурками, а вот сегодня достал свои боксерки, расправил и положил на видное место, а рядом – дареные Сергеем носки; перчатки пока доставать не стал, подумав, что это плохая примета.

Сегодня мы узнали, как аккредитованы наши тренеры. Один как секундант, другой – боковой судья, а старшему было доверено быть рефери в ринге. Но нас он судить, конечно,

но, точно не будет. Этим вечером, последним перед началом турнира, я думал про Николая Максимовича. Думал о том, как он сильно досаждал власти, будучи сам в весе мухи и больным. Я ведь по своим годам малой, чтобы много знать о той стороне его жизни. Но понимал, что он не одинок. Людей запугивали, но к нему эти методы были неприменимы. Он искал ту самую, ускользящую, справедливость, и я был готов идти за ним, а кто-то в отношении меня это давно почувствовал, уже сейчас создавая непроходимые завалы. И в первый такой завал я попал в 14 лет. Теперь будет следующий, в образе уже уготованного для меня стройбата. На этаже была буфетная комната на четыре столика, вот там, оказывается, мы и будем столоваться. Хотя и было тесновато, но нам мест хватит, на семерых. Вечером мы поели оладьи, съели по вареному яйцу и по пачечке вафель к вкусному какао.

С Мухой долго не могли заснуть, видимо койки были слишком комфортные. Он бессовестно все рассказывал мне про свою девушку, которая выше его на голову, но это не мешает ему гулять с ней под ручку. Мне в этом смысле было нечем поделиться. На этих нотах мы и уснули. Проснулись сами, одновременно, где-то около 6-ти, потянулись в кроватях, и Муха пошел в ванную. В дверь постучал кто-то из наших и прокричал, что завтрак через 30 минут, а выходим через час, в 8:00 взвешивание и начало соревнований. Мы все успели и к завтраку были вовремя. Был очень вкусный творог, кисель с бутербродами и колбасой. Муха взял только

чай и всем своим видом показывал, что напряжен и собран.

Все понимали, что это, наверняка, наша последняя еда до позднего вечера. До места мы добирались городским автобусом. Пока ждали, чуть пристыли, а нам этого было делать никак нельзя. Ехали с полчаса, и от остановки было совсем рядом. Все опять будет проходить в каком-то учебном заведении, по всему видимо – железнодорожном. Везде были эмблемы паровозов с крыльями.

Это был явно не Дворец спорта, о котором рассказали афиши. Там все было тесно, на подмостках стоял ринг. Его канаты были обновленные и белые, натянуты были хорошо. Раздевалка была одна на всех. Кто-то раздевался прямо на скамейках. На взвешивании была живая очередь. Рядом стояли представители с медицинскими книжками и квалификационными удостоверениями. Врачей было двое, а всяких судей – много. Их отличали серые брюки и белые рубашки с синими бабочками. Мы заняли очередь; в случае перевеса процедура повторялась еще раз, но в присутствии трех судей, и, если перевес подтверждался, несчастному просто ставили «баранку», то есть поражение. На наших глазах так уже с двумя произошло.

У нас все прошло хорошо, после взвешивания все сидели в зале и ждали жеребьевку, то есть состав пар и очередность выхода в ринг. Наконец, ее принесли, но я даже не стал вникать, просто убедился в своем везении и большой конкуренции в своем весе. У меня сегодня было больше всех бо-

ев – четыре, а у Мухи – три. Только ему сразу же повезло выходить уже второй парой. Так всегда, начинали с «малышей». Моя же пара была восьмой. Муху все разминали до последней секунды. И вот они пошли в ринг с секундантом. На ринге Муха вдруг оказался каким-то совсем маленьким. Против него вышел якут, он казался еще меньше, но в процессе боя показал себя очень даже умелым. Этот бой мне почему-то показался затянутым, колотили они друг друга что надо. Якут был ударным и проворным, но Муха, как мне казалось, был точнее. Судьи быстро подсчитали очки, и рефери поднял руку нашему другу. Это была хорошая примета, но она себя не оправдала: следующие двое наших проиграли, и один даже досрочно. Теперь нас оставалось пятеро. Уже вот и мне выходить; подошел старший, он был в судейской форме, просто похлопал меня по плечу и подтолкнул к рингу. Пуговицы на его животе были опять расстегнуты. Соперник мой – то ли с Чукотки, то ли с Камчатки, но мне почему-то показалось, что он солдат срочной службы. Как только прозвучал гонг, он вышел и поднял руки выше допустимого, и мне стало понятно, какой здесь нужен бокс. Еще в первом раунде я ударил два раза в печень слева и оба раза попал. Любому боксеру было понятно, что третий раз под такой удар уже попадать нельзя, и его секундант выкинул полотенце.

Через три боя мне опять выходить. Муха сидел на скамейке, прикрытый курткой, и трясся. А я – большой молодец, сходил-таки тайно в буфет, налили мне в подаренный

термос какао, и я еще взял маленькие пачечки вафель «Снежок». Я налил Мухе в крышку термоса, он начал отхлебывать и, потихоньку успокоившись, начал внятно разговаривать, но больше матерился. Я-то видел его бой, там действительно был непростой якут. Мой-то парень, видимо, подражал Ван Дамму, поэтому и руки задрал. От того, наверное, и не понял, какой это был бокс. Первый круг заканчивался, прошло 20 пар, значит 20 человек уже выбыло. В следующем круге будет уже по 10 пар, и мы пока оставались так же, впятером. В новом круге Муха был в четвертой паре, а я в восьмой. Теперь у Мухи был бурят, то есть хрен редьки не слаще. Я увидел, как Муха упал в первом же раунде, но упал на колено и руками не коснулся пола, и рефери, решив, что он просто поскользнулся, счет не открыл. После этого момента Муха, как голодный лев, набросился на соперника. Его, видимо, сильно напугало свое же случайное падение. Он выиграл, и вновь по очкам. Следующий наш парень выигрывал первый раунд и половину второго, но был объявлен проигравшим за рассечение брови. Врач его сняла. Такие правила у молодежи, и, наверное, это справедливо, и выглядело это по-честному, без всяких натяжек. При близком рассмотрении рана оказалась не такой уж и безобидной, похоже, шнуровкой рассекли бровь. Следующий наш, Ванька, выиграл легко, просто обыграл противника как учат на тренировках. Так вот, я только сегодня понял, что Ванька-то, оказывается, ученик нашего старшего тренера. До этого это хранилось

в тайне. Следующим был я, который не чувствовал ни напряжения, ни волнения, когда в углу увидел гладиатора, который приготовился навалить вокруг себя гору трупов. Такие противники мне были очень привычны. Меня беспокоили приветливые, открытые и улыбчивые, а не такие, которые пытались себя преподнести как монстров. Все началось, как и должно было быть. Он кинулся и начал закладывать боковую. Один мой джеб точно в нос его не образумил, но после того, как я к джебу добавил прямой с правой, он почему-то вообще перестал боксировать, а просто стал ходить по рингу и мычать. Судья его дважды предупредил за пассивное ведение боя и, не объявляя третий раз, отдал мне победу за явным преимуществом.

Муху уже не колотило, он сидел ничем не прикрытый, без разрешения пил какао из моего термоса и жрал вафли. Проиграл наш полутяж местному боксеру. Можно было много перечислять, чего нашему не хватило, а я просто видел, что тот был на каску сильнее. Вот нас пока и осталось трое, у них еще по одному бою, а у меня два. Время уже глубоко после обеда. Какао выпито, вафли наполовину съедены. Все шло согласно жеребьевке, без подчисток и исправлений. Следующий бой был у меня с местным, но мне было все равно. Вот уже и Муха вышел на последний свой, третий, бой. Его противника уже два раза вызывали, но он не вышел. Он был из тех, кто в вес не вошел. В маленьких категориях это не редкость. Рефери поднял руку Мухе, и хоть он и пытался гово-

ритель, что настроился драться и не нуждается в таких подачках, но, откровенно, по нему было видно, что он рад тому, что вышел в полуфинал, и рука у него в целости. У Ваньки был тоже местный противник. Бой был долгий и кровавый, его дважды пытались остановить, но победителя было сложно определить, и, окровавленные, они пробились все три раунда. Молодец, Ванек, – это была поистине трудовая победа. Я видел, как наш старший после боя подошел и обнял его потечески. Мне бы тоже так хотелось, но тех, кто называл меня своим сыном, уже не было на земле. Как-то после Ванька я страшно озлился на местных, чего, конечно, не следовало делать, но так уж получилось. Когда мы сошлись в центре ринга, я старался его не рассматривать, возможно, это был хороший боксер, но, как я понял, перед самым боем его так заинструктировали, что он уже не знал, как себя вести и что сначала делать. За то и поплатился: я подошел плотно и бил сильно, что и определило мою победу уже во втором раунде. Победу объявили техническим нокаутом, хотя было явное преимущество. Но, конечно, проиграть за явным преимуществом какому-то мальчишке из города Мухосранска было не престижно. Но если бы было нужно, я бы еще раз с ним, не раздумывая, вышел на ринг, но такого здесь сделать не могли. Вот так осталось нас трое из семи. В гостиницу поехали одни, тренеры все остались совещаться.

Автобус, благо, подошел быстро, ехали молча, только Муха как бы оправдывался, все повторяя, я бы, да я бы. Я-то

знал, что могло бы получиться все и по иному, но был очень за него рад, да и за его тренера, которого когда-то увидел в полувоенном френче. Плохая новость заключалась в том, что утром опять будет взвешивание. Мы приперлись никакие, да еще раньше ужина, но буфетчица, что утром мне наполнила термос какао, увидев нас, сказала, что может нас и раньше накормить. Мы устроились на стульях. Она на всю компанию наварила нам гору сосисок, нажарила сковороду картошки и поставила чайник с киселем, сказав, что если что, еще есть. Я попросил у нее книгу отзывов и предложений. Она сказала, что такой не имеет:

– Но если вы скажете мне доброе слово в лицо, я буду очень рада.

Я, видимо, еще не остыв от ринга, выдал что-то из великого Петрарки, который восхвалял Лауру. Товарищи смотрели на меня, выпучив глаза, а буфетчица прямо зарделась вся и пообещала завтра снова налить полный термос сладкого чая с травками и выдать печенья. Тренеров мы не дождалась и повырубались, как рабы в каменоломне.

Утром тренеры сообщили, что уже сегодня будет известно, кто победит. У нас по два боя, только теперь уже во Дворце спорта, и там идет скопление публики и всех приглашенных. Завтрак был опять хороший, но опять же не для всех, но теперь все, что не съели, нам буфетчица завернула с собой. А от себя еще дала тонкими ломтиками нарезанный сыр, да ко всему и термос полный налила. И казалось, что день уже

не будет такой голодный. Мы собрали свои сумки и пошли на выход, перчатки я не взял, да и вдруг оказалось, что нам и ехать никуда не надо. Дворец спорта предстал через два квартала, это было огромное сооружение, совсем не ровня тому дворцу, что расписан фигурами людей будущего со скуластыми лицами, с серпами и молотами на груди.

На входе встретили и отвели в отведенную для нас раздевалку. Там даже на двери было написано крупными буквами, что это именно наша раздевалка. Показали самый хороший проход к арене и оставили. Мне казалось, что Муха все не может проснуться. Вчера у него была очень серьезная нервная встряска. Мы пошли заглянуть в двери арены. Только от этого всего зрелища могло начать потряхивать. На огромной арене, которая, вероятно, использовалась и как хоккейная, и как концертная, на высоком помосте посередине стоял ринг, он был блестящий и ухоженный. Огромный зал заполняла какая-то хорошая музыка, она была не классическая и не молодежная. Мне показалось, что это все уже слишком для региональных молодежных соревнований. Но ответ был, и он был простой. Дворец спорта был еще очень молодой и обкатывался всякими видами соревнований даже не самого высокого уровня. Есть у таких учреждений понятие «обкатываться».

В 9 часов должна начаться официальная часть открытия, а к 10-ти стартуют полуфиналы. Мы, трое оставшихся, понимали, что именно сегодня нас ждут главные поединки, то,

к чему каждый из нас готовился. Пришли тренеры, они уже были наглаженные, причесанные и даже чем-то набрызганные, но, как я понял, не «Шипром». Они нас повели на взвешивание, участников осталось значительно меньше, и все прошло достаточно быстро и для нас опять без проблем. С Мухи за вчерашний день слетел килограмм, я потерял 120 грамм. Тренеры ушли на жеребьевку, а мы красиво принарядились и сели в ожидании. Старший тренер принес состав пар уже где-то за 20 минут до начала общего построения. Сегодня будет 2 отделения по 10 пар. Муха шел четвертый, Ванек шестой, а я – девятый. Все наши противники были кандидаты в мастера спорта, и было понятно, что чайников здесь не будет. И я вдруг вспомнил сегодняшней сон. Мне привиделся Борис Николаевич, что он бежит с Олимпийским факелом, но надета на нем форма нашего островного региона.

Гурьбой пошли на построение, народу в зале было прилично, все что-то ели, пили, кругом были лотки со снедью и напитками. Выстроили нас вокруг ринга, всего 9 команд, каждая команда держала фанерку с собственным определителем, у нас такая тоже была. Начались приветствия. Конечно, начали с правильных слов партийных и комсомольских органов. Только потом дали слово уполномоченному Олимпийского комитета СССР. Самая большая делегация была из Магаданской области. Делегация с Чукотки в составе 4-х человек стояла рядом с нами и смотрелась бодро и убедительно.

Торжественная часть закончилась, и мы пошли разминаться в маленький зальчик, который обнаружился рядом с нашей раздевалкой. Муха явно дымился и как-то неровно дышал. Я как мог его настраивал, плеснул на дно крышки чайку. Рот у Мухи был сухой и глаза красные. Когда его секундант повел к рингу, я тоже спустился в зал. Там общий свет притушили, белым пятном горел только ринг. У меня было плохое предчувствие. Против Мухи вышел флотский боксер. Он был жесткий и точный. Он просто бил, во втором раунде попал, и Муха присел на колени. Казалось, что все, но рефери показал, что удар был в перчатки. Вообще, видно моего другана ноги не держали. Я желал только одного – чтобы он этот бой проиграл по очкам. Так и случилось.

Через бой вышел Ванек, еще бой-то не начался, а к нему в угол подошел рефери и зачем-то позвал врача, он со вчерашнего дня лицом был не очень свеж, в гематомах и рассечениях. Мне было абсолютно ясно, что при любом повторном рассечении его по-любому снимут. Так и получилось. Во втором раунде его сняли за невозможностью продолжения боя.

Пришел старший тренер, посидел рядом со мной на скамеечке, ничего не сказав, ушел судить на ринг. Я не любил ждать, я нервничал, а когда нервничал, становился злой, а это чаще мешало. Я прыгал на скакалке и с надеждой думал, что это будет мой последний бой в боксерской карьере. Между поединками в зале включали музыку, а перед моим выхо-

дом вроде как звучали «Апачи», а может мне показалось? Я не знал, с кем у меня бой, но это явно был или якут, или бурят. Кто бы он ни был, оказался очень сложным. Он все время пихал меня в углы и бил со всей дури по ребрам. Честно сказать, когда пару раз он мне попал, злость сослужила мне хорошую службу, и я попал ему в печень в конце первого раунда. На второй раунд он уже вышел, плотно прижимая локоть к тому месту, где находится печень. Это была его ошибка. Любое мое движение в сторону его печени вызывало у него желание прикрыться локтем, и у меня появился шанс. Я показал в печень, а ударил левым боковым в голову. Руки у него распахнулись, показав ворота, куда я мог не бить, но ударил прямой. И он рухнул на настил. И вообще не молодежному мне объявили победу нокаутом. А публика хлопала, ей такое всегда нравилось.

Мухи в раздевалке не было. Я пошел его искать, нашел в вестибюле, в буфете. Он давился пирожками неизвестно с чем и запивал водой. У него был полный рот, и ясно было, что это нервный срыв. Я забрал Муху вместе с остатками трапезы и повел его в раздевалку. Там сидела вся наша команда, а Ване, похоже, голову все же стрясли: лицом был очень бледен.

Во второй десятке мой выход был пятый. Старший не пришел подбодрить, видимо, не было возможности. Что-то в этот мой выход и музыки никакой не было слышно, только общий шум в зале. Соперник в этот раз был отличный от

предыдущего. Он был высокий, сухой, лысый и с оттопыренными ушами. И было понятно, что в его перчатках пудовые кулаки. Он сразу встал в центре ринга и отвешивал с любого положения встречные удары своими кулачищами, пресекая любую мою попытку сблизиться. И все это у него эффективно исполнялось. К концу второго раунда я еще никак не чувствовал своего преимущества, да еще он, хоть и в лоб, благо не в нос, достал рукой. И тогда, как учил меня Николай Максимович, надо было идти на крайние меры. Но он всегда подчеркивал, что крайние меры должны приниматься в крайнем случае, потому что эти меры были на грани фолла. Этот соперник был левша, и ударная рука у него была левая. Вот на ней и надо было сосредоточиться. И когда он вложился в нее, я низко нырнул и со всей дури ударил в бок, что ближе к спине. Тут прозвучал гонг об окончании второго раунда, я пошел в угол, и противник тоже пошел, но пошел он полуприсядом. Парень был мужественный, судя по тому, как он брыкался от подошедших к нему врачей, но, когда прозвучал гонг, и он встал со стула, тут же от резкой боли присел на корточки. Это была почка. Это была крайняя мера. После короткого совещания судьи объявили мне победу техническим нокаутом. Вот я и в финале, и надо будет надевать красные перчатки.

С арены все меня провожали в раздевалку, налили вкусного чая из термоса. Я почему-то после этого чая стал обливаться потом, но под душ не пошел. Все мы собрались быст-

ро и двинулись в гостиницу гурьбой в 7 человек. Настрое-
ние, конечно, у всех было разное. Все ждали завтрашнего
дня, чтобы все это быстрее закончилось. Уже наскитались и
хотели домой, к мамам и невестам.

В гостинице я залез в горячую ванну и сидел там, пока
Муха в 10-й раз не позвал меня в буфет, бурча, что без меня
туда идти не хочет. В буфете уже все было накрыто, на сто-
лах стояли сосиски и жареные яйца. Я попил чаю, аппетита
у меня не было совсем. Нескончаемые перегрузки давали о
себе знать. Мне не хотелось ни шума, ни покоя, как-то все
было индифферентно, видимо, я начал уставать. Но после
этого чая я все же уснул и проспал долго. А когда проснулся,
Мухи не было, они все собрались в соседнем номере, и наши
два тренера рассказывали, что сами увидели и слышали у
ринга. Старшего не было. Мне захотелось есть, и я поднялся
в буфет. Он был закрыт, но когда я пару раз дернулся, двери
открыли. Все столы уже были сдвинуты в угол. Буфетчица
смотрела на меня с какой-то скорбью: наши, видимо, чего-то
наболтали. Она усадила меня в уголок, поставила кипятить
свой чайник и выставила оставшиеся холодные сосиски и та-
кие же холодные и уже чуть жестковатые жареные яйца, а
еще тарелку с двумя песочными пирожными. Я съел все, а
дождавшись чая, – и пирожные. Все это время буфетчица
сидела напротив, подперев ладонью подбородок. И хотя она
была старше меня не больше, чем на пять лет, умудрялась
иметь такое выражение в глазах, словно мать, глядящая на

сына, то ли уходящего на войну, то ли уже пришедшего оттуда. По всей видимости, она была хорошим человеком. После буфета я пошел опять в номер с надеждой еще поспать. Только не успел этого сделать, прибежал за мной гонец и сказал, что старший тренер ждет меня у себя в номере. Я умылся холодной водой, что меня немного взбодрило, и пошел по месту требования. Старший в майке, которая плотно обтягивала его не худое тело, сидел на кровати и попивал чай из стакана с подстаканником. Он начал не очень понятно: напомнил, что в текущих соревнованиях принимают участие 9 краев и областей, самая представительная делегация – из Магадана.

– Все это ты, наверное, заметил и знаешь.

Потом он продолжил:

– А вот то, чего ты, возможно, не знаешь. В прошлом году магаданской школе бокса был присвоен самый высший статус, который только можно у нас иметь. Она стала школой Олимпийского резерва СССР. И директор этой школы с полномочиями от Олимпийского комитета СССР присутствует на этих соревнованиях с первого дня. Возможно, благодаря этому на турнире идеальное судейство, честное и справедливое. И отношение к молодежи щадящее и доброе. Так вот, прошлый год был годом столетия Олимпийского бокса, и в Мюнхене, если бы не Лемешев и Кузнецов, для советского спорта была бы полная катастрофа. А ведь наша сборная прилетела туда в ранге победительницы предыдущей Олим-

пиады в Мехико. Больше такого не могло повториться, и все управление боксом отдали в Олимпийский комитет СССР. Теперь скажу по существу: так вот, я только что вернулся от этого представителя Олимпийского комитета. Он живет в этой же гостинице. Вот о чем мы говорили, я и хочу тебя просветить. Все, что говорилось, касается не только тебя, но и всех нас. Но прежде хочу немного рассказать об этом человеке. Это один из сильнейших знатоков бокса в СССР, и русского, и советского. Благодаря только его усилиям, такой бокс пришел и в Магадан, где стал главным спортом на Колыме. Я краем уха слышал, что его родители тоже там приняли мучительную смерть. Так вот, сейчас он пишет книги о боксе, о его истории и традициях. В Магадане при его активном участии создан музей, и там самый даже юный пацан знает своих мастеров и героев ринга. Этот умный человек сделал бокс основой патриотического воспитания и любви к своей земле, которая была с давних времен с античеловеческой репутацией и историей.

Я не понимал своего места во всей это истории, но мне очень было интересно, так как я знал историю Николая Максимовича и его бегства в 20-летнем возрасте.

Старший продолжил, что вот сегодня этот человек задал такой вопрос:

- Откуда ты привез того парня, и откуда у него такой бокс? Он назвал твою фамилию и еще раз спросил:
- Что за бокс твой парень выдает, я тебя спрашиваю?

Он как бы и строго спрашивал, но видно, что без злости, скорее с восхищением. Полез в шкафчик и вытащил оттуда белый треугольный вымпел с большим золотым гербом и золотой же надписью по белому полю «За лучшую технику в турнире».

– Я выклянчил этот вымпел в канцелярии Спорткомитета СССР. Этот вымпел экспериментальный и еще нигде не работал. Здесь же, в коридоре Спорткомитета СССР я столкнулся с Борисом, и вот что он мне ручкой написал на этом.

И я увидел на белом поле надпись: «С пожеланиями дальнейших успехов. Борис Лагутин», и подпись.

– Так вот, у твоего парня в этих соревнованиях 90% досрочных побед. А ты знаешь, у кого из молодежи были точно такие же показатели? Ты не знаешь, а я знаю. Они были у молодого Попенченко. Так вот, завтра, что бы ни случилось, вымпел я вручу твоему парню.

– Тут-то я ему и сказал, что ты совсем не мой парень. Тогда он сел напротив меня, скрестил руки на груди и сказал – рассказывай. И я ему начал говорить все, что знал о тебе, о твоих детских проблемах и отношении к тебе в спортивных кругах. Но как только я упомянул, что ты – ученик Николая Максимовича, то случилось невероятное. Этот уже возрастной и серьезный человек подскочил и схватил меня за плечи и почти закричал:

– Фамилия этого Николая Максимовича!

– Я сказал, он выбежал из комнаты, но немедленно вер-

нулся с пузатой бутылкой коньяка «Плиска». Было видно, что он в сильном волнении. Кто-то из его тренеров зашел в номер и вышел, он даже этого не заметил, ибо разговаривал сам с собой. «Ведь сразу было понятно, что это за бокс! Как же я не узнал его?» И он начал мне рассказывать про себя. По образованию он историк и уже много лет занимается историей Колымского края, имеет по этой теме больше десятка печатных монографий, в частности, уже несколько лет готовит к изданию публикацию об истории бокса на Колыме. И он уже пошел на поводу у тех, кто считал, что бокс там начался с 1949-го года, с села Ягодное. Хотя знал, что бокс был еще в 30-х годах, на что указывала одна-единственная фотография, которую он обнаружил в местном архиве. Это была фотография 31-го года, на ней были пять молодых парней и подпись «Это наша боксерская семья». Установили фамилии всех, в том числе и Николая Максимовича, тогда Коли. Но по официальным данным, они все были осуждены по совершенно надуманным обвинениям и расстреляны в 1937-м году. И вроде как весь колымский бокс и умер вместе с ними.

Старший тренер выдохнул, глотнул уже совсем холодного чая и продолжил:

– А я-то около года назад прочитал в журнале «Физкультура и спорт» большую статью про моего сегодняшнего собеседника, как тот со студенческой статьи исторического факультета, будучи уже мастером спорта СССР, ушел во фронтовую разведку. Как после войны доучивался и пошел в тре-

неры, сам не мог уже выступать на ринге из-за фронтовых ранений. Так вот, в том журнале была его фотография с множеством наград, среди которых было не спрятать строчку из трех Орденов Красной Звезды. Это была настоящая легенда, и вот сейчас этот человек сидел и упрекал сам себя, что не смог разглядеть свой же, колымский, бокс, который не умер в тех страшных годах. В их музее эта фотография как икона, и каждый, даже с юношеским разрядом, знает эту икону и почитает ее. Все думали, что от этих людей ничего не осталось, и они ушли навеки. Но теперь эти люди точно станут родоначальниками колымского бокса, потому что появилось то самое недостающее звено. И твоему парню, он опять сказал «твой парень», а потом поправился «нашему парню», давно не место в перворазрядниках. Он должен боксировать с мастерами. И завтра у него такой бой будет, с нашим учеником, мастером спорта. Он всего на год старше твоего, и это будет его последнее выступление на молодежном ринге. Он все так и держался за рюмку, не выпив ее. А сейчас поднял и знаешь, за что предложил выпить? За твою завтрашнюю победу. Он хотел, чтобы ты выиграл и стал мастером спорта. Он желал поражения своему ученику из расчета, что все равно победит колымский бокс, а в мастерах прибавится еще один человек. По мне – это высшая профессиональная честь и любовь к делу своей жизни. Еще он очень сожалел, что не имеет права быть рефери на этом бое, но пообещал, что меня определит в секунданты. Это в его полномочиях.

А также сказал, что отвечает за чистоту судейства. А напоследок добавил, что всех магаданских соберет и скажет, что найдено недостающее звено, и бокс на Колыме живет с 30-х, самых страшных лет, и он выжил, вопреки всему. А по тебе, с учетом, что тебя должны забрать в армию, обещал забрать хоть откуда и командировать либо в Дальневосточный СКА, либо в спортроту Тихоокеанского флота. Я вот решил тебе это все подробно рассказать, чтобы ты ясно понимал, какая сегодня картинка. И что теперь ты в глазах этих многих людей и есть то недостающее звено между сегодняшним временем и тем, уже почти былинным. Еще он сказал, что имена родителей Николая Максимовича выбиты на плите памяти в Магадане. Их там помнят, как людей, приехавших на Колыму, чтобы сделать ее цветущим краем, и безвинно там уничтоженных. Разговор наш закончился, когда в номер зашла женщина со светлым пиджаком в руках. Она его аккуратно повесила на спинку стула, наверное, в нем представитель Олимпийского комитета СССР будет завтра награждать победителей. На лацкане пиджака было привинчено два совершенно уникальных знака. Это Мастер спорта СССР образца 1935-го года и не менее уникальный знак заслуженного тренера СССР. Ну, вот теперь ты все знаешь, и мне как-то легче стало.

На такой фразе старший тренер и закончил.

Я был несказанно рад, что Николая Максимовича помнят и чтут, и сейчас стало ясно, что этих людей бесполезно убеж-

дать, что я не хочу становиться мастером спорта и вообще боксером, и что мне не нужна спортивная армия. Если я есть то недостающее звено, то только совсем в другом продолжении жизни и борьбы моего учителя. Он всю свою жизнь искал справедливости, как он ее понимал, и боролся за нее как умел, и я хочу, чтобы эта борьба не заканчивалась. Я нуждался в знаниях и был готов к ним идти. И, исходя из них, бороться, обретая право свое, которое искал Николай Максимович, коего еще в 20 лет в подвалах НКВД сделали инвалидом. В Сезонке мне было сказано: «Блаженны алчущие и страждущие правды, ибо они насытятся». Эти слова я услышал из-за той двери с Крестом, и хотел им следовать всегда. И мне думается, что это не я – недостающее звено, а это мы все, кто обязан идти и бороться за правду и справедливость. Поставить свою собственную жизнь против власти секретарей и легионов «нашенских».

Когда я пришел в номер, Муха решительно и ответственно заявил, что завтра у него последний день, а послезавтра он напьется как портовый грузчик! Муха-то, наверное, видел, как образцово пьют портовые грузчики. А мне тоже хотелось побыстрее приехать домой, на свой забор подивиться да маму обнять. Ничем услышанным от старшего тренера я делиться не стал. А то уже сегодня он начнет пить как портовый грузчик.

Ночью я спал беспокойно, под утро мне приснился сон, как мы с Барабанщиком в пятилетнем возрасте в малой

«Нефтянке» на удочки с поплавочками из пробок ловим мальмочку размером с большой палец и складываем ее в ведерко. А у ведерочка нет доньшка, и рыбка опять падает в ручей. А марь вместо желтых лютиков расцвела вдруг голубыми незабудками.

Меня толкнули, это был Муха. Он первый раз меня будил, всегда было наоборот. В буфете все было по-прежнему, нас встречали с добром и участием. Термос был настолько полон, что и через крышку источал аромат лимона. Так вот, мадам заявила, что только за нами уберет и побежит за нас болеть. Старший тренер жеребьевку принес прямо в буфет. Сегодня выйдут на ринг те, кто претендует стать чемпионами и призерами. Нашим перворазрядникам там и мест не было, были только кмс и мс, только в моей паре, которая по счету была седьмой, стояло «мс – первый разряд». Это было под моей фамилией. Можно было пойти и попозже, но пацаны выдвинулись, им хотелось увидеть финалы в своих категориях. А я взял красные перчатки и пошел с расчетом, что это мой последний в жизни бой на ринге.

Мы пришли за час до начала. Вдоль ринга стоял длинный стол, с которого свешивались блестящие медали, на столе стоял кубок и еще какие-то награды. Близко к столу нас не подпустили. В зале играла хорошая спокойная музыка, и все было обставлено завершено и торжественно. На дворе – воскресное утро. Те из публики, что были знатоками бокса и очень заинтересованными, пришли раньше и громко гал-

дели на арене. Включили большое табло, состоящее из двух экранов, на котором мелькали составы пар на сегодняшний финал. Дворец спорта отработывал все свои функции, и у них все работало как надо. Похоже, было предусмотрено еще одно построение перед финалом.

Своего противника из Магадана я сразу увидел: он был в майке, отличной от всех своих товарищей по команде. Она была голубая, с гербом РСФСР, а сзади было крупно написано «Россия». Он выиграл Чемпионат Советского Союза в составе сборной России и теперь имел пожизненное право носить такую атрибутику. А я вдруг подумал, что с его стороны это нескромно. Но тут же сразу придумал, что, наверное, тренеры заставляют. Вообще магаданцы стояли каким-то неровным строем и все время в нашу сторону заглядывали, наверное, все же тот дядечка исполнил свое обещание и всем своим рассказал о недостающем звене, которое протянулось от их иконы в музей. Муха тоже заметил, как там глазают, но он понял это по-своему: что на жертву примеряются, и тайком из-за спины показал им средний палец, и это выглядело не очень красиво. Речей никто не говорил, лишь главный судья напомнил о правилах в ринге, и что бокс у нас молодежный и поэтому щадящий. Он призвал всех не забывать о ценности и гуманности спорта, и нас отпустили.

В раздевалку пришел старший. Он общался со всеми, но поглядывал постоянно в мою сторону, видимо, пытаясь вникнуть в мое внутреннее состояние. Когда я вытащил из

сумки красные перчатки и показал ему, он одобрительно закивал. Похоже, знал их историю. Сразу объявил, зачем пришел: по вновь изданному протоколу он сегодня назначен моим секундантом. Он хотел быть рядом со мной в ринге, по ту сторону канатов. Муха уже не знал, как меня подбодрить. Он налил в крышку термоса чая и достал печеньку. Чая я попил, а печеньку он сожрал сам, потом подумал, достал еще одну и тоже съел. По внутреннему каналу связи всех пригласили к началу поединков. Все пошли, а я остался, и Муха со мной пытался остаться, но я его силой вытолкал.

Минут через пять пришел старший тренер с лапами и известием, что магаданские воспользовались своим правом участников и перед вашей парой попросили десять минут перерыва.

– Видимо, совещаться будут. Вот как этот перерыв объявят, так и пойдём на арену.

А пока мы пошли в маленький зал и хорошо подвигались на лапах. Старший не показывал никаких секретных приемов, правда, еще раз напомнил мне про мою торчащую на отходах шею. Объявили перерыв, и мы пошли на арену. Старший был с полотенцем, а я – в красных перчатках. Они были очень удобными, и в то же время жесткими.

Зал был полон народу, наши сидели во втором ряду. Мы пробились к ним. Между рингом и посадочными местами работали телевизионщики, катали свои ящики на ножках. Всех, конечно, привлекал этот необычный поединок перво-

разрядника с мастером спорта. В перерыве включили хорошую музыку Пахмутовой. Муха тыкал в мои красные перчатки и допытывался, сколько они унций, а я и сам не знал.

Перерыв кончился, и нас пригласили на ринг. Вышли мы почти одновременно. Теперь уже на нем была обычная майка, но отличные боксерки и носки примерно как у меня, белые, возможно, из той же партии. Мне неожиданно показалось, что я его уже где-то видел, и только когда мы сошлись в середине ринга, я вдруг понял, что нигде его не видел, а просто мы с ним похожи. Он был совершенно не злой, улыбался во весь рот, и потому был явно опасен. Прозвучал гонг, и все началось по обычной схеме, с разведки и обмена длинными ударами, которые приходились в перчатки. К концу первого раунда он редко, но стал попадать, за счет того, что мог бить под совершенно разными углами. Я тоже не отставал, но преимущества своего совершенно не чувствовал. Перед вторым раундом мне секундант сказал сакраментальную фразу:

– Попробуй плотнее.

Я попробовал, хватило только на два раза, он ничего не давал себе навязать и все делал по своему усмотрению. Это был отличный боксер с прекрасной школой. Если я однажды что-то провел, то повторить можно было не пытаться из страха получить в ответ. Он одинаково двигался во все четыре стороны. В перерыве я попросил старшего уши мне потереть. Он это сделал и, назвав меня сынком, отправил добывать победу. Сил у меня еще было полно, и я увлекся, начал насе-

дать, он отвечал то влево, то вправо. А тут встал и кинулся на меня в лобовую атаку. Он, видимо, знал, что будет делать. Я пошел назад, с ударами с обеих рук и, чтобы лучше видеть его, вытянул шею. И неожиданно ощутил себя в полушпагате. Так еще и когда устраивался в эту фигуру, со всей дури врезался носом в собственную коленку. Кровь полилась в два ручья, от колена до настила. Я был в нокдауне, мой соперник – в нейтральном углу. Рефери меня выпрямил, и в этот момент меня еще и закинуло вбок на несколько шагов. Рефери меня проводил до своего угла, посадил на стул. Прибежала врач и стала заниматься своими врачебными делами. По правилам молодежного бокса я проиграл по явному преимуществу противника. Но произошла какая-то заминка, моего рефери вызвали к столику главного судьи. Примчался один из наших тренеров, что был в судействе, и доложил, что там бунтуют магаданские, не соглашаясь, что победа была по явному преимуществу. А что она произошла в результате невозможности продолжения боя ввиду технического нокаута, а это имело совсем другой смысл для понимающих в боксе. Наконец рефери пригласил нас на середину ринга и объявил победу ввиду технического нокаута. Магаданцы так долго хлопали, что было непонятно, кому они аплодировали. Победитель после объявления вердикта обнял меня со словами:

– Спасибо тебе, брат, я сегодня как будто сам с собой боксировал.

Потом он пожал руки рефери, потом моему секунданту, я тоже за ним повторил. Зал рукоплескал не нокдауну, зал рукоплескал боксу. Я сидел во втором ряду, голова и нос чуть успокоились, я глотал чай из термоса, даже не замечая, что он очень горячий. Муха непрерывно жевал печенье и меня хвалил. Пришел старший и сказал, что магаданские просят меня не уходить после награждения, а я-то вообще на него не собирался оставаться. Но после просьбы ощутил, что не вправе уйти.

Скоро на ринге все закончилось, всех пригласили для награждения. Пьедестала почета не было, награждение проводили по сценарию представителей общественности и руководителей местных партийной и комсомольской организаций. Потом, когда все стихло, объявили, что слово предоставляется уполномоченному Олимпийского комитета СССР. К микрофону вышел абсолютно седой мужчина в светлом пиджаке, на лацкане которого рубинами горели два значка. В руках он держал белый вымпел с большим золотым гербом СССР. Он его поднял над головой и в микрофон сказал:

– Этот вымпел я сегодня вручаю лучшему боксеру турнира, который 90% боев закончил досрочно. А вам, верно, не видно, что на вымпеле надпись с пожеланиями дальнейших успехов. Это написано рукой Бориса Николаевича Лагутина!

Зал встал и зааплодировал. А он продолжал говорить в микрофон, что этот вымпел вручается ученику нашей боксерской школы – школы бокса Белой Колымы. Мне показав-

лось, что на последней фразе его голос дрогнул. Вроде всем было понятно, куда он с этой наградой пойдет, а он пошел в нашу сторону и мне вручил этот символ такого непростого спорта. Когда он меня обнимал, глаза его были влажные. От всего, наверное, этого, когда я сидел в окружении магаданцев и отвечал на их непрерывные вопросы о Николае Максимовиче, все рассказал, что знал сам. Рассказал даже то, что он был похоронен как враг государства – тайно и без имени. Потом они все со мной фотографировались и как-то незаметно надели на меня все свои золотые медали. Потом мы все вместе шли в гостиницу. Они жили на два этажа ниже меня и весь вечер еще бегали к нам в комнату пить чай, а их тренеры всем рассказывали, что во мне сохранилась действительно та техника колымского бокса, которая была утеряна в 30-х годах, и все эти годы по крупинкам восстанавливалась. И вдруг оказалось, что все это живое с ними рядом сидит. И опять они меня называли недостающим звеном. Тут же все и заметили, что мы внешне очень похожи с их чемпионом. И все смеялись, пытаясь провести какие-то фантастические параллели. Угомонились уже поздно, тренерам было не до нас, для них в ресторане местные устроили банкет.

Поутру – последняя трапеза в буфете. Наша буфетчица, оказывается, была на финале и сегодня пришла кормить нас с фотоаппаратом, фотографировалась с нами и каждому еще и по бисквиту подарила. Это была хорошая, позитивная женщина. У нас таких в торговле я не встречал.

Магаданцев было много, может, поэтому у них до аэропорта был отдельный автобус. Они и нас всех прихватили с собой, правда, кое-кому пришлось стоять, но никто не был в обиде. В аэропорту все сидели вперемешку, старший тренер сказал, что он меня ни в коем случае не потеряет, и, возможно, уже в этом году меня пригласят на всероссийские сборы. Он будет меня туда двигать. Я согласно кивал, внутри себя все планируя совершенно по-другому. Я первый улетаю, и сразу к себе – на Север. Попрощался со всеми тепло. Вчерашние наши соперники стали нашими друзьями. Я находился среди них и прекрасно понимал, что вокруг меня – будущие Олимпийские чемпионы и Чемпионы мира, а по-другому и быть не могло, когда на их родине такое трепетное отношение к тому, чем они занимаются. В большом сувенирном магазине купил маме рукавички из диковинного для наших мест зверя – козы. А когда шел на посадку, все дружно махали мне, пока я не скрылся в накопителе.

Часть III. Военная тайна

Из накопителя нас повезли в самый угол аэропорта, где стояли наши местные маленькие «слоники» – труженики. В салоне оказалось много свободных мест, и со мной рядом никто не сел. Вот когда я остался один, только тогда понял, как устал за эти десять дней. Усталость у меня выигрывала за явным преимуществом. И как только самолет оторвался от земли, я по-настоящему уснул, а проснулся только тогда, когда под полом загудело, а потом сильно хлопнуло. Это выпустили шасси. За бортом был серый, совершенно непрозрачный туман, но недолго. Как бы враз появился широкий про свет, и загорелась земля золотом в сплошном ковре осенних лиственниц. После двух разворотов внизу появилось озеро «Медвежка». «Слоник», втянув хобот, пошел к земле и, при тормаживая всей тушей, застучал ногами по бетонным плитам. Все кругом было припорошено снежком. Это был явно не тот уже сентябрьский снег. Этот, похоже, уже не растает. Время поздних грибов закончилось.

Автобус скоренько довез меня до остановки, на которой я вышел один и, закинув сумку на плечо, двинулся своей, с малых лет известной мне дорогой. Ветерок чуть подгонял в спину, идти было легко и весело. Забор у школы стоял, как будто никогда и не отрывался от земли. И новые штакетины прямо блистали свежеструганным. При моем приближении

зазвенел звонок, это было слышно даже здесь, на дороге. По часам, вероятно, закончился последний урок. Сейчас детвора, как мы когда-то, начнет атаковать гардероб и одеваться. У нас это всегда занимало немало времени.

Баракы все так же стояли в своей строчке. Около нашего тарактел мотоцикл участкового, а тот в люльку пытался толкнуть второй мешок, похоже, картошки, но мешок клонился вбок и пытался вываливаться. Милиционер меня увидел и шуточно козырнул. Я ответил в том же тоне; помойки все так же были не убраны и потихоньку парили, видимо, переваривая органику. Снег еще не успел прикрыть всю грязь, и на нем были пятна от грязных кошачьих следов. Похоже, зверюга охотился на воробьев, которые, сидя на заборе, дружно чирикали. Из нашего проулка мне навстречу поднимался парень незнакомый, но со мной поздоровался. Наверное, он был с нашей окраины – у нас тут, как в деревне, все друг с другом здоровались. Еще 20 шагов вниз, и я у нашего домика. Действительно, во время моего отсутствия произошло чудо, которое было реализовано в совершенно ровной строчке забора. Столбы были так глубоко закопаны, что даже в голову не могло прийти их пошатнуть. Это, конечно, был тот самый забор со школьного двора. Там уже он стал лишним, а здесь чудо сотворилось. Сохранилось личное человеческое пространство. Я знал, кто автор этого чуда, но мне всегда хочется, чтобы добро оставалось без имени. Заглянул в почтовый ящик, там была местная газета и конверт

с печатью местного комиссариата. Похоже, в нем была путевка в мою новую жизнь. 10-го октября к 10 часам мне надлежало явиться по указанному адресу для прохождения обязательной воинской службы. Большими красными печатными буквами внизу было написано «Служба в Вооруженных Силах СССР – почетная обязанность каждого советского гражданина». Оказывается, время моего нахождения здесь было очень ужатым. Я оставил сумку и пошел звонить. Вахтерша меня встретила очень даже добродушно. Мама сразу ответила и очень обрадовалась, что я уже дома, и мы договорились с ней, что завтра в 10 часов я буду ждать ее у памятника вождю. На том мы и порешили. Вахтерша мне шепотом рассказала, что, вроде как, нашего шефа переводят с повышением, а на его место хотели назначить нашего директора, но он отказался с таким скандалом, что ему сразу перестали предлагать. Дальше она многозначительно подняла палец и сказала:

– Говорят, что кого-то из ваших сватают на это место.

И указала пальцем в сторону буфета, а может и зала. Мне было плевать. Голова была забита тем, что надо завтра успеть отчитаться за командировку и маму ознакомить с ее возможным местом проживания. Я вернулся домой, достал из сумки красные перчатки и вернул их на место. Рядом пристроил вымпел. Борис Николаевич приветливо мне улыбался. Он у меня на этом месте провисел с 13-ти моих лет, и, кажется, все-таки он больше мне улыбался. Мне исполнилось 13, ко-

гда он вернулся из Мехико уже двукратным Олимпийским чемпионом. Свою медаль с красной ленточкой и документ к ней я положил на крышку «Урала-57».

В нашем курятнике царила все та же обстановка: петух ходил и важничал, а Секретарь таранился из щели в полу. На столе мама ровненько сложила для меня газетки, и я их, конечно, полистал. Оказалось, что всю прошедшую неделю лучшие городские кадры занимались исполнением статьи 209 УК РСФСР «О злостном бродяжничестве, попрошайничестве и о злостном уклонении от выполнения решения о трудоустройстве». По этой статье тунейдцев можно было сразу отправлять за решетку на год, а рецидивистов, то есть уклоняющихся, – на два. Тунейдцами автоматически становились те, кто не работал четыре месяца в году. Все, кто не хотел строить коммунизм. Так вот, опять отличились, кто бы мог подумать, «нашенские». Они всего за четыре дня провели 200 профилактических бесед и взяли письменное обязательство устроиться на работу и стать полезными обществу людьми. Актив города давал шанс людям со дна общества стать опять достойными людьми. Конечно, у «нашенских» был талант убеждать, такой талант был у всех людей с добрым сердцем и чистыми руками. Так спецкорреспондент с боевой фамилией Буденый заканчивал свою бодрую статью. С фронта патриотического воспитания новостей не было. Похоже, Барабанщик был на полевых работах. Зато была заметка, что медведи больше не беспокоят именно потому,

что человек – царь природы.

От всех этих новостей у меня пробудился аппетит. Я достал из подвала картошки, нажарил сковородку и с удовольствием набил ей живот, потом вышел во двор посмотреть на забор с обратной стороны. Все было ладно и прочно. Похоже, меня заметил тот самый сосед-грузчик с трубовоза. Прошло несколько минут, и он уже стучал по калитке. Я вышел к нему навстречу со словами соболезнования. От этих слов он и так-то, не будучи крупным, совсем ужаслся. В руках сосед держал коробку со шприцем, остатки ваты и бутылку, в которой колыхалась та же мера водки, которую я принес. Он мне все вернул со словами благодарности, да еще и рассказал, как строили забор. Он их услышал уже тогда, когда они вырвали трактором наши столбы и начали сверлить новые ямы, а потом в них задавили столбы трактором. Они зашли так плотно, что стоять им теперь вечно. Мало того, он обратил внимание, что они еще сделали перепланировку по проулку, так что теперь вода не будет течь в наш дворик. Помолчав немного, он спросил:

– Теперь в армию?

Я ответил, что уже завтра. Он приблизился ко мне и неумело обняв, сказал на ухо:

– Только после армии сюда не возвращайся, эта земля проклята, а люди все – заложники этого проклятья.

Глаза его при этом как-то странно заблестели. Он вроде начал уходить, но, спохватившись, вытащил из кармана ма-

ленькую бумажку и передал мне ее со словами:

– Просили тебе в руки отдать те, кто забор строил.

Он пошел в свой дом, а я – в свой. Эта бумажка извещала о том, что три пролета забора б/у были приобретены у такой-то конторы за наличный расчет в сумме 4-х рублей 18-ти копеек, что подтверждали печать и роспись. Это был приходный ордер, то есть хорошая бумажка, имевшая силу охранной грамоты для мамы. К ней всегда могут прийти и задать вопрос в то время, пока я буду свой долг гражданина отдавать Родине.

На часах еще не было и 16-ти, а я уже собрал все нужные бумажки, с расчетом застать Лолу Евгеньевну и отчитаться по командировке и, показав повестку, рассчитаться на работе. По телефону застал только бухгалтера-кассира, она была приветлива и сказала, чтобы я приезжал, она в течение получаса все приготовит. И я двинулся в путь.

Марь уже совсем как-то съежилась и была не под белым одеялом, а под каким-то серым, и вроде как засыпало это место моих игр и детских приключений. Тротуар был скользким и уже сильно расшатанным. На базаре людей-терпигорцев видно не было. Вероятно, работали сделанные «нашенскими» внушения и устные разъяснения. К тем беднягам вот-вот подкрадутся холода, и надо было устраиваться где-то у теплотрассы, но их неистребимая потребность в алкоголе и голод со вшами опять выгонят на улицу, но это будут, конечно, те, кто может ходить. А остальные будут ле-

жать и гнить в собственных испражнениях, при этом надеясь, что, может быть, кто-то из их подземного царства что-нибудь принесет. Нищенство на севере вымерзло за зиму, но не всегда до конца. Столь любимый эволюционный закон естественного отбора – краеугольный теоретический камень строителей коммунизма – здесь работал очень криво. Мало того, что кто-то, цепляясь за жизнь, доживал-таки до весны, с приходом весны к ним примыкали новые члены, за зиму окончательно отлученные от семей и работы и получившие такую свободу, которой не знали, как управлять. По площади сновали люди. Послеобеденное время понедельника, конечно, было не время праздничного променада, это время озабоченной и почти всегда пустой курьерской топотни.

Контора была открыта, но на рабочем месте была только бухгалтер-кассир. Эта женщина на своем месте пережила многих начальников и секретарей начальников. Она взяла мою повестку и тут же напечатала коротенький приказ о моем увольнении в связи с призывом в ряды Вооруженных Сил и, согласно этому приказу, подвела мне полный расчет. Одновременно рассказывая, что начальника, как он и хотел, переводят на должность зама в исполком, а Лола Евгеньевна ищет новое пристанище, поэтому вся контора пока на ней. А на мой вопрос, что это она так неприязненно про Лолу Евгеньевну, женщина искреннее расхохоталась и спросила:

– Что, она тебе тоже про мужа-летчика рассказала? И ты, наверное, уже подсчитал, что ей лет 25–28? А ей, миленький

мой, было 40 в том году! Она когда-то училась в областном театральном училище, но, не окончив его, пошла на курсы машинисток, считая в душе себя служительницей сцены. Лола – ее сценическое имя. Она хоть тебе не говорила, что ребенка потеряла после гибели любимого мужа-летчика? Если этого не рассказала, значит пожалела. Но что ты похож на ее молодого мужа, конечно же, сказала, и что имена у вас даже одинаковые. Она всем эту историю рассказывает, а на память дарит термос, как единственную память о своей семейной жизни. У нас на складе таких неоприходованных термосов еще сотни лежат. Вот Лола сочинила такой сценарий и, мечтая поставить его на сцене, постоянно репетирует. Начальник ее, конечно, с собой забирать не собирается, и сейчас она мечется в поисках покровителя. Мне, молодой человек, один этот сценарий, отпечатанный на листах, попался на глаза. Он называется «Придуманная история девочки Лолы».

Я был ошарашен. Оказывается, все эти откровенные слезы и рыдания были игрой со сцены. Да, учиться видеть правильно никогда не поздно. Мне разом стало противно и одновременно стыдно, то ли за себя, то ли за все остальное. Прав был первый народный артист СССР К. Станиславский: «дом кладут по кирпичикам, а роль складывается по маленьким действиям». И, наверное, это справедливо, и не только применительно к данной персоне. Получил я полный расчет, вся сумма вместе с выходным пособием составила 106 рублей 84 копейки.

Время было уже не совсем удачным, но мне очень захотелось увидеться с физруком. Я пошел в его сторону, но дверь была закрыта, света, который горел в зале даже днем, видно не было. По освещенной центральной улице прохожие двигались согласно понедельнику, унылые, как будто битые, выражение лиц у всех было такое напряженное, как будто их тоже в армию призывали. На часах было начало седьмого. В Доме пионеров должна была начаться тренировка, и я не мог пройти мимо, совсем без умысла чем-то ей помешать. Я хотел просто подсмотреть, не очень понимая, для чего мне это надо. На торце здания даже в темноте отчетливо читалось «Верной дорогой идете, товарищи!». Я зашел в тамбур; слышно было, что по коридору бегают. Я чуть приоткрыл дверь. Лица у пацанов были сосредоточенные и серьезные. Были знакомые лица и незнакомые. А вот и оба «керосинщика». Но, зная, какой в коридоре бывает сквозняк от щели в дверях, я поспешил ее прикрыть. Все работало, сердце билось как у человека физически и нравственно здорового.

«Нефтянка» с моста уже была неразличима, но она из темноты настырно бубнила и булькала, вспоминая свою горькую участь, что ее, когда-то живую и чистую речку, превратили в срамную помойку. В полной асимметрии в маленьких кривых окошках горел свет, и где-то вдалеке беззлобно и бессмысленно лаяли собаки, пугая самих себя в наступающей холодной ночи. Проходя вдоль новенького забора, для верности придерживаясь за него, и даже безрезультатно пытаюсь

его пошатать, я дошел до дома, включил погромче местное радио. Там пел Ободзинский, это было лучшее, что сейчас было на сцене. Оставшуюся на сковородке картошку я поставил на конфорку, разбил туда три яйца и, вымакивая оранжевые желтки черным хлебом, поужинал. После Ободзинского началось выступление местной санитарно-эпидемиологической службы о значительных успехах в наведении порядка в этой области на территории города. Меня это вынудило радио выключить. А по телевизору А. Масляков открывал очередной профессиональный конкурс в рамках передачи «А ну-ка, девушки!». Сегодня соревновались мастера-парикмахеры, а паузы заполняют «Веселые ребята» со своим хитом «Как прекрасен этот мир». За моим окном мир тоже был прекрасен, но очень темен. За рассеянным светом, за окошком мелькала мелкая пороша, обещавшая к утру тонкую белую пленку на промерзшей грязи проулка. Прекрасный мир был только частично прекрасен, в основном своим содержанием он был удивительным.

На своей койке в спальне лежалось привычнее и удобнее, и сон был какой-то домашний, но только он сразу по пробуждении растворился в утренней белизне за окном. Снежка насыпало совсем тоненько, но очень бело. Намешал каши с хлебом и добавил гороха из мешка, похоже, мама его очень экономно расходовала. Куры трепыхали крыльями и кудахтали. Петух, свесив набекрень красный гребень, смотрел на меня одновременно ожидающе и в то же время вызывающе.

Я поставил ведро и, взяв куриную поилку, пошел ее помыть и водичку обновить. А когда вернулся, на краю ведра с птичьим кормом сидел, похоже, сам Секретарь, а из щели торчали еще две рожи в ожидании команды. Я мигом отрезал его от щели, и он, заскочив в угол, ощерился и, кажется, даже по-змеиному зашипел. Я плюнул в его сторону, Секретарь нырнул к себе и вытащил рыло из щели в доказательство того, что совсем меня не боится. И сейчас сидит и ждет, когда можно будет присоединиться к трапезе курей. В маленькое окошко заглядывали воробьи, явно с тем же намерением.

Сегодня вторник, последний мой день в роли субъекта гражданской жизни. Я собираюсь отправиться в центр и показать маме новое жилье на случай, если она не сможет проникнуть в дом, бывает, что его замечает вместе с крышей, и видно только антенну, которую я сколотил из старой раскладушки. В те минуты наш дом выглядит как погребение с крестом. Сегодня я решил ехать в центр на автобусе, как, кстати, делает большинство населения нашего околотка. Но до автобусной остановки надо было еще дойти. Белый пух совсем не таял, он вспыхивал под ботинками и опять ложился, теперь уже неровными линиями, сзади. У нашего барака стоял выдавший виды ГАЗ-51, из него с матом выгружали какой-то скарб и затаскивали в барак. Кто-то причалил, наверное, он улучшал свои жилищные условия. А из соседнего барака съезжали: у входа стояла красная крышка гроба, а рядом – табуретка, на которой стояла бутылка и несколько

граненых рюмок, предположительно, поминальное самообслуживание. Здесь было традицией начинать поминать еще до того, как закопают. Но сейчас у табуретки было пусто, хотя и видно, что натоптано. В этих местах кто собирался умирать, старались это делать до зимы. Похороны в большие снега превращались в тяжелейшее испытание. Вырыть могилу покойнику как положено было очень сложно.

На остановке я присоединился к троим, ожидающим автобус, и он подошел, натружено пыхтя из выхлопной трубы. Народу было прилично, на следующей остановке в переднюю дверь для детей и инвалидов ввалились трое «нашенских», похоже, они уже получили разрядку в штабе. Все трое орала басом, что являются общественными инспекторами и сейчас будут билеты проверять, а кто не обилетился, пусть готовит трешку на штраф. А если трешки нет, они отыщут, особенно у молодых девушек, они-то знают, где их прячут. При этом они гоготали в три глотки и веселились, как черти на балу у Сатаны, но, к счастью, через остановку вывалились через ту же переднюю дверь, и люди выдохнули. Допрыгав по ухабам и где-то поскользвив по молодому льду, автобус добрался до центра.

У меня было еще минут 15 до свидания со своей любимой женщиной. Я зашел в центральный магазин и купил маме ее любимых конфет «Маска», они же даже через пакетик по-новогоднему хрустели обертками. На скамейку было не присесть, она была присыпана снегом. Мама стояла рядом с ней,

ожидая свидания. Мы обнялись с ней, поцеловались и пошли в нужную сторону. Я ей уже по ходу рассказал про квартиру на те два года, что меня не будет, она может в ней переждать бураны. Мама после появления забора все воспринимала как чудо. И сейчас она мой рассказ восприняла как что-то потустороннее. Мы минут за 10 дошли до того самого дома, у моего подъезда стоял УАЗ с брезентовым верхом и тарактел. Он настолько плотно подъехал к лестнице, что его пришлось огибать и ступать сразу на вторую ступеньку. Солдат-водитель даже своим видом как бы извинялся за созданные неудобства. Когда вошли в подъезд, услышали откуда-то сверху раскатистый бас, сопровождавшийся женским гоготом, который бывает от щекотух по нежным местам. По лестничному пролету спускалась картинка – военный полковник с красной мордой и в погонах, которые торчали домиком, тащил на руках Лолу Евгеньевну. Она, увидев нас, сползла с его рук, при этом задрав юбку до трусов, и пропищала в мою сторону:

– Ты что, уже с командировки?

А полковник в это время подталкивал ее под зад. Они пошли вниз, от полковника сильно чем-то воняло, вроде как нечищеными зубами. Захлопали двери в УАЗике, и все стихло.

Я дал маме ключ, чтобы она сама открыла двери, она несмело зашла, разулась, все обошла, мы с ней посидели на диване, посмотрели телевизор, послушали телефон. На кух-

не разобрались, как включить водогрейную колонку, я подергал цепь на сливном бачке унитаза, вода бодро ринулась вниз. Тут же я отдал маме привезенные для нее рукавички. Она восторгалась шерстью, пока не расплакалась от всего происходящего. Действительно, все выглядело как наше расставание на очень большой срок. Я ей отдал половину сегодняшнего расчета, мама, глотая слезы, сказала, что у нас сегодня будут проводы: сын идет на святое дело – Родине служить. Она так именно и сказала и, еще раз всхлипнув, добавила:

– Как жаль, что папа не дожил до этого дня.

Мы вместе с ней вышли, она сама закрыла дверь, и ключ у нее уже не взял. Я знал, что она сейчас пойдет в магазин, собирать меня в обратный путь. У подъезда мы разошлись. У меня, не знаю почему, созрел свой план. Я тоже пошел в магазин. Мне повезло, и я купил два лимона, а в хозтоварах – точно такой же термос, и все это занес в контору. Самой дарительницы там не было, я оставил все бухгалтеру-кассиру с просьбой передать адресату. Она удивилась и вслед мне громко сказала:

– Смотри, какой молодой, да ранний.

В чем я был ранним, мне осталось непонятно.

У меня сегодня было еще одно важное мероприятие, просто я не думал, что меня так запрессуют во времени. Мне нужно было посетить еще одно таинственное учреждение. В начале 70-х годов в СССР началась кампания по образо-

ванию рабочей молодежи, тех, кто ушел работать, не получив среднее или даже начальное образование. Наш рабочий класс должен стать самым передовым, продвинутым, а без образования это было просто невозможно. Так вот, после избавления от меня одной школы, я пошел в школу рабочей молодежи. Встретили меня там весьма прохладно. Народу с предприятий сначала нагнали много, и это были мужики уже вполне усатые, а женщины – очень даже оформившиеся. Но пришли они в основном на обучение с 4-го по 8-й класс. А тех, кто рвался учиться после 8-го, было мало, если не сказать, что вообще не было. Такого класса набрать не могли, но исполнять высокие партийные решения было обязательным. Сначала я ходил и просто делал контрольные, потом ходил просто отмечаться. Потом сказали, что теоретически они могут выдать мне и сейчас документ о среднем образовании, но должны пройти искомые два года, и вот они прошли. И сегодня я туда наведу, тем более, что даже за 8-й класс мой аттестат лежал у них. Школа эта находилась в районе Чеховки. Я зашел на базар, купил на два рубля пятьдесят копеек десять заварных пирожных, их мне упаковали в красивую коробку. Я пошел в учебно-воспитательное учреждение. В кабинете завуча меня встретили не то, чтобы обрадовано, но с интересом поглядывали на коробку: в их школу редко что приносили. Ожидаемо оказалось, что в их отчетах я уже получил аттестат о среднем образовании и он, вместе с аттестатом за 8 лет учебы, лежал в тонкой папочке. На ат-

тестате был герб Советского Союза, а в аттестате – синяя печать и две подписи. Только ни одна оценка была не проставлена, их тут же и проставили, пятерка через четверку, как надо по статусу школы. Я куда надо поставил свою подпись и не ответил на заданные вопросы, зачем мне это надо. Вышел из школы, образованный по полной программе средней школы, по сути, всего за два рубля пятьдесят копеек вместе с упаковкой.

Теперь я бежал домой вприпрыжку по мари и ничего не замечал. Дома стал собирать учебники выпускного класса средней школы, справочники и пособия для поступающих в вузы, тексты юридического сопровождения. Все это сложил в свою спортивную сумку и опять двинул из дома, теперь уже на почту, и вновь вприпрыжку по мари. На почте я в один аттестат положил 50 рублей, купюрами по 10. Этот аттестат вложил в другой, и их оба в верхнюю книжку. Попросил все это не отправлять, а просто упаковать. Все это сделали за 40 копеек. Я сложил эту посылку в сумку, и уже успокоенный пошел до дому. Теперь ее оставалось только подписать и отправить мне, когда придет время. Теперь я уже успевал, и стартовал в погоню за самим собой.

А над марию стоял мутный смрад. В воздухе вместе с запахами, похожими на вонь тех, еще исторических, пепелищ, кружилась серая перхоть пепла. «Нефтянка» горела в самом чувствительном своем месте, в затоне, том, что гордо обзывали нефтеловушкой. Для законченности общей картины не

хватало только колокольного набата и виновных в поджоге. Но тех, видимо, уже активно изыскивали: на той стороне моста с подветренной стороны стоял мотоцикл участкового и УАЗик с надписью «Милиция». Аромат смрадных, дымящихся брусьев и пробивающийся горячий ручей терлись о горящие трубы опор моста и следовали дальше. Наверное, так огонь двигался на древний город Помпеи и погубил его. А блюстители порядка, увидев меня и мою большую сумку, остановили как бы для опроса. Вопросов было два: что я тут делаю и не заметил ли я чего-либо подозрительного. На первый мне ответить не удалось, за меня ответил участковый, а на второй я ответил отрицательно. Метрах в двадцати на бугре стояли немногочисленные любопытные, и я понял, что если те быстро не разойдутся, то окажутся в роли подозреваемых. Я подумал: где мои «керосинщики»? Им надо быть подальше, ибо они самые удобные подозреваемые. Их такими сделали бдительные «нашенские». Ладно, тогда вроде ночью все происходило, а тут ведь день. Явно это для кого-то уже было сигналом, и этих сигнальщиков нужно было найти во что бы то ни стало. А может, эта бывшая речка сама отправляет людям такие приветы? Я уже зашел в дом, когда услышал в проулке треск мотоциклетного мотора. Это участковый решил подняться к баракам нашим проулком. Но вдруг мотоцикл перешел на холостые обороты, я выглянул в окно. Участковый внимательно рассматривал новый забор. Он сегодня точно отрапортует о явном примере повышения жиз-

ненного уровня обитателей доверенного ему жилмассива.

Мама пришла сверху, с автобуса, с двумя кошелками и медленно приступила к стряпне, а я наблюдал в окошко, как к «Нефтянке» съезжались ответственные работники. Из каждой машины вылезала какая-нибудь жопа и, с минуту помахав руками, уезжала от опасности провоняться этим земляным перегаром, порожденным стремительными темпами социалистического строительства. Следом подъезжала другая машина, и вся церемония повторялась.

Сегодня вечер у нас прошел с мамой в разговорах и воспоминаниях. Кушали суп из рыбных консервов и пышные пирожки с яйцами. Мама опять стала допытываться про забор, она была убеждена, как она выразилась, что это помогли мне от производства. Я ее не стал переубеждать, она очень переживала за мое будущее на эти два предстоящих года, но стремилась виду не подавать и держаться бодрячком, что не очень ей удавалось. Так прошли мои проводы в советскую армию. И мама скажет мне в дорогу:

– Не остуди свое сердце, сынок!

Уже по темноте я наблюдал из окошка, как полоска огня извивалась, мерцая в изгибах «Нефтянки». Мне казалось, что она где-то уже на горизонте сливается с небом и уходит в космос. С такими мыслями я и уснул в тот поздний вечер под шепот собственной справедливости внутри себя.

Утром было слышно, как мама крадучись ходит вокруг меня, давая мне возможность поспать. Но я уже проснулся,

и мы попрощались у нашей калитки. Я ее поцеловал, как сын целует мать, с тем чувством, которое, как правило, больше в жизни не возвращается. Пошел попрощался со всей живностью и стал в старую, потрепанную сумку собирать скудные пожитки новобранца. Я положил туда пирожки и термос с крепким краснодарским чаем. Борис Николаевич смотрел на меня с обложки старого журнала печально и, как мне казалось, ожидаючи. Там, в Москве, нашему великому боксеру и присниться не могло, что подписанный им вымпел с пожеланиями будущих успехов очутится в таких дальних и чудных землях, связанных, однако, с Белокаменной тысячами нитей людских судеб.

Ветра не было совсем; над марью, которая была легкими нашего детства, стояло серое море, наверняка вонючее. Я не хотел ее такой запомнить и, отвернувшись, двинулся вверх, к автобусу. Шел медленно, вразвалку, кривил ногами, как кавалерист без седла. Вот бы мне сейчас «Прощание славянки», именно ту, державную, 1912-го года, написанную штаб-трубачом кавалерийского полка Василием Агапкиным. Из барачных меня провожал один малыш, который из форточки в мою сторону запустил бумажный самолетик. Он пролетел метров пять и упал о землю. Малыш высунулся вместе с плечами из форточки и смотрел на тот самолетик, как на утраченную мечту. А мечтал он, наверное, стать летчиком, и наверняка военным. А у школы мне показалось, что татарин метет двор в ритме марша победителей, однако на

деле это, скорее, был тот же патетический Свиридов. Время, которое вперед, нас всех тащило за собой, и мы были привязаны к нему узлами. Это были узлы нашей пуповины, а где она зарыта, эта пуповина, там и Родина моя. С бугра к автобусу пришлось пробежаться, так бы я не успел. У пивбара сгружали свежую бочку, а в бане, по всему видно, – женский день. Проехали поворот на Дамир, еще один наш местный анклав, который означал «Даешь мировую революцию». Потом – мимо школы, для которой я был пасынком. Из автобуса через марь виднелся синий дом, то бишь наш Дворец спорта с фигурами из будущего, а потом справа – пустынная Сезонка и такой же рынок.

Городской комиссариат располагался за Дворцом культуры в длинном казенном бараке с зарешеченными окнами, чтобы надежно хранить военную тайну. На пороге меня встретил человек в мундире новоявленного миру чина советского прапорщика и повел меня прямо к главному начальнику. Было ощущение, что здесь уже ждали. Паспорт, который прапорщик изъясил у меня на входе, был передан в руки полковника, похоже, личности здесь главной и державной, и неожиданно мне знакомой. Аромат, который я вчера почувствовал в подъезде, никуда не делся и плотно освоил пространство вокруг этого дяденьки. Вчера он выносил барышню на руках, как жених из ЗАГСа, а теперь представляет всю современную «нашенскую» военную машину. Но надо отметить, что теперь к запаху перегара и нечищенных зу-

бов прибавился запах «нашенского» одеколона «Шипр». Почему-то все считали, что он надежно маскирует все нежелательные ароматы. Армия хоть и не производство, но приемы маскировки между ними схожие. Полковник расправил плечи, от чего погоны встали дыбом. Он смотрел в мой паспорт и шевелил мясистыми губами. Дополнительно напрягшись, можно было разобрать кое-какие слова. Примерно они складывались в такую фразу – категоричную и окончательно истинную:

– Не могут воспитать их на гражданке, и все на армию перепихивают. Будут тебе и кнут, и пряник. Родина тебя поставит на нужные рельсы.

Когда он это говорил, было ощущение, что он или спит, или бредит, но он явно отождествлял свою личность с Родиной и потому, кажется, мог и расплакаться, расчувствовавшись. Но он не заплакал. У прапорщика в руках появилась тоненькая папка, как я заметил, с моей фамилией, и мы за полковником проследовали в соседний кабинет. Он был довольно просторным, и за одиноким столом сидела барышня в пилотке и, вроде как, в военной форме. Но когда она встала из-за стола, что-то достать из шкафчика, стало понятно, что это вовсе не форма, а костюм для ролевых игр, судя по супер мини-юбке и высоте каблуков. Впечатление подчеркивалось цветом губ: они были красными и тяжелыми, как эмаль на звездочках. Что касается пилотки, то она чудом удерживалась на копне черных волос. Дама явно была

расстроена, фыркала на полковника, и моргание ее ресниц учащалось при взгляде на него. Похоже, что до этого у них прошел какой-то дремучий разговор. Несложно было предположить его смысл: вероятно, ей предложили покинуть работу, так как новобранцем на эту должность была барышня с артистическим именем Лола. А возможно, все было и не так. Из шкафчика она достала красную книжечку со звездой и сейчас, обмакивая перо в тушь, переносила туда данные из моего паспорта. Полковник сидел на стуле, свесив голову. Он озонировал и что-то бурчал себе под нос. Барышня, похоже, все закончив, насуплено отвернулась. Полковник это заметил, встал и расписался в красном документе, потом хлопнул печать и передал его прапорщику, а сам, взяв мой паспорт, стал его в неистовстве рвать. Это исступление было мне малопонятно. Его пальцы, похожие на свиные сосиски, неожиданно справились с этой операцией, и он демонстративно все клочки бросил на стол, барышне, которая хлюпала носом и вздрагивала. Полковник махнул нам выйти, прапорщик повел меня в конец коридора. А из-за дверей нам вслед неслось голосом того, кто напялил на себя маску Родины и направлял молодежь по правильным рельсам, всякие слова, которые, я думаю, были не по уставу. Он что-то внушал своей подчиненной в пилотке и мини-юбке.

В конце коридора была комната, вроде как похожая на красный уголок. Там уже располагалось человек 15 таких, как я. Прапорщик напомнил, что двери он не закрывает,

так как отсюда бежать некуда – паспорта наши уничтожены, мы уже люди не гражданские и числимся за Министерством обороны, а там побег – это предательство Родины и соответствующий приговор. Сильно было заметно, что здесь любят Родину вспоминать. На всех лозунгах, висящих на стенах, это слово присутствовало. А если не оно, то слово Отчизна – обязательно. Прапорщик ушел, на меня внимания никто не обращал, знакомых я никого не увидел. Уж бывшего одноклассника, что покойниками распоряжался, так точно.

Как только ушел прапорщик, присутствующие продолжили заниматься тем, чем занимались, а именно, принимать через решетку форточки бутылки и закуски, даже гитару пытались пропихнуть, но не получилось. Похоже, настоящим проводам решетка не помеха. Угощали всех, кто угощался, потом начали грызться между собой, не сойдясь во мнении по верности невест, но далеко не зашло. Пришел прапорщик с каким-то еще военным и, похоже, шоферской профессии, ибо от него воняло керосином. Шли грузиться по коридору под продолжающиеся уже который час крики, теперь орала девушка в пилотке, визгливо, используя только исключительно идиоматические выражения, добиваясь для себя женской и социальной справедливости.

Нас разместили под тентом военного ЗИЛа, и мы двинулись в путь. Путь пролегал в наш аэропорт, у которого, как я когда-то узнал, были свои военные тайны. На ЗИЛе же нас подвезли в район видимости самолета, который был внешне

похож на нашего трудягу АН-24, но двери у него, как ворота, были открыты сзади. Сейчас туда затаскивали какие-то грузы, очень даже похожие на те, что я когда-то вез багажом. Еще час что-то таскали, кто-то из нашей команды уже спал, а кто-то только собирался. Но тут машина зарычала, натужно задышала и поехала. Брюхо этого «слона» было плотно забито тюками и ящиками, а вдоль бортов были скамейки, узкие и жесткие. Ворота закрылись, и, запрыгав по бетонке, самолет взлетел. Никто из нас и понятия не имел, куда он летит. Я смотрел в иллюминатор, внизу золото уже сильно разбавлено серыми разводами, оно осыпалось на землю, а при хорошем ветре его совсем не станет. Через несколько минут стало понятно, что везут нас на материк, так как внизу заблестела вода пролива. Тут, конечно, не поспишь, да и не очень хотелось. Но большинство спало в винных парах. Во снах им, наверняка, снились не прапорщики, если они, конечно, не были в костюмчиках для ролевых игр.

Сегодня была среда, и я прилетел в эту среду туда, откуда вылетел в понедельник. Только винты перестали вращаться на полосе посадки, самолет потащили в дальний угол аэропорта. Нас быстро опять перегрузили, кого сонного, кого плохо стоящего. Мы опять под брезентом ЗИЛа и едем. На улице было сильно сумрачно и достаточно холодно. Везли долго, машина ехала по переездам, семафорам и прибыла на какие-то давно, видимо, забытые запасные пути. Там стоял длинный поезд, во всех вагонах которого горел свет, и, судя

по картинкам в окнах, вагоны были полны таких, как мы, искателей перемен в жизни и военных приключений. Всю нашу команду запрессовали в один из вагонов, призывая соблюдать воинскую дисциплину. Хотя было ясно, что проводы для многих еще совсем не закончились. Вагон был из тех, что назывались плацкартными. В каждом жилом отсеке столики были завалены всякой снедью, что собрали в дорогу молодым бойцам. А теперь в угаре проводов они топтались по яйцам, скорлупе и ватрушкам. Я устроился в одном из отсеков, достал из своей котомки пирожки и термос и вроде как стал ужинать, не обращая внимания, что все вокруг промываются напитками другого сорта и качества. Потом залез на багажную полку, которая была деревянная и скользкая, и прилег. Где-то уже через полчаса, в 22:00, военные начали орать «отбой», при этом стуча молотком по ведру. Но все как лазили, так и лазили, а кто и ползал, опорожняясь прямо у вагонов.

Так весь этот феодальный поселок переночевал из ночи в утро, которое началось с построения вдоль вагонов, и хотя солнце вышло, было очень бодренько стоять в две шеренги, пока не освободили вагоны до последнего человека. Каждый из стоящих в строю новобранцев обязан был знать свои цифры, что были номером команды, определенные ему еще в родном военкомате. Мой номер был 120. Вот теперь нас в вагоны сажали по номерам команды, и уже в новом переформировании я не увидел своих братьев-земляков. Вокруг

были люди, не знавшие друг друга, но сразу же находящие контакты, потом нас еще несколько часов сверяли по фамилиям и фотографиям в военных билетах. Наконец, где-то в 16 часов по полу пробежала грохочущая волна, и этот эшелон, груженный сыновьями Отечества, двинулся в путь. Куда двинулся, никому было не ведомо, ибо это – военная тайна. Подбадривали две вещи: что в вагоне появился кипятилок, и что открыли места, где можно было полноценно опорожниться, а кому-то поплевать и умыться. А огорчало то, что по всему было видно, что мы движемся на юг, а все, кто мало-мальски понимал географию, знал, что на юге был Тихий океан, а там Тихоокеанский флот, где служба измеряется не двумя, а тремя годами. У военных, что шныряли по проходу вагона, добиться чего-либо было невозможно. Подолгу стояли на каких-то полустанках, кого-то выгоняли из вагонов, орали, кто-то пытался возвращаться, кто-то прискакивал с вареной картошкой, солеными огурцами, жареными карасями и пойлом сомнительного качества. Стояли ночью в каком-то совершенно черном поле, без единого огонька почти пять часов. И вот уже к позднему утру подкатили к вокзалу, на гребне которого было написано «Уссурийск».

Нашу команду выгнали на перрон и, как могли, построили. Местные прохожие на нас с опаской озирались. Эшелон наш быстро ушел, освобождая пути, а нас погнали к трем недалеко стоящим, опять же с брезентовыми тентами, «ЗИ-Лам». И мы поехали уже не так плавно, и где-то пять часов

колотились по грунтовой дороге. Природа вокруг была совсем не наша, сопки были пророщены исключительно листовым лесом. Листья еще частично держались на закрытых от ветра склонах и светились осенними красками. Появилось море, сначала ехали по прибрежной полосе, пока не заехали в какое-то поселение и не уперлись в ворота, на которых были нарисованы воинские эмблемы с тракторами. Как я и ожидал, это был явно не флот, это был стройбат. И, как мы почти с порога узнали, – это сержантская стройбатовская учебка. И повели нас в баню, предварительно заставив покидать в кучу мешки с последними мамкиными ватрушками. Баня была условная, с чуть теплой водой и большими кусками черного хозяйственного мыла. Командовали сержанты, аккуратно наглаженные, какой-то азиатской наружности. Возможно, это и были дембели, а возможно и нет. Ведь дембели в армии в ранге святых и, конечно, мыть никого не будут. В бане нас и переодели. Если на сержантах форма сидела, наглаженная и подогнанная, то на нас, мягко говоря, висела. Ну вот я и стал солдатом Советской армии, может не по духу, но по форме точно.

Нас построили в две шеренги и погнали. Мы гремели сапогами и спотыкались. Потом была переключка, где нас уже называли курсантами, потом погнали бегом в столовую, где мы стояли, сидели, опять вставали, опять сидели, приступали к приему пищи, потом не приступали; в итоге была команда встать и бежать. На улице нас ровняли, поворачивали

и опять заставляли бежать. Было понятно, что вот такое теперь будет надолго. На плацу перед столовой нас учили правильно строиться. Получилось из нас два взвода по 30 человек в каждом, которые делились поровну на три отделения. Потом мы исполняли команды «равняйся, смирно, вольно». Так продолжалось где-то час, потом появился капитан. Это был красивый офицер в зеркальных, блестящих хромовых сапогах. Одет он был с иголочки, и с доброжелательным лицом. Капитан нас поздравил с высоким званием солдата Советской армии, объявил нам, что мы – два взвода, и взводные у нас – два старших сержанта, оба этих старших сержанта были точно не русской наружности. А вот замы их, два сержанта, были русской наружности, я понял, что они – «старички». Вот эти «старички» и гоняли нас по учебным классам, заставляя зубрить уставы. А старший сержант, то есть дембель, выставив грудь, ходил между рядами столов и заставлял нас хором повторять строчки, которые он выписывал из маленькой книжечки со звездочками. Это и была книга уставов строевой службы. Но волей судеб сегодня была пятница, а пятница – это время построения всей учебки на плацу к традиционному пятничному мероприятию. После двух часов занятий нас бегом погнали на плац, там уже было много народу. Но это, в основном, были те, кто уже заканчивал свое обучение, а мы для них были зелеными салагами. И они, смотря, как мы тащим по земле свои сапоги, ржали, но скорее беззлобно, с сочувствием. У каждой роты был свой ка-

питан и свои сержанты. Всех скоро выровняли и провели по плацу с песней, которую мы еще не учили, но там было что-то про дожди, которые обязательно пройдут. Сапоги грозно гремели, маршировали даже сержанты. Потом все замерли по стойке «равняйся, смирно», на плац выехал УАЗик вообще без крыши, и из него торчало знамя. Солдат в парадной форме вынес его из машины, и в этот миг себя явил полковник. Размером он был намного больше среднего и очень похож на военкома из моих родных мест. Он встал на колени, снял фуражку и поцеловал знамя. После этого знамя опять поставили в УАЗик, и оно вместе с полковником уехало. Как я понял, это случалось каждую пятницу, и с этого часа до понедельника полковника никто не видел. В эти дни «полковнику никто не пишет», как у Г. Маркеса. Так у него написано: «Продавать надо так, будто ты покупаешь».

Далее нас разбили: одно отделение отправили натирать полы в казарме, а два – на чистку картошки. Меня ошастливили натиркой полов, дело хоть и незнакомое, но энергичное и поднадзорное. Сержант, который зам, все время ходил, топтал натертые участки и тут же заставлял затирать свои следы. Нас он называл не иначе как «чухолом», слышалось это как нечто среднее между чучелом и чушкой. При этом сержант вроде как и улыбался, показывая между толстыми губами очень мелкие зубы. А как ему было не улыбаться, если он совсем скоро будет объявлен дембелем и получит лычку старшего сержанта. После этого нас опять согнали вместе

и начали обучать, как подшивать подворотнички, во время этого мероприятия я отправился за подшивочным материалом и увидел то, что должен был увидеть – каптерщик, похоже, тоже дембель в чине ефрейтора, валялся на каких-то тюках, а на плечиках в углу висело сокровенное: это были парадки дембелей. То было высшее искусство военного орнамента, в основном выполненное из белой проволоки и осыпанное аксельбантами. Но, к удивлению, в петлицах были эмблемы не с тракторами, а общевойсковые. Ряды значков сияли перламутром, но самым заметным был значок члена ВЛКСМ, на котором было столько блестящих подкладок, что он объемом стал как Орден боевого Красного Знамени. От такого зрелища у меня окончательно развеялись сомнения, кто брал Берлин.

Научиться подшиваться было непросто. То тут, то там звучало колкое «чухоло» и мелькала улыбка мелкозубого сержанта. Глядя на него, невольно всплывали ассоциации с «нашенскими» пацанами. Он неожиданно намерился дать кому-то подзатыльник, но передумал, и отправил того за бестолковостью чистить «очко». К концу подшивочных занятий туда были отправлены еще двое. Потом, уже потемну нас учили сначала правильно раздеваться, затем правильно складывать одежду, а также правильно заправлять тапочки и коврики, а потом самое главное – правильно «отбиваться». Это продолжалось долго – раздевание, одевание, отбой, пока мы не побили себе все локти и колени, прыгая на двух-

ярусные кровати, которые после каждого «выпрыга» оттуда должны были заправлять. Но всему приходит конец, и этому тоже пришел. И мы, наконец, улеглись.

Но тут вдруг среди ночи кто-то истошно заорал «Рота, подъем!». Тут же оказалось, что это не ночь, а 6 утра. Сержанты погнали нас на улицу, отстающих пинали. Построили и бегом погнали вниз, в огромный гарнизонный сортир, ровно на пять минут, оттуда – на физкультуру. Потом в помещение роты заправлять коврики и тапочки, после – на строевую. Плац пронизывающе продувало, и мы учили строевой шаг на четыре счета, потом изучали Устав, а потом по расписанию было Физо. Там будут оценивать твое физическое состояние – канат, турник, конь и т.д.

В одноэтажном здании с металлическими круглыми колоннами – вроде как спортивный зал. Мы в кальсонах с болтающимися завязками, гонят нас кругами. Но тут я что-то увидел в глубине зала: там стояла имитация ринга. Самодельные канаты были прибиты к стенам, а внутри этого каната, как кобры друг на друга, шипели дембели. То был у них утренний променад, дембели готовились на гражданку. Они были в перчатках и прыгали друг против друга, как на Чарли Чаплина в роли боксера. Я не удержался и хмыкнул в их сторону, в чем был замечен. И сержант, что гонял нас по залу, пошел и что-то тем сказал. И меня вытащили на ринг в надежде потешиться. Вот все, в том числе и те, что были босые и в кальсонах, застыли в ожидании потехи и даже мне сунули

перчатки, которые были подобны тем, что бабушка когда-то штопала. И у меня опять чего-то не хватило, чтобы отказаться, то ли ума, то ли дерзости, то ли того и того вместе. Ну, честно скажу, уж больно соблазн был велик. Человек, как мне казалось, монгольской внешности злобно кинулся вперед, ударил в мою сторону два раза по-бабски, очень смешно, и когда пытался ударить третий, я глубоко отклонился влево и со всей дури ударил снизу левой. И тут неожиданно оказалось, что даже у дембелей есть печень, и весьма ранимая. Тот хрюкнул и плюхнулся на пол пятой точкой, на глазах у перепуганной насмерть публики. Второй дембель и сержант кинулись его реанимировать. Но тут неожиданно второй кинулся на меня. Я избежал сближения с ним, но когда он попытался второй раз меня ударить, я его приголубил точно в это же место, но, кажется, еще с большим уроном. После этого события стали развиваться быстрой сменой картинок. На обеде я заметил, что эти раненые дембели перешептываются, похоже, со своим земляком-хлеборезом и явно маячат в мою сторону. Я, видимо, стал первым из всех «чухолов» и «воинов». Это было второе определение таких, как я, зеленых. Обед был такой, как должен быть в армии: не очень горячий, в меру объемный, с хорошим компотом и ягодками на дне кружки. Но все прелести этого обеда я ощутил на себе через пару часов. Желудок вместе с кишками свела ужасная судорога. Мне стало понятно, что я был за обедом отравлен, и отравка была как раз на дне, в виде ягод,

которые я лихо проглотил вместе с изюмом. Наверное, намешали что-нибудь, чтобы я обосрался, но превысили допустимую дозировку. И, похоже, это был крысиный яд для бытового применения. Я такими горошинами когда-то пытался угощать своих «секретарей», но они были умнее меня и есть не стали. Сейчас я натирал полы в казарме и имел доступ к туалету. Заскочив туда, я начал лакать воду из-под крана, она воняла болотом, но я лакал и лакал, пока не начало распирать. Тогда заснул два пальца в глотку и начал все назад выблевывать с остатками обеда. Остатков было мало, спазмированный желудок не выпускал ничего. Надо было как-то пробиться к санчасти. Там нужное средство должно было быть обязательно. Я попросился у сержанта сбегать в санчасть, вроде местный фельдшер мой земляк, и у меня, вроде как, для него передатка с гражданки. Это была чистой воды выдумка. Сержант явно удивился, что та рожа в медпункте могла быть моим земляком, но та рожа, похоже, тоже была дембелем, и он меня отпустил, так в своих мозгах ничего и не срастив. Я кинулся из казармы наполовину согнутый. Знал, куда бегу, за столовой я утром видел красный крест на двери между двумя, наполовину белым закрашенными, окнами.

Фельдшер тоже оказался очень азиатской наружности. Он был ефрейтором и, по всему, видимо, дембелем, судя по отвислым усам. Я сказал, что меня послал сержант за активированным углем. Тот с ухмылкой достал из шкафа портянку таблеток, оторвал половину и сказал:

– Эти придурки углем бляхи себе начищают.

Дело рук утопающего – спасти самого себя. Я бежал к роте, на ходу глотая таблетки, а запил уже в умывальнике вонючей водой. Таблеток, что я выманил обманом, было штук тридцать. Сержанту доложил, что прибыл. Он ощерился мелкими зубами и ничего не ответил. Я встал на колени, мне вроде так было легче, и стал ползать с натиркой по полу казармы. У сержанта был маленький транзистор, он под его шипение ему в такт играл пальцами на губах. С минуты на минуту меня опять должно было подорвать, и я показал пальцем, куда мне надо, и он разрешил. Я думаю, что по их сценарию я должен был обосраться сам и обосрать всех, но, коли сержант меня отпускал, значит, был не в курсе задуманной пьесы. Наверное, это была большая военная тайна.

Из меня вылилось, похоже, полведра черной жижи. Пока я за собой смывал из большой солдатской вазы, опять подкатило. Так заканчивалась суббота, то же продолжилось в ночь на воскресенье и все воскресенье. В этот день мне за отлынивание от распорядка дня дембель объявил два наряда вне очереди, что означало идти чистить зольники в угольных котлах. Это должно было случиться в понедельник, но утро понедельника принесло свои сногшибательные новости. В то утро я поднялся с великим трудом, явно моих способностей к врачеванию было недостаточно, надо было идти и себя обнаружить. Я сидел на табуретке у кровати, когда за мной прибежал сержант, а потом и старший сержант. По каким-то

причинам меня, зеленого солдата, требовал к себе сам Батя! Да еще и утром в понедельник. Это было равно стихийному бедствию. Надо было бежать, но бежать я не мог даже под угрозой санкционной кочегарки.

Сержантов в штаб не пустили, меня к Бате повел дежурный офицер. Весь кабинет высшего начальника был обвешан ватманскими листами стенгазет, рисованными когда-то к военным праздникам. На все стены – члены Политбюро, а под ними портрет Г. Жукова во всех регалиях. А сам полковник – дежавю моего комиссара. Только этот рыжий и с усами. Усы торчали вперед жесткой щеткой. Дежурный офицер аж сжался в почтении, а тот, еще явно не похмеленный, был сумрачный, как главнокомандующий перед большой атакой. Он пальцем меня подозвал ближе к столу; стол, как положено в таких местах, был прикрыт по всему периметру толстым стеклом, под которым по центру лежала обложка журнала «Огонек», за какой год, было не разобрать, но на нем крупно, на фоне цветущих полей, стоял танк. А рядом с ним, на первом плане – он сам, с торчащими рыжими усами. Похоже, до стройбата он служил в войсках, и был сослан из строевых частей. Батя встал со своего стула. Издалека, на плацу, в шинели он казался другим, а с близкого расстояния он был мал ростом, но широк. Он сунул в руки офицеру несколько бумажек, предварительно завизировав их красным карандашом. А маленькую тонкую книжечку бросил на стол. Она упала с удивительным, почему-то металлическим, стуком. К

немалому удивлению, это оказалось мое квалификационное удостоверение с прикрученным к нему значком кандидата в мастера спорта СССР. Похоже, армейский спорт меня уже разыскивал, но было удивительно, как быстро до меня добрались эти бумажки. Мне опять хотелось на горшок, а в голове стояла муть и, похоже, поднялась температура. Полковник гавкающим голосом сказал, что для меня, сопливого, есть особое задание:

– И ты должен его выполнить согласно правилам воинской службы.

Дальше он проорал:

– Кругом, марш!

Офицер взял под козырек, я не стал. И тут уже в дверях мы столкнулись с барышней в кокошнике, которая несла холодные закуски. Я показал, что меня мутит. Офицер ткнул пальцем в конец коридора, а сам, облокотившись на стену, стал читать бумаги с красными визами в углах. Оказалось, что штабные услуги мало чем отличаются от ротных, но все-таки это были услуги, а меня уже прилично шатало. Офицер меня повел в комнату дежурного по штабу, там мне все и разъяснили. Сегодня я уезжаю попутной машиной в тот город, куда прибыл на поезде. Там с завтрашнего дня будет проходить первенство строительных частей по единоборствам, в том числе и по боксу. Батя отдал конкретный приказ, чтобы я выиграл эти соревнования.

– А потом он уже обещал отправить тебя по месту требо-

вания.

На что я ответил, что очень болен и не могу ничего выиграть. Но дежурный офицер смотрел на меня такими глазами, что было понятно, что изменить ничего нельзя. Это был молодой офицер, еще не успевший стать жертвой системы. И видя, что я действительно не очень хорошо выгляжу, дал совет, что когда меня доставят на место, а место это – Высшее военное училище, то надо попроситься к врачу, там очень хорошие и ответственные медики. Выбора у меня не было, я получил сухой паек, меня опять посадили в тот же ЗИЛ и повезли за чемпионским титулом. В дороге меня начало рвать и колотить, были мысли, что уже и не доеду, но мысль о том, что мне там могут помочь, меня подталкивала держаться. Так меня, среди ящиков, полуживого и довели до ворот училища.

Уже была ночь, меня с КПП на УАЗике сразу повезли в санчасть. Я уже мало что различал, только видел, что надо мной склонился какой-то майор с рюмкой и змеей на петлице. Потом помню, что кололи меня уколами и ставили капельницы. Тут же брали у меня разные анализы, и потом с какими-то бумажками пришел ко мне тот самый кучерявый майор и стал мне рассказывать, что у меня сильное отравление родентицидом – средством для уничтожения грызунов. Сегодня уже ушла телефонограмма в нашу часть. Утром выедет к ним группа врачей военного эпидемнадзора, и командованием округа будет назначено расследование, дабы

пресечь массовый характер этого происшествия. Кучерявый майор дальше сказал:

– Вы, солдат, были в очень критическом положении. Ваш организм был крайне обезвожен, что могло привести к летальному исходу. Но организм у вас здоровый, и вы быстро восстановитесь. Пробыть здесь вам надо не менее трех дней, пока не начнете нормально питаться. А потом вас с оказией вывезут, с соответствующей сопроводительной бумагой.

Больше я этого доктора не видел, но, судя по всему, это был настоящий врач-профессионал. Меня кололи, капали, потом стали потихоньку кормить. Уже через день я сам откусывал хлеб от курсантской пайки и ел макароны с котлетами. Через три дня меня с сопроводительными бумагами в кузове с телогрейками отправили назад. На телогрейках и сытому все веселее было ехать. На своем КПП я отдал сопроводительную бумагу офицеру и пошел в свою роту. Офицер бумаги взял с опаской и ничего не прокомментировал. В роте никого не было, кроме дневального. Он стоял на тумбочке и, похоже, сильно испугался, меня увидев, как пугаются привидений в пустом графском замке. Я почистил ваксой сапоги и устроился в бытовой комнате подшить свежий воротничок путем выворачивания несвежего на обратную сторону. К входу подошла наша рота, она долго маршировала на месте, потом встала. Я вышел на улицу и отрапортовал сержанту о прибытии для прохождения службы. Он тоже глядел поверх моей головы, но подбородок у него почему-то трясся, похоже, он

тоже был напуган. Он разрешил мне встать в строй, а строй от меня тоже как-то отступал. Только уже в столовой, где я выпил чай с двумя кусками хлеба, я начал понимать суть происходящего. В мое отсутствие в части лютовал Санэпидемнадзор. Яда, конечно, в обороте не нашли, но видимо нашли много другой грязи, а грязь в части – это просчет самого главного командира, и тот, видимо, свое получил, а потом получили все остальные. И все беды шли от меня. Вроде бы я где-то на помойке, нажравшись грязными руками, обосрался, а прибыв к месту командировки и испугавшись предстоящих там испытаний, написал жалобу на командование части и, соответственно, создал ситуацию. Так вот, Батя в пятницу после целования флага всех оповестил о том, что среди них предатель. А так как он источал справедливость, то возмездие для меня уже было в пути. Вот такая военная тайна.

В 12 часов ночи меня подняли и позвали в комнату к ротному, пошептать. В ту комнату, где рождалось много военных тайн, из-за которых Мальчиш-Кибальчиш умер под пытками, так и не выдав их проклятым буржуинам. Дневальный, что стоял на тумбочке напротив этой двери, что-то слышал про то, о чем будут шептаться. И, увидев меня, бредущего в кальсонах из глубины казармы, совсем побледнел. Комната ротного была маленькая, в углу на ящике, покрашенном шаровой краской, стоял телефон и два стола буквой Т, а на стене одиноко висел портрет великого вождя мирового пролетариата, на котором он ходокам рассказывал, как теперь

будет прекрасно жить в новой стране. За столом председательствующего сидели два дембеля с монгольскими лицами, а вдоль стенки стояли еще трое «стариков» с европеоидными лицами. Видимо, все это и было судом справедливости и возмездия. Адвокатов, похоже, не будет. Ленин в Декрете о судах отменил такую фигуру. Рожи у них были точно такие, как у «нашенских», только теперь они обслуживали секретарей в погонах, которые им выдавали права и рекомендации как воспитывать молодое поколение. Наверняка, офицер, дежуривший по части, был предупрежден о предстоящем мероприятии, и потому держался подальше от этой роты. Я – солдат, который подвел Батю, – изменил Родине, а с предателями у нас всегда знали, как поступать, и это не было никакой военной тайной. Когда человек стоит на ногах, у него самые защищенные места – это затылок и почки, они самые труднодоступные для ударов, а когда человек лежит на полу – они самые доступные. Так однажды получилось и с Николаем Максимовичем, моим тренером и наставником, и мне тоже было отведено пройти этот путь. Били меня сапогами долго и остервенело, я не орал и не просил пощады, и их это окончательно вызверило. Как, наверное, еще и то, что я не был членом ВЛКСМ, наверное, комсомольца они бы так не били. Я лежал головой к двери и последнее, что помню, – как она открылась, и оттуда я услышал голос дембеля-ефрейтора, того самого каптерщика. Фраза прозвучала как из тумана:

– Вы че, совсем здесь охуели?

Потом, похоже, дневальный потащил меня к кровати. Тот-то теперь ясно понимал, что будет крайний в недокладе дежурному офицеру о происшествии. Еще ему сейчас до утра все стены отмывать от крови, а они вместе с полами были как надо окроплены.

На подъеме я бы, конечно, встал, если бы смог. Я все видел и соображал, но ни говорить, ни двигаться не мог. Дежурный по части все же пришел, он откинул с меня одеяло, я лежал в луже крови и мочи. Ему нужна картинка, чтобы доложить Бате о том, как личный состав отреагировал на предателя. Дальше меня несли на одеяле на глазах у роты, построенной на зарядку. Рота на все это смотрела больше с восторгом, но явно не с сочувствием. Почему так? Наверное, это тоже военная тайна.

Меня прямо с одеялом затолкали на заднее сиденье УАЗика и куда-то повезли, рядом с водителем сидел тот самый нерусский фельдшер, которого я когда-то назвал земляком. Я тут, на заднем сиденье, вспомнил, что вчера же была пятница, а это у Бати целовальный день. В этот день все от мала до велика впадали в патриотическое неистовство. Я здесь всего неделю, а меня уже второй раз увозят ни живого, ни мертвого. Вывозили, как то самое недостающее звено, в соответствующей одежде, то есть в солдатском одеяле. На этот раз меня везли не так долго, а если бы везли дольше, то, наверное, и не довезли бы. Так, на одеяле, меня занесли в

какое-то длинное каменное двухэтажное здание вроде буденовской казармы. Положили на койку, какая-то женщина о чем-то меня спрашивала. Но у меня, похоже, в нескольких местах была сломана челюсть и прокушен язык. Потом меня чем-то кололи, а затем я вообще перестал что-либо чувствовать, в том числе и боль. А женщина все спрашивала, почему у меня все вены на руках в дырках. Когда был день, а когда ночь, я плохо понимал, но как-то утром уже начал оценивать окружающий мир и понял, что нахожусь в госпитале у пограничников. Надо мной склонился человек с зелеными погонами, внятно сказал:

– Не ссы, браток, тут тебя выручат.

Ответить я не мог, но его видел, значит, глаза были целые. Тут еще оказалось, что я привязан к кровати, так как шевелиться мне было нельзя. Из меня торчали какие-то трубки, вводящие и выводящие. Было понятно, что спринта не будет, будет затяжной марафон, тот, что называется госпитальной тоской. Сидеть в кровати мне разрешили только через 40 дней, и еще через 7 дней я спустил ноги на холодный пол. А на ногах откуда-то у меня взялись добротные, толстые носки, вроде как из собаки. При попытке встать на пол в этих роскошных носках меня закинуло в сторону, как тогда в моем последнем поединке на ринге, когда я попытался с колена подняться. Меня поддержали соседи по койкам, но я и слова не мог вымолвить в благодарность: весь мой рот был закован в сталь. Мою челюсть сложили по кускам, а куски скрепи-

ли металлическими скобами. Кормили меня все это время через резиновую трубку, но больше кормили капельницами и уколами. У моей тумбочки на кровати была кучка яблок, печенья и конфет. Это меня как-то тревожно удивило, но, поймав мой вопросительный взгляд, сосед слева, улыбаясь, сказал, что у пограничников это обязательно, кто бы ни получил посылку, обязательно ели все. Я пытался сказать, что я не пограничник, на что получил такой ответ:

– Все здесь знают, кто ты, и отлично понимают, что ты здесь не потому, что тебя щитомордник укусил. Ты еще даже присягу не принял, но если ты солдат, и если ты здесь, значит ты наш брат.

Вот так он выразился, а ведь он был дембель, как я понял из слов, когда еще не вставал. Его срок службы уже закончился, он был старшим сержантом, но какой-то другой, не «нашенский». А вот я и не знал, кто такой щитомордник, но подозревал, что какой-то злобный, ужасный зверь, и что он меня укусил, но я думал, что имя этого зверя другое, по мне он звался красный оборотень. Сегодня меня медленно, на инвалидной коляске, отвезли на рентген. Врач-лейтенант с зелеными петлицами, на которых была рюмка со змеей, долго рассматривал гремящий кусок фотопленки, потом опять же долго писал и опять рассматривал. Прикрыв тетрадку, рассказал о моих перспективах. Мне, оказывается, собирались отрезать почку, потом все же решили лечить и, как сказал лейтенант, не ошиблись. Все у меня встало на свои ме-

ста. Он говорил каждое слово доброжелательно и без всякой рисовки, и тут вдруг спросил:

– Кто же тебя брат-солдат все же покалечил? Такое чувство, что ты попал в эпицентр разрыва мины, только осколков не хватает.

В ответ я пожал плечами. Он улыбнулся и сказал, что по мне привезли целую пояснительную записку, очень художественно и безграмотно кем-то сочиненную.

– Ты, вопреки законам дисциплины, убежал из строя с целью полакомиться упавшими на землю орехами, а потом увидел в дереве дупло и сунул туда руку с целью опять поживиться, а там клубились щитомордники.

– Мы, – продолжил лейтенант, – друг другу читали этот опус. Поэтому, ты прости, но про тебя знает весь госпиталь. Помимо этого, нас очень беспокоили дырки в твоих венах, но, когда взяли твою кровь, еще и суток не прошло, как в тебя влили конскую дозу препаратов для поддержания жизни в организме. Вот они, солдат, и помогли тебе устоять. А ты еще, шельмец, и орех возжелал, и был за то укушен змеем-искусителем. И тот тебе не яблоко предложил откусить, а сломал половину ребер, отбил почки и вообще пол-организма изуродовал. Вот это змей, вот это щитомордник! Но теперь костями твоими окончательно будут заниматься хирурги. Все у тебя было сложно, парень, но теперь ты идешь на поправку.

Потом я сидел на стуле и сочинял письмо маме. Это полу-

чился длинный рассказ о хорошей службе, об отцах-командирах и, конечно же, о военной тайне. Конверты, бумага и ручки тоже были из тех, которые кому-то присылали из дома. Теперь у меня был адрес, и, значит, я уже не инкогнито на территории своей родины. Руки у меня еще тряслись, когда я сам себя кормил из банки с трубочкой, но жизнь возвращалась, и своими глазами я видел ее.

На соседней кровати у старшего сержанта, того, что был слева, висела дембельская парадка, но она была без гарделей и аксельбантов. На ней были два значка Отличник погранвойск I и II степени, и глаза мои не верили, но рядом с ними висела та самая медаль, серенькая и неброская, с танком и самолетами, и звалась она «За Отвагу». Все-таки, наверное, такие сержанты брали Берлин. Я понял, что он был ранен, и поэтому его задерживали, но оставалось ему всего 2–3 дня. Сегодня к нему приехал капитан, командир заставы, и уже, похоже, не первый раз просил подумать и остаться на сверхсрочную, но сержант повторял, что он строитель и хочет строить дома и мосты, и его ждут родители и много домашних дел. Мне казалось, капитан его понимал. Получалось, что завтра он уже должен будет уехать.

А утром открылась дверь в палату, и два парня в зеленых фуражках сумели какими-то тайными тропами привести к нам огромную немецкую овчарку, черную с рыжими подпалинами. Она послушно сидела, но, когда с нее сняли металлический намордник, кинулась в палату на грудь моему сосе-

ду – старшему сержанту. Кличка у собаки была Друг, и привезли ее с заставы прощаться. Если бы я этого не видел, не поверил бы. Старший сержант плакал, но все делали вид, что этого не замечают, а Друг слизывал слезы и завывал как-то по-человечески. Возможно, во всем этом и была наша главная военная тайна: когда ты в беспамятстве, а тот, кто слева, помогает убирать твои нечистоты и кормить.

В обед старший сержант снял больничный халат, надел мундир, мне на прощание сказал:

– Держись, солдат! – и растворился за дверью.

И, кстати, в какой-то момент я увидел на его мундире еще один значок «Кандидат в мастера спорта СССР». Судя по его стати, он был борец.

Но и у меня сегодня гости. Приехал тот самый стеснительный офицер из штаба и прапорщик. Они были с автоматом АК и папочкой с гербом. Меня переодели в мою родную форму, надели поверху автомат и дали в руки папочку с текстом присяги. Говорить я не мог, и от этого тот офицер еще больше застеснялся. Я просто подержал папочку у лица, а прапорщик меня пофотал, но конец текста я все же про себя прочитал, и там было про то, что пусть меня коснется кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся. Мне стало понятно, что тут любой испугается нарушать. А вообще, это все – одна большая военная тайна. Стеснительный офицер, наверное, из-за моего внешнего вида, не очень бодрого, пустился в какие-то рассуждения, но я

понял одно: что, если бы не требования округа, то укус того щитомордника оказался бы для меня смертельным, ибо установка была предателей уничтожить без угрызений совести. И потому я, вероятно, весь свой учебный срок проведу в госпитале, до полного излечения. Офицер очень стеснялся, что я не могу говорить и еле передвигаюсь спустя почти два месяца после происшествия. Они спешили вернуться в часть, ибо сегодня была пятница, и надо было успеть на целовальную процедуру. За присягу я расписался, и фото было, значит все в формате услужения Уставу.

Ребра у меня срослись, а вот челюсти не хотели, наверное, потому, что я все время туда пальцами лазил: у меня постоянно было чувство, что там что-то надо поправить, но там ничего не поправлялось. Меня понуждали хорошо питаться, было чем, да я и сам хотел, только вот не получалось. Ну вот, в один из дней меня усадили в кресло и что-то там во рту ключами и плоскогубцами затянули, и рот стал шире открываться. Боль постепенно ушла, но не совсем, конечно. Я стал весьма условно откусывать и проглатывать.

Где-то через неделю я первый раз вышел на улицу, закутанный в два халата, посидеть пять минут. Зима всюю лютовала, мело, у крыльца рос какой-то огромный куст, а на нем висели ярко-красные, замороженные ягоды. Я смотрел на них, это была калина, которая у нас не росла, но я, смотря на эти ягоды, почему-то обязательно уверился, что придет весна. Вот и от мамы пришло письмо, похоже, она вся извелась,

пока я не писал. Сообщала, что у нее все в порядке, со здоровьем тоже. Один раз ночевала в той квартире, но как-то там беспокойно, дважды прибежали мальчишки, узнать мою армейскую почту. И было это как раз в тот день, когда пришло письмо от меня. Пацаны, что прибежали, были один другого меньше. Она им дала мой адрес. Закончила мама тем, что меня здесь любят и ждут. И в конце попросила верно и честно отдать свой долг Родине.

Я старался есть, ходить и разговаривать, обретая свой первоначальный облик. А еще через неделю мне принесли посылку. В ней было все: и баночки с вареньем, и грибочки, и конфеты, и чак-чак с шишками стланика, носки, и, конечно же, письмо. Его написал Стас, но было понятно, что оно от всех. Там все было хорошо, тренер очень всем понравился, хороший, добрый человек.

«Свой маленький зал они переоборудовали и сейчас пытаются с тебе известного склада ринг выклянчить. Вроде как и получается. Большой тебе привет от тети Маши. Тот кулик по имени Дружок очень даже у нее прижился в маленькой клетке, которую они сумели смастерить. И кормят они Дружка клюквой, которую из-под снега на мари выкапывают. Но он, нахал, ест только отогретую и раздавленную, а в основном питается тараканами, пацаны их таскают из своих домов в спичечных коробках. Дружок их ловко глотает, а когда глотает, от кайфа аж глаза закрывает. Так вот, как весной прилетит его стая на мари, они планируют Дружка на свобо-

ду выпустить, ведь на свободе все равно лучше, чем в клетке, даже если там сытно. А 14-го ноября у тети Маши был день рождения, она организовала нам всем чаепитие, наделала хвороста и блинчиков, конечно же, и тебя вспоминали, и Николая Максимовича. Оба «керосинщика» хорошо тренируются, и, вроде, в школе их хвалят».

Все желали мне здоровья и успехов в службе. В эту ночь во сне меня преследовала навязчивая мысль: я никак не мог вспомнить, у кого еще день рождения 14-го ноября, и под утро я все же вспомнил. Это день рождения Марии Федоровны, русской императрицы и жены Александра III, в девичестве Марии Дагмар, дочери датского короля Христиана IX, а также матери последнего императора Николая II Александровича. И вот он же, Христиан IX, был еще отцом капель датского короля – главного отхаркивающего средства. Вот такая личность и события мне стали приходить во сне, когда я только-только научился засыпать без уколов.

И как-то, сидя у окна в самую февральскую стужу, я умудрился расшатать у себя во рту стальную броню. И рот открылся широко, но я как-то враз почувствовал, что потерял возможность выговаривать слова. Если до этого я хоть негромко, но говорил, то теперь у меня слова обгоняли друг друга. Но, благо, я в своей самодеятельности был быстро уличен и вновь закован.

В конце февраля уже начались на улице первые оттепели. Снега на улице было совсем немного, но и тот просел и съе-

жился. А с начала марта мы уже гурьбой ходили на улицу, на ярком солнце, в затишке, пригревались. Погранцы там тайно курили, даже те, кому было нельзя, пели песни под гитару, и в этой компании понять, кто сколько прослужил уже, было невозможно. Мне иногда тоже накидывали для тепла шинель с зелеными погонами, и тогда я растворялся в чем-то правильном и надежном. Солдаты выписывались, приходили другие, но они были такими же, и потому казалось, что все вокруг одно и то же. Я уже был тут старожилом и сам помогал тем, кто в беспамятстве и поломанный. Но таких, как я, укушенных щитомордником, с застав не привозили вовсе. Там, вероятно, змеятник не приживался. А меня тут прятали и ни под каким видом не хотели возвращать. Кому в части нужен изменивший Родине? Я был курсантом учебки, но только без пребывания там, кто-то где-то договорился о моем пребывании здесь, но, конечно, это была военная тайна.

Все кругом оживало, мы уже бабочек видели. Оживал и я, уже весу поднабрал и начал потихоньку отжиматься и растягиваться. Хрустели ребра по сросшимся местам, но было терпимо. Я получал письма и отвечал на них, дома все тоже ждали весны, но у нас в это время самые снегопады. И в этом году снег лег в объемах ему положенных. Ринг мальчишки все же притянули к себе. Стас собирался жениться, а младший из «керосинщиков» получил первый юношеский разряд, способный оказался парень. У мамы тоже все было в порядке, курочки неслись, про ту квартиру она не вспоми-

нала, а я не спрашивал. Зато она забор в каждом письме расхваливала. Два раза, правда, совсем заметало. Так вот, сосед себя отгребал, а потом и ее, мама его хвалила, называла хорошим человеком и говорила, что он очень скорбит по умершей жене. У меня от прочитанного не было чувства тоски, я возрождался, и цели мои не поменялись. А согласно древней истине, что нас не убивает, то делает сильнее. Дома на моей кровати лежала посылка, и время, когда я ее попрошу, приближалось.

Сегодня на обходе главный доктор со мной беседовал. Он строгий с виду, но глаза через очки улыбаются. Мы все знали, что он полковник, но бате́й его не называли, а называли по имени-отчеству. Он вообще погон не носил, он был доктор. Так вот, он еще раз мне сказал, что я был трудный случай в плане моей болезни. Мне казалось, что я понял, что он сказал, и в то же время, что нет. А сказал он так:

– Когда еще не все драконьи головы отрублены, то они будут кусаться.

По его тону было видно, что он твердо верит – время аспидов кончится. Этот доктор был явным оптимистом, а доктор, наверное, другим быть и не должен. Он сам мне в рот заглянул, посмотрел последние анализы и сказал, что можно будет уже пробовать снимать мою конструкцию.

– А там уже будет видно, когда тебя проводить в добрый путь, дослуживать свой срок.

Если зимой с границы везли в основном обмороженных

солдат, то вот в пятницу, в этот самый гремучий, целоваль-
ный день, привезли обожженного. К нам его завезли уже по-
сле реанимации, где с его рук и груди срезали одежду вме-
сте с кожей. Его привезли 15-го марта, это как раз был день
пятилетней годовщины боев на острове реки Уссури. И эта
война еще не закончилась, но нам ничего об этом знать было
не положено. Это была военная тайна. Ночами он кричал, и
мы почти все не спали, пытаясь ему помогать, чем можно.
А одной ночью он лежал очень тихо, утром оказалось, что
умер. Мы так и не узнали, ни кто он, ни его историю. Но мы
как-то в тот день стали взрослыми, перестали петь под гита-
ру, и весна уже не казалась такой прекрасной.

В апреле мне и правда все вытащили изо рта. Случилась,
наконец, долгожданная свобода, правда, со многими ограни-
чениями. Сейчас моя речь почти не хромала, это случалось
редко и то при сильном волнении, но врач уверил, что все
встанет на свои места максимум через полгода. В мае уже
спали с открытыми окнами. За неделю все начали готовить-
ся к празднику – Дню пограничника. Опять достали гитару,
но пели уже не весело, а, скорее, задушевно.

Мне не довелось с ними отметить этот праздник. Ко мне
заявились из части. Это был все тот же стеснительный офи-
цер и водитель из УАЗика, мне привезли парадную форм-
му, даже не мятую, отдельно погоны с двумя полосками, то
есть младшего сержанта, военный билет, где была запись,
что я отучился полным курсом в военном подразделении

за таким-то номером. Сдал экзамены и по их результатам получил звание и назначение для прохождения дальнейшей службы в такой-то части. Мало того, они мне привезли еще и денежное содержание за 6 месяцев службы, за которое я тут же расписался. В месяц полагалось 4 рубля 80 копеек, за 6 месяцев получилось 28 рублей 80 копеек, а это очень даже. Они ехали в ту сторону и желали меня подвезти. Я думаю, они ехали специально меня отвезти, чтобы сдать как головную боль в другие руки. Вероятно, история моей болезни никуда не денется и будет адекватным свидетельством, что это был за укус щитомордника. Но я думаю, что она уже тоже стала военной тайной. Я попрощался со всеми ребятами, как и положено старожилу. Дал 8 рублей и пожелал здоровья и свой праздник отметить как надо. Со всеми поручкался, большинство вообще не знали, кто я, а когда увидели мои петлицы с тракторами, очень удивились. Я уселся на заднее сиденье того самого УАЗика, на котором меня сюда полгода назад привезли, завернутого в одеяло, набухшее от крови. А вокруг бушевала весна. Многие деревья я узнал только тут, увидел, как цветет дикий абрикос, черемуха, как полыхает розовым багульник, и белыми пахучими метелками цветет калина. А пчелы просто роились во всем этом цветении. Три часа ехали молча, вот только офицер опять стеснительно пытался оправдаться, рассказывал, что еду служить в военно-строительный отряд, расположенный прямо в городе. У воинской части хорошая репутация, туда даже отправ-

ляют дослуживать тех, кто в дисбате срок отбыл. Тут же он стал говорить о том, что вообще меня пытались отправить на Чукотку, подальше. Он так говорил, что это, вроде как, его заслуга, что меня не отправили служить в Заполярье. А я вдруг спросил:

– А там по пятницам тоже знамена целуют?

На этот вопрос он даже не обернулся, только уши покраснели и стали прозрачными на свету. Вероятно, я пытался выведать военную тайну. Он все же ответил, но очень интересно, ко мне вопросом:

– А ты думаешь, в дисбат попадают только те, кто желает справедливости?

Что этим вопросом хотел сказать этот вечно стесняющийся сам себя офицер, я не знал, но это прозвучало, вроде как, то ли предупреждением, то ли пожеланием. Приехали опять в тот же город, где я по приказу Бати должен был всех перебить и только тогда вернуться в свои окопы. Часть была действительно в городе. Ворота в нее были металлические, покрашенные зеленой краской, на каждой из половинок было по красной металлической звезде, тоже криво сваренных. На КПП – вертушка в проходе и никого нет. Стеснительный офицер со мной не пошел, я вышел из машины без сопровождения, пожеланий и напутствий. Наверное, такое не в традиции, тут другое: баба с возу – кобыле легче.

Пройдя через будку КПП, я уперся в двери серого двухэтажного здания штаба. На первом этаже перед окном сидел

молодой прапорщик с грязной занюханной повязкой на руке, на которой была надпись: «Дежурный по части», и играл в игру прапорщиков с названием крестики-нолики. Он равнодушно выслушал меня и сказал, чтобы я шел на КПП ждать приезда майора – начальника штаба:

– Ему и доложишься.

На КПП все деревянные части были изрезаны ножами, надписи оповещали, когда у кого ДМБ. Среди них были даже плохо читаемые уже цифры 60-х годов. Майора ждал долго, но дождался, это был мужчина с бульдожьей манерой разговаривать, с красным затылком, с такого же цвета глазами, но без запаха «Шипра», и уже этим он к себе располагал. Он меня выслушал и сказал, что я могу сходить в столовую, и к 18-ти моя рота вернется с работы.

– Весь личный состав этой роты только неделю как на службе. Вот в нее и пойдешь.

Так начиналась моя служба в должности командира взвода, с месячным жалованьем 20 рублей 80 копеек. Все, что творилось в этом ВСО (военно-строительном отряде), было военной тайной: от объема выработки до того, с кем успеваешь спать сиськастая буфетчица из чайной. Много чего интересного я узнал за службу в этом отряде, но кое-что заслуживает отдельного рассказа. Ну, конечно, не главная тайна – как принудить к бесплатному труду на тяжелейшей работе, да еще и сделать эту работу эффективной. Обязательно должен быть, как издревле известно, пряник и кнут, но пря-

ники потребляли где-то в верхнем эшелоне командования, а солдатам оставался только кнут. И потому чаще работа превращалась в простую имитацию, а это было военной тайной, строго охраняемой от недругов. Расскажу, как в этом году комсомол начал строить БАМ, как туда строем потянулись «нашенские» за пряниками.

Этой же осенью, за полчаса езды от того места, где я сейчас находился, и состоялась историческая встреча лидеров сверхдержав. Мне, конечно, было очень интересно, смог ли мой друг детства, Барабанщик, сработать на имидж страны? Но это тоже, наверняка, была военная тайна.

Я ждал наступления нового, 1975-го, года. Этот год во всех моих планах был узловой. Я уже дважды успел побывать в городской юридической консультации, и кое-что успел для себя уяснить касательно моего поступления в университет. Казалось, что очень даже было возможным сдать вступительные экзамены на втором году службы в советской армии, а это очень соответствовало моим планам. У меня были все координаты приемной комиссии и ее секретаря, но это могло начаться работать только со следующего года, когда я подам документы. В начале следующего года я затребую от мамы свою посылку и начну оформляться документально согласно правилам приема на выбранный факультет в этом вузе, главным на дальневосточной окраине России. Ну и, соответственно, в очередной раз проштудирую все учебники старших классов и пособия для поступающих в вузы СССР.

Мне не нужны были ни репетиторы, ни подсказчики, я рассчитывал только на свою память и способность к анализу.

Письма, что мне писали в мае-июне на госпиталь, нашли меня только в ноябре. Стас писал, как они проводили операцию по освобождению из плена Дружка. С середины мая «керосинщики» бегали по мари, высматривая, прилетели ли братья по виду. Дружок с приходом весны взбунтовался, то есть отказывался, то летать пытался в своей мини-клетке, видимо, где-то чувствовал свою стаю. Тетя Маша сказала:

– Будем выпускать.

Тот майский день был очень теплый, тротуар на мари просох, хотя снег кое-где еще лежал серыми пятнами, проткнутыми торчащими плетью осоки. Керосинщики бегали по мари и выгоняли куликов поближе к нам. И когда у них все получилось, Дружка подкинули вверх, и он кинулся за всеми остальными своими согражданами. Получился замечательный праздник, и меня вспоминали, и Николая Максимовича, а еще пили газировку с кренделями прямо на улице. Еще у них новость: собачка-то наша оказалась совсем не Дружком, а Подружкой, и родила четверых щенков. Всех строго распределили между своими. У них все здоровы, постоянно тренируются, все меня ждут домой. Я стал больше и больше задумываться, что надо найти время перед началом учебы и съездить на родину, увидеть маму и всех своих, только вот в хронологию это не очень укладывалось. Надо было найти какое-то окно, хотя бы в неделю. В декабре я написал пись-

мо маме, затребовал свой ящик с книгами. Мой расчет был прост: я ждал, что посылка мне придет как раз к началу следующего года.

Наш командир части знамя не целовал, но постоянно озвучивал принятые социалистические обязательства и постоянно их корректировал с графиками их выполнения. По итогам этого года у него что-то не очень получалось, но так было всегда. Но как-то все в итоге решалось с социалистическими обязательствами, и где-то кто-то управлял этими графиками, и все получали годовые премии. А с нового года опять принимали новые обязательства и опять их удачно не выполняли. И так из года в год. Обязательства спотыкались о премии, и как это все работало, никто до конца не знал и знать не мог, ибо это большая военная тайна. А стройбатовцы, как большие юмористы, говорили, что командир по итогам года раздавал кому часы, кому трусы, кому портупеи и спальные мешки, а кому и ружья 12-го калибра. Это было шуткой, но шуткой не было то, что два солдата из стройбата заменяли экскаватор. И отцы-командиры о них помнили и заботились, будучи сами образцами гуманизма и верности присяге.

Про мою косую солдатскую судьбу, похоже, сюда какие-то слухи просочились. Меня не трогали, я был предоставлен сам себе. Меня это устраивало, 20 рублей 80 копеек я получал день в день, вместе с прапорщиками, из маленького окошка кассы в штабе. Прапорщики были народ веселый.

Они очень комфортно чувствовали себя в этой системе и в день полочки обязательно планировали или рыбалку, или охоту. Офицеры, изгнанные из своих частей за разные грехи, были здесь еще более интересные. Для них главным было вовремя подготовить и провести политинформацию перед личным составом и оформить Ленинскую комнату в роте. За неисполнение этого с них серьезно спрашивали на их комсомольских или партийных собраниях. За пьянство и дебоши с них регулярно снимали звездочки, но они даже погоны не меняли, и так и ходили с дырками. Они все мечтали уволиться из армии, но сохранить за собой квадратные метры жилья, что было очень непросто, но кому-то удавалось. Вход тогда в офицерство стоил рубль, а выход – два. Поэтому и готовили таких, как я, сержантов, чтобы было кому хотя бы взводами в ротах командовать. В Советской армии ни в одном роду войск больше сержанты не командовали взводами, а могли быть только зам. ком. взвода. Наш брат-стройбат кутил в городе, танцевал, влюблялся и, конечно, бухал, да еще и покуривал травку. Можно было даже подумать, что это солдаты какой-то не нашей, а буржуазной армии, где человек человеку волк. Все же это было военной тайной, но, мне кажется, ни в одном роду войск больше не было такого количества военных тайн. По крайней мере, на границе, как я понял, их было намного меньше, чем в стройбате.

Тех личностей, что приходили дослуживать свой срок после дисциплинарного батальона, держали в одной роте, как

бы в одном помещении, их там же и кормили. Старались как можно сильнее ограничить их движение по территории, но они все двигались, ни у кого не спрашивая разрешений, и часто это было не без приключений. Двигались они в основном за забор части, где и находили свои гражданские радости. Демобилизовывали их раньше всех из призыва, как только выходил приказ. По тому же самому принципу, про бабу с воза. Но они, выйдя с чемоданом за пределы части, еще долго через забор возвращались с женщинами со слабой социальной ответственностью и с разными стимуляторами жизненной активности, веселости и равновесия. А может их уже и дома перестали ждать, а здесь они ведь уже не служили, а жили как прикомандированные из других частей и родов войск, из которых были однажды вывезены под конвоем, а из командировки, как известно, всегда надо возвращаться вовремя и с предупреждением.

В конце января я получил от мамы свою посылку. Все было на месте, и все должно было начать на меня работать. Первое, что я сделал, – написал подробное письмо без единой ошибки на имя секретаря приемной комиссии. Сама-то комиссия, как я понимал, будет формироваться только летом. Это письмо было простой просьбой разъяснить мне возможности поступления в данный вуз, если я нахожусь на действительной воинской службе и ущемлен в правах тем, что моя демобилизация пройдет тогда, когда все вступительные экзамены будут уже сданы. Я уже юридически был готов сам

объяснить свои права и возможности в данной ситуации, но важно было получить официальный ответ, на бумаге с их реквизитами и подписью. Я стал ждать ответ и уселся плотно за учебники и разъяснения по вступительным экзаменам в вузы СССР.

Вчера жена замполита приходила подраться с буфетчицей из солдатской чайной. По стати буфетчица была кубанской казачкой и, конечно, просто так не далась. Бой, на удивление, был долгим, без перерывов и секундантов. Их с трудом растащили. Все продолжилось пьянкой в жилище у буфетчицы, которое находилось прямо за забором в одноэтажной постройке барачного типа. Пьянка захватила еще и большую часть ночи. Они дрались, потом пили, и солдаты лазили гурьбой в дырку в заборе, видимо, что-то интересное углядев в незашторенных окнах. Я занимался в комнате у ротного, которая была всегда пустой и теплой и, помимо того, хорошо вечером освещалась. Я подолгу сам с собой разговаривал по-английски и чувствовал, что за дверью подслушивают и показывают известный жест пальцем у виска. А это ведь самая подходящая репутация в обстановке, где я проживал.

Замполит появился только через месяц после драки, закончившейся бурной пьянкой. Его, похоже, там, на пьянке, еще долго били. А потом, вроде, он лежал в дурке, так как пытался повеситься. Но или не смог, или помешали. И он теперь провозглашал самые бодрые лозунги о текущем моменте, но на политинформации был очень грустен и расска-

зывал без всякого политического нажима.

А застой в стране находился на самом застойном уровне. В этом году всюю на экранах телевизоров блистали Вероника Маврикиевна с Авдотьей Никитичной, а также Райкин в «Людах и манекенах». Дома вторая зима, как мама писала, была не очень снежная, и, вроде как, было не трудно. Она сказала, что ждет меня осенью до холодов.

В марте мне пришел ответ из университета. Он был оформлен как надо, на официальном бланке, и подписан секретарем приемной комиссии с хорошей фамилией Добряков. И вот какова его суть.

«Есть твердый порядок приема экзаменов у соискателей, находящихся на втором-третьем (последнем) году военной службы осеннего призыва. Не позже первого июня надо выслать все документы согласно приложенному списку. Если ваши документы отвечают требованиям допуска к приемным экзаменам, вам будет прислано приглашение. К этому приглашению будет приложено разъяснение командованию части, что будет основанием для предоставления вам краткосрочного отпуска на период экзаменов. А успешная сдача экзаменов и зачисление в вуз будут основанием для вашей срочной демобилизации сразу после приказа министра обороны. Осенью этот приказ, как правило, издается не позже середины сентября». Так мне ответил секретарь Добряков. Это был первый секретарь, общение с которым представляло для меня какой-то интерес. Все то, что было написано,

никак не нарушало моих планов, и сейчас я буду собирать все документы. И первое – мне нужна медицинская справка соответствующей формы.

В нашей части тоже был медицинский пост, и хозяйничала там Светлана Ивановна. Возраста она была уже медной юности, но и сейчас искала счастья среди молодых прапорщиков, которых считала перспективными. Она всегда была одинаковой – в белом колпаке с ушками и ярким красным крестом, в белом же, в обтяжку по груди и бедрам, халатике. Ко всему этому – ноги в чулках в сетку, высокие узкие каблуки, и, опять же, может так и неудобно думать, но чем-то все это напоминало костюм для ролевых игр. Она так же, как Лола Евгеньевна, любила ляжки перекидывать и дуть губы.

Прежде чем туда идти, я зашел в чайную. Буфетчица, вывалив свои прелести на прилавок, читала газету, при этом мизинцем ковыряла в носу. Я купил у нее кулек конфет и банку консервированных абрикосов и двинулся в санчасть. Все это было в одном периметре. Светлана Ивановна посмотрела на гостинцы с недоверием, но я тут же недоверие остудил, сказав, что у меня нижайшая просьба. На слове «нижайшая» она закатила глаза, явно, опять с недоверием. Я, по своей привычке, опять наговорил ей средневековых комплиментов, но получилось у меня, скорее, в духе поручика Ржевского, и ее забрало. Но при этом она мое подношение спрятала в шкафчик, не предложив чаю, тем самым давая понять, что наша встреча будет непродолжительной. Посмот-

рев на мою медицинскую форму, которую надо было заполнить, она к моему удивлению, рассудила кратко и умно:

– Можно быстро, в поликлинике, в которой моя тетя в регистратуре. Долго и затратно надо делать в нашем госпитале. Но все это будет правильнее, и привязано к твоему военному билету, а не к паспорту, которого ты по понятным причинам сейчас иметь не можешь. Печати на твоей справке должны быть от военных врачей.

Она понимающе кивнула и сказала, что сегодня мне надо подойти к 18 часам сюда, только не с абрикосовым компотом, а с хорошим коньяком.

За хорошим коньяком пришлось тащиться через две улицы. Его я купил в овощном магазине, армянский «Три звездочки» и стоимостью 13 рублей. В 18 часов я был у дверей медчасти; было слышно, что за дверью кто-то пыхтит, я постучал три раза, пыхтение прекратилось, и дверь открыла Светлана Ивановна. Она была в роли, а за столом, в одной рубашке, сидел целый майор медицинской службы, в очках в позолоченной оправе и с черной бородой. А на столе стояла открытая банка моего компота и конфеты торчали в ожидании из пакетика. Майор взял бутылку коньяка из моих рук и начал ее открывать, потом взял мою бумажку медицинской формы, сложил ее вчетверо и сунул в карман мундира. Светлана Ивановна тут же вывела меня под локоток на улицу, сказав, что послезавтра я получу свою бумажку. Этим вечером за столом у ротного я достал присланную мне для заполне-

ния анкету и на чистый лист переписал все вопросы, согласно нумерации. Свою анкету, чистенькую, спрятал и стал отвечать на вопросы в дубликате. Здесь надо было быть очень внимательным и не навредить.

Первый вопрос – членство в ВЛКСМ. Я сам понимал, насколько это значимо, ведь при приезде на экзамены первое, что мне придется сделать – это встать на учет в комитете ВЛКСМ. Если написать, что не член, – это явная возможность сразу отказать мне в приеме документов. То есть я сразу оказывался за бортом того, что так тщательно пытался выстроить. Нужно было имитировать, и как-то отступить назад. Нужно было изогнуться и не сломаться.

Утром после развода я из окна ротного кабинета увидел, как через плац в сторону нашей казармы совершенно эротично приближается Светлана Ивановна. Все, кто еще не успел уехать на работу, слюняво улюлюкали ей вслед, и даже буфетчица, бредущая в сторону своей двери с надписью «Чайная», что-то проскрипела, как лесная выхухоль. Она ворвалась к ротному в облаке цветочных духов и с порога заявила:

– Человек сказал, что ничего не получится. Ты ему сунул бумажку вообще незаполненную и без фотографии.

Я заверил эту прекрасную диву, что завтра все будет, и он сможет заняться этим вопросом. Она ушла, теперь в окно было видно, как она топорщит свой копчик, пытаясь им вилять на радость подметавшим территорию.

А я, кое-как собравшись с духом, пошел на третий этаж. Там, в маленькой комнате сидел комсомольский вожак, и на груди его висел знак ЦК ВЛКСМ «Пионерскому водителю». Он встретил меня дружелюбно, тряс руку, и я тоже тряс ему руку, и под эту тряску признался, что хочу уйти на гражданку комсомольцем и добавил ему несколько строк из монолога Павлика Корчагина, дополнительно заявив, что уже на гражданке собираюсь по путевке комсомола поехать на строительство БАМа. Он покраснел, глаза выпучил, его явно сильно забрало. Секретарь был еще явно необкатанный, после пионерских-то слетов. Я сам себе удивился, что так умело лицемерю. А секретарь продолжал трясти мою руку, наверное, ему даже во сне не мог привидеться такой позитивный, ищущий себя в комсомоле человек. У прапорщика явно в кадке защекотало. Он дал мне заявление и анкету. Я бодро и ответственно заполнил, прапорщик был настолько возбужден, что даже не спросил, почему я раньше не вступил в комсомол и с какой радости попал в «королевские» войска. Я пообещал завтра принести фотографии на комсомольский билет и ушел, но секретарь остался возбужденным. И когда мне через неделю вдруг отчего-то присвоили сержанта, то я подумал, что это отголоски той пламенной речи о роли комсомола в защите революционных завоеваний и его героическом настоящем. Хорошая болтовня там всегда ценилась, она была на первом месте, а на втором – умение правильно голосовать. Третье – надо было обладать талантом на

своём рыле рисовать умные выражения.

На следующий день я нарядился в парадный мундир, надел фуражку и отправился делать фотографию. Та «Фотография» была рядом с тем самым овощным магазином. С фотографией я быстро отстрелялся, все надо было завтра получить по квитанции. Справку я оформил в течение недели. Она выглядела очень серьезно, с синими печатями и совершенно неразборчивыми заключениями. Но главное – под большой печатью было слово «Годен» и жирно подчеркнуто подписью, которая развеивала все сомнения, а мое присутствие в комсомоле казалось решенным. Собрание, на котором должны были голосовать, провели задним числом. Я стал комсомольцем, но надеялся, что дружинить по городу меня не отправят. Благо, из стройбата даже активистов и отчаянных комсомольцев в военный патруль никогда не брали. Но я ошибся, мне все же оказали доверие. В составе команды из офицера и двух прапорщиков на двух ЗИЛах меня отправили за пополнением. Меньше, чем за полчаса меня таки довезли до того вокзала, где поздней осенью 1973-го года посадили на перрон с веселого поезда.

А сейчас был теплый май, цвела черемуха и абрикосы. Мой путь в полтора года уже был пройден, а те, кого сгружали из вагонов, были кто растрепанные, кто полупьяные. Но всем им предстояло вкусить это таинство – быть солдатом и искуситься военными прелестями. Их пересчитали и распределили по машинам. Я оказался с ними в кузове. Тайн

для них уже никаких не было, да и мои трактора на петлицах сами за себя говорили, где им придется парковаться в ближайших два года. Ребята по разговору друг с другом были издалека, а вот теперь им было совсем рядом до казармы, до первого горячего армейского обеда и всего остального, чем их прапорщики будут угощать. И вот под эту молодежь, как когда-то я, в часть прибыли их командиры – два младших сержанта из учебки, которую я так успешно окончил год назад. Глаза у них были тревожные и ждущие каких-то перемен в своей жизни. Их отвели в ту же роту, куда и новобранцев. Я надеялся, что у них все получится. Я для этих выпускников учебки был уже «дедушка», да к тому же старший по званию.

В анкете с датой вступления в комсомол мне проставили номер членского билета. Завтра отнесу пакет с документами на почту. Все вложенное в этот пакет, мною написанное, было проверено по два десятка раз. Картинка получалась логичная и законченная. На почте я не отвел глаз, пока мне все не запаковали, опечатали и положили на стеллаж с надписью «готово к отправке».

В учебке пятница так и оставалась целовальной. Батя там уже достиг реального статуса феодала. Все его окружение было у него в вассальной зависимости. А у меня после короткой встречи с ним осталось четкое убеждение, что у него шизофрения на почве военного алкоголизма. Но это было если не военной тайной, то уж корпоративным секретом точно.

В середине июня мне пришел ответ от секретаря приемной комиссии, что я допущен до вступительных экзаменов в особом порядке, как проходящий срочную воинскую службу. Дата начала экзаменов еще не утверждена ректором, но традиционно на дневные факультеты вступительные экзамены проводятся в первых числах августа. В конце июля они обещали прислать на имя командира части письмо по моему участию в экзаменах и моим льготам по демобилизации. Я, конечно, все это знал, и у меня были бумаги, подтверждающие мои возможности по отпуску на экзамены и по срокам ранней демобилизации для поступающих в вузы солдат-срочников второго года службы. В этих документах было указано, что таких можно отпускать сразу после выхода приказа, который, как правило, издавался в середине сентября. Это в тот день, когда «дедушки» становились дембелями, а «старики» – «дедушками». Приглашение на экзамен должно было прийти не позднее, чем за 10 дней до экзаменов на имя командира части и продублированное для меня. Значит, за оставшиеся менее чем два месяца до экзаменов надо будет заигрывать с отцами-командирами, ибо если что-то случится, и со мной будет какая-то проблема, то все останется на усмотрение командира.

Прислал письмо Стас, оно было крайне перевозбужденным: они очень меня ждали осенью с каким-то суперсюрпризом. Об этом сюрпризе знали все, кроме меня, и для меня он должен был оставаться тайным до поры до времени. Я ни-

чего не придумал, кроме как написать в ответ, что буду томиться в ожидании, но обещал твердо, что приеду, хотя сам такой уверенности еще не имел. Для меня пришло время погружаться в игру, и я пошел к комсомольскому секретарю и попросил для себя ответственное комсомольское поручение. Он от такой просьбы заметался по своей маленькой комнате, начал заглядывать в книги, шарить в своих карманах. Потом сдавленно выдохнул, что завтра он с таким поручением определится и согласует его с командиром. Вот этого мне больше всего и хотелось. Я ловко лицемерил, чтобы оказаться среди активных и сознательных, вот только что бы про меня сейчас Николай Максимович подумал?

На следующий день секретарь, который был когда-то хорошим пионервожатым, сам пришел в роту и рассказал:

– Командир очень обрадовался активности комсомольцев, но сам ничего не предложил, оставив это для меня, а я вдруг подумал, что хорошо бы молодым солдатам прочитать лекцию «Мы строим БАМ», о роли комсомола и участии военных.

Я согласился, все же не поручили носить в штаб списки самовольщиков. Я пообещал за неделю подготовиться, а он сказал, что согласует мою лекцию с распорядком для молодых солдат. А мне подумалось, что именно молодому поколению будет интересно знать, как там, на БАМе, и пошел читать подшивку «Комсомольской правды». Через неделю, в воскресенье, уже прилично замордованных молодых бойцов

рассадили на табуретках в проходе казармы. Для меня в центре поставили тумбочку и, самое ужасное, покрыли ее красной тряпкой. Все было очень даже идеологически выдержано. Рядом на стульчике устроился прапорщик, а сзади, раздвинув ноги в хромовых сапогах, сцепив руки за спиной, на страже стоял замполит, уже, наверное, вылеченный. Я начал с 22-го апреля, уже прошедшего, в этот день воины-железнодорожники сдали мост через реку Бурею, а дальше попер всю великую комсомольскую правду.

После меня слово взял леченый замполит. Он кратко похвалился славным трудовым путем части, выполнением производственных задач. Торжественно сообщил, что сейчас им, молодым солдатам, предоставлена честь участвовать в славных делах батальона, призвал всех к дисциплине и, не закончив предложение, ушел. Наверное, пришло время принимать успокоительное. Вот так я и вступил в ряды пропагандистов комсомольской правды. Я, конечно, лицемерил, да замполит еще заметил, что я без комсомольского значка, на что я ответил, что готовлю парадку на дембель. Он понимающе кивнул. Но здесь прапорщик присоединился и сказал, что прямо сегодня подарит мне новый значок, и тогда я с грустью в голосе сказал ему, что мечтаю о значке комсомола 30-х, героических, годов, где на значке было всего лишь три буквы КИМ (коммунистический интернационал молодежи). Может ли он мне помочь приобрести такой на дембель? Прапорщик, который был награжден знаком ЦК ВЛКСМ «От-

личный пионервожатый», секунду подумав, ответил:

– Нет.

На том тема и была исчерпана. А я подумал, что из меня бы получился отличный лицемер и лицедей в одном лице. Потихоньку в голове оформлялся план, и то, что я начал сотворять, было началом его реализации. Я занимался только тем, что выдумывал этот план и читал учебники, которые и так практически знал наизусть. Почему-то мне экзамены не казались главным препятствием к поступлению. На первый план сейчас вышли мысли о получении отпуска на родину. И еще, он был нужен мне в точно определенные сроки: с 17-го, воскресенья, до 27-го, среды. Это, конечно, уже после возвращения со вступительных экзаменов. Потом, после отпуска, я еще месяц в героической армейской части, а потом уже – в студенческой аудитории, где намеревался пробыть все пять лет. В этой схеме отпуск был самым слабореализуемым звеном, но мне очень хотелось побывать дома, и я это ощущал прямо на физическом уровне. Я собирался посетить место погребения своей пуповины. Оказалось, что притяжение к той земле было сильнее, чем я рассчитывал. Что-то вроде этих мыслей было, наверное, и у буфетчицы из чайной. Ее прелести, как обычно, были вывалены на прилавок, а глаза – очень грустные, и она мне страдальческим голосом поведала, что собирается вернуться на родину. И, не дождавшись вопроса, сама ответила:

– Потому что меня здесь никто по-настоящему не любит.

– А как это, по-настоящему? Значит, без доступа к телу?

Она смутилась, что-то пыталась ответить, но тут зашел прапорщик из соседней роты, и она осеклась. Наверное, в глазах прапорщика и была та самая любовь, по которой она страдала. Только сейчас, по прошествии года, как я приехал сюда, начал ощущать, что мой организм наполняется силой и выносливостью. Я здесь вставал раньше всех и, несмотря на погоду или что-то другое, занимался физическими нагрузками. Не было утра, чтобы я это пропускал. Теперь я опять стал по 200 раз отжиматься и сел в оба шпагата. Уделял я внимание еще и турнику, я с ним хорошо подружился. Но за все это время я не продемонстрировал даже намека на какую-нибудь боксерскую технику. Я всеми силами пытался избавиться от своего прошлого, я был просто человек, укушенный змеей и долго лечившийся от этой хвори. Я даже по телевизору бокс не смотрел, не было ни интереса, ни любопытства.

А прапорщик так возбудился этой политинформацией, что уже на завтра поведал мне о своих планах. В сентябре планируется большая конференция комсомольского актива, и нашему подразделению, хоть и не с докладом, но поручено выступить в прениях по заранее подготовленным вопросам. Я замер: наверное, он мне хотел предложить выступить в прениях по Новочеркасску 1962-го года, где полковники и генералы, которые освобождали нашу страну от фашистов, заставляли своих солдат стрелять в женщин, детей и стари-

ков. Могучая сила партийной идеологии смогла их к этому принудить, ибо она, наша партия – честь и совесть нашей эпохи. Но все, что касалось Новочеркаска, было, конечно, военной тайной. Прапорщик заговорил совсем о другой теме. Первый главный вопрос, по которому предстояло выступить в прениях, – это комсомольская летопись БАМа. Прапорщик, который отличный вожатый, закатил глаза, сложил губы трубочкой и пискляво запел:

Слышишь, время гудит – БАМ!

На просторах крутых – БАМ!

Это колокол наших сердец молодых.

Все это прозвучало, как симптом развивающейся шизофрении. Пропев эти строчки, он явно был охвачен идеей подчеркнуть романтизм и важность поручения. Эта песня – шедевр поэтического таланта Р. Рождественского. Знаменитую песню, написанную, как и принято, к сроку, всегда слушали стоя. А второй вопрос был еще интереснее и звучал так: «Стыковка Союз-Аполлон – шаг в разрядке напряженности между двумя сверхдержавами». Да, если б меня затянули в прения по любому из этих вопросов, то точно в этот же день выгнали бы из комсомола. Но я соглашусь выступить по любому вопросу согласно стратегической линии, на условиях, что прапорщик похлопочет о предоставлении мне отпуска на родину на 10 дней. Как бы, по любым обстоятельствам, можно даже сердечным. Прапорщик услышал меня, и хоть был совсем молодой, но про сердечные обстоятельства

понял и, зардевшись, по-детсадовски спросил:

– Что, невеста?

Я тоже вроде как смутился и неопределенно что-то про бурчал. Он рассказал, что все узнает у командования, но у него есть право своих самых активных комсомольцев выдвигать на поощрение. Все, первый кол я воткнул в их идеологический гроб. Оставалось ждать, а это я умел.

Но прапорщик хоть и молод был, но уже достаточно искушен в своей комсомольской кухне и разбирался в ее кулинарном и кондитерском искусствах. Потому и слепил такую ватрушку. Он за два дня все разузнал относительно моей просьбы. В его обязанности входило от себя написать письмо на имя командира, потом это письмо должно было быть подписано замполитом, да еще и моим ротным, но в письме надо было обязательно указать какую-нибудь общественную должность, которую я занимал. И вот, что прапорщик придумал. Он собирался меня задним числом оформить протоколом своим заместителем, а с членами Бюро он уже вопрос утряс. Вот так я быстро рос по карьерной лестнице в комсомоле. Самое смешное, что Бюро меня утвердило задним числом, а число было таким, когда я и комсомольцем-то не был! Я со всем согласился. Прапорщик меня уверил, что у замполита он письмо подпишет, а моего ротного главное – поймать. Дело в том, что тот в самой роте и не бывал. И никто его за это не спрашивал. Было так, что зама по тылу в части не было, и мой ротный явно с удовольствием исполнял

его обязанности. Целыми днями тот что-то привозил, а что-то увозил. Бывало, что его неделями никто не видел, а ему бы подальше от личного состава. Он сам говорил солдатам: – Чем я от вас дальше, тем жизнь моя слаще.

А за роту его вообще не спрашивали, как и меня за взвод. Вся наша рота работала на кирпичном заводе, а принадлежность этого завода была тайной. Вот на этом предприятии с неизвестными собственниками за крошечные деньги исполняли большую грязную работу солдаты советской армии. Им было, где спать, и было, что пожрать, а все остальное – военная тайна. Из этих кирпичей кому-то что-то строили, но это была военная тайна, как и социалистические обязательства.

Где-то неделю наш комсомольский вожак ко мне не подходил, и даже при встрече, тепло поздоровавшись, ничего не говорил. Видимо, подчищал протоколы заседаний своего бюро. Наконец, он с утра заявился в роту, сразу сделал мне замечание, что я без значка хожу. Вид у него был таинственный, и он рассказывал, как мы можем показать себя на конференции. Даже расписал, какими положительными лицами мы станем в случае удачного выступления в прениях на конференции. Но я ждал другого и дождался, он гордо, голосом римского трибуна, сказал, что мой вопрос решен. Командир бумагу завизировал «Оформить в строевую часть». Ну вот, этот шар закатился в лузу. Я скоренько препроводил своего благодетеля из роты и принялся за свою каждодневную работу, за книги. Сегодня шар, который закатился, был номер

два. Он шел вслед за тем шаром, который закатился, когда мне прислали уведомление о приеме документов. Я должен вернуться из отпуска и через небольшой промежуток времени демобилизоваться и отправиться на учебу. Я опять стал сам с собой разговаривать по-английски, а за дверью явно подслушивали и гадали, чем это все закончится. Теперь все оставшееся время до той комсомольской конференции я буду исподволь подводить прапорщика-секретаря к тому, что он сам должен поучаствовать в дискуссии, а я ему весь вопрос подготовлю, потому что на этом этапе лицо, которым он проявится, будет его капиталовложением в будущее. Ведь явно фаворитом будет тот, кто участвовал в дискуссии вживую. Его могут понять неправильно, что он не сам в этом участвует, а поручил это своему заму. Секретарь организации и есть самое главное лицо, и его надо сотворять. Я думал за счет этого бреда развернуть прапорщика в свою сторону. Я-то в любом случае найду возможность не появиться на этой конференции, даже в виде слушателя. А что-то там дискутировать – для меня это будет слишком. Я буду подводить секретаря к этому потихоньку. К тому времени я уже вернусь из отпуска и, если уговорить его не получится, то просто пошлю его, но так грубо я мог поступить только в самом крайнем случае.

20-го июля я получил приглашение из университета на сдачу вступительных экзаменов. Там было прописано, что, если я удачно сдам экзамены, то буду зачислен в вуз на осо-

бых условиях, как солдат срочной службы. К документу было приложено разъяснение за подписью министра обороны Маршала Гречко, что по приглашению командир обязан мне предоставить отпуск на 12 дней для сдачи вступительных экзаменов. Я знал, что такое письмо должно прийти командиру. А что оно пришло, я понял по кислой роже секретаря. Он был обижен, что я его не проинформировал о своем намерении пойти учиться, но я отговорился тем, что хотел сделать ему комсомольский сюрприз в случае реализации поступления. А так как я считаю, что шансов поступить у меня очень мало, то я не хотел беспокоить его пустыми разговорами. Он остался доволен ответом, а в строевой части мне сказали, что я могу собираться за своими пятерками. В общем, там работали женщины, и у всех было очень позитивное к этому отношение. Я осознал, что теперь поеду в город, в котором никогда не был, поступать в вуз, которого я никогда не видел. У меня был только адрес и маршрут трамвая, а на трамвае я тоже никогда не ездил.

И скоро водитель штабного УАЗика меня, как дембеля, довез до железнодорожного вокзала, опять до того же. Теперь я поеду на электричке, на которой тоже ни разу не ездил. Время в пути – 2 часа. Утро было теплое, народу в электричке много, но люди постоянно обновлялись, одни заходили, другие выходили. Все происходило прямо как в нашем городском автобусе, но он всегда гремел и скрипел, а электричка свистела и тормозила. Мне было интересно смотреть

в окно, а мысли были далеко. Я ехал поступать учиться, чтобы как-то осмыслить жизнь вокруг себя. Получалось, что я начинал все сначала.

Украшенные буйной зеленью сопки стали редеть, и в проветах между ними угадывалась равнина, которая как-то плавно переходила в воду. Понятно, что это был залив, вода в нем была ровной и спокойной. В воде преобладали краски голубые, а не серые и холодные, как в нашем море. По берегам стояли полуголые люди, они купались, хотя еще и не было полудня. Судя по деревьям и кустам, которые стояли неподвижно, ветра не было, и пекло. Самая погода для парадной формы и кирзовых сапог, но пьеса продолжалась, и до занавеса еще далеко.

Наконец электричка припарковалась в своей конечной точке, о чем объявил машинист. Я вышел на перрон и вместе со всеми поднялся на вокзал, построенный в псевдорусском стиле, с башенками, шатрами и колоннами. Но как ни странно, внутри он был расписан опять теми же самыми людьми будущего с квадратными лицами, красными флагами и серпами и молотами на груди. Какой-то непонятный негатив «псевдорусскости». Но все бы ничего, только на привокзальной площади стоял огромный памятник вождю того же самого пролетариата, а рядом с ним, на торцевой стене громадного здания, громадными же буквами прописью было написано его изречение: «Владивосток далеко, но ведь это город-то нашенский», и снизу подпись – «Ульянов-Ленин».

Я был потрясен, осознав, куда приехал, но отступить было некуда, это было бы позорно и бессмысленно. «Нашенские» были кругом, чему тут удивляться.

Я забрался в трамвай номер 2 и, проехав две остановки, на третьей вышел. Университет был прямо передо мной. На стеклянной двери входа была надпись «Приемная комиссия», но очереди не было. Я вошел, за длинным столом сидели две девочки и хихикали, но, увидев меня, прямо преобразились. Я им отдал вызов на экзамены, и меня сразу же направили встать на комсомольский учет, а потом вернуться за направлением в общежитие и бумажкой с перечнем экзаменов, времени и аудиторий, где они будут проходить. Экзамены будут уже завтра, а приемная комиссия, похоже, на пляж убежала, оставив дежурить этих двух хохотушек. Я пошел вставать на учет, там уже было все серьезней. Убранство комнаты соответствовало торжественному моменту постановки на учет, и девушка там была очень даже секретарской наружности. Она была в очках, сквозь которые смотрели глаза соратницы Инессы Арманд, деятельницы российского революционного движения. Получив нужную бумажку с круглыми печатями, я вернулся к месту приемной комиссии. Девчонки уже были у двери и ждали только меня. Оказывается, я пришел под самое закрытие.

Их ждал пляж, а меня общежитие. Оно, к счастью, оказалось за углом, прямо напротив парка. На вахте, у длинного застекленного шкафа с ключами за стеклом, сидел вахтер.

Настоящий дед, он разгадывал кроссворд и даже не глянул в сторону моего направления, а ткнул куда-то вглубь коридора. Там была открытая дверь, и кто-то орал. То была комендант, и она ругала уборщицу. Она посмотрела на мое направление, поставила цифру 23 и отправила назад к вахтеру. Уже в дверях, окончательно меня узрев, проводила словами:

– Имей в виду, что здесь не казарма.

В этот раз дед посмотрел в мою бумажку, но глаза его были где-то далеко во Вселенной. И он спросил меня:

– Скажи, солдат, что может быть косметикой для мозгов, пять букв, в середине д?

Я ответил, что это, вероятно, пудра. И дед прямо зажегся и выдал мне ключ с жестяной биркой, с номером 23, и даже в двух словах объяснил дорогу.

Над входом на второй этаж висела здоровая портянка, на которой было прыгающе весело написано «Привет, абитура»! Комната открывалась с пол-оборота, похоже, замок здесь был только для маскировки. Койки были такими же, как в госпитале, только стояли в два яруса. Комната была с загрузкой в 4 человека, на койках лежали вскатку матрасы, на них были стопки чистого белья. Было жарко, я снял сапоги, раскатал матрас и на него прилег прямо в парадном обмундировании. Но потом, подумав, китель все-таки снял. Трактора на петлицах сияли золотом. Я принялся изучать расписание предстоящих вступительных экзаменов. Я знал, что их 4, но не знал их последовательности. Первым был ан-

глийский, потом через два дня следовали остальные. После экзаменов определялось сдать этот лист в приемную комиссию.

У меня с английским языком были свои отношения, очень тесные и многолетние. И начинались они у меня с первого класса. А первым такой экзамен ставили для абитуриентов, когда конкурс на факультет был большой, ведь по языку всегда проще поставить неуд или еще что-нибудь, менее унижительное. Но я этот язык начал изучать, будучи единственным учеником у той замечательной женщины-библиотекаря. Вообще, одна из моих первых книг, прочитанная в библиотеке – «Остров сокровищ» Стивенсона. Библиотекарь видела, с каким детским восторгом я делился с ней своими впечатлениями и страстно хотел почитать еще этого писателя. Я помню, сдал тогда книгу, а она попросила меня еще прийти завтра. А назавтра она из дома принесла «Черную стрелу», опять же Стивенсона, но только книга была на английском, но с красивыми картинками. Иллюстрации были настолько притягательные, что я стал пытаться разбирать английские слова, и она мне стала читать по 2 страницы каждый день, а потом мы с ней прочитывали и переводили, а потом я еще и дома все повторял. Она сама владела в совершенстве языком и предложила мне эту игру. Сначала было по 2 страницы, потом по 5, потом по 20. Я оказался способным к этому ремеслу, а у нее было огромное терпение и любовь к детям. Затем был сэр Артур Конан Дойл, а когда у меня был день

рождения, и мама напекла маленьких пирожных-безе, тех, что из яиц и сахара, я набрал их в свою очень мне дорогую жестяную банку и понес ей в библиотеку. Вот за чаем она мне все и рассказала, восьмилетнему пацану. Ей явно хотелось с кем-то поделиться, но никого не было, кроме меня, да и опасно было все, что она говорила. Она рассказывала мне свою историю, как будто читала вслух книгу собственной судьбы. Первое, чем она меня удивила, так это тем, что в ней английской крови 95%, а получилось это так.

– Наш дед, 1898-го года рождения, уроженец Лондона, инженер-машиностроитель, из семьи английских аристократов, был женат на нашей бабушке, внучке еще царского посла в Великобритании. Как в то время было модно у английских аристократов, дед тоже бредил социалистической справедливостью. И в 1924-м году, в возрасте 31-го года, взяв с собой бабушку и нашего одиннадцатилетнего папу, уехал в Россию, осуществлять индустриализацию в молодой республике. Дед это считал своим гражданским и человеческим долгом, а бабушка все рвалась увидеть родину своих предков, хотя и была с младых ногтей англичанкой. Вот они и оказались в Москве, дед работал, а бабушка занималась воспитанием нашего папы. Так было до 1934-го года. Папа наш, в семнадцатилетнем возрасте, поступил в Московский институт новых языков, а уже в 1938-м году был, как особо одаренный, отправлен на длительную стажировку в Лондон. Где-то там, в студенческой аудитории, он и познакомился

с нашей мамой, которая занималась средневековой английской поэзией. В конце 1940-го года папу отозвали, и мама уехала вместе с ним. Папу сразу забрали на службу, куда-то в Генеральный штаб, в Управление военных переводчиков. Неизвестно, куда пропали родители папы, но их квартира на Остоженке была цела, как осталась цела и громадная их библиотека. Мы с сестрой родились только в военном 1943-м году. Мы были близняшками, и маме, конечно, было трудно с нами в младенчестве. Но мама справлялась, а у папы к тому времени был какой-то большой чин в армии, он постоянно работал с какими-то документами и на фронте не был. Все для нас поменялось, как ни странно, после известной Фултонской речи Уинстона Черчилля. Эта речь нас коснулась, и очень плотно. Что мы могли знать об этом в трехлетнем возрасте? Но с годами картинка проявилась, и вот в каком свете. Переводами документов такой важности, как предложение Черчилля об обустройстве послевоенного мира, занимался наш папа. Но в эту речь бывший премьер, журналист и Нобелевский лауреат сознательно напихал так много сравнений и речевых оборотов, что в переводе было несложно заблудиться. Но отец справился и перевел так, каков и был смысл этого документа. Кто-то там наверху прочитал и высказался, правда, не очень категорично, но с сомнением, в переводе некоторых выражений. Вроде как в переводе не было достаточно сильно освещен звериный лик империализма. Вроде бы как он был приглажен. Папу просили придать этим выра-

жениям другое звучание, но он сказал, что против совести не пойдет. Отец очень много знал обо всей международной кухне и явно видел много. Там посчитали, что он еще должен пригодиться, и никого не арестовали, а просто как-то сразу переодели в гражданское, разрешили взять с собой что пожелаем, и всех нас гурьбой выслали в ваш северный край. Дали здесь хорошее жилье, с телефоном; часто папе звонили из Москвы, проконсультироваться. В нашей семье по-русски даже не говорили, жили на папину пенсию и редкие технические переводы. После смерти Сталина папу звали вернуться, но он отказался по причине того, что его профессию всегда рвутся сделать шпионской. Мы всегда ощущали, что, опять же, живем под каким-то присмотром. Вот так и дожили. Родителям сейчас уже за 50, сестра работает на почте, а я вот в библиотеке.

Эту краткую историю судеб интеллигентов я услышал уже в далеком 1963-м году. А потом еще был Конан Дойл, Даниэль Дефо, Агата Кристи, Герберт Уэллс, и даже У. Шекспир. В свои выходные приходила ее сестра, они были очень похожи; они до сумерек разговаривали на языке своих предков, учили меня читать, переводить и сочинять на английском. Я чувствовал, как тренируются мои мозги, и игра превращалась в потребность. Так прошло еще 4 года, пока не наступила 50-летняя годовщина Октября, и библиотека не была ликвидирована за ненужностью, как субъект свободомыслия. А потом меня и вовсе отправили в «командировку». Но я все-

гда, когда был один, читал Лондона вслух, и еще много чего повторял про себя. Но уже в это время стала разгибать спину доктрина, что когда учили французский, пришел Наполеон, потом начали учить немецкий, пришел Гитлер, сейчас учим английский, жди нападения американцев. Все это было тщетными попытками объяснить наши плохие отношения с Западом. Ту самую холодную войну, начало которой было положено Фултонской речью Черчилля. «Плохим» Западом можно было объяснить дефицит всего, от трусов до автомобилей. Но у нас были ракеты, а это уже военная тайна.

Тут вдруг я почувствовал, что засыпаю за этими воспоминаниями десятилетней давности, что было плохо. Я встал, чуть побегал на месте, держась за верхние ряды кровати, надел китель, сапоги, поправил галстук и, прихватив фуражку, направился искать пропитание. Уже было время что-то закинуть в себя. На вокзале я видел, что там что-то жарили, а приезжающие и уезжающие что-то ели, держа в руках пакетики из газеты. Вокзал был рядом, и я уже мог передвигаться известным мне маршрутом. Вахтер все так же сидел, подперев руками голову, но в этом эпизоде он, кажется, спал коротким сном разведчика. На отходящий трамвай я не успел, но ясно понимал, что они тут ходят не так, как наш автобус номер 2. Новый вагон уже где-то звонил внизу, и я решил свои финансы подбить. Вытащил из кармана, вместе со своими синими пятерками и зелеными трешками, билет члена ВЛКСМ. Я подошел к урне, что стояла в двух шагах, и разо-

рвал свое членство на мелкие кусочки, примерно так, как сделал военком с паспортом, уничтожая мое гражданство. Всю эту труху я бросил в урну.

На вокзале толкался всякий люд, но солдат не было, хотя в толпе кое-где мелькали бескозырки, а из дальнего угла тянуло жареным: там стояло три стола, как в нашем пивбаре «Минутка», и прямо рядом, на железной бочке стояла жаровня, которую топили дровами. Там и жарились пирожки, которые белыми подносили из кузова «пирожкового» Москвича, и они, пару минут покипев в жаровне, делались золотыми. Тут же их клали на нарезанную бумагу и отоваривали страждущих. Пирожки были с китовым мясом – неведомое для меня блюдо, даже сказочное, но я видел, как их дружно поедали, так что было ясно, что все это очень даже съедобное. Я встал в очередь, пирожок стоил восемь копеек, и я из жадности вознамерился их купить десяток, но увидев, как уже отоваренные этим раскаленным угощением, не могут в газете удержать даже трех, сузил заказ до двух. Мясо было вкусное, как и сам пирожок в целом. Съев эти, я купил еще два и пошел на Морской вокзал. Он был прямо рядом, и по обе стороны от него были смотровые площадки. Это, наверное, те самые места, с которых, провожая моряков в дальний путь, безутешные женщины машут платочками. Мои глаза уперлись в белоснежный лайнер, припаркованный к причалу земли «нашенской», и звали его «Михаил Шолохов». Слева, вдалеке, стояли серые, под номерами, военные корабли. Я

доел пирожки и пошел на трамвай. Слева в солнечном свете блеснула огромная надпись-напоминание. От пирожков, похоже, начиналась изжога и хотелось пить.

В общаге прямо напротив входа была открыта широкая дверь. Она была без опознавательных знаков, но по звону посуды было слышно оживление. Это был пункт питания, небольшая столовая, только работала она по какому-то особому расписанию. Я выпил два стакана компота и пошел в 23-ю комнату. По коридорам бродили вчерашние школьники, что-то загадочно бубнили себе под нос и отбивались от родительских поддерживающих объятий.

В комнате было все, как я и оставил. Я быстренько уснул, а когда проснулся, было уже основательно темно. Двери в мою комнату были приоткрыты, и в щель просачивался свет из коридора. Там еще жизнь не замерла, все искали возможности завтра получить отличную оценку. Я надел сапоги и посетил удобства в конце коридора. Потом расстелил на армейский манер постель и опять лег спать. Двери изнутри никак не закрывались, но мне было плевать. Проснулся вовремя, оделся, умылся и пошел вниз, в столовую. Там была молочная рисовая каша и бутерброды с сыром. Весь завтрак мне обошелся в 48 копеек, для меня приемлемая цена.

Ровно в 9 часов был у дверей экзаменационной аудитории. На дверях висели списки, всего в этом месте экзаменовалось 40 человек, 8 групп по 5 человек. Теперь я понял, что значит сдавать экзамены на особых условиях. Я был в пер-

вой пятерке, то есть сразу меня должны были подстрелить, чтобы не мучиться потом уже. И снайперами тут, конечно, были экзаменаторы по иностранному языку. Я зашел в числе первой пятерки, показал свой красный документ, взял билет и сел прямо за первую парту. Моими экзаменаторами были две женщины, примерно одного возраста. Одна из них была рыжая и в очках, а вторая – черная, тоже в очках. На подготовку давалось 20 минут, и пока все соискатели готовились, они на весьма сносном английском лениво беседовали между собой, вообще не обращая внимания на присутствующих. О них, о присутствующих, они, кстати, и разговаривали, в том числе и обо мне. Рыжая была уверена, что я из десанта, а другая утверждала, что, если бы я был из десанта, то был бы в тельняшке, наверное, танкист. Одна из них увидела, что я прислушиваюсь, и тут же пригласила меня на «расстрел». Я сел к ним за стол и назвал их леди, объявил, конечно же, на английском, что я не десантник и не танкист, а я из тех войск, в которых один солдат может заменить экскаватор. Этот мой монолог они слушали, открыв рот. Но ничего не успели мне ответить, как в аудиторию зашел статный седой мужчина и обратился к ним на английском.

– Как начались сегодняшние экзамены? Как молодежь держится? А как у армейских знания?

Это явно был заведующий кафедрой и ясно выраженный военный переводчик. Сестры мне часто рассказывали, как их папа потешно проговаривал глаголы. Это специфическая

лексика именно военных переводчиков. Я назвал мужчину сэром и спросил его об этом на английском. Он открыл рот и закивал, потом взял мой билет и стал сам меня экзаменовать. Две женщины прямо поедали глазами происходящее, а видел бы кто, как были счастливы четверо абитуриентов, на которых никто не обращал внимания, и они все шпаргалили. По билету не очень получилось. Ему так общаться со мной было совсем не интересно. Он действительно был военным переводчиком, а когда я назвал фамилию человека, в семье которого меня учили языку, он просто обалдел. Оказывается, папа сестер был их генерал и очень был уважаем среди военных переводчиков. Рыжая с черной все это слушали, но, казалось, уже не все понимали. Закончился мой экзамен тем, что я прочитал монолог Гамлета, а он напоследок спросил, зачем я вообще сюда иду, что изучать? Я сказал, что научный коммунизм, научный атеизм, исторический материализм и логику. Он нахмурил брови, от чего по лбу у него побежали морщины, как-то хитро улыбнулся и, казалось, все понял. Сам в экзаменационном листке мне поставил пять и расписался. Уходя, еще спросил, не хочу ли я на иняз, я ответил отрицательно, и за ним закрылась дверь. С первого раза меня «расстрелять» не получилось.

Потом будет экзамен по истории – Пугачевский бунт. Обществоведение – основы научного коммунизма. Русский – устный, деепричастия несовершенного вида. А следом литература – сочинение по Обломову. Набрал 20 баллов из 20

возможных, я через 12 дней ехал в электричке к месту моей постоянной милой дислокации. Еще один шар, посланный мной, закатился в нужную лузу. Теперь оставался шар под названием отпуск на родину.

Притащился я к родным воротам тогда, когда выезжали машины на объекты, везли обед. На территории было как-то совсем пусто и тревожно. На улице было очень жарко, а на КПП – прохладно и свежо. На стуле там сидел солдат с перебинтованной ногой. Где-то наступил на ржавый гвоздь, и теперь ему пытались вменить членовредительство. Он был не нашей наружности и говорил совсем неправильно, но очень возмущенно. Видно было, что обижался он на такие подозрения, и что он готов сейчас работать только на легком труде. А здесь самым легким трудом было таскание кирпичей. И я увидел, как из дверей штаба выглянул замполит, и тут же опять спрятался. Он был узнаваем с трудом, голова его была перебинтована. Первая мысль, которая пришла мне в голову, что опять его жена озоровала. Но оказалось, это происшествие было уже всеобщим достоянием, и перебинтованная нога мне все рассказал, и хотя некоторые слова его пришлось отгадывать, история все равно получилась интересная, с длинными корнями.

Был у нас в части такой грек из Поты, так он дослуживал после дисбата. Его уже дважды пытались отпускать домой, но дважды при получении проездных документов он из штаба уезжал на машине комендатуры под конвоем. В этот раз у

него была третья попытка. Он получил проездные документы, но, выходя из части, разбил чайником голову замполиту части и скрылся. Замполит и так был не совсем здоровый на голову, а тут вообще подурнел. Дело приобретало политический характер. И сейчас леченый замполит ждал дознавателей из прокуратуры. И они приехали на зеленой «буханке» с надписью «Прокуратура», вдвоем зашли на КПП с видом охотников за головами. Ремни от пистолетов у них висели до колен, а лица выражали закон, который суров, но справедлив. Проверили у меня документы и рекомендовали пройти в свое подразделение. Перебинтованного, с гвоздем в ноге, солдата проверять не стали.

Тут уже прискакал замполит, и я попытался доложить ему о прибытии. Но меня не услышали. Я пошел к себе в роту, там меня ждало письмо от мамы. Оно было полно какой-то глубинной печали и безнадёги. Оказалось, что Машенька окончила-таки училище и приехала работать в нашу школу, корейскую. Но только приехала она, горемычная, прямо на смерть мамы. Люся умерла через неделю после ее возвращения. Добила ее та чахотка, которую муж привез с Колымы. Хоронили ее хорошо, народу было много с промысла, а Машеньку не могли от гроба оторвать, она как обезумела. Дальше я не мог читать, внутри меня собрался какой-то холодный ком, я боялся, что что-нибудь натворю, как тот грек из Поты, но буду терпеть, чтобы сказать однажды, что вначале было Слово, а чайник – это, опять же, «оружие

пролетариата». За той глухой тоской письма я ощутил, что, если вдруг что-то сорвется с моей поездкой к маме, то я тоже что-нибудь разобью о голову, но тогда будет мой финал. И от этого мне стало страшно. Надо было это как-то перебить.

Я снял с себя парадку, переоделся в повседневное и пошел в столовую. До моего приказа о демобилизации оставался где-то месяц. Я был уже очень старый «старик», и один такой в части. И хлеборез, конечно, об этом знал, но предварительно я зашел в нашу чайную. Буфетчица находилась за прилавком, все в той же позе ожидания сказочного молодца, с отъездом у нее не состоялось. На меня она реагировала слабо, глаза у нее были мутные, в чайной было накурено, кто-то сидел за шторкой. Я, наверное, помешал кому-то щупать ее прелести. Я купил маленькую баночку паштета и пошел на выход. Но, выходя, услышал чей-то чих из-за шторки, который был не похож ни на лай собаки, ни на мяуканье кошки.

Хлеборез, тоже не нашей наружности, быстро принес горячий чайник, свежий хлеб, масло и сахар. Это, похоже, таки было военной тайной. Когда не было в части никаких старослужащих, «стариков» и дембелей, и не требовалось им поклоняться, то почитание жило внутри системы и из любой прорехи выскакивало. Хлеборез аккуратно вскрыл банку с паштетом и скрылся с глаз долой. Я смотрел на ведерный солдатский чайник и жалел леченого замполита. Но за поездку на экзамены нужно было в любом случае отчитаться и доложить о прибытии.

Женщины в строевой части удивились, разглядывая мой экзаменационный лист. Они вдруг начали говорить о своих детях и о взятках, которые давали или пытались дать, устраивая своих чад в какие-то учебные заведения. Дознаватели уже ушли из штаба, и опять стало тихо и безлюдно. Трое прапорщиков около столовой наталкивали в УАЗик закуски, собирались ехать купаться на Солдатское озеро, где один из прапорщиков в год моего прибытия, нахлебавшись воды, умер на бережку, вроде как от избытка солнечного тепла. В УАЗике стояло ведро, а из ведра торчали шампуры с уже нанизанным на них мясом. Все сохранялось в старых прапорских традициях. Сегодня же была пятница, целовальный день для знамен и чайников. В строевую часть я-то сходил не просто, мне надо было знать, что с моими документами на отпуск. Женщины меня уверили, что все согласно приказу – с 28-го августа по 8-е сентября я в отпуске, а утром 27-го я могу подойти и забрать документы, но уже после того, как меня включают в общий приказ по части. Приказ по части за день до моего отпуска – это главное звено во всей игре. Без такого приказа строевая часть не выдаст мне проездные документы и деньги. Если командир вычеркнет из приказа пункт, в котором моя фамилия, то все автоматически отменится. Отменить свое же решение он может в последнюю минуту, и так часто бывает. А почему так – военная тайна.

Но все срослось, 27-го к обеду вывесили приказ по части, последним пунктом было написано, что за отличную служ-

бу и огромную общественную работу активному комсомольцу, сержанту такому-то, то есть мне, предоставляется отпуск. Внизу стояла подпись командира жирным красным карандашом. Шар снова упал в нужную лузу. Леченый замполит опять был на больничном, а когда партия хворает, комсомол всегда плечо подставит. Секретарь-прапорщик бегал по жаре, высунув язык. Он готовил отчет на партбюро и проверял состояние ленинских комнат и наглядной агитации. Мне он уделил в день отъезда буквально две минуты, и то угрожающими намеками, как бы я не забыл о сентябрьской конференции. Так я уже почти весь текст его дискуссионного доклада написал. Когда приеду, заставлю его выучить наизусть. Там я ему отвел роль оппонента, где он будет оперировать партийными лозунгами не только коммунистической, но и самой ВКП(б) и будет он на этой конференции самым что ни на есть ортодоксальным коммунистом. Я так подобрал цитаты Ленина, Брежнева, Плеханова и даже, частично, Сталина, что он не сможет не сорвать аплодисменты, переходящие в овации, лишь бы только прапорщик-отличный пионервожатый не зассал прославиться. Но все равно, это будет потом, а демобилизация по особым условиям все равно придет с разъяснениями по ней, подписанными главой правительства Косыгиным и министром обороны Гречко. Но все же, кто его знает, что такое на самом деле военная тайна, и насколько она могучая? Я надеялся походить в дембелях не более трех дней.

Поезд у меня был ночной, зато самолет утренний, и я еще целый день был обречен толкаться в части, но день случился интересный. Поймали того беглого грека из Поты и привезли в часть в наручниках. Солдат в наручниках – зрелище редкое. Даже в кино такое не показывают. Грек был мал ростом и кучерявый, но жилистый и духовитый. На своих конвойных он смотрел, как, наверное, смотрел царь Леонид на Ксеркса при Фермопилах. В комендатуре его держать не хотели, а на гауптвахту не брали, так как он уже не был военным, но еще не стал гражданским. А зачем его привезли в часть, стало понятно лишь когда сюда привезли и леченого замполита. Вроде как их собирались замирить, чтобы замполит забрал заявление из прокуратуры. Но грек в процессе примирения умудрился два раза пнуть замполита. Его повалили на землю и куда-то опять потащили, видимо, воспитывать. А замполит, уже без бинтов на голове, но залепленный пластырем, исполнил пару движений из какого-то петушиного балета. Наверное, поехал готовить новый опус политических решений воспитания военнослужащих в свете «Морального кодекса строителей коммунизма». Кстати, до окончательного построения коммунизма оставалось пять лет нашей брэнной жизни.

Подошел поезд без приветственных гудков. Он был дальнего следования, и стоянка была всего пять минут. Мне хватило этого времени, чтобы занять свое место в плацкарте. Плацкарт был не без презента. За столиком сидели два юных

создания. Я залез на верхнюю полку, они за это время и рта не открыли. Но через несколько минут они начали шептаться, а потом заговорили в полный голос. Это были две подруги из одного класса, они возвращались после провалившейся попытки поступить. Она из них настаивала, что надо пойти в официантки, а потом еще раз поступать, а вторая говорила, что им на роду написано коров доить, а если написано, то так и будет. Вышли они ночью, где-то на полпути от одного города до другого. Я потом долго возился на полке. Поезд опять был какой-то смешной, останавливался на станциях с одной лампочкой. Люди сходили и пропадали где-то в темноте, и из той же темноты появлялись и залезали в вагоны. Стало светать, появилась розовая полоса на востоке, стала окрашивать все в летние цвета, и скоро из полумрака появилась яркая, очень летняя зелень.

Я встал, умылся и, приведя себя в мало-мальский порядок, сел за стол, пересчитывать финансы. Со своего сержантского оклада я накопил приличную сумму денег. Почти половина их ушла на покупки хоть сколько-нибудь приличной гражданской одежды и обуви, чтобы ехать на учебу. По случаю я даже прикупил очень стильный дипломат. Мне очень хотелось надеть это еще вчера и приехать домой щеголем. Но был риск попасться патрулю, так как я ехал по воинским проездным документам, и из удостоверений личности был у меня лишь военный билет, а летел я в края, озвученные как З/П. А рисковать я не имел ни малейшего права. И вся моя

купленная одежонка висела в роте, в каптерке, как дембельский наряд. И приходилось мне греметь сапогами по коридору вагона. Теперь мне надо купить маме подарок, и еще останется достаточно денег. Поезд заскрежетал колодками, и за окном появился перрон вокзала. Можно было сразу и не ехать в аэропорт, времени было еще много, но свой билет мне уже очень хотелось получить в руки для полноты спокойствия.

Утренний летний город жил своей жизнью. Кто-то за рулем спешил проехать на зеленый, а кто-то спешил перебежать на красный. Все уже были в летней одежде, и мне казалось из окна, что они были счастливыми. Но в самом автобусе была утренняя нервозность, у одних от недостатка, у других – от недогляда сна, но и у тех, и у других одинаково – из необходимости ехать добывать куда-то свою копейку. Утром всегда мало тех людей, которые едут тратить свою копейку, в основном едут в надежде ее добыть. В аэропорту у военной кассы очереди не было. Я один в солдатской форме, но вот тебе и патруль с красными погонами в португезах. Проверили документы, удивились, что за два месяца до дембеля еду в отпуск, но сами себе и ответили, презрительно высказавшись, что войска, видимо, такие, что в них главное не служба, а выполнение каких-то планов производственных. В тоне капитана в португезах, с жандармскими погонами ВВ, слышалась снисходительность. С таким тоном я давно был знаком, так говорили «нашенские», кото-

рые были хотя и без погон, но с полномочиями. Был бы я в гражданском, сейчас бы меня уже увезли в комендатуру округа. ВВ знали свою охранно-караульную службу: ловить, запрещать, задерживать, бить, подтаскивать. Это что ни на есть «нашенские», только это военная тайна. Я получил билет, пошел на улицу, купил у бабульки стакан семечек. Рядом с ней на ящике лежали два здоровенных помидора. Наша земля таких, конечно, не родила; я купил оба, вместе с авоськой, которую бабуля мне на радостях отдала. Я пошел дальше и стал кормить голубей, птиц, которых наша земля тоже не родила. Они хватали семечки резкими, выверенными движениями и ворковали. Через клумбу на меня глазел тот же патруль. Явно в мундирах было мало народу, и они, видимо, хотели сделать мне внушение, чтобы не сорил, но что-то увидели вдалеке, похоже, какой-то мундир, и пошли в ту сторону. Мне бы очень хотелось, чтобы там был генерал какой-нибудь, настоящий танкист или ракетчик, ведь бывает, что они тоже ходят пешком и без обслуги, а с детьми и женами, но их маршруты – это тоже военная тайна.

Я все-таки сел в автобус и поехал за две остановки до большого магазина и стал слоняться по этажам с кошелкой, в которой были огромные помидоры, но на меня внимания никто не обращал. И я нашел-таки свое – это был уют, мамина мечта, которая жила в нашем доме с моих ранних лет. Когда мама набирала в рот воды и фыркала ей на ткань, чтобы ее прогладить, мне всегда на все это было смотреть инте-

ресно, и при этом она часто рассказывала, что бывают такие утюги, которые сами фыркать умеют, как мама. И вот сейчас он стоял передо мной, продавщица предложила проверить и включила его в розетку. Загорелась зеленая лампочка, а через минуту она выдернула вилку из розетки, отворотила утюг в сторону и незаметно нажала кнопку на ручке, и утюг как фыркнул, да еще с паром! Я был в восторге, она спросила:

– Ну что, упаковать?

И я без колебаний согласился. Она выписала чек, и даже гарантийный талон. Откуда ей, бедолажке, было знать, что утюг повезут туда, где никаких гарантийных талонов не бывает не только против стекловаты в холодильнике «Бирюса», но и на завтрашний день.

Теперь я поехал назад две остановки. Военные в красных погонах, те, которые «нашенские», видимо, заметили в окно автобуса военную фуражку и сразу перекрыли выход, но, когда оттуда вышел я, они, совсем удрученные, но гордые пошли клином через всю толпу. Толпа ведь всегда мешает выполнению важной военной миссии.

Теперь мне надо было совершить поздний завтрак. Кафе «Полет», что блестело стеклами в ближайшей зелени, было похоже больше на ресторан. Хоть двери были открыты, я идти туда не решился, пристроился за столиком на веранде, где сначала зачихал в себя два сухих яйца с синими желтками, за что сразу получил икоту, которую размочил стаканом то-

матного сока. Потом съел жареной наваги с соленым огурцом. Так себе перекус, но и цена, конечно, не в буфете общаги для абитуриентов. Мимо опять прошли те «нашенские», очень их беспокоил сержант из стройбата, с авоськой, в которой был утюг в коробке и два здоровенных помидора. Они явно надеялись, что я тут водочкой балуюсь. Но подойти и понюхать меня они явно побрезговали. Тут я вдруг впервые в форме солдата советской армии почувствовал себя одним из тех бедолаг, что скитались у нас на базаре. Я бы тоже мог сейчас попасть неизвестно куда, потеряв одну бумажку, или если в этих бумажках мне что-то напутали. Поэтому я, будучи еще при рождении приговоренным быть с теми бомжами, чтобы противиться этому, так тщательно все продумывал. И на любой своей бумажке не дал им увидеть ни одной, даже маленькой помарки. Эта хворь быстро пришла и быстро ушла на фоне полного желудка, хоть и с отрыжкой.

Часть IV. Родник

Сидя в здании аэропорта, я надумал купить опять же у бабушки на ящике две кучки настоящих зеленых огурцов, и вес кошелки сразу попрос. В аэропорту было прохладно и не было злых и липучих комаров. Купил газету всесоюзного общества знания «Аргументы и факты», устроился в кресле, и час пролетел быстро. Я пошел на регистрацию, а потом уже и на посадку. В накопителе народу оказалось ровно столько, сколько нужно. Мне мерещилось, что я вижу какие-то знакомые лица. Но такого не случилось, лица были, в основном, в напряженном ожидании. Ведь известно, что не все любят летать, даже на самом безопасном транспорте в мире, нашем проверенном «слонике» АН-24. Как я и предполагал, он стоял опять на самом дальнем расстоянии от могучих лайнеров. К тем подъезжали самоходные лестницы, у которой дежурила, вся в синем, стюардесса, как принцесса, а у нас все по очереди погрузились по лестнице в три ступеньки, и салон стал сразу полон. И был он на треть детским, дети возвращались с каникул за школьные парты. Хлопнула входная дверь. Винты закрутились, самолет покотился, затопотал и, разогнавшись по бетону, как-то незаметно оторвался от земли.

Я без малого через два года возвращался домой. И хотя я плохо спал в поезде, сейчас уснуть не мог. Женщина больших размеров, явно стесняясь, поджимала меня левым

бедром. Полет проходил под летним солнцем и над снежными, белыми, кучерявыми облачками, прямо как положено по времени, он начал снижаться и, в конце концов, вынырнул из белой пелены. Это была уже наша северная земля. Она была вся зеленая, но зелень была хвойная и не такого яркого цвета. Блестели змейки речек и ключей, огромные лужи озер отражали солнце. Самолет ударился колесами о бетон, взревел и покатился, по краю пробежала линия стланика и ольховника. Медленно тормозили, остановились, развернулись и покатали обратно.

Ничего существенно не поменялось: нас погрузили в автобус и повезли на место прибытия. Опять я вышел в одиночестве в своем барачном районе и пошел, шоркая кирзовыми сапогами по пыли. Так же по этой земле шоркали сапогами по пыли мой отец и все их поколение, как, впрочем, и предыдущее. Мне было волнительно идти по дороге, истоптанной когда-то моими детскими ногами. Но эта дорога меня не видела в солдатской форме, и могла бы и не узнать.

В школе занятия еще не начались, но поздравления и воспитательные лозунги уже были прищиплены на тех же местах, где висели и раньше. Часть забора, которую когда-то заменили, приобрела общий цвет и состарилась.

Внизу оврага, на узкоколейке гудела дрезина. До конца навигации оставался месяц, это было самое время катать ночами трубы. У барачков последние дни перед школой гуляли дети. Девочки прыгали в классики, а пацаны кидали биты и

пинали «зоську». Увидев меня, они разом замерли, видимо, тоже гадали, кто я, танкист или с пушками в петлицах? Но там были трактора, и потому они, никак не вразумившись, продолжили свои игры. Я был рад, что у барачников не увидел ни одной крышки гроба, да и хорошо, что не было мотоцикла с участковым.

Вот и наш домик, теперь он мне показался еще меньше. Новый забор стоял, как Брестская крепость, за ним пышно росли цветы к 1 сентября, а по самому низу грядок бежала синева незабудок. Никто не знал, что я приехал. Мама дома не было, а ключ был там же, где всегда. Я без стыда возвращался в свой дом, не запятнав себя ничем за эти два года. Я возвращался, чтобы опять его покинуть уже на очень долгое время. Но осознавал, что все равно когда-нибудь сюда вернусь, только совсем другим. Я не стал сразу заходить в дом, а присел на маленькую табуреточку среди цветов, чтобы подольше не расплескать накотившие на меня чувства.

Внутри дома ничего не поменялось, только вот Лагутин, видимо, от старости и влажности, чуть покоробился и висел криво. Я его поправил, но он, казалось, на меня не смотрел. В сенцах я взял ведро и пошел в огород. Было видно, в каком месте мама пробовала подкапывать картошку. Я там вырвал пару кустов, картошки было много, она у нас традиционно красная и некрупная. Но год был урожайный. Я все собрал, а поверх нащипал самой сочной травы, мелкой, вроде как клевер, с белыми мелкими капельками цветков. Были

лютики, но уже совсем выросшие, а в тени забора они тянулись к солнцу; вытянулись и стали похожи на великанов.

Картошку я перемыл до красного блеска и поставил варить на плитку, а травку большим ножом мелко порубил и пошел с курицами здороваться. Числом они не изменились, но, казалось, стали более подозрительными, встретили меня совсем без звуков и клеткота. Но на вываленную зеленую массу бросились наперегонки, а вот подпольные их сожители проявились даже очень живо. Из-под пола то и дело выглядывали морды, и показалась самая главная, та, что звалась Секретарем. А может, это был и не Секретарь? Твари всегда плохо различимы. У курей нашлось три яйца, они были теплыми и чуть липкими, но, без сомнения, настоящими. Пока картошка доваривалась, я сходил, нарвал лохматого укропа и, порезав его мелко, ошалел от нежного запаха. Потом я слил картошку и насыпал туда укропа. И тут увидел, что у калитки стоит мама, и она меня в окно увидела, и ноги у нее, похоже, больше и не двигались.

Я выскочил на улицу и подхватил ее в створе калитки. У нее по лицу текли слезы, и она не могла и слова произнести. Мы с ней тут и присели на приступку. Оказалось, что она сегодня не дежурит, а вот в магазин пошла за крупой да хлебом. Она плакала и все спрашивала, почему я так рано приехал из армии. Она страшилась, что я сам оттуда убежал. Но я как мог ее успокоил, убедив, что отпуск получил за отличную службу. Я принес ей приказ командира, показал, она,

прочитав, заулыбалась, а затем с новой силой заревела, и уже потом, с огромными помидорами в руке, она опять плакала. Но когда я уже ей вручил утюг и показал ей, как он пшикает, она окончательно успокоилась. Тут же, каким-то особым образом она взялась резать помидоры, вроде бы в своем детстве она как-то их сама так резала. Потом еще пару огурчиков, и все время говорила, что пахнет ее детством. Вот так мы и сели обедать, мама и сын. Честно сказать, мама за эти два года сильно сдала, как-то съежилась и была бледная лицом. Но ее живая улыбка и теплые глаза были такими же, как я знал их с младенчества. Все наши яства были летние, а значит, пахучие и ароматные, да еще со свежим хлебешком.

Были еще новости, я-то думал, что все их знаю из маминых писем, но, оказалось, увы. Эта новость была про Машеньку. После окончания педагогического училища она прожила с мамой чуть больше недели. Люся ее дождалась и быстро угасла.

– Машенька, схоронив маму, стала устраиваться учительствовать в ту школу, в которую вы по детству ходили. Ее не взяли, а потом и ни в какую школу не взяли. Люся, как человек, живущий под присмотром, пыталась отказаться от своей дочки и под своей девичьей фамилией определила ее учиться, а теперь это раскопали, признали документ об образовании фальшивым и отказали в работе. И вот на той неделе произошло страшное: Машенька, от безнадёги и страха жить, наложила на себя руки, удавилась на дверной ручке.

Даже похорон не было, участковый составил протокол и ее просто увезли на труповозке. Но это было еще не все. За день до ее смерти я вот это нашла в нашем почтовом ящике.

Мама ушла в комнату и вернулась с бумажным пакетом, на котором было написано «С Новым годом», а из пакета я вытащил очень знакомый мне сборник Марины Цветаевой в зеленой обложке. И где-то на середине его была закладка в виде сложенного аккуратно листка с талонами на питание от ДСО «Трудовик», и на этой же странице были подчеркнуты строки великой русской поэтессы, затравленной властью.

– К вам всем – что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?!

Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

Это было из «Реквиема». Мне вдруг показалось, что меня куда-то несут, опять на одеяле, пропитанном кровью, а голова раскачивается. Набат должен начаться, но никак не начинается. Набат по всем затравленным, замученным, по их детям со сломанными судьбами, по всем пролитым слезам. Я смотрю на маму, она смотрит на меня, все понимает, что происходит, но она очень сильно боится за мою судьбу. А мне кажется, что сам-то я бояться уже не могу. Во мне была только лютая злоба, но идти вооруженным только злобой и кулаками, означает быстро умереть, как многие. Надо начинать с начала, а в начале было Слово, которое кто-то должен

принести, чтобы восстать.

Великая русская поэтесса наложила на себя руки, до того тщетно пытаясь отречься от своих детей, чтобы те выжили. И наша Машенька, которая мечтала маленьких детишек учить азбуке, и от которой тоже пыталась отклониться мать, чтобы ее спасти и дать дорогу, также повесилась на дверной ручке. Их обеих увезли на труповозке, и у обеих не осталось даже могил. Между приездами этих труповозок было расстояние в 35 лет. И еще через 35 лет все обещало остаться таким же. Если что-то сотворилось в помойку, то это будет место обитания стервятников. Они будут жиреть и множиться, и можно не делать ничего, а можно сделать хоть что-то.

В эту ночь я совсем плохо спал, слушая, как гремят трубы, как крысы скребутся под полом, как какие-то люди не могут подняться к баракам и орут, пьяные, и спорят бухтящими в ночи голосами. И все время в голове у меня вспыхивали две строки:

– Послушайте! – Еще меня любите

За то, что я умру.

Заснул уже под утро. И сквозь этот тревожный сон слышал, как мама на цыпочках двигается по комнате, собираясь на дежурство. Солнце, в конце августа в такой час не очень яркое, но уже заглядывало в окошко. Его первые лучи пробивались в комнату между колючими листьями алоэ в горшке, который еще у бабушки стоял на подоконнике в барачной комнате. Я поднялся, проводил маму до калитки. Ее глаза

были полны радости от того, что сын вернулся из армии с руками и ногами. Она всегда обо всех трудностях в жизни говорила одно и то же:

– Перемелется, мука будет, – и всегда добавляла. – Лишь бы не было войны.

Такова была высшая мудрость их поколения. Они выбрали собой же сотворенную реальность. Я прямо в трусах посидел на табуретке, потом пошел вдоль грядки, выдернул несколько незабудок на самых длинных ножках и сделал из них совсем маленький букетик. Зайдя домой, поставил их в отцовский граненый стакан. Я вряд ли мог ответить себе, о чем я в это время думал. Может, я думал о Машеньке, а может о Николае Максимовиче, а может – об отце или о сестрах из библиотеки. Мне вдруг вспомнилась та лестница с покалеченными ступеньками, которые вели в комнату Николая Максимовича. А скорее всего, я думал сам о себе. Первое, с чем мне сегодня хотелось закончить, это с ДСО «Трудовик». Отдать ключи от гостинки и больше ничего не иметь с этими людьми общего.

Солнышко потихоньку поднималось и разгоняло росу с георгинов и гладиолусов. Вроде как мое внутреннее равновесие потихоньку начало восстанавливаться. Разогрел до хруста вчерашнюю картошку в сковородке, добавил два яйца с оранжевыми желтками. Все это, казалось, еще больше укрепило мое равновесие. Я пошел искать на себя гражданскую одежонку, благо, что было тепло, и я как-то принарядился,

только сейчас оценив, что в теле-то я раздался.

Режим «Нефтянки» никак не поменялся за эти два года. Сейчас в речке воды было мало, а потому пока все дерьмо подыметя до щели перелива, подкопится еще пара тонн. Марь жила и дышала теплым летом, в траве блестели цветы, а в выси пели жаворонки. На прогретой солнцем доске тротуара сидела бабочка, медленно шевеля крыльями, а под доской светилась наполовину красная, а наполовину уже янтарная морошка. Я сорвал ее и стал жевать. Эта ягодка чудо-земли северной была главным лакомством нашего детства, часто мы ее ели недозревшую, какими и сами были, недозревшими. Но в небе и тогда кружили большие черные тени, высматривая что-либо из мертвого или из того, кто послабее. Все же я еще не восстановился после вчерашних новостей.

Чеховка, между помойками развесив стираное белье, сушилась. Базар, казалось, был пуст в столь ранний час. У торгового ряда стояла телега, запряженная лошадь, а из телеги доски поштучно затаскивали в помещение. Похоже, это был тот самый горемычный люд, который трудился, тряся поджилками, пытаясь заработать свою пару глотков. А на большом фасаде Дома пионеров вместо утверждающего лозунга о том, что мы идем верной дорогой, и что мы – товарищи, появился другой: «Достоинo встретим XXV съезд КПСС. Да здравствует марксизм-ленинизм – наше знамя и оружие».

У городской управы стояли намытые черные «Волги», ви-

димом, отцы города совещались по трепетным вопросам городской жизни. Шоферы толкались вокруг этих «Волг» цвета тех самых каркающих в небе теней. Шоферы курили и хохотали, но совсем не по-холуйски, как, бывало, хихикали, сидя на облучке, в свою рукавицу извозчики.

У дверей конторы стояла барышня. Она была похожа на Лолу Евгеньевну, в шарме ей не уступала, и очень смахивала на ту самую, из военкомата, что была в костюмчике для ролевых игр. Сейчас она была не цвета хаки, а в легком ситце, но все равно своего сексуального очарования не потеряла. Сейчас она стояла и так затягивалась сигаретой, что ее щеки проваливались, а губы вытягивались вперед, как у рыбы-прилипалы. Я поздоровался и зашел в помещение. Она так и осталась стоять, как стоят на воротах борделя, который обслуживает только дальнбойщиков. Налево, ожидаемо, никого не было, а справа последняя дверь была открыта. Я постучался и зашел. За столом сидела все та же бухгалтер-кассир. Увидев меня, она лениво, по-летнему спросила:

– Что, вернулся, голубок?

Я не стал вдаваться в объяснения, а сказал, что хочу отказаться от предоставленных мне квадратных метров. Она с усмешкой среагировала:

– Та площадь только числилась за тобой, а туда, кто ни попадя, шлюх возил.

Она объяснила мне, как написать отказное заявление, взяла ключ и напоследок высказалась:

– Беги из этого бедлама, – и закрыла за мной дверь.

Через входную дверь мне пришлось просачиваться сквозь аэрококтейль из дыма, вонючей косметики и еще чего-то, похожего на формалин и хлорку одновременно. Но, не сделав и трех шагов от дверей, услышал какой-то прапорский оклик.

– Чувак, вернись!

Меня звал аэрококтейль. Она прикуривала очередную сигарету. Оказалось, что уже два года на моем депоненте болтается премия по итогам 1973 года. Согласно кол. договору нефтяники ее выплачивали «нашенским» за активную работу по наведению порядка и законности. Я не стал отказываться и положил их в карман, то были 16 рублей 12 копеек. Для меня это был хороший профит из позапрошлого. Ротация кадров все же произошла, и теперь было понятно, где сейчас находится Лола Евгеньевна, и где ее искать, если она, конечно, кому-то нужна. Но эту барышню тоже, скорее всего, звали как-нибудь поэтически, вроде как Ариадна Петровна, и у нее, наверняка, водилась своя история про мужа-летчика. Я пошел к физируку, мне представлялось, что он обязательно там. Но когда уперся в закрытую дверь, вдруг осознал, что год-то учебный еще не начался. Но я не успел обернуться, как за спиной раздался знакомый голос:

– Кто это к нам пришел в гости?

Сзади стоял физирук в майке с короткими рукавами, и под мышкой у него была булка хлеба. Мы крепко, по-мужски поздоровались. Он кивнул на дверь и сказал, что даже не бу-

дет ее открывать, так как там сильно воняет свежей краской. Потянул меня в сторону небольшого техникумовского гаража, у которого стоял их мотоцикл с люлькой, все такого же пронзительного зеленого цвета. Навстречу вышел его друг, и со словами:

– Вот, пошлешь за хлебушком, а он хвост приведет, – крепко пожал мне руку.

В теньке ворот гаража стоял маленький столик, а рядом на печурке шло действие, которое спутать ни с чем было невозможно. На чугунной сковородке жарились свежесобранные грибочки, наши: маслята, подберезовики и подосиновики. Друзья собрались обедать, порезали хлеба, разложили грибы по тарелкам и достали бутылку «Московской». Физрук, обращаясь к своему дружку, с юмором сказал, что где-то слышал, что водку можно пить только тогда, когда соберется не меньше трех. А я его поправил, что должно быть трое присутствующих, а пить могут двое. Они выпили, а я вместе с ними закусил, вкусив вместе с грибами детство. Моя бабушка была страстная любительница ходить по грибы. Самой главной новостью от физрука было то, что в прошлом году в Лужниках Сергей выиграл матч СССР-США и теперь мастер спорта международного класса и претендует на участие в сборной СССР.

– В твоём Доме пионеров все ладно, – как он выразился. – Много ребят вырвались из-под гнета Дворца спорта, и есть очень даже способные.

И он опять высказался про какой-то ожидающий меня сюрприз, но подчеркнул, что не может его озвучить. Я знал, что в Доме пионеров тренировки начнутся с начала учебного года в школе, значит, где-то в понедельник все соберутся. Физрук грустно добавил:

– У нас отпуск кончается, – и кивнул в сторону своего друга, грибника и охотника.

Они еще выпили, а я, сославшись на дела, распрощался. На врученные мне премиальные я набрал много всего вкусного, решив, что в эти выходные посижу дома с мамой. Я знал, что у нее два дня перед школой – цветочные. Георгины были уже совсем с тяжелыми головами, а колокола гладиолусов прямо трещали на своих ветках, да и розетки ромашек уже просились в праздничные букеты. Вечером мама приготовила мои любимые макароны по-флотски, и мы уселись трапезничать. Это был еще ранний вечер. Барачные бегали смотреть на наши цветы и тыкали пальцем, занимая бутоны.

После ужина я углубился в собранные мамой для меня газеты местного издания и почти сразу наткнулся на происшествие. Весной, прямо на Пасху, горела Сезонка. Вернее, горел всего один барак, и в дыму задохнулся один человек. Так вот, это был тот самый человек, который «много лет рассказывал людям сказки», как выразился один из присутствовавших на пожаре. Причиной возгорания была неисправная электропроводка. Глядя на меня, мама удивилась, что меня это так сильно взволновало. Сгорел барак, так часто бывает,

погиб человек, жалко, конечно. Когда была жива бабушка, в нашем доме старались, чтобы Пасха была светлым праздником. Бабуля заранее выпекала кулич с корочкой и поливала его вареным сахаром. И даже умудрялась делать свои тоненькие пасхальные свечи. Яйца красили ночью марганцовкой, зеленкой, да луковой шелухой. Бабуля меня поднимала рано, как говорила «похристосоваться», целовала и крестила. Я мало что понимал, о чем говорили взрослые – тоже не разбирал. Они исподволь старались меня убедить, что этот праздник власти разрешают, но лучше в школе про это не рассказывать. Сейчас я понимаю, что они были не откровенны и не договаривали из страха за меня. Мама смотрела на меня, и я чувствовал, что она что-то хочет мне сказать, и она проговорила, что ее сменщица на работе – из Сезонки, и она ей сказала, что у того сгоревшего дяденьки было в голове две дырки от молотка. Я вспомнил, что у «нашенских» был такой, по прозвищу Молоток. Он был тем знаменит, что постоянно носил с собой никелированный молоток, наверное, еще японский. Я его видел где-то всего пару раз, но оба раза у меня создавалось впечатление, что на меня смотрят глаза шизофреника и садиста. Он среди «нашенских» появлялся нечасто, и в повязке дружинника я его не видел, но он всегда был где-то рядом, в тени, с молотком за пазухой. Дружок у него был, по прозвищу Серп, но он такое за пазухой не носил, а кличку имел из-за фамилии – Серпилин. Остается только порадоваться, что образ Серпилина в «Живых и

мертвых» был образом собирательным. Возможно, жизнь и живое – это не одно и то же. Ведь жизнь – она в живых есть, в мертвых нет, но она еще где-то есть, где – не каждому дано узреть и отыскать. Она сама приходит и открывается или никогда не приходит.

Эти новости из Сезонки меня окончательно подкосили болью и безысходностью. Во мне вдруг возникла неотвратимая потребность идти в одну сторону – в сторону Сезонки. И я пошел, ничего не замечая вокруг себя, а пожарище увидел, еще пройдя Чеховку. Это был когда-то первый барак у дороги. Теперь там торчали обгорелые ребра бревен и досок. Черные оконные рамы, трубы и куски проволоки со сгоревшими тряпками. Дождь и ветер давно разутюжили эти руины. Из горячих они стали ледяными, как все, умершее в огне. Я стал рыться в этом хаосе: я искал вход, даже не понимая – куда. Наверное, в ту дверь с Крестом. И ничего не найдя, я тем же безглазым и безухим путем пошел назад. В тот вечер я лег рано, но когда проснулся, знал, что мне делать. Мне опять приснился старый сон, но теперь он был мной прочитанный. Я нашел старую косу, расклинил ее новой деревяшкой, отбил и заточил напильником, а потом бруском. Коса была большая и тяжелая. Когда я был маленький, такие косы дразнили «литовками».

Еще солнце окончательно не вошло, а я пошел косить по росе сверху вниз тот мелкий овражек по грани нашего участка, который всегда зарастал высокой и жирной травой-мура-

вой. Я махал косой, пугая мелких пичуг, стрекоз и бабочек. Я двигался и двигался наверх, и где-то к обеду пришел на уровень своего дома. Пошел, умылся прямо на улице, есть совсем почему-то не хотелось. Мама у меня ничего не спрашивала, она ждала, что я сам все расскажу. Потом я два часа раскладывал траву на просушку, оттаскивая ее подальше от овражка, глубина которого еле-еле доставала до колена. На всем своем протяжении овражек был захламлен перегнившей травой и всякой всячиной, но дно у него было холодное и хлюпало. И холод этот чувствовался даже через сапоги. Я взял лопату и, опять же снизу, начал углублять его, по обе стороны раскидывая кубометры грязи, и только к началу полной темноты дошел до верхней точки. Назавтра очень много еще было работы. Я опять уснул рано и спал мертвым сном.

Проснулся с первыми лучами солнца – и опять в работу. Дворец спорта был от меня совсем рядом. Он стоял на огромном песчаном языке, и на выходах были пласты спекшегося песка и еще каких-то древних геологических отложений, а вокруг все было переполнено чистым желтым песком с мелкими камушками. Я стал набирать этот песок ведрами и просыпать им русло. Сначала было 40 ведер, потом еще 40, и еще 40. Я равномерно отсыпал дно русла. Песок сразу набух от воды, которая стала фильтроваться, и поверх песка текла уже прозрачной и студеной тоненькой пленкой. Потом я с той помойки, где Подруга отгоняла стервятников от свое-

го умирающего собрата, притащил тяжелую глиняную трубу с армированной сеткой и диаметром не менее 10 сантиметров. Это был явно продукт еще той концессии. Из канавы я просунул его метра на полтора под свой забор и столько же оставил на территории своего огорода. Затрамбовал вокруг всю землю, вбил две крепкие распорки и стал ждать, когда первые капельки воды закатятся в эту трубу. И вода пошла по той трубе тонкой ниточкой. Сейчас оставалось главное. Из тех досок, что оставили нам добрые люди, восстановившие из могилы наш забор, я сделал просторный ящик. Доски были из лиственницы, твердости железной, я долго мучился, но все же сделал, что хотел. Этот ящик должен был стать коробом вокруг источника. Теперь я стал раскапывать верхнюю точку, и на глубине где-то полуметра появился небольшой пузырь воздуха. Я стал копать дальше, и чем дальше я копал, тем объем поступающей снизу воды увеличивался. На глубине где-то полутора метров уже булькало три больших пузыря, и ниточка перешла в маленькую струйку. Я расширил яму и опустил туда заготовленный короб, принес еще пять ведер песка и внутри короба все засыпал. Еще раз под коробом прочистил все, соединив со стоком, и пошла водичка, как чудом сотворенная. Она сначала собиралась при ямке, может быть, в объеме ведра, а потом, достигнув уровня, переливалась и двигалась заданным ей маршрутом. Чтобы окончательно укрепить весь родник, мне пришлось еще много потрудиться. Я топором заострил четыре опять же лист-

венничных палки, принес ту самую здоровую кувалду, которую мужики почему-то звали Марь Ивановой, и забил сбоку, до звона, эти палки по всем четырем углам короба. А потом еще и сколотил щит, чтобы родник стоял закрытым. Сходил и взял дома кружку, спустился по проулку и подошел с дороги к тому месту, из которого торчала моя глиняная труба. Присел на колесо, которое когда-то мы с пацанами сюда притащили, и стал наблюдать за струйкой, которая вытекала. Она была не больше пальца толщиной, а легкий ветерок, который низко дул по земле, разбрызгивал ее, и она алмазными крошками разлеталась в солнечных лучах. Я набрал воды в кружку и стал пить. Ломило зубы, но от такой воды никто никогда не простывал. Она несла жизнь. Никто тут никогда такой воды не видел. Из крана у нас всегда текла вода через марлю или бинт, которые висели на кране, и они всегда были цвета грязной ржавчины. А когда воду долго не открывали, то эти марли становились тяжелыми и плотными. И пахли могилой. И так было у всех.

До вечера я сгребал просохшую траву, собрал ее и сделал маленький стожок для наших курочек. Я присел около этого стожка; меня не оставляла уверенность, что, когда умирает святой, обязательно должен забить родник. Только кто был свят? Не здесь это решать, да и нужны ли имена? И главное, самому в себе включить свет, потому что пока есть жизнь, у нее есть вкус. И вкус жизни пытались оценивать композиторы и поэты. И лучше всех сказали те, кто сам ощущал этот

вкус.

Канавка еще за лето успеет вновь прорасти травой и дикими цветочками, и закроет собой этот ручеек. А он будет набирать скорость и стремиться вниз, в бесконечность, и журчать в моей душе. Я опять спустился вниз с кружкой. Снизу брели запыхавшиеся барачные; увидев, что я пью, подошли, заинтересовавшись. Стали по очереди угощаться из моей кружки. И тут же пацанов своих отправили за бидончиками. Те бежали и кричали:

– Ура, у нас есть живая вода!

Потом подъезжал какой-то «Москвич» и тоже поехал за банками и бидонами. Как я ушел, никто и не заметил. Люди хотели все выпить и унести с собой, чтобы ни капли не утекло в «Нефтянку». А она была рядом, как всегда рядом свет и тьма. Как нет красавицы без чудовища и святости без греха.

Мама сегодня вязала букетики, я, как только поднялся, увидел, что ей помогает девочка, наверное, лет восьми. Оказалось, что наш сосед сошелся с женщиной, а у нее девочка. Девочку звали Оля, и она мою маму называла бабушкой. Ей завтра тоже идти в школу, во второй класс. Ей мама все приготовила, погладила, но в школу она завтра пойдет одна, мама будет на работе, а папа – в командировке. Она трясла косичками и все время скакала и даже пела.

Мама нас стала усаживать за ужин, но я отказался, взял мыло, полотенце и пошел с расчетом помыться. Я надеялся, что вахтерши меня еще не забыли. Это было воскресенье, а в

такое время, мне помнится, «нашенских» там не бывает. Так и случилось: бабушка меня узнала, пустила под душ, но откровенничать со мной не стала, видимо, понимая, что я уже ломоть отрезанный. Горячая вода меня дождевала и снимала усталость, даже когда эта усталость была какая-то внутренняя. И надо, чтобы эта пружина усталости распрямилась не ударно. Потихоньку приходило понимание, что я приехал домой, чтобы сделать что должен. Мне суждено было рядом с мертвой водой найти источник живой. И хотя она Нефтянку не сделает чистой, а сама запоганится, но будет настойчиво течь в ту сторону, чтобы жертвовать собой в борьбе за жизнь. Но на пути движения она, возможно, кого-то исцелит, кого-то поправит, хотя бы в одном поступке или слове. Пусть кто-то ей будет разбавлять спирт, а кто-то мыть сапоги, ведь личный выбор для каждого всегда остается. А мой выбор сегодня окончательно оформился: я должен был обрести право свое.

Утром я проснулся поздно, кто-то шептался, оказалось, что мама с Оленькой жарят макароны по-флотски, я быстро поднялся, привел себя в порядок и был готов участвовать в завтраке. Оленька была уже в традиционной форме с белым кружевным воротничком и с белыми же бантиками в косичках. Она умудрялась есть макароны ложкой, и потому ее мама закрыла защитным полотенцем. Я набрал в роднике чистой воды, и мы пили настоящий, чистый чай. Родничок работал с той же силой, извиваясь хрустальной нитью. Над

его руслом летали птички, и даже ходили, шлепая длинными ногами по холодной воде и по-особому чирикали. Утро было теплое и прозрачное. Роса на цветах, еще не собранных вчера в букеты, искрилась, как большие слезы о последнем, вчерашнем дне лета. Мама с Оленькой пошли собирать букет. Он получился просто загляденье – бордовые георгины и розовые гладиолусы, белые ромашки, да еще оранжевые ноготки. Оленька готова была к школе и стояла у калитки с этим букетом и портфелем. Она была торжественная, но какая-то потерянная. Было понятно, что уж больно одной ей не хочется в школу идти. Я вызвался ее проводить, и она радостно запрыгала на тоненьких ножках. Я взял ее за руку, и мы пошли вверх к баракам, а мама смотрел на нас и, конечно, плакала.

Оленька почти не держала меня за руку, она была счастливая и возбужденная, забегала вперед и возвращалась, потом опять убегала. Так мы и дошли с ней с букетом до нашей корейской школы. Даже татарин-дворник сегодня был нарядный, ибо расшитая его тюбетейка прямо блестела на солнце. А лица учителей светились настоящей учительской радостью, встречая эти роднички безгрешных душ с букетами цветов. Вот только Машеньки, девочки из моего детства, среди них не было.

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
– Послушайте! – Еще меня любите,

За то, что я умру.

Так написала 19-летняя девочка Марина – Машенька.

Я возвращался домой. Было первое осеннее утро, теплое и безветренное, и мне казалось, что нет уже тех стремительных событий, которые должны меня удерживать, и бараки мне уже не казались детской колыбелькой, а представлялись хребтом какого-то Левиафана. Вокруг него своей жизнью жили сортиры и помойки, а внутри – анонимные доносчики и смирившиеся с позором победители, которые брали европейские столицы, а в собственных домах умирали в дерьме, рожали детей, предлагая им такое же будущее.

И тут у калитки я вспомнил, что у меня сегодня последний день отметки своего отпускного удостоверения в местном военкомате. Я вспомнил бдительных патрульных из войск ВВ в аэропорту и женщин из нашей строевой части и понял, что надо облачаться в солдатское и идти. Мне надо попасть в сроки демобилизации по особому приказу, и поэтому у меня все должно быть без замечаний. Я нарубил курочкам свежей травки, попил еще чая, нарядился в сержанта и двинулся по маршруту.

У родника была очередь из четырех человек. Под струйкой стоял здоровый алюминиевый бак. Когда я приблизился, на меня посмотрели с подозрением, но сочувственно. Солдатам всегда сочувствовали, хоть и с подозрением. Колодезная водица лилась, очередники сидели на том самом большом колесе, и им, мне казалось, было комфортно. А за ночь

водица набила себе маленькую, тоненькую канавку в сторону «Нефтянки». «Нефтянка» на жаркую погоду как-то особенно зловонила. В ней было воды совсем мало, возможно, даже меньше, чем отходов. И это все называлось «бережное и рациональное использование подземных ресурсов». На мари было еще совсем лето, резко пахло травой, которая цвела в это время белыми мелкими шапками. За тот резкий запах в детстве звали ее «болиголов». Было так или нет, мы точно не знали, голова у нас в детстве болела редко, больше болели сбитые колени и локти. А высоко свои последние трели изливала птичка лета – жаворонок.

В одноэтажном военкомате входные двери были настежь, за стойкой дежурного сидел прапорщик и отгадывал кроссворд в газете «Красная звезда». Он грыз ручку и голосом, приближающимся к командирскому, бубнил:

– Воевавший со Спартаком военачальник. Пять букв.

Я смотрел на прапорщика, прапорщик смотрел на меня, при этом он еще ковырял в зубах ногтем мизинца. Лицо его выражало страдания от того, что он в школе пропускал уроки по истории. Я по-сержантски ему сказал, что это был Марк Луций Красс, теперь он думал, какое из трех слов подставить в кроссворд, поэтому страдание на его лице не исчезло. Он взял со стойки мой военный билет, отпускное удостоверение и опять тоскливо сказал:

– Ты сказал два слова из пяти букв.

Я ответил, что можно ставить любое, все равно будет

правда. Прапорщик поставил в мою бумажку штампик, что-то накарябал там ручкой и стал пересчитывать буквы участника первого триумvirата в Риме.

Вдруг из глубины коридора послышался очень знакомый женский голос. Он дважды прокричал:

– Васька! Васька!

И прапорщик, бросив газету, убежал. А я припустил что есть духу из этого учреждения.

Дошел до автобусной остановки и решил, что пока нет того самого автобуса, надо позвонить Марии Федоровне. Долго трубку не брали, но она все же ответила. Радостно сообщила, что уже знает, что я приехал, и вроде сегодня уже хотела пригнать посыльного. Но я ответил, что собираюсь сегодня прийти на тренировку. И она после небольшой паузы сказала, что сегодня тренировки не будет, а завтра чтобы в 14 часов я подошел, будет общее мероприятие. Еще добавила без подготовки и шлифовки, что завтра, 2-го сентября, у Николая Максимовича был бы день рождения:

– Мы все собираемся и тебя ждем без опоздания.

Автобус мой уже ушел, и я двинулся все-таки пешком, и на базаре возле хлебного встретил ту самую, свою несостоявшуюся любовь. Она изобразила вселенскую радость, и без особых объяснений потащила меня в барак на Февралитке, благо это было совсем рядом. Я оттуда, под предлогом, что хочу сходить за тортиком и шампанским, позорно сбежал. Она хотела, чтобы я помогал ей воспитывать маленького ре-

бенка, а я хотел ехать и университетиться.

Мне не было обидно, что я не знал, когда у человека, который был мне во всем примером, был день рождения. Он и при жизни о нем ни разу не упоминал, а я и не спрашивал, так сложилось. А вот Мария Федоровна знала, все-таки у них были другие отношения, чем мне казалось. Мне хотелось думать, что он был не совсем так одинок.

Издалека было видно, что у родника никого не было. Когда я подошел поближе, то увидел чудо, которое не каждому дано узреть. Громадные черные махаоны, которых у нас можно было видеть крайне редко, сейчас сидели ввосьмером на влажном от брызг песке и лакомились мелкими капельками воды. Между ними скакали две пичужки, еще меньше самих бабочек в размерах. Я присел на колени, очарованный. Но это очарование быстро было уничтожено шуршанием колес. Все живое разлетелось, и возле меня остановились блестящие синие «Жигули». Из-за руля вылез бодрый мужик годов так эдак 50-ти. Он как-то по-своему прицелился, и задом подъехал чуть ли не на саму трубу. Открыл багажник, где стоял молочный бидон, в который он начал набирать воду, предварительно наполняя здоровенный алюминиевый черпак, какими борщ в армейской кухне разливают. Он предварительно сам из него попил и мне тоже дал хлебнуть, видя, что я без кружки. Так вот, пока он орудовал черпаком, с шумом сливая из него воду в молочный бидон, сразу показался болтливым и хвастливым. И оказавшись бывшим мо-

ряком торгового флота, рассказал, что весь мир исколесил, но такое, как это видел только в одном месте, которое зовется Гонконг.

– Там есть место, которое называется «сладкие источники», так вот они на них молятся и подползают на коленях.

Он лукаво посмотрел на мою солдатскую форму, покосился на звездочку на фуражке и на всякий случай сказал:

– У них, в капиталистическом мире, все стоят на коленях, не то, что у нас! Я вот к такой же воде прямо на машине подъехал.

Уже когда я уходил, он проговорился, что был не совсем моряком, а помполитом (помощник капитана по политической части). Это был морской секретарь, если, конечно, не врал и не рисовался. Но, судя по тому, что имел «Жигули», значит, имел заслуги перед партией. Из штаба ДНД пришла вахтерша с чайником, и он не остался в одиночестве. Я знал ее как большую любительницу разговоров о преимуществе нашего образа жизни перед буржуазным. Она, как и он, всегда была готова дать наш ответ Чемберлену.

Мне снизу было видно, что кто-то ходит по нашему огороду, точнее – лазит в колючем малиннике. Это была девочка Оля, она в большой папин граненый стакан собирала дикую малину. Пока я поднимался, она меня уже ждала, сидя на табуретке, с наполовину наполненным красными ягодами стаканом. А в доме стоял вкусный запах жареного. Мама рассказала, что из командировки вернулся Олин папа и нас

угостил большой свежей рыбиной и баночкой икорки. И они с Олиной мамой решили сделать рыбу в кляре. Соседка обучала мою маму этому кулинарному трюку. Блюдо было вкуснейшее, а малину Оля преподнесла моей маме, опять назвав ее бабушкой. Мама смутилась и сказала:

– Кушай, солнышко, сама.

Тогда Оля без паузы ответила, что тогда она отнесет маме и юркнула за калитку. Я чувствовал, что у моей мамы появились люди, с которыми ей было в радость общаться, и был несказанно рад этому. Оля скоро вернулась и все бегом-бегом сообщила, что сейчас будет делать уроки, а прибежала вернуть стакан бабушке.

Завтра второе сентября, мне надо пойти купить билеты на пятницу. Мой отпуск подходил к концу, вроде и не начинаюсь. В четверг я намеревался сходить к своим на кладбище.

Утро вторника было очень туманным, на оконном стекле туман разбежался мелкими капельками воды. Я отшпилил от стены портрет Лагутина, сложил его аккуратненько в старый почтовый конверт. В старую сумку засунул красные перчатки, сунул туда же конверт с Лагутиным, боксерки с белыми носками, медали, грамоту и вымпел.

Мама меня с утра опять кормила вкусно и все выглядывала за забор, ушла ли Оленька в школу. Мама пошла в огород, насобирала в стаканчик черной смородины, пересыпала сахаром и заставила меня съесть. Я осилил только четверть. Можно было понять, что ее все еще не оставляла тема появ-

ления забора. Представляю, насколько для нее эта тема тогда была болезненна. Я опять так отговорился, чтобы осталась маленькая тайна. А незабудки во дворе все были такие же голубые, как и те, в ушедшем куда-то детстве. Когда я двинулся покупать билеты, туман висел плотно и непробиваемо. У родника кто-то гремел посудой, а над марью пел невидимый жаворонок, но коль он поет, значит – над туманом солнце, и вскоре оно иссушит это белое сотворение.

В билетных кассах меня встретили совершенно равнодушно. Там было все равно – что солдат в гражданском, что гражданский в солдатском. Билет был получен, и я пошел в Дом пионеров. Мне хотелось попасть туда хотя бы за час до назначенного времени. Я был уверен, что Мария Федоровна уже наверняка там.

Вдоль дороги двигалась бортовая машина, и двое рабочих вешали на электрических столбах красные флаги. Город готовился к празднику города, который должен был традиционно пройти пятого числа, как раз в день моего отъезда.

Мария Федоровна уже была на месте, эта удивительная женщина в синем халате уборщицы была статной и красивой. Я ничего о ней не знал, но мне кажется, что тот мой сон в госпитале соответствовал своему смыслу. Она не скрывала радости, обняла меня и поцеловала. Подошел кот Дружок и тоже с добрым чувством потерся о штанину. Оказывается, у них тут произошли события, которые они мне и презентовали как сюрприз. И, конечно, это того стоило. Все рассказала

Мария Федоровна.

В конце июня в Дом пионеров пришла делегация из четырех человек, что страшно напугало директора. Делегация была из Магадана. Они первой навигационной баржей прибыли с Колымы и привезли там изготовленный памятник Николаю Максимовичу. Мария Федоровна рассказывала все это с волнением:

– Так вот, они показывали фото с тобой, и говорили, что ты и продемонстрировал настоящий колымский бокс. Там у них по вопросам памятника Николаю Максимовичу в городе было принято целое постановление. А с нашими местными это все по почте было давно согласовано.

Ребята были замечательные, последовательные, и остановить их от задуманного было невозможно. С собой они привезли какие-то супер-бумаги, которыми пугали местных феодалов. С кладбищенской помойки выкопали гроб. Ошибиться было невозможно, на крышке был действительно выжжен крест. А на кладбище год назад, под общий шум и духовой оркестр, у нас захоронили останки двух американских летчиков. Все это было, конечно, приурочено к известному политическому событию. Поставили им железную пирамиду, покрасив черной краской, и приварили погнутый винт от самолета. Это и был памятный мемориал солдатам войны. После мероприятия о них успешно забыли. Но под это дело у входа на кладбище вырыли и отсыпали большую площадку. Вот там ребята и хотели упокоить прах Николая Максимо-

вича, но местные секретари встали на дыбы. Вот тогда они и организовали какой-то звонок из Москвы, и все недовольные стали яростно помогать. Все «нашенские» даже принимали участие по мере возможности.

– Сегодня поедешь и сам все увидишь. Магаданские лично с меня взяли страшную клятву, что я им пришлю твою фотографию рядом с памятником, как ученика Колиного.

Она, видимо, не заметив, назвала его Колей и была в этот момент лицом очень трогательная. Потом показала мне наш зал, он был красив и опрятен, с новым рингом, мешками и грушами, с длинным рядом перчаток на гвоздиках. Дело моего тренера и наставника оставалось жить, и это было нашим главным и общим достижением. Остальная часть его природы – наверное, главная – жила во мне, и я надеялся, что тоже никогда не умрет.

Настало время рассказывать мне; я был честен, сказав, что больше в боксе себя не вижу, поступил учиться и теперь уеду, наверное, очень надолго. Я отдал ей сумку со всем содержимым и попросил пристроить где-нибудь. Пусть тоже вроде начинается какой-то музей. А первой единицей хранения пусть будет красивая фотография Николая Максимовича. Она жестом аристократки погладила меня по голове и, не скрывая слез, сказала:

– Ведь ты не можешь этого знать, но Коленька мечтал, что, если у него будет сын, чтобы похожим был на тебя.

И добавила:

– Храни тебя Господь! – и перекрестила.

Потом пришел Стас со своей молодой женой, пришли «келосинщики», они как-то неожиданно выросли и стали совсем другими. Пришли еще ребята, и еще, а на улице нас ждал настоящий автобус «ПАЗик», его официально заказал Дом пионеров, видимо, не без активного участия Марии Федоровны. Я попросил сначала заехать на рынок, там вчерашние непроданные цветы, я сегодня видел, торчали из картонных ящиков. Ведра-то пожалели, унесли, а цветы оставили вянуть здесь. И теперь их продавали наши местные страдальцы, и я всю охапку забрал по цене бутылки. До кладбища ехали, разговаривая вполголоса.

Действительно, на входе на кладбище отсыпали и заровняли площадку. На ней стояла железная тумба, покрашенная шаровой краской с кривым самолетным винтом. А слева стоял колымский базальтовый камень, на котором была вырезана Маска Скорби, явно исполненная с эскиза, так как сам монумент появится в Магадане на сопке Крутой только через 20 лет. А эти 20 лет автор и скульптор был изгнан из своей страны. Описать то, что на ней было исполнено, было невозможно, как и заглянуть в душу художнику, который на фронте только в одном рукопашном бою убил 18 человек. И придет время, когда этот чудо-памятник осквернят, написав на нем красным «Сталин жив!». Под крестом была фамилия Николая Максимовича, дата рождения, дата смерти и два больших слова: «Профессионалу и борцу». Осуществи-

лось то, о чем мне было сказано в Сезонке. Мы возложили цветы, скорбно постояли. Я собрал оставшиеся цветы и, попросив меня не ждать, двинулся к своим, что вообще планировал сделать в четверг.

Пройдя по пыльной дороге вдоль кладбища, я нырнул между оградками. Мне удалось визуально четко определить, где мои могилки. Узкие щели между оградками за лето заросли настолько, что в этих кладбищенских потемках не хватало солнечного света. Свет закрывали высокие осины, стланник и кусты ольховника. Кругом росла бузина, застоявшаяся сырость вместе с сорняком пахнули горечью. Ржавые погребальные пирамиды, которые не вросли криво, еще держались, но большинство из них лежало на боку, выставив четыре тонкие ноги, и проржавевшие, когда-то красные, звезды. А на деревянных тумбочках, тоже со звездами, висели лохмы некогда красной материи, которыми раньше были обтянуты. Тряпки почему-то не гнили до конца и сейчас шевелили этими лохмотьями. От провалившихся могил веяло какой-то онкологической жутью обреченности. Все вокруг было затянато фосфоресцирующей паутиной, которая изгибалась, встречая меня, и хлестала по рукам и лицу. Где-то рядом каркали и хрипели стервятники. Все тысячи, лежавшие здесь, были объединены тем, что у каждого из них в паспорте стояла отметка З/П, которая придавала среде обитания особый режимный статус. И упокоившиеся оставили этот статус своим детям и внукам. Я не хотел такой статус

ни себе, ни своим возможным детям. Немного поплутав, вышел к могилам папы и дедушки. Оградки были покрашены, на обеих могилках лежали по две красных гвоздички. Мама приходила сюда, когда сходил снег, а он сходил поздно, и на кладбище у нас бывали на Троицу. Я положил цветы, как-то без мыслей постоял, молитв я не знал и просто что-то бубнил себе под нос. Могилу бабушки тоже нашел быстро. Она на хорошо сохранившейся фотографии была узнаваемой, доброй и страдающей. Я положил оставшиеся цветы и, поклонившись, напрямик двинулся назад к дороге и, конечно, заблудился. Собрал на себя всех пауков и репейник, но все же вышел к дороге, направление к ней определив по звуку проезжающей машины, которая звонко прыгала на кочках. Автобус так никуда и не уехал, меня ждали.

Обратно ехали, уже оживленно болтая. Меня все расспрашивали о службе в армии. Никто так и не понял, в какой армии я служу. Всем мальчишкам еще предстояло встретиться со своими отцами-командирами. У пацанов была картинка, что я приду после армии с ними тренироваться, и будет у них команда. Одна Мария Федоровна знала о моих планах и, по моей просьбе, потом для всех их озвучит. А я чувствовал себя каким-то разряженным после кладбища.

Старший «керосинщик» вдруг начал рассказывать про жадного труповозчика, который не знал, как к ним подкрасться, чтобы вымочь денег, когда перезахоранивали Николая Максимовича. По красочному описанию рассказчика

получился точный портрет моего бывшего одноклассника, который умел правильно жить. Почему-то мне вдруг вспомнился его набриолиненный образ итальянского мафиози и красивая девочка рядом с ним, которая от внимания к ней такой личности аж пританцовывала. Вот так каждый и занимал отведенное для него место. Как-то все вдруг решили, что меня надо довести первым, а потом уже в Сезонку и дальше. Когда меня высаживали, я как-то лицемерно сказал всем «До свидания» и только Марии Федоровне тихо сказал «Прощайте».

Дома меня ждала наша удивительная местная газета. Она всегда удивляла свежестью своих публикаций. В этот раз в самых свежих новостях была заметка под названием «Родная земля», и в ней рассказывалось, что у штаба городского ДНД, что находится по адресу Дворца спорта, вдруг из-под земли забил родник. Это явно благодарная земля сделала подарок горожанам ко Дню города. В редакцию поступило много предложений, как назвать родник, но с многократным отрывом выиграло название «Комсомольский». С первого сентября родник обрел название и статус бесплатного. Следить за соблюдением на его территории надлежащего порядка назначен актив штаба ДНД, он берет над ним шефство, чтобы пресечь возможные злоупотребления, ведь чистая вода – это стратегический резерв нашей страны и его народа – строителя коммунизма. А коли человек на 70% состоит из воды, то при потере ее в организме хотя бы на 20% у че-

ловека нарушается комфорт проживания, поэтому употреблять ее есть насущная необходимость каждого индивидуума. Меня сразил этот эпистолярный шедевр. В нашей стране по закону все, что содержится в недрах, является государственной собственностью, а родник Комсомольский теперь признан общественным, и эта общественность будет использовать ценный ресурс на свое усмотрение. А претензии на его использование в своих производственных планах уже предъявили такие предприятия, как аккумуляторный цех автобазы, пищекомбинат и две аптеки. Но все свои претензии на использование воды должны будут согласовывать со штабом ДНД города. В статье было еще много всего, эта газетенка была читаема, а потому к вечеру надо было ожидать наплыв страждущих напиться.

Я пошел за дом, открыл крышку родника, чтобы проверить его производительность. На дне песчаного ложа булькали пузыри. Они, горемыки, даже не подозревали, что называются комсомольскими, и что помогают в строительстве коммунизма, и что у них теперь охрана из крепких и убежденных «нашенских». Я набрал кружку и здесь же пытался выпить, но не сумел, горло придавило ледяной хваткой. Она через секунду прошла, и я опять стал пить. Мне кажется, реакция уже была помягче. Вечером внизу, вероятно, будет гремящая ведрами очередь.

К вечеру внизу начался спектакль. К роднику подъезжали машины с крутыми номерами, но, конечно, без самих но-

менклатурных шахов, были только шоферы, но шоферня была еще важнее своих шахов. Но их отвергла очередь, и тогда появились «нашенские». Они пинками разогнали протестующих и стали наливать банки для важных персон. Потом были какие-то с удостоверениями, потом масса чьих-то родственников, а потом под горячую руку попался мужик, который пытался разбавить спирт родниковой водичкой. «Нашенские» его били и одновременно читали антиалкогольную лекцию, отобрав спирт. А он орал, что совсем никакой не алкоголик, и за эти крики «нашенские» еще ему поддавали, ведь они-то в людях разбирались. Все это было больше комедийным, но, к сожалению, не смешным.

У меня образовалось время, и я решил пойти в свою старенькую баню, только никак не мог вспомнить, чей сегодня день – мужской или женский. Баня по половой принадлежности, похоже, была удачным изобретением нашего городка. Я пошел наобум и не просчитался. Баня была почти пуста, я самостоятельно дважды попарился и помылся из большой цинковой шайки. Зато в комнате парикмахера меня ждал сюрприз: та же самая женщина до сих пор цирюльничала. И самое удивительное, что меня узнала, как только я уселся в кресло. Я понял это потому, что когда она провела ладошкой по моему подбородку, сказала:

– Ну, теперь, мужчина, вам придется бриться по тарифу.

Я не возражал бриться по-настоящему. Она принялась за дело, предварительно нажав кнопку магнитофона. «Апачей»

там уже не было, там были «Самоцветы» со своим хитом «Вся жизнь впереди». Из этого кресла я встал постриженным, побритым и, освеженный легендой нашего взрослого населения – «Шипром», спустился к дороге.

У пивбара на ящике сидел мужик, он был серый и какой-то неприметный, и явно пыльный, и, конечно, страдающий. Рядом с ним стояло ведро с грибами, и я был явно его последней надеждой. Вот так я за рубль купил грибы вместе с ведром. Я с детства знал, как правильно распорядиться этими дарами. Бабушка меня хорошо тому обучила. Уже у бараконя меня догнал мотоцикл. У участкового в люльке сидела его очень полная сожительница, которая была совершенно пьяная и орала всякие непотребности. У барака он ее начал выгружать, но у него это плохо получалось. Она явно не понимала, что от нее хотят. Поднимала каждый раз зад и роняла его обратно в люльку, от чего мотоцикл пытался завалиться на бок. Я не стал дожидаться, чем это все кончится, и пошел до своей калитки. Сегодня я задумал сам приготовить наше любимое кушанье позднего лета и ранней осени. Грибы чистились плохо, были уже чуть подсохшие, и отходов набежало половину, но нам с мамой очень даже хватит. Очистки отнес курочкам, из щели на меня смотрел мордастый Секретарь, и я ему кинул кусок сыроежки. И он вместе с ним исчез в своих тайных лабиринтах. Но куры были страшно довольны, это было видно по тому, как они важничали и скребли когтями пол. Грибы в кастрюльке немного поки-

пели, я их откинул через дуршлаг и промыл. Пошел на улицу, в огороде накопал картошки, помыв ее красные клубни, поставил вариться на плиту. Потом в нашу чугунную сковородку налил маслице, вывалил грибов и стал жарить вместе с луком и морковочкой с нашего огорода. Я подумал, что уеду и оставлю все это, то, что меня радует, и то, что я люблю. Но дело, мне предназначенное, стоило того. Я готовил и готовкой наслаждался не меньше, чем когда сел кушать. А по телевизору показывали панорамные снимки, которые сделала «Венера-9» на другой планете.

Утром я вкусно покормил маму и сам чуть подъел, и оставшийся день пребывания я провел только с ней. Она получила награду за переработку – день отгула по причине, что сын пришел на побывку. Вот и образовался совместный день.

Но пятница пришла, и мы утром с ней попрощались у калитки. Она опять плакала, а я пошел собираться в дальнюю дорогу. Час еще я протолкался дома, а потом в форме и с бравым видом выдвинулся в утренний туман, который был практически такой, что надо было двигаться на ощупь. Я шел в этой белой пелене, и мне все время мерещилось, что впереди меня семенит фигурка в черном. Она все время уплывала от меня, вроде как вела куда-то, а может даже и звала.

Автобус приполз вовремя, он был влажный от тумана и ехал с зажженными фарами, народу было всего лишь пять человек. В такой сезон улетали мало, много прилетали к пер-

вому сентябрю. Вообще-то сегодня день города, самый трудный день в году у «нашенских». Весь порядок и вся людская нравственность будут на их ответственности.

Сколько нас приехало, столько и зарегистрировались на рейс. Ждать было больше некого, и самолет нацелили на ранний вылет. Пилоты бы в такую погоду вообще не полетели, но тут пилотов не было. Наш «слоник» вели летчики, а им любые трудности были не помехой. Самолет затоптался по бетонке и взлетел в полной пелене, которая с подъемом стала еще и темнеть, а я думал о той маленькой фигурке, я ведь ее видел, но никак не мог вспомнить лица, оно как-то не всплывало в памяти, растворяясь в ней, как в тумане.

Пройдут годы, я буду сидеть в библиотеке и готовиться к семинару по медиевистике – разделу исторической науки, изучающей европейское Средневековье. Так вот, у французского историка Жака Ле Гоффа при описании утра 15 июля 1099 года, когда под пение священных псалмов тысячи крестоносцев устремились к стенам Иерусалима, было написано, что какая-то маленькая женщина в черной одежде бежала впереди воинства. Когда я это прочитал, вдруг понял, что я знаю эту женщину и даже говорил с ней. Пройдет еще очень много лет, и наступит новое тысячелетие. В день, когда я буду спускаться по лестнице из самого твердого на земле камня – гранита, который здесь был истерт до бугров и ям локтями и коленями ищущих утешения людей, меня у плиты Миропомазания встретит эта вечная женщина и, взяв за

руку, поведет к месту воскрешения Иисуса Христа – нашего
лекаря и целителя.